

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт русского языка

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ПРАСЛАВЯНСКИЙ
ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

Выпуск

1

(А — *besědyivъ)

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
О. П. ТРУБАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1974

Первый выпуск словаря содержит предисловие, в котором изложены принципы реконструкции праславянской лексики; список литературы; собственно словарь.

Словарь подготовлен в Секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР. Составители: *О. Н. Трубачев*, руководитель (отбор праславянской лексики белорусского, польского, кашубско-словинского, верхнелужицкого, нижнелужицкого, полабского языков), *В. А. Меркулова* (праславянская лексика русского и украинского языков), *Ж. Ж. Варбот* (праславянская лексика чешского и словацкого языков), *Л. А. Гиндин* (праславянская лексика старославянского, болгарского и македонского языков), *Л. В. Куркина* (праславянская лексика словенского языка), *И. П. Петлева* (праславянская лексика сербохорватского языка). Над пополнением этимологической картотеки работала также *Т. В. Горячева*. Значительные материалы по сербохорватской диалектной лексике собрал для Словаря югославский славист *В. Михайлович*. Авторскую работу над текстом Словаря вел *О. Н. Трубачев*.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый читателю словарь построен на принципах, уже изложенных ранее в печати¹, поэтому здесь нет необходимости говорить о них вновь с прежней подробностью. Уместным кажется здесь лишь подтверждение того, что принципы построения этимологического словаря славянских языков, выдвинутые в самом начале работы, не подверглись существенным изменениям и могут считаться в целом проверенными на большом материале. Не входя в излишние детали, напомним, что в основе настоящего словаря лежит идея древней диалектной сложности славянства в области лексики и словообразования, идея автономности праславянского состояния словарных составов отдельных славянских языков и диалектов. На базе этой концепции с характерной для нее фиксацией как широких, так и узкорегиональных явлений сложилась (насколько известно, впервые в практике работы над славянскими этимологическими словарями) соблюдавшаяся нами совершенно неукоснительно методика отбора и реконструкции праславянских словников, или индексов для каждого исторически известного славянского языка.

Установка на праславянскую реконструкцию представляется закономерным итогом, как и отказ от включения в **э т и м о л о г и ч е с к и й** словарь славянских языков многочисленных поздних заимствований, произведенных отдельными славянскими языками у неславянских языков или друг у друга. Соответствующие включения в «Славянском этимологическом словаре» Бернекера² не могут не считаться чужеродным элементом, как это сделалось очевидным уже давно. Их настоящее место — в этимологическом словаре отдельного славянского языка. Таким образом, если Бернекер провел праславянскую реконструкцию лишь в формально-фонетическом плане (применительно к старой лексике), то мы стремимся провести последовательно — насколько это в наших силах — также праславянскую реконструкцию состава самой лексики. Отбор, как он ни затруднителен, все же здесь возможен. Западногерманские слависты Садник и Айцегмюллер, поставившие перед собой задачу широкого и, можно сказать, неограниченного сравнения словообразователь-

¹ «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи». М., 1963; *О. Н. Трубачев*. Работа над Этимологическим словарем славянских языков. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 34 и след.

² *E. Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.

ной активности славянских языков по всем известным материалам, весьма точно назвали свой труд «С р а в н и т е л ь н ы м словарем славянских языков»³. Если не упускать из виду эту установку и нашу установку на создание этимологического словаря-реконструкции, то различия задач станут очевидными. Обе задачи имеют фундаментальное значение для сравнительного славянского языкознания, однако совместить в одном труде сравнительный словарь, построенный по принципу этимологических гнезд и не преследующий цели праславянской лексической реконструкции, и этимологический словарь реконструированного праславянского лексического фонда — вещь невозможная. Наверное, это было бы так же неправильно, как и объединение латинского этимологического словаря типа Вальде с романским этимологическим словарем типа Майер-Любке. Наш словарь в этом смысле ближе к словарю Вальде. Казалось бы, логичным в таком случае назвать наш словарь этимологическим словарем праславянского языка, но в этом названии заключалась бы чуждая нам презумпция непосредственного наблюдения праславянской лексики как лексики, скажем, любого живого или исторически зафиксированного языка, что не отвечает действительному положению в науке и может породить ложные иллюзии. Гипотетический по необходимости характер нашего праславянского словника, или индекса реконструированных заглавных слов словаря ставит наш словарь в особое положение среди большинства других этимологических словарей, у которых гипотетическое начинается только в этимологической части словарных статей. Сказанное делает понятной сложность стоявших перед нами задач реконструкции и этимологизации древнего пласта словарного состава славянских языков. Мы не считаем, что все трудности и спорные моменты реконструкции преодолены в нашем словаре, напротив, — спорность некоторых случаев возросла; кроме того, как и всякое систематическое обследование, наша работа выявила целый ряд новых спорных случаев, которые мы выносим на суд читателей. Эти новые спорные реконструкции, кстати сказать, мы считаем тоже полезными результатами своей работы, как и те словарные позиции, для которых мы берем на себя смелость считать свою реконструкцию и этимологизацию достоверной. Задача состояла в том, чтобы с помощью доступных научных средств продвинуться дальше в изучении древнего (праславянского) лексического фонда славянских языков. Настоящий Этимологический словарь славянских языков должен дать ответ на вопрос, как упомянутый праславянский фонд объединяет, а также — как он р а з о б щ а е т славянские языки с их историческим членением на три группы. Здесь нет возможности говорить подробно о других лингвистических аспектах проблемы создания Этимологического словаря славянских языков, которые придадут данной про-

³ *L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 1—6. Wiesbaden, 1963—1973.*

блеме особую актуальность в плане задач сравнительного славянского языкознания в области исследования славянской лексики, славянского словообразования, древней славянской лингвистической географии. Не лишне также упомянуть о внелингвистическом значении работы над этим словарем, в ходе которой отбирается, оценивается в отношении своей древности и этимологизируется большое число лексики, тесно связанной с народной материальной культурой и вообще — с культурой славянства в различных ее аспектах. Этим материалом питается в немалой степени и неизменно актуальная проблематика славянской прародины, древнего расселения славянства.

Такова — в выборочном и кратком изложении — концепция настоящего Этимологического словаря славянских языков, которая, как мы хотели бы надеяться, может претендовать на новизну и жизнеспособность, даже при условии, что речь идет не о первой реализации сходного замысла в истории мировой славистики. Первый научный труд под названием «Этимологический словарь славянских языков» издал в конце прошлого века Миклошич⁴. Через двадцать с лишним лет после этого начал выходить уже называвшийся выше словарь Бернекера, опубликованный только до слова *morъ*. Качества обоих этих словарей, а также их роль в истории славянской этимологии достаточно известны. Особое место занимает уже охарактеризованный нами словарь Садник — Айцетмюллера, выходящий с 1963 г. в Западной Германии, публикация которого, судя по масштабам и темпам (за десять лет изданы статьи на буквы А и В), должна продлиться еще немалое время. О родственных, но весьма варьирующих по своим принципам и задачам научных предприятиях в Чехословакии и Польше говорить пока, видимо, преждевременно, поскольку там выпущены только проекты (пробные выпуски)⁵. Отнюдь не изолируя нужд и потребностей отечественного славяноведения от дезидерат мировой славистики, мы тем не менее не можем не отметить тот факт, что Этимологический словарь славянских языков выходит в нашей стране впервые. Начало его публикации — определенный итог развития славянской этимологии. Однако успех практический каждого словаря измеряется степенью солидности его материальной базы. Издание нового этимологического словаря славянских языков приобретает особый смысл и реальность теперь еще и потому, что усилиями многих лексикографов и диалектологов славянских стран собраны, обработаны и опубликованы огромные лексические материалы. Завершены или близятся к своему завершению большие национальные словари ряда славянских языков, неизменно пополняется коллекция собраний лексики народных ди-

⁴ F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

⁵ Отметим в самое последнее время выход словаря: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Sest. F. Kopečný. Red. B. Havránek. Praha, 1973.

алектов, создаются целые монументальные своды вроде «Словаря русских народных говоров», подвигается вперед, хотя и с несколько большим трудом, публикация исторических словарей славянских языков; в целом наши знания славянской лексики, ее распространения и истории, хотя и остаются далекими от идеальной полноты, все-таки сейчас гораздо полнее и систематичнее того, чем располагал, например, Бернекер, не говоря уже о Миклошиче. Составители настоящего словаря с благодарностью использовали все доступные им новые и старые лексикографические издания по славянским языкам и диалектам, стремясь по возможности дополнить эти сведения также более уникальными материалами, извлеченными из рукописных архивов и картотек различных славистических научных центров (Москва, Ленинград, Киев, Львов, Ужгород, Прага, Брно, София, Белград, Загреб, Любляна). Сказанное, естественно, не должно означать, что предлагаемый словарь свободен от лагун в том, что касается полноты сведений о словах и их ареалах. Мы допускаем возможность дополнений и поправок такого рода и вовсе не склонны относить их за счет недостаточности удовлетворительного состояния науки. Конкретные критические замечания по материалу будут встречены с большим вниманием составителями словаря и могут быть в случае необходимости учтены в дальнейшем в виде дополнений в следующих выпусках словаря.

Первый выпуск Этимологического словаря славянских языков содержит лишь малую часть всей лексики, которая составит наш словарь, — букву А целиком и начало буквы В, поэтому рано думать об обобщениях. Тем не менее, мы хотели бы сделать отдельные наблюдения, по крайней мере по тем вопросам, по которым в данном выпуске представлено уже достаточно материала. Прежде всего стоит отметить, что лексика I выпуска весьма однородна по своему происхождению. Можно указать только два-три старых заимствования: *avorъ I, название дерева, *ban'a и, возможно, *bagъrъ I, название цвета и краски. Об остальных словах мы можем утверждать, что они исконны. Конечно, абсолютные констатации возможны только применительно к законченным разделам словаря, например, в нашем случае — к букве А, которая здесь представлена полностью. Так, интересно провести, например, полную инвентаризацию старых сложений с именной приставкой *a-*, причем могут быть названы также образования, ранее не известные науке. Приведем полный список сложений с *a-*, включая новые идентификации и проблематичные случаи: *abolъ II (> русск. диал., арх. *ябулонь* 'болонь в дереве'), *abrědja, *abrědъ, *abrědъ, *abrědъje, *abrědъ, *abrědъka, *abrědъkъ, *abrědъ, *abrědъje, *adera? (> русск. диал. *ядера* 'сварливый, неуживчивый человек'), *aduxa, *adušivъjъ, *adušъ, *agolvo? (русск. диал. *яголово*, *яглово* 'скотина, убитая хищным зверем'), *aradъ, *aręb- (и гнездо), *askędъ, *ašutъ (и производные), *avida?, *avidъ?, *avodъ?, *avorъ II (> др.-русск. *яворъ* 'кладь сена?', единичный пример начала XVI в.). К известным особенностям префиксального *a-*

следует отнести то, что оно образует с именными и глагольными основами исключительно именные сложения, а также то, что продуктивность утрачена этой моделью еще в отдаленном прошлом (последнее обстоятельство используется как один из критериев праславянской реконструкции, причем также в тех случаях, когда мы имеем дело с лексикой узкого распространения, а таких примеров, как можно было заметить даже из беглого перечня выше, не так уж мало). Архаическая праславянская приставка *a-* восходит к индоевропейской древности, и это тоже хорошо известно, однако до сих пор отсутствовали в распоряжении исследователей полные индоевропейские соответствия славянским сложным словам на *a-*. В настоящем выпуске словаря предпринимается попытка установить такие соответствия и причем — для слов, которые ранее вообще не были предметом этимологического исследования, ср. **avorъ* II и его греческую параллель и некоторые другие случаи. Сугубо реликтовая по своему употреблению приставка *a-* трудно определима семантически, поэтому, как нам кажется, не может не представлять интереса выявляемая в ряде статей настоящего выпуска парность употребления славянской приставки *a-* и такой живой и продуктивной приставки славянских языков, как *za-*, ср. **abolъ* II—**zabolъ*, **aduxa*—**zaduxa*, **apadъ*—**zapadъ*, **avorъ* II—**zavorъ*.

Довольно отлична картина у сложений с другой редкой приставкой — **ba-*, которая фигурирует у нас в нескольких, почти исключительно глагольных образованиях (исключение представляет существительное **bakošъ*? > чеш. диал. *bakoš* ‘большая корзина, куда складывают яйца, подаренные на рождество’): **badoriti*?/**baduriti*? > чеш. *baduriti* ‘обманывать’, словц. *badúriti* ‘подталкивать, подзадоривать, подначивать’, н.-луж. *badoriš* ‘болтать’, польск. *badurzyć* ‘болтать небылицы’; *baruxati*? > чеш. диал. *barouchat* ‘мять, комкать’; **batoriti* > словц. диал. *bátoriti* ‘шуршать, шуметь’, польск. диал. *botorzyć* ‘лепетать (о ребенке, начинающем говорить)’, русск. диал. *батбрить* ‘разговаривать, беседовать’. Как видно, *ba-* выступает здесь главным образом как глагольная приставка, преверб, усиливающий значение глагольной основы, которая вычленяется в каждом примере довольно легко (между прочим, и здесь речь идет о случаях, как правило игнорировавшихся ранее этимологическим исследованием). Стоит подумать об этимологическом родстве этого славянского *ba-* и литовского дуративного преверба *be-* (см. по этому поводу специально статью **batoriti*).

Поскольку мы заговорили о словах, лежавших прежде вне поля зрения славянской этимологии и сравнительной грамматики, уместно сказать, что уже в данном небольшом по объему первом выпуске нашего словаря насыщается ряд примеров, ранее не рассматривавшихся в славянских этимологических словарях. Таковы **agnidlo*?, **aščelъ*?, **avida*?, **avidъ*?, **avorъ* II, **bakošъ*?, **bakul’a*/**bakъl’a*, **batoriti*, **bazъ*, **berika*/**berъka*. Они отсутствуют не только у Миклошича и Бернекера, которые, сравнительно с нашим слова-

рем, дают меньше славянских слов, но и у Садник — Айцетмюллера, собравших словарный материал славянских языков в избыточном количестве. Ряд традиционных толкований подвергнут нами ревизии, и взамен выдвинуты новые этимологии, ср., например, статьи **a če*, **a si*, **atje*, **avida?*, **avidь?*, **avorь* II, **azь*, **bačegъ?*, **bag<ъ>rь* II, **bakul'a*/**bakъl'a*, **balagovati*, **balamъць*, **batoriti*, **bedrenьсь*/**bedrньсь*, **bedro*, **bedrunъka*/**bedrunica*/**bedrenъka*, **berka*. Кроме того, уделяется постоянное внимание и тому, что мы называем цельнолексемными параллелями или соответствиями славянских и других индоевропейских образований. Примеры здесь могли бы оказаться весьма многочисленными и причем как в случаях новой этимологизации, так и в статьях, в которых нами разделяется уже известная в литературе точка зрения, но дополнительно к ней называется новая аргументация именно в виде параллелей упомянутого рода. При этом — что тоже целесообразно отметить — такие этимологические по своему характеру цельнолексемные параллели приводятся очень часто не в основных этимологических статьях, а как раз в статьях словообразовательного содержания и, так сказать, отсылочного характера. Так, латинское *orneus*, близкая словообразовательно-этимологическая параллель славянскому прилагательному **asenevъ*, рассматривается нами именно под этой производной формой, а не под непроизводной формой **asenvъ*, где сосредоточена вся общая этимологическая информация. Это придает больший вес словообразовательным статьям, которые в нашем словаре вообще сознательно никакой резкой гранью от преимущественно этимологических статей не отделяются. Мы продолжаем придавать серьезное значение цельнолексемным словообразовательно-этимологическим параллелям, особенно еще не выявленным, полагая, что они позволят в отдельных случаях удревнить хронологию славянских производных. Кажется, что в этом смысле наш словарь дает некоторый материал для пересмотра отдельных укоренившихся взглядов. Возьмем, например, такой разряд производных славянских форм как прилагательные на *-ov-*. Из их числа принято выделять производные от немногих субстантивных основ на *-u-*, считая только эти прилагательные с суффиксом *-ov-* древними, в то время как значительная группа прочих прилагательных с тем же суффиксом, не соотносительных с именами на *-u-*, характеризуется как типично славянские словообразовательные инновации⁶, в том числе — поздние. Между тем славянско-индоевропейские отношения в этом вопросе совершенно недвусмысленно указывают путь к правильному решению проблемы, зашедшей к настоящему времени в тупик по причине узкославистического подхода к материалу. Дело в том, что наряду с действительными случаями, когда «суффиксальное» *-ov-* представляет собой по сути

⁶ F. Stawski. Z zagadnień rekonstrukcji słowotwórstwa prasłowiańskiego. «Z polskich studiów slawistycznych». Ser. 3. Językoznawstwo». Warszawa, 1968, 40.

дела гетеросиллабический вариант соответствующего гласного исхода основы, например **domovъ* 'домовой': **domъ*/**domu* 'дом' и т. п., следует считаться с древним наличием и широким функционированием совершенно особого и в подлинном смысле суффиксального форманта прилагательных *-ov-*, который был построен как расширенный элементом *-u-* гласный *-e/o-* конца субстантивной основы. Последнее обстоятельство указывает на непосредственную и древнюю (индоевропейскую) связь прямой деривации прилагательных на *-ov-* и существительных с основой на *-o-*. Ср. наши словарные статьи **asenevъ*, особенно — **berzovъ*, где говорится о прилагательных на *-ov-* не от основ на *-u-*.

Говоря о прилагательных от основы **berz-*, нельзя здесь не упомянуть также о производном с суффиксом *-ъn-*, которое дошло до нас только в составе ономастики (см. специально статью **berzъno*), тогда как, например, в балтийском мы имеем широкое распространение именно адъективной модели **beržin-* 'березовый'. Перед нами также и в этом случае факт, слабо изученный славянским сравнительным языкознанием (трудно, в частности, безоговорочно принять мнение некоторых авторов-ономастов, согласно которому слав. **berzъnъ* — абсолютно более древняя формация, предшествующая более позднему **berzovъ*, так как последнее, как мы можем видеть из материалов соответствующей статьи нашего словаря, пожалуй, в меньшей степени претендует на архаичность; что же касается славянской адъективной формы **berzъnъ*, ее характеризует определенная ареальная ограниченность, а это может быть связано и с ее генезисом).

Вот лишь немногие выделенные для иллюстрации примеры из предлагаемого первого выпуска Этимологического словаря славянских языков, которые показывают возможность использования данного словаря в дальнейших исследованиях по славянской этимологии и словообразованию и шире — по славянскому сравнительно-историческому языкознанию. Спорные в формальном отношении реконструкции или такие, древность которых проблематична, выделены у нас знаком вопроса (**aru?*, **babrovъjъ?*, **beka?*), точно так же всегда специально оговорена возможность двоякой или тройкой формальной реконструкции, ср. дублиеты вроде **alovъjъ*/**jalovъjъ*. Остальная символика (не говоря о системе сокращений, раскрываемых в нижеследующих списках) вполне традиционна, общепринята в научной литературе и не требует никаких пояснений.

Всем участвовавшим в обсуждении рукописей, особенно рецензентам А. С. Мельничуку, О. Б. Ткаченко и В. Н. Топорову коллектив составителей Словаря приносит глубокую благодарность.

ИСТОЧНИКИ

Старославянский язык

- Микл. — *Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.*
- Мирчев—Кодов Е. А. — *К. Мирчев, Хр. Кодов. Енински апостол. София, 1965. Sad. — L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.*
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského, I — Československá akademie věd. Praha, 1959.*
- Вост. — *А. Х. Востоков. Словарь церковно-славянского языка, I—II. СПб., 1858, 1861.*
- Вук. ев. — *Ј. Врана. Вуканово еванђеље. Београд, 1967.*

Болгарский язык

- Архив Болгарского возрождения. София.
- Архив Болгарского диалектного словаря. София.
- Архив Софийского университета (дипломные работы по диалектологии).
- БД — *Българска диалектология, I—III. БАН. София, 1962, 1965, 1967.*
- Бернштейн — *С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953; М., 1966.*
- Божкова БД I — *З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. — БД I.*
- БТР — *Л. Андрейчин и др. Български тълковен речник. София, 1955.*
- Георгиев — *Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник. София, 1962—.*
- Герв — *Н. Гервъ. Рѣчникъ на бльгарский языкъ, I—V. Пловдив, 1895—1904.*
- Герв—Панчев — *Т. Панчев. Дополнение на българския рѣчникъ отъ Н. Гервъ. Пловдив, 1908.*
- Горов. Страндж. БД I — *Г. Горов. Странджанският говор. — БД I.*
- Гълъбов БД II — *Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II.*
- Илчев БД I — *С. Илчев. Към ботевградската лексика. — БД I.*
- Качановский. Сборник западноболгарских песен. — *В. Качановский. Сборник западноболгарских песен со словарем. — Сб. ОРЯС XXX. СПб., 1882.*
- Клепикова. Материалы — *Г. П. Клепикова. Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров. «Славянская лексикология и лексикография». М., 1966.*
- Колев БД III. — *Ник. Ив. Колев. По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III.*
- Мечев БД II — *Конст. Мечев. Особени думи и изрази в еленския говор. — БД II.*
- Младенов БТР — *Ст. Младенов. Български тълковен речник, 1. София, 1951.*
- М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско. — *М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско. Принос към проблема за смесените говори. София, 1969.*
- М. Младенов БД III — *М. Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III.*

- Попгеоргиев БД I — *С. Попгеоргиев*. Из лексиката на с. Чешнегирово, Пловдивско. — БД I.
- Попиванов БД I — *Г. Попиванов*. Бележки за говорите в Севлиево, Троянско и Тетевенско. — БД I.
- РБЕ — Речник на съвременния български книжовен език, т. 1—3. София, 1954—1959.
- Сакъов БД III — *Д. Н. Сакъов*. Принос към речника на кукушкия говор. — БД III.
- Стойчев БД II — *Т. Стойчев*. Родопски речник. — БД II.
- Шапкарев—Близнев БД III — *И. К. Шапкарев* и *Л. Близнев*. Речник на самоковския градски говор. — БД III.

Македонский язык

- Андон(в)ски А.* Зборови од Дебарско. МЈ I, 9—10, 1950, стр. 240—241, МЈ II, 3—4, 1951, стр. 93—95, МЈ III, 5, 1952, стр. 119—120, МЈ IV, 3, 1953, стр. 71—72, МЈ IV, 4, стр. 94—96, МЈ IV, 5—6, стр. 143—144, МЈ IV, 7, стр. 166—168.
- Видоески. Поречкиот г-р. — *Б. Видоески*. Поречкиот говор. Филозофски факултет на универзитетот Скопје. Дипломски работи, кн. I. Скопје, 1950.
- И-С — *Д. Толоески, В. М. Иллич-Свитич*. Македонско-рускиот словарь. М., 1963.
- Кон — *Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски*. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Ред. Б. Конески. Скопје, 1961.
- С. Поповски*. Зборови од Мариово. МЈ I, 7, 9—10, 1950.

Сербохорватский язык

- Алексић — *Р. Алексић*. Језик Матије Антуна Рельковића. — ЈФ X, 1931.
- Белић — *Б. Белић*. Збирка речи коларске и столарске терминологије (1958, рукоп., Срб. АН, Белград).
- Cres — *М. Tentor*. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres [Cherso]. — AfslPh 30. Berlin, 1909.
- Djk — *Ст. Тановић*. Српска народна јела и пића љевђелицке казе. — СЕЗБ XXII. II одељ. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.
- Djor — *Т. Џорђевић*. Природа у веровању и предању нашега народа I. — СЕЗБ LXXI. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 32. Београд, 1958.
- Ел. I, II — *Гл. Елезовић*. Речник косовско-метохиског дијалекта, I—II. Београд, 1932—1935.
- FG — *М. Шкарић*. Живот и обичаји «планинаца» под Фрушком гором. — СЕЗБ LIV. II одељ. Живот и обичаји народни, 24. Београд, 1939.
- GP — *М. Филиповић, П. Томић*. Горња Пчиња. — СЕЗБ LXVIII. IV одељ. Расправе и грађа, 3. Београд, 1965.
- Gter — *Ј. Schütz*. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
- Hraste — *М. Hraste*. Crnice o bruškom dijalektu. — ЈФ VI, 1926—1927.
- Iveković—Broz — *F. Iveković, I. Broz*. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
- Jar — *Ср. Кнежевић, М. Јовановић*. Јарменовци. — СЕЗБ LXXIII. Одељ. друштв. наука. Расправе и грађа, 4. Београд, 1958.
- Јов — *Ј. Л. Јововић*. Варваризми и провинцијализми у говору старих Црмничана, Бокеља и Барана (1955, рукоп., Срб. АН, Белград).
- Jr — *М. Kosor*. Izvori, pravopis i jezik Jurinovih rječnika. «Rad JAZU» 315. Zagreb, 1957.
- JŠ — *Ј. Павловић*. Живот и обичаји народни у крагујевачкој Јасеници и Шумадији. — СЕЗБ XXII. Живот и обичаји народни, 12. Београд, 1921.

- Ka — *J. Jardaš*. Kastavština. «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slovena» 39. Zagreb, 1957.
- Kan — *Tv. Kanaet*. Podveležje i Podvelešci. «Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine» VI. Odelj. istor.-filol. nauka, 5. Sarajevo, 1955.
- Karadić — Српски рјечник. 3 изд. Биоград, 1898.
- Ku — *Ст. Дучић*. Живот и обичаји племена Куча. — СЕЗБ XI.VIII. II одељ. Живот и обичаји народни, 20. Београд, 1931.
- Lex — *T. Matić*. Lexicalia iz starih Hrvatskih pisaca. «Rad JAZU» 315. Zagreb, 1957.
- LM — *Dr. Ђорђевић*. Живот и обичаји у Лесковачкој Морави. — СЕЗБ LXX. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 31. Београд, 1958.
- Maš — *Lj. Maštrović*. Rječničko blago ninskoga govora. «Radovi Instituta JAZU» III. Zagreb, 1957.
- Mić — *Љ. Мићовић*. Живот и обичаји Поповаца. — СЕЗБ II одељ. Живот и обичаји народни, 29. Београд, 1952.
- Mikl. — *Fr. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
- Моск. — *С. М. Московљевић*. Збирка речи из Поцерине и других крајева (рукоп., Серб. АН, Белград).
- Pal. 138 — *L. Zore*. Paletkovañe. «Rad JAZU» 138. Zagreb, 1899.
- Pal. 170 — *L. Zore*. Paletkovañe po oblasti našega jezika. «Rad JAZU» 170. Zagreb, 1907.
- Пеш. — *М. Пешикан*. Збирка речи из Трешњева (рукоп., Серб. АН, Белград).
- PH — *J. Vrabec*. Govor podunavskih Hrvata u Austriji. «Hrvatski dijalektološki zbornik» 2. Zagreb, 1966.
- RB — *Б. Радовић*. Гајење и обрада лана у нашем народу. «Гласник Етнограф. музеја у Београду» књ. XIX, т. XIX. Београд, 1956.
- Радул. — *Ј. Радловић*. Збирка речи из Херцеговине (1956, рукоп. Серб. АН, Белград).
- Rs — *Ст. Мијатовић*. Ресава. — СЕЗБ XLVI. Насеља и пор. становништа, 26. Београд, 1920.
- RJA — Рјечник hrvatskoga ili srpskoga jezika I—XIX. Zagreb, 1880—1967.
- Ровинский — *П. Ровинский*. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб, 1905 (СБОРЯС т. LXXX, № 2).
- РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, I, 1959.
- Sekereš Nk. — *St. Sekereš*. Govor našičkog kraja. «Hrvatski dijalektološki zbornik» 2. Zagreb, 1966.
- Sekereš Os — *St. Sekereš*. Govor osječkih Srba. Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1963.
- Skok — *P. Skok*. Mundartliches aus Žumberak [Sichelburg]. — AfslPh 33. Berlin, 1912.
- Snj — *С. Грбић*. Српска народна јела и пића из среза Бољевачког. — СЕЗБ XXXII. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.
- Sus — *Ј. Намт, М. Hraste, P. Guberina*. Govor otoka Suska. «Hrvatski dijalektološki zbornik» 1. Zagreb, 1956.
- Šaul. — *А. Шаулић*. Прилог лексичи народних говора. «Наш језик». Нова серија, VIII.
- Šu — *Ј. Ердељановић*. Етнолошка грађа о Шумадинцима. — СЕЗБ LXIV. IV одељ. Расправе и грађа, 2. Београд, 1951.
- Tentor. Leksička slaganja — *М. Tentor*. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. Razprave. Dissertationes I. Ljubljana, 1950.
- Tg — *Ст. Мијатовић, Т. Бушетић*. Технички радови Срба сељака у Левчу и Темнићу. — СЕЗБ XXXII. II одељ. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.
- Трб. — *П. Трбојевић*. Збирка речи из Лике и Војводине (рукоп., Серб. АН, Белград).
- Vis — *М. Филиповић*. Живот и обичаји народни у Височкој нахији. —

- СЕЗБ LXI. II одељ. Живот и обичаји народни, 27. Београд, 1949.
- Влајинац — *М. Влајинац*. Речник наших старих мера у току века. Београд, 1961.
- Үг — *І. Žic*. Vrtnik (otok Krk). «Zbornik za narodne običaje južnih Slavena». 33. Zagreb, 1949.
- Үук. — *Ј. Вуковић*. Акцент говора Пиве и Дробњака. «Српски дијалектолошки зборник» X. Београд, 1940.
- Үук. ев. — *Ј. Врана*. Вуканово еванђеље. Београд, 1967.
- Үкм — *А. Šepić*. Zakon kaštela Mošćenica, prijevise njegovi, tekst i jezik. «Rad JAZU» 315. Zagreb, 1957.

Словенский язык

- Badjura — *R. Badjura*. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.
- Barle — *J. Barle*. Iz narodne zakladnice. Letopis Slovenske Matice. Ljubljana, 1893.
- Бодуэн де Куртена*. Резьяне. Словарный материал. Архив АН СССР. ф. 102, оп. 1, №№ 8—9.
- Бодуэн. Материалы I, II — *И. А. Бодуэн де Куртена*. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты собрал в 1872, 1873 и 1877 гг. СПб., 1895; II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии. СПб., 1904.
- Бодуэн. Резьян. — *И. А. Бодуэн де Куртена*. Резьянский словарь (под редакцией Н. И. Толстого). «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 183—224.
- Ј. Dular*. Soseske zidanice v vzhodni Beli Krajini. «Slovenski etnograf» XVI—XVII, 1963—1964.
- Gutsmann—Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschen windischen Stammwörter und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter verfasst von O. Gutsmann, Weltpriester. Klagenfurt, 1789.
- М. Jagodic-Makarovič*. Zibelka na Slovenskem. «Slovenski etnograf» XII, 1959.
- Jarnik. — Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verlässlichen Quellen bearbeitet von U. Jarnik. Klagenfurt, 1832.
- Jurančič. Panon. — *Ј. Јуранчић*. O leksiki v Panonskih govorih. «Panonski zbornik». Pomurska založba. Murska Sobota, 1966, стр. 31—34.
- Kastelec. — *М. Kastelec*. Dictionarium latino-carniolicum, 1650—1700. (Ljubljana. Slov. Ak. znan. in umetn. Рукопись).
- Ү. Koren*. Oskrba z vodo in oblike vodjakov v Prekmurju. «Slovenski etnograf» XV, 1962.
- М. Kos*. S kmečkih domačij v Hrastovljah iz dobe okoli 1300. «Slovenski etnograf» XVI—XVII, 1963—1964.
- Ј. Koštil*. O slovenski in srbohrvatski ljudski mlekerski terminologije. «Etnolog» XIII, 1940.
- Lokar — *Ј. Lokar*. Lovsko-ribiški slovar. Ljubljana, 1937.
- М. Ložar*. Rokavci v slovenskih nošah. «Etnolog» XVII, 1944.
- Р. Ložar*. Ljudska kurjava in razsvetljava. «Etnolog» XVII, 1944.
- Lužar — *Ҳ. Lužar*. Narodni izrazi. — Letopis Slovenske Matice. Ljubljana, 1900, стр. 26—53.
- М. Makarovič*. Moške srajce slovenske kmečke noše. «Slovenski etnograf» XVIII—XIX, 1965—1966.
- Megiser. Dictionarium 1744.
- Megiser VII — *Н. Megiser*. Slovenisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch. Neugestaltung und Faksimile der ersten Ausgabe aus dem Jahre 1592. Bearbeitet von Annelies Lägheid. Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1967 (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris fontes et dissertationes. Editores: Rudolf Aitzetmüller. Josef Matl. Linda Sadnik. t. VII).

- A. Novak. Domače tkalstvo v Gornjesavski dolini. «Slovenski etnograf» XVI—XVII, 1963—1964.
- V. Novak. Ovčarstvo pod Stolom in v Planici. «Etnolog» XV, 1942.
- V. Novak. Pridelovanje lanu v slovenski krajini. «Etnolog» XV, 1942.
- B. Orel. Ralo na Slovenskem. «Slovenski etnograf» XIV, 1961.
- Pintar I, II — L. Pintar. Slovarski in besedoslovni paberki. Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, I — 1895, II — 1898.
- Plet. — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
- Rož. — J. Šašel. Rožanski narečni besednjak (Slov. Ak. znan. in umetn. Ljubljana. Рукопись № II 24205).
- Slovar sloven. jezika — Slovar slovenskega knjižnega jezika, I. Ljubljana, 1970.
- F. Šarf. Kmečka postelja na Gorenjskem v 19 stol. «Slovenski etnograf» XII, 1959.
- J. Šašel. Pravne starožitnosti iz Roža. «Etnolog», XVII, 1944.
- Šašel, Ramovš — J. Šašel in F. Ramovš. Narodno blago iz Roža. Arhiv za zgodovino in narodopisje II. Maribor, 1936—1937.
- Štrekelj — K. Štrekelj. Iz besednega zaklada narodovega. «Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, 1892.
- Štrekelj Slov. — K. Štrekelj. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. «Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, 1894.
- Tominec. — J. Tominec. Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964.

Чешский язык

- Без ссылки даются материалы словаря: Příruční slovník jazyka českého. Vydává třetí třída České akademie věd a umění. D. I—VIII. Praha, 1935—1957. Bartoš. Slov. — F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6).
- Brandl — V. Brandl. Glossarium illustrans bohémico-moravicae historiae fontes. Brünn, 1876.
- Gebauer — J. Gebauer. Slovník staročeský. Praha, D. I — 1903, D. II — 1916.
- Gregor. Slov. slavk.-bučov. — A. Gregor. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha—Brno, 1959 (= Spisy University v Brně. Filosofická fakulta, 59).
- Hošek. Českomorav. — J. Hošek. Nářečí českomoravské. Praha, D. I — 1900, D. II — 1905 (= Rozpravy České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, třída III, ročn. 8, číslo 1, ročn. 9, číslo 21, 22).
- Hruška. Slov. chod. — J. F. Hruška. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 7).
- Jungmann — J. Jungmann. Slovník česko-německý. D. I—V. Praha, 1835—1839.
- Kašík. Středobečev. — A. Kašík. Popis a rozbor nářečí středobečevského. Praha, 1908 (= Pozpravy České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, třída III, ročn. 9, číslo 26).
- Kellner. Východolaš. — A. Kellner. Východolašská nářečí. Brno, D. I — 1946, D. II — 1949.
- Koníř. Slov. morav. — A. Koníř. Příspěvek k dialektickému slovníku moravskému. — *Μνημα*. Sborník vydaný na paměť čtyřicetiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Univerzitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926.
- Kopečný. Urč. — F. Kopečný. Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centrálního. Praha, 1957.
- Kott — F. Št. Kott. Česko-německý slovník. D. I—VII. Praha, 1878—1893.
- Kott. Dod. k Bart. — F. Št. Kott. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 8).
- Kubín. Čech. klad. — J. Š. Kubín. Lidomluva Čechů kladských. Praha, 1913.
- Lamprecht. Slov. středoopav. — A. Lamprecht. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963 (= Publikace Slezského ústavu ČSAV v Opavě, sv. 48).

- Malina. Mistř. — *J. Malina*. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10).
- Profous — *A. Profous*. Místní jména v Cechách. Jejich vznik, původní význam a změny. D. I—IV. Praha, 1947—1957 (Том IV в соавторстве с Я. Свободой).
- Ст.-чеш., Прага — Материалы из картотеки Старочешского словаря Института чешского языка (Прага).
- Svěrák. Boskov. — *F. Svěrák*. Boskovické nářečí. Brno, 1941.
- Svěrák. Brněn. — *F. Svěrák*. Brněnská mluva. Brno, 1971.
- Svěrák. Karlov. — *F. Svěrák*. Karlovičské nářečí. Praha, 1957 (= Sborník vědeckých prací Vyšší pedagogické školy v Brně, sv. 2).
- J. Svoboda*. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
- Šimek — *F. Šimek*. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.
- Těma. Mluva hutn. — *B. Těma*. Mluva hutníků na Bohumínsku a Karvínsku. Praha, 1958.
- Vydra. Hornoblan. — *B. Vydra*. Popis a rozbor podřečí hornoblanického. Praha, 1923 (= Facultas philosophica Universitatis Carolinae pragensis. Prace z věd. ústavů, III).

Словацкий язык

- Blanár. Hist. lexikol. — *V. Blanár*. Zo slovenskej historickej lexikológie. Slovníkový rozbor počtových kníh z baníckej osady Boce. Bratislava, 1961.
- Buffa. Dlhá Lúka — *F. Buffa*. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
- Habovštiak. Orav. — *A. Habovštiak*. Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
- Káral — *M. Káral*. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
- Matejčík. Východonovohrad. — *J. Matejčík*. Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972 (ротапринт).
- Ondrus. Stredosloven. v Mad'ar. — *P. Ondrus*. Stredoslovenské nárečia v Mad'arskej L'udovej Republike. Bratislava, 1956.
- Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Mad'ar. — *K. Palkovič*. Z vecného slovníka Slovákov v Mad'arsku. «Jazykovedné štúdie», II, 1957.
- Pauliny. Nár. zátop. osád na horn. Ostr. — *E. Pauliny*. Nárečie zátopových osád na hornej Ostrave. Turč. Sv. Martin, 1947 (= Spisy Jazykovedného odboru Matice Slovenskej, seria B, sv. 3).
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied. Vedecký redaktor dr. Št. Peciar. D. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
- Stanislav. Lipt. — *J. Stanislav*. Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin, 1932.
- Štolc. Sloven. v Mad'ar. — *J. Štolc*. Nárečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku. Bratislava, 1949.
- Štolc. Sloven. v Juhosl. — *J. Štolc*. Reč Slovákov v Juhoslavii. Bratislava, 1968.
- Vážný. Středověk. list. — *V. Vážný*. Glossarium bohemoslavicum. Slovník k «Středověkým listům ze Slovenska» s jazykovým rozbohem. Bratislava, 1937 (= Knihovňa Slovenského archivu, sv. 1).
- Zoch — *K. Palkovič*. Oravský idiotikon Ctibora Zocha. «Slavica Slovaca», ročn. 2, 1, 1961, стр. 70—77.
- Žilinsk. kn. — *F. Ryšánek*. Slovník k Žilinskej knize. Bratislava, 1954.

Верхнелужицкий язык

- Jakubaš — *F. Jakubaš*. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
- Pfuhl — *Dr. Pfuhl*. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
- Schuster-Šewc, Sprachdenkm. — *H. Schuster-Šewc*. Sorbische Sprachdenkmäler (16.—18. Jahrhundert). Bautzen, 1967 (= «Spisy Instituta za serbski ludospyt» 31).

Нижнелужицкий язык

- H. Faßke. -- Unbekanntes niedersorbisches Wortgut aus Werben. -- ZfS, Bd. V, H. 4, 1960.
- Muka Sł. I, II -- *E. Muka. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow*, I. Pr., 1921; II, Praha, 1928.
- Щерба. Вост.-луж. -- *И. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие*, т. I. Пр., 1915.
- Schuster-Sewc, Sprachdenkmal. -- *H. Schuster-Sewc. Sorbische Sprachdenkmäler* (16.—18. Jahrhundert). Bautzen, 1967 (=«Spisy Instituta za serbski ludopyt», 31).

Полабский язык

- Polański—Sehnert — *K. Polański and G. A. Sehnert. Polabian-English dictionary*. The Hague—Paris, 1967.
- Rost — *P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen*. Leipzig, 1907.

Польский язык

- Bąk, Kramsk -- *P. Bąk. Słownictwo gwary okolic Kramaska na tle kultury ludowej*. Wrocław, 1960 («Prace językoznawcze» PAN 20).
- Kucała — *M. Kucała. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich*. Wrocław, 1957.
- Linde — *S. B. Linde. Słownik języka polskiego*. T. I — VI. Warszawa, 1807—1814.
- Olesch, S. Annaberg — *R. Olesch. Der Wortschatz der polnischen Mundart von Sankt Annaberg. Erster Teil*. Wiesbaden, 1958 (=«Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin», Bd. 17).
- Pawłowski, Podegr. — *E. Pawłowski. Gwara podegrodzka wraz z próbą wyznaczenia południowozachodniej granicy gwar sądeckich*. Wrocław—Kraków, 1955.
- Sł. gw. p. — «Słownik gwar polskich», ułożył J. Karłowicz, t. 1—6. Kraków.
- Sł. stpol. — «Słownik staropolski». Warszawa, 1953—.
- Dorosz. — «Słownik języka polskiego», red. W. Doroszewski, t. I —. Warszawa, 1958—.
- Szymczak, Doman. — *M. Szymczak. Słownik gwary Domaniewka w powiecie łęczyckim*. Cz. I —. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962—.
- Tomasz., Łop. — *A. Tomaszewski. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce*. Kraków, 1930 (=«Prace Komisji Językowej PAN» № 16).
- Warsz. — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego*, t. I—VIII, wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952.
- Zaręba, Niepoł. — *A. Zaręba. Słownictwo Niepołomic*. — «Prace i materiały etnograficzne (Polskie towarzystwo ludoznawcze)», t. X, zesz. 1, Wrocław—Kraków, 1952/53.

Кашубско-словинский язык

- Berka — *A. Berka. Słownik kaszubski porównawczy*. Warszawa, 1891.
- Lorentz Slowinz. Wb. I—II — *Fr. Lorentz. Slowinzisches Wörterbuch*. Erster Teil. St. Petersburg, 1908; Zweiter Teil. St. Petersburg, 1912.
- Lorentz Pomor. I—II — *Fr. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch*. Bd. I: A — P. Berlin, 1958; Bd. II, 1. Berlin, 1968.
- Pobłocki — *G. Pobłocki. Słowniczek kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich*. Chełmno, 1887.

- Ramutt — *S. Ramutt*. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
- Rudnicki — *M. Rudnicki*. Przyczynki do gramatyki i słownika słowińskiego. — MPKJ VI.
- Sychta — *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Tom I: A—G. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

Русский язык

Без ссылки даются материалы словарей: от А до Р:— Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1967; от Р до Я — Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.

- A. Балов*. Народный говор в Пошехонском уезде, Ярославской губернии. — Ж. Ст., год третий, вып. IV. СПб., 1893.
- B. Бартеев*. О русском языке в Обдорском крае. — Ж. Ст., год четвертый, вып. I. СПб., 1894.
- Богораз — *B. Г. Богораз*. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.
- H. Белоруссов*. Местные слова Вологодской губ. — РФВ, т. XVIII, 1897.
- E. Будде*. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора. — РФВ, т. XXVIII, 1892.
- E. Ф. Будде*. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — ИОРЯС, т. III, кн. 3. СПб., 1898.
- Булич — *C. К. Булич*. Материалы для русского словаря. — ИОРЯС, т. I, кн. 1. СПб., 1896.
- Бурнашев. Опыт терминологического словаря — *B. Бурнашев*. Опыт терминологического словаря, т. I—II. СПб., 1843.
- Бычков. Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии — Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии, извлеченные А. Р. Бычковым из доставленных в Отделение материалов. Сб. ОРЯС, т. VIII. СПб., 1872.
- Васнецов — Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1907.
- Г. С. Виноградов*. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири. — Ж. Ст., год двадцать четвертый, вып. IV. СПб., 1915.
- Вяч. Водарский*. Список некоторых областных слов. — РФВ, т. LXVIII, 1912.
- Герасимов — *M. К. Герасимов*. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910.
- M. Герасимов*. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губ. — Ж. Ст., год третий, вып. II. СПб., 1893.
- Говоры Прибалтики — *B. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Р. Мурникова*. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
- Грот. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля — Дополнения и заметки Я. К. Грота к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. VII, кн. 10. СПб., 1870.
- Даль³ — *B. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I—IV. СПб., 1903—1909.
- Данилевский. Дополнение к Опыт — Дополнение к Опыт областного великорусского словаря Н. Я. Данилевского. — Сб. ОРЯС, т. VII, № 3. СПб., 1869.
- Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора. (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под редакцией И. А. Оссовета. М., 1969.
- Диттель*. Сборник рязанских областных слов. — Ж. Ст., год восьмой, вып. II. СПб., 1898.

- Добровольский — *В. Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- В. Н. Добровольский*. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями. — Ж. Ст., год седьмой, вып. III—IV. СПб., 1897.
- Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- М. Едемский*. Вечерованье, песни и городки (хороводы) в Кокшеньге Тотемского уезда. — Ж. Ст., год четырнадцатый, вып. III—IV. СПб., 1905.
- М. Едемский*. Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1905—1908 гг. — Ж. Ст., год двадцать первый, вып. II. СПб., 1912.
- Д. Зеленин*. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — Ж. Ст., год одиннадцатый, вып. I. СПб., 1901.
- Ф. Зобнин*. Из года в год (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа). — Ж. Ст., год четвертый, вып. I. СПб., 1894.
- Ф. Зобнин*. Игры (в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа). — Ж. Ст., год шестой, вып. IV. СПб., 1896.
- Н. Иваницкий*. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. — Ж. Ст., год восьмой, вып. I. СПб., 1898.
- Вл. Иванов*. Причитанья на рукобитье (записанные в Архангельской губернии Шенкурском уезде). — Ж. Ст., год пятый, вып. II. СПб., 1895.
- К. А. Иеропольский*. Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа. — ИОРЯС, т. III, кн. 2. Л., 1930.
- М. Караулов*. Областные слова Моздокского уезда Терской области. — РФВ, т. XLIV, 1900.
- А. Б. Карпов*. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 1. СПб., 1910.
- Картотека Печорского словаря — *Л. А. Ивашко*. Картотека Печорского словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филологического ф-та ЛГУ).
- Картотека Псковского областного словаря — Картотека Псковского областного словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филологического ф-та ЛГУ).
- Картотека Словаря русских народных говоров — Картотека Словаря русских народных говоров (Словарный сектор Ин-та языкознания АН СССР в Ленинграде).
- Картотека СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.
- Картотека ДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР. Москва).
- Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия — Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия М. А. Колосова — Сб. ОРЯС, т. XVII, № 3. СПб., 1877.
- Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. — *С. А. Копорский*. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения). — Труды Ярославского Пед-института, т. II, вып. 3.
- Котков. Лекс. южн.-русс. письм. XVI—XVIII вв. — *С. И. Котков*. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970.
- Куликовский — *Г. Куликовский*. Словарь областного олонеккого наречия. СПб., 1898.
- К. Лаеров*. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии: Новгородском, Крестецком, Старорусском, Кирилловском и Боровичском. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.
- В. Ламанский*. Говор южной части Томского округа Томской губ. — Ж. Ст. год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.

- Материалы «Смоленского словаря» — *А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев*. Материалы для «Смоленского областного словаря». Уч. Зап. Смоленского ГПИ, вып. IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958.
- Мельниченко — *Г. Г. Мельниченко*. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Ярославль, 1961.
- Миртов. Донской словарь — *А. В. Миртов*. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- Молотилов. Говор Северной Барабы — *А. Молотилов*. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда, Томской губ.). Материалы для Сибирской диалектологии. Томск, 1913.
- Мотовилов. Симбирская молвь — *А. Мотовилова*. Симбирская молвь. К материалам для изучения областных наречий русского языка. — Сб. ОРЯС, т. XLIV, № 4. СПб., 1888 г.
- Наумов — Дополнения и заметки И. Р. Наумова к Толковому словарю Даля. — Сб. ОРЯС, т. XI, № 6. СПб., 1874.
- А. Никольский*. О языке Ипатьевской летописи. — РФВ, т. XLII, 1899.
- Ол. Светлов — *Я. Светлов*. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии). — Ж. Ст., год второй, вып. III. СПб., 1892.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Опыт словаря говоров Калининской области — *Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова*. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- Н. Г. Ордин*. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда. — Ж. Ст., год шестой, вып. I. СПб., 1896.
- Печорские былины — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. — Зап. РГО, т. XXX. СПб., 1904.
- Подвысоцкий — *А. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Ф. Покровский*. О народном говоре Чухломского уезда Костромской губ. — Ж. Ст., год девятый, вып. III. СПб., 1899.
- Ф. Покровский*. Особенности в говоре населения, расположенного по реке Письме Костромской губернии Буйского уезда. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.
- Г. Потанин*. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — Ж. Ст., год девятый, вып. II. СПб., 1899.
- Потанин. Юго-зап. часть Томской губернии — *Г. Н. Потанин*. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. «Этнографический сборник РГО», вып. VI. СПб., 1864.
- Псковский областной словарь — Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1 — Л., 1967—.
- А. Путьинцев*. О говоре в местности Хворостан Воронежской губернии. — Ж. Ст., год пятнадцатый, вып. I. СПб., 1906.
- П. А. Расторгуев*. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1974.
- В. Резанов*. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ, т. XXXVIII, 1897.
- М. Синозерский*. Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губ. — Ж. Ст., год девятый, вып. IV. СПб., 1899.
- Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1—3. Томск, 1964—1968.
- Сл. Среднего Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1. Свердловск, 1964.
- И. Солосин*. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре Ахтубинских сел Царевского уезда. — РФВ, т. LXIII, 1910.
- Список Тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюмен-

- ском, Курганском и Сургутском округах, в двух первых Паткановым, в трех последних Зобниным и приведенных в алфавитный порядок студ. Николаевым. — Ж. Ст., год девятый, вып. IV. СПб., 1899.
- Срезневский — *И. И. Срезневский*. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.
- Труды МДК. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губ. Словарик говора д. Пешневы. — РФВ, т. LXII, 1909.
- Труды МДК. Свод материалов, собранных Комиссией. Словарь к ответам на программу по Саратовской губ. — РФВ, т. LXVI, 1911.
- Труды МДК. Свод материалов, собранных комиссией. Словарь к ответам на программу по Тамбовской губ. — РФВ, т. LXVI, 1911.
- Труды МДК. Болховский уезд Орловской губ. Словарь. — РФВ, т. LXXI, 1914.
- Труды МДК. Севский уезд Орловской губ. Словарь. — РФВ, т. LXXXI, 1914.
- М. Успенский*. Маришчельская крестьянская свадьба. — Ж. Ст., год восьмой, вып. I. СПб., 1898.
- Филин — Словарь русских народных говоров, вып. 1 и след. Л., 1965 и след.
- М. Халанский*. О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского у. Курской губ. — РФВ, т. XVI, 1886.
- Шайтанов*. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.
- В. Шееляков*. Местные слова города Тотмы (Вологодской губ.). — Ж. Ст., год девятый, вып. I. СПб., 1899.
- Шейн. Сказки Самарского края — *П. Шейн*. К диалектологии великорусских наречий. Извлечения из сборника сказок и преданий Самарского края, собранных Д. Н. Садовниковым. — РФВ, т. XLI, 1899.
- Шренк — *А. И. Шренк*. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. — Зап. РГО, кн. IV. СПб., 1850.
- А. Шустиков*. Сказания и сказки. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.

Украинский язык

- В. В. Анохина, Н. В. Никончук*. Полесская терминология пчеловодства. «Лексика Полесья». М., 1968.
- В. В. Бабинець*. Говірка села Лавки Мукачівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.
- М. Й. Бараній*. Морфологічні особливості говірки села Тересви, Тячівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1957.
- Д. А. Бейлина*. Материалы для Полесского ботанического словаря. «Лексика Полесья». М., 1968.
- І. І. Берцик*. Особливості говірки села Черноголова Велико-Березнянського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
- П. Білецький-Носенко*. Словник української мови. Київ, 1966.
- М. І. Білогорка*. Тваринницька лексика с. Білки Іршавського району. ((Дип. роб.). Ужгород, 1959.
- М. А. Білинець*. Особливості говірки села Доробратово Іршавського району (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
- М. П. Варцаба*. Особливості говірки села Кушниці Іршавського округу (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
- Ващенко. Лінгвістична географія Наддніпрянщини — *В. С. Ващенко*. Лінгвістична географія Наддніпрянщини. Лексичні матеріали. Дніпропетровськ. 1968.
- В. С. Ващенко*. Словник полтавських говорів. Вип. 1. Харків, 1960.
- Верхратський. Знадоби. — *І. Верхратський*. Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів. — ЗНТШ, т. XXVII и XXIX. Львов, 1899—1901.

- Г. Р. Вешторт.* Названия пищи в говорах Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968.
- Н. Г. Владимирская.* Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья». М., 1968.
- Л. Т. Выгонная.* Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968.
- М. К. Гайдар.* Сільськогосподарська лексика села Нижні Ремети Березівського району (Дип. роб.). Ужгород, 1959.
- М. В. Гасинець.* Морфологічні та синтаксичні особливості говірки с. Терново Тячівського району (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
- Ю. І. Герей.* Морфологічні особливості говірки села Руські Комарівці. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
- S. Grabec.* Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950.
- Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.
- Л. Деже.* Матеріали к словарю закарпатской литературы XVI—XVII вв. Будапешт, 1965 (микрофильм).
- Dejna. Tarnopolszczyzna — *Karol Dejna.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.
- Й. О. Дзєндзелівський.* Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністр'я. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958.
- Дзєндзелівський. Атлас — *Й. О. Дзєндзелівський.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика), ч. I. Ужгород, 1958.
- Т. П. Довбак.* Словотвір іменних частин мови в говірці с. Королево Виноградівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1957.
- Г. Е. Дорій.* Особливості говірки села Підгород Мукачівського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1953.
- Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини — *С. І. Дорошенко.* Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. «Діалектологічний бюлетень», вип. IX. Київ, 1962.
- Желеховский — *Е. Желеховский* и *С. Недільский.* Малорусско-німецкий словарь. Л., 1836.
- Карпатский диалектологический атлас — *С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Картотека словаря Тимченко — Картотека Исторического словаря украинского языка Е. Тимченко (Львов).
- Картотека украинского академического словаря (Киев).
- Картотека Словника староукраїнської мови XIV—XV вв. (Львов).
- Ф. Д. Климчук.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968.
- Т. І. Кобаль.* Система іменника у говірці села Броньки Іршавського району Закарпатської області (Дип. роб.). Ужгород, 1962.
- Б. Кобилянський.* Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття. «Український діалектологічний збірник». Київ, 1928.
- Г. С. Колесник.* Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини. 1959 (рукопись).
- М. Д. Колісниченко.* Сільськогосподарська лексика с. Невицького Ужгородського району (Дип. роб.). Ужгород, 1959.
- Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич.* Полесская строительная терминология (Хата и хозяйственные постройки). «Лексика Полесья». М., 1968.
- А. А. Кривицкий.* Из словаря полесских рыболовов. «Полесье». М., 1968.
- Г. П. Кучерявий.* Особливості говірки села Порошково Перечинського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
- М. Ю. Левко.* Особливості говірки села Старого Давидкова Мукачівського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.

- М. М. Лизанець.* Морфологічні особливості (словозміна) говірки села Родниківка (Ізвор) Сваллявського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
- П. С. Лисенко.* Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958.
- П. С. Лисенко.* Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961.
- П. С. Лисенко.* Лексичні особливості говірок Ставищанського району Київської обл. «Діалектологічний бюлетень», вип. V, 1955.
- П. С. Лисенко.* Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.
- М. Г. Лукач.* Сільськогосподарська лексика села Вишня Визниця Мукачівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
- Г. Ю. Мальованець.* Система іменника в говірці села Майдана Міжгірського району Закарпатської області (Дип. роб.). Ужгород, 1960.
- Т. А. Марусенко.* Матеріали к словарю українских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968.
- Л. И. Масленникова.* Из полесской терминологии транспорта. «Лексика Полесья». М., 1968.
- А. А. Москаленко.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.
- Г. Г. Немченко.* Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.
- Н. В. Никончук.* Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968.
- Н. В. Никончук.* Полесские названия птиц. «Лексика Полесья». М., 1968.
- Онишкевич. Словник бойківського діалекту — *М. Й. Онишкевич.* Словник бойківського діалекту. Львів, 1960 (рукопись).
- Онышкевич. Словарь бойковского диалекта — *М. О. Онышкевич.* Словарь бойковского диалекта. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966. (Материалы по букве Б).
- Л. С. Паламарчук.* Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району Житомирської області). «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958.
- О. А. Пертель.* Говірка села Середне Ужгородського району Закарпатської обл. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.
- Пискунов — *Ф. Пискунов.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Изд. 2-е. Киев, 1882.
- Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області — *І. І. Приймак.* До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області (Матеріали до словника українських говорів). Нова Каховка, 1957.
- М. В. Решко.* Говірка села Ключарки Мукачівського району (Дип. роб.). Ужгород, 1951.
- И. Свенцицкий.* Опыт сравнительного словаря русских говоров (Галицко-бойковский говор). Ж. Ст., год десятый, вып. I—II. СПб., 1900.
- С. М. Семан.* Особливості говірки села Коритняни. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.
- М. Ю. Сливка.* Говірка с. Медведівці Мукачівського району Закарпатської області. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
- А. С. Соколовская.* Полесские названия одежды и обуви. «Лексика Полесья». М., 1968.
- І. А. Софілканич.* Особливості говірки с. Лецовиця Мукачівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.
- Тимченко — *Е. Тимченко.* Історичний словник українського язика, т. I. А—Ж. Київ, 1930.
- М. М. Тивадар.* Система іменника в говірці села Руське Поле Тячівського району Закарпатської області. (Дип. роб.). Ужгород, 1957.

- М. Й. Турияця.* Сільськогосподарська лексика говірки с. Вел. Раковець Іршавського району Закарпатської області. (Дип. роб.). Ужгород, 1959.
- П. І. Феденець.* Особливості говірки села Малий Раковець Іршавського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
- П. П. Чучка.* Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика і морфологія). (Канд. дисс. рукопись). Ужгород, 1958.
- Г. Ф. Шило.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.
- І. М. Шляхта.* Морфологічні особливості говірки села Ярок Ужгородського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.

Белорусский язык

- Атл. блр. м. — «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». [I:] Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментары да карт. [II:] Карты. Пад рэд. Р. І. Аванесова, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963.
- Байкоў—Некраш. — *М. Байкоў і С. Некрашэвіч.* Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925.
- Блр.-руск. — Беларуско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.
- Булгак. Пинчуки — *Д. Г. Булгаковский.* Пинчуки. Этнографический сборник. «Записки РГО», т. 13, вып. 3. СПб., 1890 (Словарь к песням, загадкам и пословицам).
- Бялькевіч Магіл. — *І. К. Бялькевіч.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Владимиров, Скорина — *П. В. Владимиров.* Доктор Франциск Скорина. СПб., 1888.
- Гарэцкі — *М. Гарэцкі.* Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Менск, 1925.
- Горбач. — *Н. Горбачевский.* Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874.
- Довнар-Зап. Блр. Полесье — *М. Довнар-Запольский.* Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов. Песни Пинчуков. Киев, 1895.
- Карский, Белор. — *Е. Ф. Карский.* Белоруссы. Кн. I. Вильна, 1904; т. II, вып. 1. Варшава, 1908; т. II, вып. 2. Варшава, 1911; т. II, вып. 3. Варшава, 1912; т. III, вып. 1. М., 1916; т. III, вып. 2. Пг., 1921; т. III, вып. 3. Пг., 1922.
- Карский, Труды — *Е. Ф. Карский.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
- Каспяровіч — *М. І. Каспяровіч.* Віцебскі краёвы слоўнік (матер'ялы). Под рэд. М. Я. Байкова й праф. Б. І. Эпімаха-Шыпылы. Віцебск, 1927.
- Ластоўскі — *В. Ластоўскі.* Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.
- Мат. — «Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы». Пад рэд. Ф. Янкуўскага. Мінск, 1960.
- Новицкий — *И. П. Новицкий.* Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка юго-западной России. Киев, 1871 («Университетские Известия»).
- Носов. — *И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Носов. Доп. — *И. И. Носович.* Дополнение к Белорусскому словарю. СПб., 1881 (=Сб. ОРЯС, т. XXI, № 6).
- Носович. Сборник белорусских пословиц — Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем. — Сб. ОРЯС, т. XII, № 2. СПб., 1874.
- Pietkiewicz, Rzecz. — *С. Pietkiewicz.* Polesie Rzeczyckie. Materiały etnograficzne. Część I. Kultura materialna. Kraków, 1928 (=«Prace Komisji etnograficznej PAU», N 7).
- Полевой, Новозыбк. — *А. Полевой.* О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии. Менск, 1926.
- Расторгуев, Северск.-блр. — *П. А. Расторгуев.* Северско-белорусский говор. Исследования в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

- Романов — *Е. Р. Романов*. Беларуский сборник, т. I. Вып. 1 и 2. Киев, 1886; вып. 3. Витебск, 1887; вып. 4. Витебск, 1891; вып. 8—9. Вильна, 1912. Русско-белорусский словарь под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М., 1953.
- Сержпутовский, Чудина — *А. К. Сержпутовский*. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина, Слуцкого уезда, Минской губернии. — Сб. ОРЯС, т. LXXIX, № 1. СПб., 1911.
- Stang, Westruss. Kanzleispr. — *Chr. S. Stang*, Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
- Stang, Urk. Polozk — *Chr. S. Stang*. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.
- Сцяшкoвiч, Грод. — *Т. Ф. Сцяшкoвiч*. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
- Feder.(owski) I, II, III — *M. Federowski*. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej. Kraków, t. I, 1897; t. II, 1902; t. III, 1903.
- Хрэст. — «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы», I—II. Мінск, 1961.
- Шатэрнік — *М. В. Шатэрнік* Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
- Юрчанка, Мсцісл. — *Г. Юрчанка*. Дыялектны слоўнік (з гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.
- Янкоўскі I — *Ф. Янкоўскі*. Дыялектны слоўнік, I. Мінск, 1959.
- Янкоўскі II — *Ф. Янкоўскі*. Дыялектны слоўнік, II. Мінск, 1960.

ЛІТЭРАТУРА

- Абаев I — *В. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А—К). М.—Л., 1958.
- AfslPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin u. Leipzig.
- AGI — Archivio glottologico italiano. Torino—Firenze.
- AION — Annali del Istituto orientale di Napoli. [Sezione slava, sezione linguistica]. Napoli.
- AJPh — American Journal of Philology. Philadelphia.
- Arumaa. Urslav. Gramm. — *P. Arumaa*. Urslavische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1964.
- AUC — Acta universitatis Carolinae. Praha.
- BB — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgeg. von A. Bezzenberger. Göttingen.
- Беларуская лексікалогія і этымалогія (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі на беларускай лексікалогіі і этымалогіі, 19—23 лютага 1968 г.). Мінск, 1968.
- Э. Бенвеніст*. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Berneker — *E. Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
- Bezljaj. Eseji o sloven. jez. — *F. Bezljaj*. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
- Bezljaj. Etim. slovar. rukop. — *F. Bezljaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika, rukop., Любляна.
- Bezljaj. Etim. slovar. Poskusni zvezek. — *F. Bezljaj*. Etimološki slova r slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963.
- F. Bezljaj*. Novejše zanimivosti iz slovenske leksike. IV Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1968. Рукопись.
- F. Bezljaj*. Slovenska vodna imena, I—II. Ljubljana, 1956—1961.
- F. Bezljaj*. Slovenščina v krogu slovanskih jezikov. Доклад на семинаре словенского языка, литературы и культуры. Любляна, 1967. Рукоп.
- F. Bezljaj*. Zajednička problematika slovenske i čakavske leksike. Доклад на Семинаре сербохорватского языка в Загребе. 1967. Рукопись.
- Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic — *H. Birnbaum*. Indo-European nominal formations submerged in Slavic. «The Slavic

- Word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA. September 11—16, 1970». Mouton. The Hague. Paris, 1972.
- BNF — Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg.
- H. Borek*. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ъn-. Wrocław, 1968.
- BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Kraków.
- Brückner — *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Kraków, 1957.
- Brugmann KVGr. — *K. Brugmann*. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
- BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
- A. Будилович. Первобытные славяне — *А. Будилович*. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, т. 1, 2. Киев, 1878, 1879.
- K. Būga*. Rinktiniai raštai. Vilnius.
- A. A. Бурячок*. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Київ, 1961.
- M. Camaj*. Albanische Wortbildung. Wiesbaden, 1966.
- Canadian Slavonic Papers.
- ČJKL — Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino. Ljubljana.
- ČMF — Časopis pro moderní filologii. Praha.
- Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.
- D. Detschew*. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
- Г. Б. Джаякян*. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
- Ernout—Meillet³ — *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine, т. I—II, 3 éd. Paris, 1951.
- Этимологические исследования по русскому языку. М. Этимология. М.
- Etnolog. Glasilo Etnografskega muzeja v Ljubljani.
- Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. Brno, 1966.
- Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. I. М., 1964; т. II — 1967; т. III — 1971; т. IV — 1973.
- Feist — *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
- Festschrift für M. Woltner. Heidelberg, 1967.
- Fick³ — Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 3 Aufl. Göttingen, 1874.
- Filologija — Filologija za hrvatsko filološko društvo. Zagreb.
- Filološki pregled. Beograd.
- Fraenkel — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955.
- P. Friedrich*. Proto-Indo-European trees. «Indo-European and Indo-Europeans. Papers presented at the University of Pennsylvania», ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970.
- Frisk — *Hj. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954 и сл.
- Георгиев БЕР. — *В. И. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев*. Български етимологичен речник. София, 1962 и сл.
- Георгиев. Исследования — *В. И. Георгиев*. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Georgiev. La toponymie ancienne — *V. Georgiev*. La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961.
- В. И. Георгиев*. Вокалната система в развоја на славянските езици. София, 1964.
- VI. Georgiev*. Vorgriechische Sprachwissenschaft, I—II. Sofia, 1941—1945.
- Glasnik — Glasnik muzejskega društva za Slovenijo. Ljubljana.

- Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttingen.
 Godišnjak. Balkanološki institut. Sarajevo.
- Gołąb. The Grammar of Slavic Caus. — *Z. Gotqb.* The Grammar of Slavic Causatives (= «American contributions to the Sixth International congress of Slavists»). Prague, 1968, Preprint.
- O. Haas. Das frühitalische Element. Versuch über die Sprache der ersten Indogermanen Italiens. Wien, 1960.
- G. Herne. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954.
- Hofmann — J. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.
- Holthausen. Vgl. u. etym. Wb. des Awn. — F. Holthausen. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen, Altnorwegisch-isländischen. Göttingen, 1948.
- Holub-Kopečný — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- J. Hubschmid. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen. «Vox Romanica» 14 (1954/1955).
- J. Hubschmid. Schläuche und Fässer. Bern, 1955.
- ИАН ОЛЯ — Известия Академии Наук Отделения литературы и языка. М.
- IF — Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Strassburg—Berlin.
- IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
 Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб. — Пр. 1896—1927.
- A. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943.
- B. B. Иванов. Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- B. B. Иванов, B. H. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Ivšičev zbornik. Zagreb, 1963.
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1852—1863.
- Jazykovedné štúdie. 11. Jónov sborník. Bratislava, 1971.
- JФ — Јужнословенски филолог. Београд.
- Jis — Jezik in slovstvo. Ljubljana.
- JP — Język Polski. Kraków.
- V. Kiparsky. Die gemeinславischen Lehnwörter aus dem Germanischen. «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, t. 32. Helsinki, 1934.
- Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- Kluge¹⁵ — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neu bearb. Aufl. von A. Götte. Berlin, 1951.
- Knežević. Die Turzismen. — A. Knežević. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962.
- Kratylos. Kritisches Berichts- und Rezensionsorgan für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Wiesbaden.
- Krok.
 I. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956.
- KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn. Berlin—Göttingen, 1852 и след.
- Language. Journal of the Linguistic Society of America. Baltimore.
- I. L e d e r. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1968.
- Лексикологический сборник. М., 1957 и сл.
- Letopis Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani.
- LF — Listy filologické. Praha.
 Linguistica. Ljubljana.

- LP — Lingua Posnaniensis. Poznań.
- LUArs — Lunds Universitets Årsskrift.
- A. С. Львов. Очерки — *А. С. Львов*. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
- Machek — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Machek. Jména rostlin — *V. Machek*. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954. Материалы Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука. Рукопись.
- Mayrhofer — *M. Mayrhofer*. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953.
A. Meier. Общеславянский язык. М., 1951.
О. С. Мельничук. Розвиток структури слов'янського речення. Київ, 1966.
В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. Wien, 1955.
- Mikkola. Urslav. Gramm. — *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. 1. Teil. 1913, 2. Teil. 1942, 3. Teil, 1950, Heidelberg.
- Miklosich — *F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Miklosich. Vgl. Gr. — *F. Miklosich*. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II, III. Wien, 1875, 1876.
- MJ — Македонски јазик. Скопје.
- Младенов ЕПР — *С. Младенов*. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- M. Monier-Williams. A Sanskr.-Engl. dictionary. — *M. Monier-Williams*. A dictionary English and Sanskrit. Reprinted by photoprocess from the edition of 1851. Published by W. H. Allen, London. Delhi—Varanasi—Patna, 1956.
- Moszyński. Pierwotny zasięg — *K. Moszyński*. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957.
Мовознавство, Київ.
- MPKJ — Materiały i Prace Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie. Kraków.
- MSL — Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
- Mülenb.—Endz. — *K. Mülenbach*. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923 и след.
- HJ — Наш језик. Београд.
- NŘ — Naše řeč. Praha.
Oxford Slavonic papers.
Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
- Paideia. Rivista letteraria di informazione bibliografica. Milano—Genova—Brescia.
- PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Begründ. von W. Braune. Tübingen—Halle (Saale).
P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Bd. 2. Uppsala—Leipzig, 1912.
H. Petersson. Arische und armenische Studien. Lund—Leipzig, 1920.
- PF — Prace Filologiczne. Warszawa.
- PJ — Poradnik językowy. Warszawa.
- PKJ — Prace Komisji językowej Polskiej Akademii umiejętności. Kraków.
- Pokorny — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.
А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
- Popović. Geschichte der serbokr. Spr. — *I. Popović*. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

- Преобр. — А. *Преображенский*. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1910—1914; окончание — «Труды ИРЯ», т. I. М., 1949.
Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., 1962 (1964).
- Rad (JAZU) — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.
Radovi zavoda za slavensku filologiju. Sveučilište u Zagrebu, filozofski fakultet. Zagreb.
- RÉS — Revue des Études slaves. Paris.
- РФВ — Русский филологический вестник. Варшава.
Рідна мова. Науково-популярний місячник, присвячений вивченню української мови. Warszawa.
- RKJWTDN — Rozprawy Komisji językowej. Wrocławskie towarzystwo naukowe. Wrocław.
- RO — Rocznik Orientalistyczny. Kraków.
- Rudnyčukj — J. B. *Rudnyčukj*. An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Parts 1—5. Winnipeg, 1962—1966.
- RS — Rocznik Slawistyczny. Wrocław—Kraków—Warszawa.
Русская речь. М.
A. *Sabaliauskas*. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai (jų kilmė ir santykis su atitinkamais slavų kalbų pavadinimais) «Baltų ir slavų kalbų ryšiai». Vilnius, 1968.
- Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch — L. *Sadnik*, R. *Aitzetmüller*. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. — L. *Sadnik*, R. *Aitzetmüller*. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lieferung 1—6. Wiesbaden, 1963—1973.
- SaER — The Slavonic and East European Review. London.
- SaPL — Studie a práce lingvistické k šedesátým narozeninám ak. B. Havránka. Praha, 1954.
- SaS — Slovo a slovesnost. Praha.
- Сб. в честь С. Б. Бернштейна. — Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971.
- Сб. в честь Эндзелина. — Сборник статей, посвященный акад. профессору доктору Яну Эндзелину в связи с 85-летием со дня рождения и 65-летием научной деятельности. Рига, 1959.
- Сб. к 70-летию В. И. Борковского. — Проблемы истории и диалектологии славянских языков. (Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского). М., 1971.
- Сб. НУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София.
- Сб. ОРЯС — Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., Пг.
Scando-Slavica, Göteborg.
Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
- Skok. Etim. rječn. — P. *Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Institut jezika Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1971—.
- Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha.
Slavica. Debrecen.
Славянска филология, т. III. София, 1963.
Славянское языкознание (V Международным съезд славистов). М., 1963.
The Slavonic Review. London.
- Sławski — F. *Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—.
Slovenski etnograf. Ljubljana.
Slovenski jezik. Ljubljana.
Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny. Kraków, 1961.
- Slov. reč. — Slovenská reč. Bratislava.
- Ssl — Slavica slovaca. Bratislava.
- SO — Slavica Occidentalis. Poznań.

- SOr — Slavia Orientalis. Warszawa.
 F. Specht. Ursprung — *F. Specht*. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
- SPFFBU — Sbornik prací Filosofické fakulty Brněnské university. Brno.
 Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft. Wien—Köln—Wiesbaden.
- SR — Slavistična revija. Ljubljana.
- Stang. Vgl. Gr. — *Chr. S. Stang*. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966.
 Studia in honorem T. Lehr-Splawiński. 1963.
 Studia linguistica. Lund—Copenhagen.
 Studia linguistica baltico-slavica C. O. Falk. . . oblata. Lundae, 1966/1968.
 Studia Slavica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
 Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa.
 Studi baltici. Roma.
- Shevelov. A prehistory of Slavic. — A prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic by George Y. Shevelov. Heidelberg, 1964.
J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
T. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese. Uppsala, 1901.
- Trautmann BSW — *R. Trautmann*. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Трубачев. Дом. жив. — *О. Н. Трубачев*. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев. Ремесленная терминология — *О. Н. Трубачев*. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Трубачев. Слав. терм. родства — *О. Н. Трубачев*. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- UAlJb — Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden.
- УЗЛГПИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л.
- I. Vahros. Grossruss. Sauna. — *I. Vahros*. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna (=«Folklore Fellows Communications», vol. LXXXII, № 197). Helsinki, 1966.
- Vaillant. Gramm. comparée. — *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves, т. 1. Paris—Lyon, 1950; т. 2, 1954—1958.
- Walde² — *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
- Walde-Hofm. — *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von *J. B. Hofmann*. Heidelberg, 1938.
Ж. Ж. Вартон. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941.
- Vasmer — *M. Vasmer*. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958.
- WdS — Die Welt der Slaven. Wiesbaden.
- WiensJb — Wiener slavistisches Jahrbuch.
A. J. Van Windekens. Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain, 1954.
A. J. Van Windekens. Études pélasgiques. Louvain, 1960.
A. J. Van Windekens. Le pélasgique. Essai sur une langue indo-européenne préhellénique. Louvain, 1952.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- Vondrák Vgl. Slav. Gramm. — *W. Vondrák*. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I—II. Göttingen, 1906—1908.
 Вопросы филологии. К 70-летию И. А. Василенко. М., 1969.

- Word. Journal of the Linguistic Circle of New York. New York.
 WuS — Wörter und Sachen. Heidelberg.
 Základní všeslovenská slovní zásoba. Ústav jazyků a literatur ČSAV.
 Etymologické pracoviště v Brně. Brno, 1964.
 Zbornik filozofske fakultete. Ljubljana.
 Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад.
 ZfceltPh — Zeitschrift für celtische Philologie. Halle--Tübingen.
 ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М.
 Zfs — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.
 ZfslPh — Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig—Heidelberg.
 ЗНТШ — Записки Наукового товариства імени Шевченка, у Львові.
 J. Zubatý. Studie a články. Sv. 1—2. Praha, 1945—1954.
 Živa antika. Skoplje.
 Ж Ст. — Живая Старина. СПб.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

авест.	авестийский	др.-англ.	древнеанглийский
алб.	албанский	др.-бав.	древнебаварский
англ.	английский	др.-болг.	древнеболгарский
англос.	англосаксонский	др.-в.-нем.	древневерхненемец- кий
араб.	арабский		
аргосск.	аргосский	др.-евр.	древнееврейский
арм.	армянский	др.-инд.	древнеиндийский
арх.	архангельский	др.-ирл.	древнеирландский
астрах.	астраханский	др.-исл.	древнеисландский
атт.	аттический	др.-кимр.	древнекимрский
бав.	баварский	др.-лат.	древнелатинский
балт.	балтийский	др.-перс.	древнеперсидский
баск.	баскский	др.-прусск.	древнепруссский
беломор.	беломорский	др.-русск.	древнерусский
блр.	белорусский	др.-сакс.	древнесаксонский
болг.	болгарский	др.-серб.	древнесербский
брет.	бретонский	др.-словен.	древнесловенский
валашск.	валашский	др.-тюрк.	древнетюркский
великол.	великолуцкий	енис.	енисейский
венг.	венгерский	жем.	жемайтский
венет.	венетский	зап.-герм.	западногерманский
в.-луж.	верхнелужицкий	зап.-европ.	западноевропейский
влад.	владимирский	зап.-слав.	западнославянский
волог.	вологодский	зап.-укр.	западноукраинский
вост.-слав.	восточнославянский	зап.-фин.	западнофинский
вят.	вятский	и.-е.	индоевропейский
галло-ро-	галло-романский	иллир.	иллирийский
ман.		индо-ир.	индоиранский
галльск.	галльский	ион.	ионический
герм.	германский	ир.	иранский
гомер.	гомеровский	ирл.	ирландский
гот.	готский	исл.	исландский
греч.	греческий	исп.	испанский
гуцул.	гуцульский	ит.	итальянский
гэльск.	гэльский	итал.	италийский
дат.	датский	каз.	казанский
догреч.	догреческий	кайк.	кайкавский
донск.	донской	калуж.	калужский
дор.	дорийский	кашуб.-	кашубско-словин-
дослав.	дославянский	словин.	ский

кельт.	кельтский	сев.-ит.	северноитальянский
кимр.	кимрский	сев.-слав.	севернославянский
кинеш.	кинешемский	сербохорв.	сербохорватский
корн.	корнуэльский	сербск.-	сербско-церковно-
костр.	костромской	цслав.	славянский
крым.-гот.	крымско-готский	скиф.	скифский
куйб.	куйбышевский	слав.	славянский
курд.	курдский	слвц.	словацкий
курс.	курский	словен.	словенский
лат.	латинский	словин.	словинский
ленингр.	ленинградский	смол.	смоленский
ливск.	ливский	согд.	согдийский
лид.	лидийский	ср.-в.-нем.	средневерхненемец-
лик.	ликийский		кий
лит.	литовский	ср.-греч.	среднегреческий
лтш.	латышский	ср.-ирл.	среднеирландский
макед.	македонский	ср.-лат.	среднелатинский
мессап.	мессапский	ср.-нидерл.	средненидерландский
монг.	монгольский	ср.-н.-нем.	средненижненемец-
мор(ав).	моравский		кий
нем.	немецкий	ср.-перс.	среднеперсидский
нидерл.	нидерландский	ст.-блр.	старобелорусский
нижегор.	нижегородский	ст.-лит.	старолитовский
нижне-	нижнедонской	ст.-польск.	старопольский
донск.		ст.-слав.	старославянский
н.-луж.	нижнелужицкий	ст.-укр.	староукраинский
н.-нем.	нижненемецкий	ст.-чеш.	старочешский
новг.	новгородский	тадж.	таджикский
н.-перс.	новоперсидский	талыш.	талышский
норв.	норвежский	тамб.	тамбовский
олон.	олонецкий	твер(ск.).	тверской
орл.	орловский	том.	томский
осет.	осетинский	тохар.	тохарский
оск.	оскский	тул.	тульский
осташк.	осташковский	тур.	турецкий
памир.	памирский	тюринг.	тюрингский
пеласг.	пеласгский	тюрск.	тюркский
пенз.	пензенский	укр.	украинский
перм.	пермский	умбр.	умбровский
перс.	персидский	урал.	уральский
печорск.	печорский	фрак.	фракийский
полаб.	полабский	франц.	французский
польск.	польский	фриульск.	фриульский
прагерм.	прагерманский	хетт.	хеттский
праслав.	праславянский	холмогорск.	холмогорский
пск.	псковский	хорв.	хорватский
роман.	романский	цслав.	церковнославянский
рум.	румынский	чак.	чакавский
русс.	русский	черногорск.	черногорский
русс.-	русско-церковно-	чеш.	чешский
цслав.	славянский	шв.	шведский
ряз.	рязанский	этрусск.	этрусский
сак.	сакский	ю.-в.-р.	южновеликорусский
санскр.	санскритский	ю.-слав.	южнославянский
свердл.	свердловский	ю.-франц.	южнофранцузский
с.-в.-р.	северновеликорус-	яросл.	ярославский
	ский		

*а, союз: ст.-слав. а ђа, хаі, ђа, 'а, и, же' (SJS), болг. а 'а, но' (БТР), макед. а 'а, но; как только; чтобы' (И-С), сербохорв. а 'но, а, и' (в эпических песнях часто лишено конкретного значения, см. Караѿић, s. v.), словен. а 'но, а, и' (Plet. I, 1), чеш. а 'и, а, но', диал. моравск. ја, служ. слово, начинающее ответ, а также вводящее умеренный запрет; в песнях — как зачин, лишенный конкретного значения (Bartoš Slov. 125), словц. а 'и' (SSJ I, 1—2), в.-луж. а 'и' (Pfuhl 1), н.-луж. а 'а' (Muka Sł. I, 1), польск. а 'а, и' (Dorosz. I, 1), словин. а 'и, а, но' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 1), др.-русск. а 'и, а, же' (Срезневский I, 2, 3), русск. а, противит., сопоставит. и присоединит. союз, укр. а 'а, же, но, напротив; да (союз)' (Гринченко I, 1), блр. а 'а, но'.

Как противит., так и присоединит. функции праслав. союза *а представлены практически на всей слав. территории. Вместе с тем значительную древность следует признать, вероятно, за случаями отсутствия конкретного значения (см. выше сербохорв., моравск.), которые примаыкают к присоединит. функции.

Союз *а обычно объясняют, аналогично некоторым другим союзам (напр. *и), из падежной формы местоименной основы и.-е. *e-/o-, причем реконструируется праслав. *а < и.-е. *ed/*ōd, абл. ед. ч. Ср. прежде всего др.-инд. āt 'затем, потом; также, и' (абл. ед. ч. от мест. а-), авест. āat 'затем, потом; и, но'. См. Miklosich 1; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 78; J. Zubatý BB XVIII, 243; Berneker I, 22; А. Мейе. Общеслав. язык 389; Brückner, 1; Sławski I, 23; Фасмер I, 55; Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch, 211; Pokorny I, 284; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 1—2; Bednarczuk BPTJ XIX, 104 и след.; он же «Studia linguistica in honorem T. Lehr-Splawiński» 61—62; «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny», 2; А. Bajec SR V—VII, 1954, 195.

С некоторыми отличиями — из местоименной основы io- (откуда ја > а в условиях сандхи) — объясняет союз *а Мареѿич: «Отсюда видно, что правильной формой названного союза является ја, которое действительно имеется в болгарском и сербохорватском языке» (Т. Maretić «Rad» LXXXVI, 1887, 84). Здесь встает попутно проблема фонетической формы, причем одни ученые отделяют вообще болг. я 'но', 'или', сербохорв. ја 'и; или', видя в них заимствование из гур. (Berneker, там же; Младенов 701), другие усматривают в части последних вторичный протетический j-, см. Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb., там же. При решении во-

проса следует не упускать из виду чеш. диал. (моравск.) *ja* (см. выше), относительно которого было бы трудно предполагать тур. влияние.

Большинство авторов, занимавшихся происхождением праслав. *а, указывали на его родство с лит. *ō*, см. еще Meillet MSL 14, 1907, 387; Fraenkel I, 514—515. Вполне возможно, впрочем, что лит. *ō*, значение которого точно соответствует значению русск., блр. *a*, и которое, с другой стороны, не имеет близких соответствий в других балт. языках, само заимствовано из слав., на что и указывали Скарджюс (у Френкеля, там же), Садник-Айцетмюллер, там же. Изолированному положению лит. *ō* в лит. словаре (исключение: производная форма *ogi*, возможно, не без влияния лит. *ēgi*) противостоит редкая активность слав. *а, см. ниже *а *bo*, *а *by*, *а *če*, *а *ono*, *а *le*, *а *li*, *а *ni*, *а *si*, *а *ti*, *а *to*, *а *že*. Ни одно из этих сочетаний-сложений слав. *а практически не имеет соответствий в лит. языке. Наконец, лит. *ō* фонетически вообще не может продолжать и.-е. **ōd*, реконструируемое для праслав. *а, почему целесообразно пока исключать лит. *ō* из числа форм, исконнородственных слав. слову. Впрочем, вопрос о праформе слав. *а не может считаться окончательно ясным. См. еще специально *а *če*. Некоторые ученые, сознавая, по-видимому, определенную проблематичность реконструкции **ōd* в данном случае, предпочитают сближать праслав. *а с алб. *o* 'или', греч. *η* то же, др.-инд. *ā* 'также; близ, к', см. S. E. Mann, «Language» 26, 1950, 380; Machek 15 (последний отождествляет слав. *a* присоединительное и др.-инд. *ā* в близкой функции, против см. специально Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2).

Серьезного внимания заслуживает теория об участии в образовании данного союза эмфатических частиц или междометий, см. W. Prellwitz. Hervorhebende partikeln in der indogermanischen Wortbildung. — «Glotta» 19, 1931, 95; еще более определенно — Holub-Корецьký 59, где все случаи слав. *a* характеризуются как «первоначально вероятно междометие». См. еще J. Kurz «Slavia» XXIV, 144; J. Bauer. Vývoj českého souvětí, 1960, 34, 125 (цит. по: «Słownik prastłowiański. Zeszyt próbny» 2).

*а *bo*: словц. *abo* (народн., поэт.) 'или' (SSJ I, 3), в.-луж. *abo* 'или' (Pfuhl 1), н.-луж. *abo* 'или; до' (Muka Sł. I, 1), ст.-польск. *abo* 'или; ли; ибо, так как' (Sł. stpol. I, 8—9), словин. *ābo* 'или' (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 1), др.-русск. *abo* 'или' (XIV в., Срезневский I, 3; Картотека СДР: *abo*: тогда *abo* и отроци въ са пришьдъше вса имъ по малѣ повѣдаша. Син. Пат. XI в., л. 146), русск. диал. *ábó* 'или, либо; когда бы, если бы; иначе; разве, или' (Филин 1, 190), укр. *ábó* 'или, либо; разве' (Гринченко I, 2), блр. *ábó* 'или' (Байкоў—Некраш. 13).

Сложный союз, словосочетание праслав. *а *bo* практически не отразилось в ю.-слав. языках. Его продолжения в вост.-слав. языках нуждаются в комментариях. Примеры русск. диал. *ábó*,

при всей их многочисленности, имеют исключительно западное и южное распространение (см. Филин, там же). Русск.-слав. пример *abo* в новом Словаре древнерусского языка XI—XIV вв. не очень надежен, ср. более вероятное чтение соответствующего места текста: тогда *bo* и отроци въ са пришьдьше вса имь помалѣ повѣдана («Синайский патерик», изд. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967, 327=л. 146). Примеры XIV в. у Срезневского, равно как и укр., блр. *abb* могут быть сочтены ранними проникновениями из польск., ср. ст.-польск. *abo*, постепенно вытесненное более сложным *albo* (см. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, 446). Конструкция **a bo* ограничивается в древности, таким образом, рамками западнославянских языков. Менее вероятным исторически и типологически представляется объяснение формы *abo* из более сложного *a li bo*, выдвигаемое многими исследователями, см. Berneker I, 21; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 435; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 3. Дальнейшие этимологические связи см. на **a*, **bo*.

***а by:** ст.-слав. а бы *ei*, *eiye* 'если бы' (SJS), чеш. *aby* 'чтобы', словц. *aby* 'чтобы' (SSJ I, 5—6), в.-луж. *aby* 'чтобы' (Pfuhl 2), н.-луж. *aby* 'чтобы; если бы, лишь бы; как будто, как бы' (Muka Sł. I, 1), ст.-польск. *aby* 'ut, si, чтобы, если бы' (Sł. stpol. I, 10—14), польск. *aby* 'чтобы, хоть бы, лишь' (Warsz. I, 5), кашуб.-словин. *iba* 'чтобы' (Lorentz Pomor. I, 1), др.-русск. *aby* 'чтобы, дабы; если бы, лишь бы' (Срезневский I, 4), русск. обл. *aby* 'лишь бы, только бы, хоть бы', диал. (арх.) *aby* 'ой, ахти, увы' (Филин 1, 192), *aby* 'лишь бы, только бы' (Миртов. Донской словарь, 1), *aby* 'лишь бы, только бы, хоть бы; чтобы; если бы, если; либо; как бы; то есть' (Филин 1, 195), укр. *aby* 'дабы, чтобы, лишь бы' (Гринченко I, 1—2), блр. *aby* 'лишь бы, чтобы только' (Байкоў-Некраш. 16).

Союзное словосочетание **a by*, главным образом со значением цели, а также условия, широко представленное в зап. и вост. слав. языках. Что касается ю.-слав. языков, старославянский пример (Супр.) стоит особняком и тяготеет скорее к соответствующим севернославянским данным. Сочетание **a* (см.) и глагольной формы *by* (см. **byti*), первоначально — аорист 2 и 3 л. ед. ч. (ср. 1 л. ед. ч. в чеш. *abych* 'чтобы я...' и 1 л. мн. ч. в ст.-слав. а быхъма, Супр.). Предполагать, что *abych* < *at'bych* (см. Machek 15), необязательно. См. Berneker I, 21; Holub-Korešný, 59, 82 (*aby, bych*); Фасмер I, 58; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2. Подробно см. О. С. Мельничук. Развитие структуры слов'янського речення (Київ, 1966) 76, 79.

***а ѓе/*а ѓи**, союз: болг. а ѓе 'после, и затем' (Гергов), словен. *ače* 'ако' (Plet. I, 1), чеш. *ač* 'хотя', также в сложении *ačkoli, ačkoli* то же, словц. диал. *ači* 'или' (Kálal 7), н.-луж. *ac* 'ли; хотя; как' (Muka Sł. I, 1—2), также в сложении н.-луж. стар. *aškoli*

(Якуб.) 'хотя' (Muka Sł. I, 5), ст.-польск. *acz* 'если; хотя; потому что; что; ли' (Sł. stol. I, 16—18), польск. стар. *acz* 'хоть; но; несмотря на то, что' (Dorosz. I, 20), также в сложении польск. *aczkolwiek* 'хотя, хоть', др.-русск. *аче* 'если, si', 'хотя, etiamsi' (Срезневский I, 33—34), русск.-цслав. *гаче* 'сколь, насколько' (Златоустр. XII в., Срезневский III, 1675), если последнее — не к **atje* (см. ниже); русск. диал. (ряз.) *ач* 'вот еще, как бы не так, еще что' (Даль³ I, 80), укр. *ачей* 'авось' (Укр.-рос. словн. I, 20).

Реконструируемое обычно в форме праслав. **a če* (авторы предпочитают писать **ače*, хотя здесь целесообразно считаться с наличием словосочетания, а не слова) объясняется из сложения союза **a* (см.) и древней энклитики местоименного происхождения **če* (см.). См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 491—492; Berneker I, 22; Brückner 2; Sławski I, 23; Machek 15; «Słownik prasłowiański, Zeszty próbny» 2 («Прозрачное сложение *a+če*»); Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2. Иначе см. Г. А. Ильинский у Трубачева — ВЯ, 1957, № 6, 93.

Прозрачность состава делала, видимо, излишней необходимость восстановления более древней истории. Тем не менее, слав. **a če* имеет аналогии или соответствия в родственном материале других и.-е. языков. Ср. прежде всего лат. *atque, adque* 'с другой стороны, более того, однако, как, и' (подробности о лат. слове см. Ernout-Meillet³, I, 94—95). Сближение праслав. **a če* и лат. *atque | adque*, представляющее собой одновременно тождество минимальных контекстов и включающее этимологическое тождество *če=que*, есть вместе с тем и этимология для праслав. **a* (см.), которое логично отождествить этимологически с лат. *at* 'с другой стороны, а, но'. Ср. пример из Павла Феста, приводимый у Эрну и Мейе, где ярко видно функциональное тождество со слав. *a*, русск. *a* в оборотах типа *один. . . , а другой. . .*: *Scipio est bellator, at Marcus Cato orator*. Сюда же лат. *ad* 'при, у, к', которое вместе с лат. *at*, а также, по-видимому, праслав. **a* восходит к и.-е. **ad*, предлогу и послелогу с присоединительным значением (см., с отличиями в трактовке, Роконгу I, 3). Обычно считается, что эта и.-е. форма неизвестна слав. языкам. Что касается количества и.-е. гласного, который был скорее всего кратким, то в славянском, вполне вероятно, имело место эмфатическое удлинение **ād > *ā*, оправданное в условиях фразы. Любопытно отметить, что сближение слав. *a* и лат. *at, et* встречается в литературе (см. например Holub-Корейн³ 59), но не привлекло достаточного внимания исследователей. Ср. еще др.-инд. *ácscha* 'к, при' (< *at ca*). См. О. Н. Трубачев «Вопросы филологии. К 70-летию И. А. Василенко» (М., 1969) 334.

***a jьno?/*a ono:** болг. *анѡ* 'потому что' (Геров), сербохорв. стар. (союз) *ано*, с XIV в. (RJA I, 91: «savez a s pronominom u srednjem rodu *ono* sastav[en. . . (âno). -- Dolazi od XIV v. . . , između

gječnika samo u Daničićevu...»), диал. *anō* 'да, но' (Елез. I), словен. *ān* 'но, кроме' (Plet. I, 4), *āno* 'и, но, а', союз (Plet. 5), *ano*, *anoj* 'давно', наречие, *anoboj* 'но, однако' (там же), сюда же *āda* 'теперь' (Plet. 1), ст.-чеш. *an*, ед. ч. м. р., *ana* ж. р., *ano* ср. р. (Gebauer, 14), чеш. *ano* 'да', словц. *āno* 'да' (SSJ I, 35) диал. *an*, *ān* 'тут, там' (Kálal, 8), польск. *ano* 'да, ну да, конечно; итак, вот' (Dorosz. I, 145), др.-русск. *ano*, *anъ* 'а' (Новг. I л., 1215 г., Срезневский I, 23), *anъ* (. . . а чьи судьи на третии не поѣду^т или на кого третии помолви^т / *anъ* взато не отдасть, то правому отнати. — Грам. докончалн. кн. Дм. Ив. с кн. Твер., 1375 г., сп. XV в., рукоп. ЦГАДА. Картотека СДР, русск. стар. диал. *an*, *ānō*, союз и част., 'так что, даже; а вот; а вместо этого; или, а то' (Даль³ I, 16, Филин I, 260), укр. диал. *anō* 'но, только' (Гринченко I, 7).

Из двух указанных в заглавии статьи реконструкций более вероятна праформа *а *ono*, где второй компонент словосочетания *а (см.) + *ono — местоимение (см. *onъ), ср. соответствующее мнение уже у зачинателей Загребского академического словаря (см. выше), подробно см. J. Zubatý LF 36, 113 и след. = Studie a články I, 2, 6; далее — Преобр. I, 1; Machek 18 (там же приводятся польск. *a ono*, *a ino*); Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4. Специально см. V. M. Du Feu. The conjunctions *yno* and *ano* in old Russian. — «Canadian Slavonic Papers» 5, 128—142 (цит. по: RS XXVI, cz. 2, 1966, 323). Следует также считаться с иным объяснением — из *а *no* / *nъ*, см. Berneker I, 22; Фасмер I, 77; A. Bajec SR V—VII, 1954, 195, 196.

*а *le*: чеш. *ale* 'но, ну', словц. *ale* 'но, ну' сюда же противит. союз словц. *alebo* (SSJ I, 23—24), в.-луж. *ale* 'но, однако' (Pfuhl 2), н.-луж. *ale* 'но, между тем' (Muka Sł. I, 3), польск. *ale* 'но, ну' (Dorosz. I, 77—78), словин. *ālā* 'но' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 4), укр. *алé* 'но, однако, впрочем', 'ну' (Гринченко I, 6), блр. *але* 'но'.

Исключительно сев.-слав. союзное словосочетание *а (см.) + *le (см.). В свете известного распределения формы (чеш., словц., в.-луж., н.-луж., польск., словин., укр., блр.) соответствующие укр. и блр. формы вполне могут быть заимствованы из польск. Болг. *алá* 'но' заимств. из греч. *ἀλλά* с тем же значением и к рассматриваемому здесь слав. образованию отношения не имеет, точно так же, как и само греч. слово, восходящее к и.-е. *alio- 'другой'. Таким образом, уверенно можно говорить только о зап.-слав. *а *le*, выступающем там, впрочем, достаточно рано, ср. польск. *ale* — с XIV в., см. Sławski I, 24. Далее см. Berneker I, 22, 698; Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2—3 (оба последних словаря приводят еще болг. *але* 'глядь', но оно, по всей вероятности, сюда не относится, см. Георгиев БЕР I, 9). Будучи новообразованием части слав. диалектов, *а *le* лишено соответствий за пределами славянского. Лит. *алé* заимств. из слав., см. Fraenkel I, 7.

*a li: ст.-слав. а ли *xi*, *ǫ́e* 'разве, но, если' (SJS, Sad.), болг. диал. *али* 'или' (с. Корница, Благоевградско, дип. раб., Архив Соф. ун-та), 'но, однако' (Геров), 'разве, или' (Геров — Панчев; Стойчев БД II, 123), макед. *али* 'или; разве' (Кон.), сербохорв. *или* 'но; или' (Вук Караџић s. v.; RJA I, 67—74), диал. *или* 'или; ли, разве' (Елез. I), *јили* 'или' (Вук Караџић), *ale, aleti* 'или; но' (Ka, 387), словен. *ali* 'или, ли; но; конечно' (Plet. I, 3) сюда же *aliboj* 'или, ли' (там же), *aboj* 'или' (Plet. I, 1), сюда же, далее, чеш. *albo* 'или, либо' (Kott. Dod. k Bart. 1), н.-луж. стар. *albo* 'или' (Мука Sl. I, 3), польск. *albo* 'или; разве' (Dorosz. I, 73—74); др.-русск. *али* 'но, же' (Син. Пат., XI в., Срезневский I, 15), *али* 'ли, ужели, или, если, по крайней мере' (Срезневский I, 15—16), русск. обл. *али* 'или, либо; разве' (Даль³ I, 27; Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ., 82; Картотека Печорского словаря), сюда же *альбо* 'или, либо' (Филин I, 244—245) и *альнб* 'так что; даже' (Филин I, 246), укр. *альбб* 'или, либо' (Гринченко I, 6), диал. *албу* 'или' (Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, 240).

Союзное словосочетание *a (см.) + *li (см.), отраженное практически во всех слав. языках, в чем состоит его отличие от *a le (см.), к которому *a li близко подходит в значении 'но' (сербохорв., др.-русск. частично—словен., см. выше). Ср. еще болг. *албѹ* 'но' (Геров—Панчев). Энклитическая конструкция *a li bo вторично произведена в отдельных языках от *a li. См. Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 3.

*a ni: словен. *ani* 'ни' (Plet. I, 5), чеш. *ani* 'ни', словц. *ani* 'ни' (SSJ I, 34), в.-луж. *ani* 'и ни' (Pfuhl 2), польск. *ani* 'ни' (Dorosz. I, 135), укр. *ані* 'ни', блр. *ані* 'ни; даже и не' (Нусов. 6).

Словосочетание *a ni представляет собой усиленное союзом *a (см.) отрицание *ni (см.). Конструкция *a ni носит характер преимущественно западнославянского образования, остальные примеры (словен., укр., блр.) имеют смысл аналогично другим подобным случаям расценивать как маргинальные по отношению к зап.-слав. ареалу. Новообразование, не имеющее соответствий за пределами славянского. Функция сравнения, выступающая у *a ni в разных языках, вторична. См. Berneker I, 21; Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 3; Sławski I, 24; Machek 18; A. Bajec SR V—VII, 1954, 196.

*a si/*a se: чеш. *asi* 'примерно, возможно', также с уступительными значениями, словц. *asi* то же (SSJ I, 48—49), сюда же словц. *azda* 'возможно, может быть' (SSJ I, 58) < *a si da, диал. *ozda* то же (Buffa. Dlhá Lúka 192), *azda* (Habovštiak. Orav. 97, 181, 311), далее — словин. *ǫs* 'и' (Lorentz Slovinz, Wb. I, 9), последнее — фонетически из *as (i), наконец, сюда же, видимо, и русск. просторечн. *ась*, ответ, отклик на обращение.

Несмотря на наличие на польской периферии — в кашубско-словинском — продолжения праслав. *a si, в самом польском исконное существование этой конструкции вызывает сомнения. Ср., впрочем, М. Zembaty—Michalakowa JP XLIV, 1964, 161—164 (где говорится о том, что ст.-польск. *asi* 'но' нельзя считать чехизмом). В целом распространение *a si (чеш., словц., словин., русск.) позволяет говорить о реликтовом характере конструкции, а не о свежей инновации (ср. Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4: «... da die Zusammenrückung a si jüngeren Datums ist...»). Относительно происхождения *a si, особенно — его второго компонента, среди ученых нет единства мнений. Наименее вероятнона этимология, согласно которой *a si — сложный союза *a (см.) и формы дат. п. ед. ч. энклитического возвратного местоимения *si (см.) 'себе'. См. Sadnik—Aitzetmüller, там же (где и дальнейшая литература). Функция si была бы при этом неясной. Ссылка Садник и Айцетмюллера на усилительную функцию si и на соответствующие рассуждения Вайяна (см. Vaillant. Gramm. comparée II, 447) неудачна, поскольку Вайян имеет в виду усилительную функцию si при глаголе, ср. болг. *спи си* 'спит себе'. Две другие этимологии si в составе словосочетания *a si — от указательного местоимения *sъ (см.) и от древнего оптатива *si < и.-е. *sit 'да будет' — заслуживают внимательного изучения. Эти этимологии не исключают одна другую, как полагают Садник и Айцетмюллер (там же), решительно отклоняющие мысль об оптативе, выдвигаемую Бернекером, Голубом — Копечным, Махеком и др. (см. ниже). Решение проблемы требует правильной группировки материала. При этом *a si, лежащее в основе чеш. и словц. наречий со значением приблизительности, возможности (см. выше), явно содержит во втором компоненте продолжение древнего оптатива. Небезынтересно отметить, что из латинского оптатива sit 'пусть будет' развились на романской почве совершенно аналогичные наречия со значениями возможности, предположительности, ср. франц. *soit* 'возможно, положим'. В славянском выявлено немало следов оптативного *si: польск. *ktoś* = *ktobądź*; словен. *bodisi*, тавтологическое сочетание, ср. еще свободное si в древнесловенских Фрейзингенских памятниках (Bezlej. Eseji o sloven. jez. 143); ст.-слав. *ушѣ* 'utinam', ср. др.-лат. *siet* (Ильинский. Праславянская грамматика, 488). Имеются основания сближать описанное праслав. диал. (чеш.-словц.) *a si с лат. *etsi* 'и однако', 'даже если', 'хотя' как соответствующие конструкции, а также как сочетание этимологически родственных компонентов, причем лат. *et, at (ad)* = слав. *a; лат. *si* условное 'если' (которое трудно отрывать от оптатива лат. *sit*) = слав. *si. О лат. словах см. иначе Ernout—Meillet³ I, 361—362; II, 1097—1098; Walde² 707; Walde—Hofm. I, 421.

Для словин. *ičis* и русск. *ась* 'я здесь' можно реконструировать праслав. **a se*, второй компонент которого представляет собой ср. р. указательного местоимения **sz* 'этот' (см. Фасмер I, 95). И опять вся конструкция, продолжающая условно и.-е. **ad ke*, может быть сравнена целиком с лат. *ecce* 'вот, смотри' < **ed ce* (см. о последнем, без упомянутого сближения, Walde—Hofm. I, 390). Определенные трудности разграничения праслав. **a si* и **a se* заставляют рассматривать их вместе. См. из литературы: Berneker I, 24; Holub—Korečnů 61, 331; Machek 19; Sadnik—Aitzetmüller, там же; «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo», 1—2, 94—96. См. О. Н. Трубочев «Вопросы филологии. К 70-летию И. А. Василенко», 335—336.

***a ti**: чеш. *at'* союз 'чтобы, дабы, пусть, да', ст.-польск. *ac* 'пусть, давай' (Sł. stpol. I, 20), др.-русск. *amu*, *амь* 'пусть, ut' (Лавр. л. под 1148 г., Срезневский I, 32), *ame* (... Тако аже роуский гость биетьса оу ризѣ или на гочкомь березе, латине то не надѣбѣ. *Ame* промьжю събою оурадате са. Смол. грам. 1229 г. Картоотека СДР).

Союзное словосочетание **a ti*, образованное из союза **a* (см.) и местоименной основы **te-* / **to-* (см. **tъ*) с первоначальной указат. функцией, которая вполне закономерно развила здесь значение побудительное, пермиссивное, ср. развитие близкой модальности у других местоименных основ. Ср. еще др.-русск. *амъ* 'пусть, да, ut' (см. след. статью). Местоименный компонент **ti* можно уверенно сравнивать вслед за Ягичем с лит. пермиссивной частью *te-* (напр. *tegyvijoja* 'да здравствует'), дейктическая природа которой очевидна, см. Fraenkel II, 1071. Аналогично объясняется слав. *da*, русск. *да* 'чтобы, дабы' — из и.-е. указат. мест. **do-* см. Фасмер I, 480. Подробно см. Vondrák. Vgl. slav. Gram. II, 427, 489—490, где бегло упомянут параллелизм с *da*, а кроме того, говорится о связи с другими употреблениями *ti* (союз, энклитика). См. еще Berneker I, 24; Brückner 2; Machek 19. Менее вероятно объяснение из дат. п. ед. ч. (dativus ethicus) от мест. *ty* 'ты' (Фасмер I, 96, с литературой; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4; A. V. Isačenko «Scando-Slavica» XVI, 1970, 197).

***a to**: болг. *амб* 'а выходит, а оказывается, что' (Геров), др.-русск. *ато* (... и рекоста се оуже Игорѧ есте оубили. *ато* похорони тѣло ѡго. Лавр. л. 1377 г., л. 106. Картоотека СДР), ср. еще др.-русск. *амъ* 'пусть, да, ut' (Пов. вр. л. и др., Срезневский I, 32); русск. диал. *амб*, *амбж* 'а как же, как иначе; да, так' (Даль³ I, 73), укр. *амб* 'а, но, а не то, а между тем; кроме того, еще' (Гринченко I, 11).

Союзное (или наречное) словосочетание **a to*, образованное из **a* (см.) и формы ср. р. указат. местоимения **to* (см. **tъ*). См. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4—5. Др.-русск. пример четко обнаруживает целевую, побудительную функцию, тогда

как русск., укр. примеры совершенно самостоятельны семантически и употреблены в противительной функции.

- *а *že*: сербохорв. стар. *äre* (XV—XVI вв., RJA I, 103), чеш. *až* 'до тех пор, пока', словц. *až* то же (SSJ I, 58—59), диал. *ež* (Набовштиак. Огав. 48, 298, 305), н.-луж. *až, ažo* 'до; что; до тех пор, пока; чтобы' (Мука Sł. I, 5—6), польск. *aż*, стар. *aże* 'даже; вот; до тех пор, пока; как только; так что' (Warsz. I, 76), кашуб.-словин. *ažla* 'если, ли' (Lorentz Pomor. I, 9), др.-русск. *аже, ажъ* 'что; если; даже; тем более; а вот' (Срезневский I, 8—9), русск. обл. *áже, аж* 'инда, даже, так что; напротив, между тем; ведь' (Даль³ I, 16), диал. (ряз.) *áже* 'даже' (Филин 1, 209) (ряз., смол.) *áжб* 'даже, так что' (Филин 1, 213), *аж* 'что, даже' (курск., Доп. к Опыту 1), *áжнб* 'даже, так что; как будто, точно, словно; а ведь, но, однако, между тем как, оказывается; возможно, вероятно; или, неужели' (Филин 1, 211—212), укр. *аж* 'так что даже, даже; до' (Гринченко I, 4—5), блр. *аж* 'а, но вот; даже, что даже; пока даже; и вот; как' (Носов. 3).

Союзное и наречное словосочетание из *а (см.) и усилительной частицы **že* (см.). См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 495; Machek 20; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 5. Очень подробно см. «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo», 3—11. За пределами славянского параллель может быть указана в лит. *õgi* 'ведь, а вот; а ведь' (аналогичное усиление союза *õ* с помощью энклитической частицы, близкой слав. *že*). Обращает на себя внимание близость значений лит. слова и ряда значений вост.-слав. слов, возможно, вызванная контактами этих соседствующих языков. Относительно лит. *õ* см. специально на *а.

- ***ablo**: болг. *ябло* ср. р. 'яблоко' (Геров), словен. *jáblo* ср. р. 'яблоко, яблоня' (Plet. I, 353), чеш. *jablo* 'яблоко' (Kott I, 593), ст.-польск. *jabto* 'яблоко' (Warsz. II, 120), словин. (кашуб.) *jãblo, jabto* ср. р. 'яблоко' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374; он же. Pomor. I, 293).

Название яблока **ablo*, представляющее собой -о- основу среднего рода, т. е. образование, заметно отличающееся от праслав. **ablъko* (см.); должно, вопреки установившейся практике, трактоваться отдельно от этого последнего. Будучи не новообразованием, а скорее независимым архаизмом (ср. при этом реликтовый характер распространения **ablo*, не имеющего четкого ареала и охватывающего часть западных и часть южных слав. языков), праслав. **ablo*, как и близкая к нему основа на -о- м. р. **ablъ* (см.), может быть, по-видимому, прямо увязано с и.-е. **ãblo-*, ср. герм. **apla-* (крым.-гот. *apel*, др.-исл. *epli* ср. р. 'яблоко' *apaldr* 'яблоня'), см. Pokorný I, 1—2 (где слав. -о- основы оставлены без упоминания). Подробнее об этимологических связях всей группы слов см. на **ablъko*.

- ***ablonevъjъ**/***ablonovъjъ**: чеш. *jabloňový* 'яблоневиный', словц. *jabloňový* то же (SSJ I, 637), н.-луж. *jabloňowy* 'яблоневиный' (Мука Sł. I,

519), польск. *jabłoniowy*, диал. *jabłonowy* 'яблоневиый' (Warsz. II, 121), словин. *jablėniŕevī* то же (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374), др.-русск. *яблониовиши* 'сделанный из яблонювого дерева' (Срезневский III, 1632), *яблоневи* (1583 г., ДРС), русск. *яблоневиый*, *яблонювиый*, укр. *яблунєвиый* 'своиственный, принадлежачий яблоне' (Гринченко, IV, 534).

Прилагательное регулярного вида, образованное с фюрмантом *-ov-* от названия яблони. Суффт. *-ev-* представляет собой позиционный вариант фюрманта *-ov-* после основы на *-i-* **ablony* (см.). Сюда же, по сути, примыкают образования от праслав. **abolnovъjъ* (см.), уверенно реконструируемые лишь для ю.-слав. языков.

ablonica*/abolnica*?: в.-луж. *jabłońca* ж. р. 'яблоня' (Pfuhl 228).

Не исключено, что это слово представляет собой относительно позднее новообразование с суффт. *-ica* на базе более древнего **ablony* (см.), ср. в.-луж. *jabłoń* 'яблоня'. Мотивы новообразования недостаточно ясны ввиду синонимичности производного слова и производящей основы. Ср. чеш. диал. *jablonice* ж. р. 'яблоневиый сад' (Kott I, 594), а также серб. *Jāblanica*, местное и водное название (RJA IV, 384), где мотивация налицо.

ablonišće*/abolnišće*: словен. *jablanišče* ср. р. 'яблоневиый сад' (Plet. I, 353), чеш. *jablonišťe* ср. р. 'яблоневиый сад' (Kott I, 594), в.-луж. *jabłonišćo* ср. р. 'яблоневиый сад' (Pfuhl 228).

Производное с суффт. собирательности *-išće* от **ablony* (см.).

**ablony*: чеш. *jabłoń* ж. р. 'яблоня Malus', словц. *jabłoń* ж. р. то же (SSJ I, 627), в.-луж. *jabłoń* ж. р. 'яблоня' (Pfuhl 228), н.-луж. *jabłoń* ж. р., реже — м. р. (Muka Sl. I, 518—519), полаб. *joblün/joblünä* ж. р. 'яблоня' (Polański—Sehnert 75), польск. *jabłoń*, диал. *jabteń*, *jablonia* 'яблоня' (Warsz. II, 121), словин. *jabłocin* ж. р. 'яблоня' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374), др.-русск. *яблони* 'яблоня' (Ю. экз. Шест., Срезневский III, 1632), русск. *яблони* ж. р., *яблоня*, укр. *яблуня* ж. р., *яблуня*, *яблїнь* 'яблоня' (Гринченко IV, 534), блр. *яблыня* 'яблоня'.

Праслав. **ablony* ж. р. распространено в этой форме в зап. и вост.-слав. языках, при **abolny* / **abolny* в ю.-слав. Основа на *-i-* ж. р. является инновацией, параллель к которой наблюдаем в балт. (зап.) **ābalni* ж. р., откуда др.-прусск. *wobalne* 'яблоня' (см. Trautmann BSW 2), хотя близость эта в остальном касается скорее праслав. **abolny* (см.), а не анализируемой здесь формы. (К числу дальнейших местных инноваций отдельных слав. языков относится преобразование **ablony* по *-a-*основам в русск., блр., частично — укр., польск. диал., полаб.; местные поздние преобразования вокализма **ablony* под влиянием формы названия яблока, откуда блр. *яблыня* — ср. *яблык*; укр. *яблуня* — ср. *яблуня*, а также польск. диал. *jabteń* — при польск. *jabłko*, род. п. мн. ч. *jabłek*).

Праслав. **ablonь* представляет собой расширение более древней основы **ablon-*, где сравнение с названием яблока в разных и.-е. языках позволяет выделить суффт. *-on-*. И.-е. **abl-on-* обнаруживает семантику 'яблочный, связанный с яблоками', откуда значение 'яблоня'. Ср. *Abella*, название оскского города в Кампании (Италия), снабженное у Вергилия эпитетом *mālifera* 'обильная яблоками', которое объясняют из **ablonā*. См. Walde—Hofm. I, 3; Ernout—Meillet³ I, 5; Pokorny I, 1. Иное соотношение корня и суффикса можно указать в и.-е. **abal-n-*, которое реконструируют для ср.-ирл. *aball* ж. р. (**abalnā*) 'яблоня', др.-кимр. *aball* (Pokorny, там же). Так, парность основ праслав. **ablonь*: **abolнь* восходит еще к и.-е. парности **abl-on-*: **abal-n-*, причем взаимоотношения морфем (краткость корня — при полноте суффикса и наоборот) в принципе ясны. Менее вероятно иное объяснение парности ст.-слав. яблѧна : русск. яблонь — из суффиксального чередования *-an-*: *-on-* (и.-е. *-ōn-*: *-on-*), напр. Meillet MSL 14, 1907, 368. Гипотезы о древнеевропейских, дославянских связях слав. *āblān-* см. К. Oštir «Etnolog» IV, 1930, 2, где указывается на этрусск. **āblon-* 'яблоко' в составе имени этрусск. *Aϕlun-iθ-* 'Ромона'. Праевропейские, доиндоевропейские истоки усматривают здесь и другие ученые, см. Holub—Korešný 148; Machek 168 (у последнего см. полезное указание на то, что название яблони представляет собой единственный случай, когда название фруктового дерева настолько отличается от названия самих фруктов).

Старую теорию о метатезе **abolнь* > **ablonь* под влиянием **ablo* (Torbiörnsson. Die gemeinslav. Liquidametathese I, 72; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 481; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 8) лучше, по-видимому, оставить. Точно так же изложенное выше исследование древности вариантов **ablonь*: **abolнь* делает излишним объяснение вост.-слав., чеш., полаб. форм как заимств. из польск. (Berneker I, 23). Далее об этимологии см. на **ablьko*.

***ablonьльзь**: чеш. *jabloní* 'яблоневоый'.

Прилагательное, произведенное с *j*-овым суффиксом от **ablonь* (см.).

***ablonьље**: чеш. (редк.) *jabloní* ср. р. 'яблонн', укр. *яблуння* ср. р. собир. 'яблонн' (Гринченко IV, 534).

Производное с суффт. *-ьје* от праслав. **ablonь* (см.) с четкой функцией собирательности.

***ablonьльтьзь/*abolньльтьзь**: словен. *jabolen* 'яблочный' (Plet. I, 353), чеш. (редк.) *jablonný* 'яблоневоый', н.-луж. *jablonny* 'яблоневоый' (Muka Sł. I, 519), словин. *jablaní* [sic!] 'яблочный, die Äpfel betreffend' (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 374), др.-русск. *яблоньный* 'яблоневоый' (1579 г., Срезневский III, 271), русск. *яблонный*.

Оговорки требует словен. *jabolen*, которое может продолжать также особое праслав. **ablьнь*, прилагательное на *-ьнь* от назва-

ния яблока без расширителя *-k-* (ср. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 7), правда, форма без *-k-*, от которой логично производить словен. *jábolen* 'яблочный', является как раз названием яблони (словен. *jábel*, см. след.), тогда как яблоко обозначается в словенском стандартной формой с расширением — *jábolko*. Далее, проблематично словин. *jablaní*, которое может представлять собой производное с суфф. *-ěпъ/-ěпънъъ* от словинского же *jāblo* 'яблоко' (см. *ablo).

В остальном **ablonънъъ* представляет собой прилагательное с суфф. *-(ь)нъъ* от праслав. **ablonъ* (см.). Возможную древность *n*-ового адъективного производного от этой основы может показывать такой любопытный параллелизм в италийском (романском) словообразовании как лат. *abellānus, abellāna*, эпитет к *nix* 'орех', откуда ит., исп. *avellana* 'орешник' (праформа **ablonānos*, ж. р. **ablonānā*), и *abellīnus* (**ablonīnos*). «Неяблочные» значения известны также и в славянском, см. **abolнь, *abolнъ*.

***ablъ**: болг. диал. *йáбол* м. р. 'яблоко' (с. Червенбряг, Луковитско. СПТВ 266. Архив Болг. диал. словаря, София), словен. *jábel*, род. *-bla*, м. р. 'яблоня' (Plet. I, 353).

Праслав. **ablъ*, как и **ablo* (см.), является основой на *-o-*, достаточно древним (< и.-е. **āb(a)lo-*), но вместе с тем вторичным, расширением первоначальной согласной основы на *-l-*. Более регулярно представлено в слав. языках другое древнее расширение — на *-u-* (см. подробнее **ablъko*). Праслав. **ablъ* распространено спорадически, судя по известным данным. Нет оснований видеть в нем *-u-* основу (так см. Sadnik—Aitzetmüller 1, 7).

***ablъсьпъъ**: бол. *ябълчен* 'яблочный' (Геров: *ябълчньий*), макед. *јаболчен*, только в выражении *јаболчна коска* 'скула' (И-С), сербохорв. *јáвѣчан* 'яблочный' (с XVII в., RJA IV, 385), словен. *jábolčen* 'яблочный' (Plet. I, 353), чеш. *jablečný*, словц. *jablčný* (SSJ I, 627), польск. *jabłeczny* (Warsz. II, 120), русск. *яблочный*, укр. *яблушиний* 'яблочный' (Гринченко IV, 534), блр. *яблычны* 'яблочный' (Блр.-русск.).

Регулярное адъективное производное с суфф. *-ьпъ(ь)* от **ablъko* (см.).

***ablъka**: болг. *ябълка* ж. р. 'яблоня, яблоко' (БТР), *ябълка* (Геров), диал. *бълка* ж. р. (Геров—Панчев), *йáбока, йáболка* ж. р. (Стойчев БД II, 175), *йáбука* ж. р. (М. Младенов БД III, 81; Шапкарев—Близнев БД III, 226), сербохорв. *јáбука* ж. р. 'яблоня, яблоко', словен. *jábolka* ж. р. 'яблоко, яблоня' (Plet. I, 353).

Только ю.-слав. Генетически соотносимо с формой мн. ч. от **ablъko* (см.), употребляемой на остальной слав. территории исключительно в своей морфологической функции.

***ablъko**: ст.-слав. *аѡлѡко* ср. р. 'яблоко, яблочо' [Быт. XXX, 14, в рукоп. 1538 г.] (Вост.; Mikl.), болг. диал. *ябълко, ябълко* ср. р. 'яблоко' (Геров), макед. *јаболко* ср. р. 'яблоко' (И-С, Кон.),

сербохорв. стар. и обл. *jǎbuko* ср. р. (Вук Караџић, RJA s. v.), словен. *jábolko* ср. р. 'яблоко' (Plet. I, 353), чеш. *jablko* ср. р. 'яблоко', словц. *jablko* ср. р. 'яблоко' (SSJ I, 626—627), в.-луж. *jabluko* ср. р. 'яблоко' (Pfuhl 228), н.-луж. *jabtuko* ср. р. то же (Muka Sł. I, 519), полаб. *jopt'ü* ср. р. 'яблоко' (Polański-Sehnert 76), польск. *jabłko* 'яблоко' (Warsz. II, 120), словин. *jǎpkò* ср. р. 'яблоко' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 381), др.-русск. *яблъко*, *яблоко* 'яблоко, плод яблони' (Срезневский III, 1632), русск. *яблоко* ср. р., укр. *яблуко* ср. р. 'яблоко' (Гринченко IV, 534).

Праслав. **ablъko* — наиболее распространенное, сравнительно с **ablo* (см.) и **ablъ* (см.), название яблока в слав. языках. Форма **ablъko* — прозрачное производное с продуктивным слав. суффикс. *-k-*, не имеющее полных соответствий вне славянского, от *-u-* основы **ablŭ-*, не сохранившейся в чистом виде в слав. языках, но прослеживаемой, в свою очередь, в других и.-е. языках, ср. прежде всего герм. **aplu-* (основа косв. п. п. **aplu-*, откуда **apfl-*: англ. *apple*, др.-в.-нем. *apful* 'яблоко'), см. специально Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 169. О кельт. словах, также продолжающих основу **ablŭ-*, см. G. S. Lane «Language» 9, 1933, 254; Pokorny I, 1—2. Следует отметить, что представленное в праслав. инновации **ablъko* расширение и.-е. именной основы на *-u-* с помощью *-k-* суффиксального — характерная для слав. развития и достаточно архаичная черта.

И.-е. **āblu-*, а также **āb(a)lo-* (см. о последнем под **ablo*, **ablъ*), очевидно, продолжают и.-е. консонантную основу **ābl-*. Следы склонения на согласный видны, например, в лит. *obelis*, род. п. ед. ч. *obelis̃s*, род. п. мн. ч. *obelj̃* 'яблоня'. См. Fraenkel I, 515. Однако было бы неправильно переносить все особенности вокализма балт. формы в и.-е. древность, как это делают, реконструируя на основе лит. *obuolas* 'яблоко' и.-е. консонантную основу **ābōl-*, см. G. S. Lane, там же; Pokorny, там же. См. еще J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika (Vilnius, 1968) 286; R. Eckert «Baltistica» V, 1 (Vilnius, 1969), 10 и след.

Более правы те исследователи, которые видят в вокализме корня лит. форм вторичную, местную обработку, см. Vaillant, там же. Сравнение внутри балтийского позволяет выделить др.-прусск. *woble* ж. р. 'яблоко' как наиболее архаичное и соответствующее и.-е. **ābl-*, все же остальные балт. огласовки (лит. *obuolas*, *obuolj̃s*, диал. *obulas*, *obalas* 'яблоко', *obelis* 'яблоня', см. обзор: К. Буга РФВ LXX, 1913, 100; К. Būga. Rinktiniai raštai I, 433; Trautmann BSW 2) — не более как вторичные вокализации праформы **ābl-*, включенные в активные балт. апофонические ряды. Слав. и балт. формы названия яблока объединяет долгота начального *ā*, противопологающая их другим и.-е. формам (см. Mikkoala. Urslav. Gramm. I, 51), прочие фонетико-морфологические особенности слав. и балт. форм (см. выше) скорее разъединяют их. Обращает на себя внимание совершенно

регулярное развитие протезы *j*- перед начальным *a*- почти во всех слав. языках, см. Мейе. Общеслав. язык 69, Arumaa. Urslav. Gramm. I, 108.

Проблема дальнейших связей и генезиса и.-е. **āblu*-, **āblo*- представляется сложной с разных точек зрения. Неслучайно ставился вопрос о заимствованном происхождении этого слова. См. недавно P. Friedrich. Proto-Indo-European trees. — Indo-European and Indo-Europeans. Papers presented at the University of Pennsylvania, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 16—17. При этом указывалось на наличие крайне редкого для и.-е. лексики согласного *b* непридыхательного (см. Moszyński. Pierwotny zasięg 280, с литературой), на исключительно европейский ареал распространения этого слова, неизвестного азиатским ветвям и.-е. группы языков (ср., однако, ниже). Последнее обстоятельство вызвало мнение о доиндоевропейском, «праевропейском» происхождении (так — Оштир, Махек и др., см. еще под **ablony*). Долгое время не было ясности, впрочем, и в отношениях и.-е. форм между собой. Так, близость ст.-слав. *лѣзѣкъ*, лит. *obuoljys*, др.-в.-нем. *apfal*, др.-исл. *epile*, ирл. *aball*, *uball* и лат. *Abella*, название города (см. O. Schraeder ВВ XV, 1889, 287), одно время объясняли как заимств. в слав. и балт. из кельт. на нижнем Дунае (так см. A. Fick ВВ XVI, 1890, 170; тот же ученый раньше говорил только о родстве слав., кельт., герм. и балт. слов, см. A. Fick ВВ II, 1878, 195). Мнение Фика о заимствовании из кельт. повторяет А. А. Шахматов (AfslPh XXXIII, 1911, 89). Иначе — как заимствование из *Abella* («*malum abellanum* 'яблоко из Абеллы [в Кампании]'») — толкует все, в том числе кельт., слова Миклошич (см. Miklosich 1). В современной науке эти точки зрения считаются преодоленными, и названные выше слав., балт., герм., кельт. и итал. слова трактуются как исконнородственные, см. Verneker I, 22—23; Sadtik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 7—8. Давно указывалось на древнее знакомство с яблоней в диком виде и на древнюю культуру яблони в средней полосе Европы и примыкающих областях. См. А. Будилевич. Первобытные славяне I, 1 (Киев, 1879), 330—331. Нет никаких объективных причин возводить **āblu*- к доиндоевропейскому субстрату. Это слово имеет и.-е. морфологический вид. При определении круга родственных форм и их распространения нужно считаться с семантическими отклонениями, которым вполне подвержено и название яблони (ср. **abolnъ*, **abolnъ*, ниже). Из этого исходили, видимо, прежние исследователи, сблизившие название яблока, яблони с названием травянистого растения лат. *ebulus* и с лат. *abies* 'ель' (см. Moszyński, там же), далее — с др.-инд. *abala* м. р. растение Grataeva Roxburghii, см. H. Ebel KZ VI, 1857, 216 (последнее слово, приводимое автором по словарю Бётлинка—Рота, объясняют также, впрочем, как сложение с отрицанием *a-bala*, собственно — 'несильный,

слабый', ср. Monier—Williams. A Sanskr. — Engl. dictionary 60, где упомин. значение 'растение *Tarvia Crataeva*'). Таким образом, древние этимологические связи праслав. *ablъko, и.с. *ablu- лишены ясности. Ср. старые и новые сближения с санскр. *ab* 'идти, звучать' (С. Микуцкий. Изв. ОРЯС, V, 1856, 51), с и.-е. *abō 'бегу, теку', лат. *amnis* 'река', сюда же якобы *ablu-s 'плод для выжимания сока' (J. Loewenthal WuS X, 1927, 157).

Далее см. Фасмер IV, 539; Sławski I, 479—480.

*ablъkovъ (jъ): макед. *jabolkov* 'яблочный' (И-С), сербохорв. *jabukov* 'яблоневиный, яблочный' (RJA IV, 389), чеш. *jablkový* 'яблочный', словц. *jablkový* (SSJ, I, 627), в.-луж. *jabukowu* 'яблочный' (Pfuhl 228), н.-луж. *jabukowu* то же (Muka Sł. I, 519), польск. *jablkowy* 'яблочный' (Warsz. II, 120).

Прилагательное, производное на -ovъ (jъ), от *ablъko (см.). Праслав. древность проблематична.

*ablъkъ: др.-русск. *яблокъ* м. р. (Среди церкви наликадило мѣдное, *яблокъ* прорѣзной ... А. Хол. и Уст. I, 1655 г. — СДР XI—XVII вв.), русск. диал. *яблок* м. р. 'яблоко', блр. *яблык* м. р. 'яблоко'.

Образование, примыкающее практически во всем, кроме рода, к *ablъko (см.).

*abolnovъ (jъ): болг. *jablanov* 'платановый' (БТР), сербохорв. *jablanov* 'тополиный', словен. *jablanov* 'яблоневиный' (Plet. I, 353).

Прилагательное, производное с суфф. -ovъ от *abolnъ (см.) или *abolnъ I (см.).

*abolnъ: болг. *jablan* м. р. 'платан, чинара *Platanus orientalis*' (БТР), *аблан* м. р. 'раст. *Platanus occidentalis*, платан, чинара' (Геров—Панчев), *аблам* м. р. то же (там же), *яблѣн*, *аблѣн* м. р. то же (Геров), 'раст. *Kerria japonica*' (Геров—Панчев), *авлан* м. р. (Геров—Панчев: «раст. нѣкакво, не е ли абланъ?»), болг. диал. *аблан*, *аблѣн* 'яблан' (Георгиев), сербохорв. *jablân* м. р. 'пирамидальный тополь, растение *Trollius europaeus* L.' (Вук Караџић), диал. *ablan* 'jablan' (Nk 270), *ablâm* м. р. (RJA I, 29).

Морфол. характеристика (во всех примерах — м. р.!) сопутствует своеобразному развитию значения. И то и другое, по-видимому, вторично по отношению к *abolnъ I (см.), которому *abolnъ тождественно этимологически.

*abolnъ I: ст.-слав. *аблѣна* ж. р. *μηλέα* (Mikl.), в рукоп. XV в. (Вост.) 'яблоня', словен. *jablan* ж. р. 'яблоня' (Plet. I, 353), н.-луж. диал. *jablotń* ж. р., наряду с *jablotń* [см. выше, под *ablonъ] (Muka Sł. I, 519).

Гл. обр. ю.-слав. форма (ср., впрочем, интересный н.-луж. пример, выше), *abolnъ 'яблоня' представляет собой древний дублет к синонимичному и этимологически близко родственному *ablonъ (см.). Этимологически тождественные формы с отклонениями в значении см. под *ablonъ.

*abolnъ II: русск. диал. (арх.) *ябулонь* ж. р. 'болонь в дереве' (Опыт 273).

Сложение старого префикса *a-, недостаточно ясного по семантике, но вполне достоверного формально (< и.-е. *ō- / *ē-), с основой праслав. *bolna (см.). См. О. Н. Трубачёв. Сб. к 70-летию В. И. Боровского 268.

*abrědja: польск. диал. *brzadza* ж. р. 'плодовое дерево' (Warsz. I, 217).

Производное с суфф. -j (a) от названия плода — *abrědъ (см.). Условиями фразовой фонетики и вторичными осмыслениями можно объяснить утрату начального a-, которое мы восстанавливаем здесь так же, как и во всех прочих представителях этой семьи слов (см. ниже *abrědъ, *abrědъ, *abrědъje, *abrědъ, *abrědъka, *abrědъkъ, *abrědъ, *abrědъje).

*abrědъ/*obrědъ: польск. диал. *brzad*, *obrząd* м. р. 'садовые фрукты; сухие фрукты' (Warsz. I, 216—217), словин. *vùqbřód* м. р. 'фрукты' (Lorentz Slovinz. Wb. II, 1361).

В этом случае, как и в других образованиях этого обширного лексического гнезда (см. *abrědъ, *abrědъje, *abrědъ, *abrědъkъ и т. д.), мы принимаем наличие древнего (а не вторично удлинённого из o-, как см. Berneker I, 85) префикса a- со значением приближенности (< и.-е. *ō-/*ē-). Обращает на себя внимание последовательное наличие a- префиксального во всех вариантах этой семьи слов (*abrědъ, *abrědъ). Специальное сравнение огласовки *brěd- с греч. βῆιδω 'тяготеть, быть отягощенным' (Berneker, там же) неверно, потому что греч. слово нельзя отрывать от βαρός 'тяжелый' < *g^haru, ср. др.-инд. *guru-*, лат. *gravis* то же. См. Frisk I, 221, 268; Hofmann 33, 39. Более подробный этимол. анализ см. под *abrědъ, *abrědъ, *abrědъkъ.

В связи со сказанным выше случаи типа польск. *obrząd* мы понимаем как вторично префигированные с помощью o(b)-.

*abrědъ: русск.-цслав. *abrědъ* 'акрида, ἀκρίς, locusta' (Стихир. XII в., Срезневский I, 4).

Высказывались различные сомнения по поводу правильности такого толкования значения цслав. слова, передающего греч. ἀκρίς в том месте евангельского рассказа об Иоанне Крестителе, где говорится в греч. тексте, что пищей святого были саранча и дикий мед. Berneker I, 84: «Возможно, последующие переписчики уже не понимали иноязычного слова и, поскольку речь шла о чем-то съедобном, употребили вместо него подходящее по смыслу *abrědъ*, *abrědъ*, *obrěda*, которое по свидетельству других слав. языков, могло означать только плоды, овощи». Суть других сомнений сводится к тому, что толковники евангелия, понимая текст, «не могли согласиться с мыслью, чтобы Иоанн Креститель ел саранчу» (Brückner 43), откуда замены. О непонимании тут говорить, наверное, не приходится, ср. передачу греч. слова в канонических ст.-слав. текстах через прж.сл. акриди. Кроме того, в иных употреблении цслав. *abrědъ*, *abrědъ*

пока не встречено, так что со значением 'акрида, саранча' нужно считаться как с реальным. Поэтому нет оснований отвергать этимологию Фасмера, вполне правдоподобную словообразовательно и этимологически: *abrěďъ*, *jabrěďъ* 'саранча' < префикс *a-* (и.-е. **ē-* / **ō-*, со значением приближения, ср. др.-инд. *ānilas* 'синеватый': *nilas* 'черный') + **brěd-*, родственное др.-прусс. *braydis* 'лось', лит. *briedis* 'олень', причем насекомое, как это нередко бывает (ср. русск. *божья коровка*, диал. *олёнка* 'навозный жук' < олень), обозначено метафорически. См. Vasmer «Езиков. изследв. в чест на Младенов» (София, 1957) 352; Фасмер IV, 540 (где некоторые дополнительные данные). Против см. Vaillant RES 35, 1958, 102, см. еще литературное дополнение в издании Фасмер I, 57; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 159 (где Фасмер в общем справедливо критикуется за невнимание к назализованным формам, см. ниже **abrěďъ* **abrěďъkъ* и др.).

***abrěďje**: русск.-цслав. *jabrěďjie* собир. 'саранча' (Мстисл. ев. 1117 г.), *abrěďjie* 'акриды, *akridēs*, *locustae*' (Ев. Акад. XIV в.; Срезневский, I, 3; III, 1633).

Производное с суфф. *-je* (и собир. значением) от **abrěďъ* (см.).

***abrěďъ**: польск. диал. *jabrzqđ* м. р. 'вид тополя' (Warsz. II, 121).

Праслав. **abrěďъ* вместе с нижеследующими **abrěďъka*, **abrěďъkъ*, **abrěďъ*, **abrěďъje* (см.) объединяется вокруг корня **brěd-*, представляющего собой назализованный дублет к форме **brěd-*, выступающей в праслав. **abrěďъ*, **abrěďъ* (см.) и производных. Эта семья слов обнаруживает черты общности в семантике, морфологии и словообразовании, охватывающие все названные варианты. Со стороны семантики значения слов с основой **brěd-/brěd-* объединяются вокруг след. главных: 'побег', 'цвет растения', 'плод'. Значение 'саранча' (< *'оленеподобное насекомое', см. **abrěďъ*) связано с предыдущими, так как рога, наросты на голове, герм. усики насекомого обозначаются как 'побеги', 'то, что выросло'. Т. о., очевидно родство основы праслав. **brěd-/brěd-* в первую очередь с лит. *brėsti*, *brėndau* 'набухать, набирать силу, созреть', *brandà* 'зрелость, спелость', *branduolys* 'ядро, косточка (плода)', лит. *brėst* 'зреть, спеть', *bruòds* 'почка', далее — с ирл. *bruinne* 'грудь', лат. *frons*, род. п. ед. ч. *frontis* 'лоб'. См. Fraenkel I, 56 (говорит о родстве только со слав. назальными формами — польск. *jabrzqđ* и др.); Trautmann BSW 35—36 (где правильно — о родстве со слав. **brěďъ* и **brěďъ*); Pokorný I, 167—168 (там же — указание на дальнейшее родство с и.-е. **bher-* 'выдаваться, торчать'). Далее, сюда же, согласно этимологии Фасмера (см. подробнее **abrěďъ*), — названия оленя лит. *briedis*, лит. *briėdis* 'лось, олень', др.-прусс. *braydis* 'лось'. Несомненность родства балт. названий оленя с иллир. (мессап.) βρένδον 'элафон (см. Fraenkel I, 57; Frisk I, 265) подводит к принятию вариантности **brend-/brėjd-/brojd-* в пределах одной основы. Кстати, иллир. семантика 'голова оленя, рога' (βρέντιον ἢ κεφαλή τοῦ ἐλάφου,

Гесихий; ср. алб. *brî, brîni* 'рог, рога') очень близка к семантике 'ветвь, побег, вырастать'. О словообразовательно-морфологической стороне проблемы в целом справедливо судит Откупщиков («Из истории и.-е. словообразования», 118), который видит в русск.-цслав. *ѣбрѣдиѣ* и польск. *jabrząd*, а также в лит. *brėdis* и мессап. *brėdov* единую основу. Правда, их значения он объединяет вокруг общего 'резать', в чем мы с ним расходимся, ср. выше обзор значений родственной лексики. Ясно одно: нельзя считать назальный вариант корня менее древним или славянским новообразованием, как это делают некоторые ученые, см. Sławski I, 482; особенно см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 158—159 (где говорится о вторичной назализации).

Из прочей литературы см. Berneker I, 84—85; Brückner 43—44; А. И. Соболевский «Slavia» V, 1927, 440—441 (где *абрѣдиѣ* сравнивается, в частности, с русск. диал. *брѣдина* 'ива', *брѣдовый* 'ивовый'); Moszyński JP XXXVII, 1957, 293—294 (автор относит к польск. *jabrząd* и праслав. **bronъ* < **brodnъ* 'сивый, буланый, гнедой', русск. диал. *бронѣть* 'белеть, желтеть, дозревать — об овсе' и т. д.); Moszyński. Pierwotny zasiąg 298, 319. Маловероятно см. Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 159 (реконструирует **jad-brędъ* 'тот, кто ест плод', первоначально якобы — о паразитическом побеге).

***abredъka**: словц. диал. *jabrátka, jaburátka* мн. ч. ср. р. 'сережки (на вербе, иве и т. п.)', 'гусята' (Kálal 214).

Производное с суфф. *-ъka* (ед. ч. *-ъko*) от **abrędъ* или от **abrędъь* (см.), ближайшим образом связанное с другой производной формой — праслав. **abrędъкъ* (см. след.).

***abredъкъ**: словен. *ábranek*, род. *-nka* м. р. 'сережка на орешнике, ольхе, сосне; весенняя гроздь винограда' (Plet. I, 1), *jábranek* 'цвет орешника' (Plet. I, 353), *jámbrek* 'цвет ольхи' (Plet. I, 357), ст.-чеш. *jabřadek*, род. *-dka/-dki* м. р. или *jabřadka* ж. р. 'побег виноградной лозы' (Gebauer I, 588).

Производное с суфф. *-ъкъ* от **abrędъ* (см.; там же и подробно об этимологии, см. еще под **abrędъь*, **abrędъь*). Заслугой Безлая является включение сюда приведенных выше словен. слов, что важно также в плане слав. лингвистической географии (ср. ниже). См. Bezlay SR XI, 1958, 169—172 (здесь дается удивительное множество диал. вариантов одновременно с анализом, причем отдельные варианты весьма далеки от центральной формы и затемнены; отметим, что сюда же автор относит *brábranek*, ср. хорв. (кайк.) *brabranak*, кот. не из нем. *Beere*, как см. И. Поповић JФ XIX, 1951—1952, 170; Безлай производит словен. формы из **a-brędъкъ* / **a-brędъкъь* и связывает все слав. случаи **bręd-* / **bręd-* вместе); см. также Bezlay. Etim. slovar (Poskusni zvezek) 7; Bezlay. Eseji o sloven. jez. 148—149; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 155, 158—159. Т. о., распространение форм **abrędъь*, **abrędъьь*, **abrędъььь*, **abrędъьььь* (см.), **abrędъььььь* и др. (польск. диал.,

кашуб.-словин., чеш., словц., словен., цслав.) позволяет говорить о праслав. регионализме особого распространения — с центром в чеш.-словц. группе, куда примыкают словен. и польск.-поморск. примеры. По имеющимся сведениям, этих слов не знают собственно ю.-слав. языки и все вост.-слав. языки, т. к. русск.-цслав. *кабрѣдь*, *кабрѣдие* лишено народной вост.-слав. основы, встречается только в евангелических текстах и является там, судя по всему, лексическим чехоморавизмом, или паннонизмом. Следовательно, характеризовать **abrědъ* / **abrědъ* как сев.-слав. слово (так см. Sławski I, 482; автор еще не знал тогда словен. *ābranek*) значит допускать неточность. В таком случае ошибочно и мнение Безлая о том, что на словен. почве можно наблюдать в словах этого семейства смешение зап.-слав. и вост.-слав. дублетов (Bezlej. Eseji o sloven. jez., там же).

Не может быть принята этимология Махека, который сближал чеш., словц. и польск. соответствия с греч. *ὄβρια* мн. ч. ср. р. 'детеныши диких зверей' (см. Machek LP I, 1949, 95; Machek 168—169). Греч. слово признано темным, в прошлом его сближали — тоже неубедительно — с лат. *agnus* и т. д., см. Frisk II, 345.

***abrědъ**: словц. диал. *jābrat'* ж. р. собир. 'сережки, цвет (на дереве)' (Kálal 924), польск. диал. *jabrządź*, род. *-zdzia* м. р. 'вид тополя' (Warsz. II, 121), *jabrzedź*, род. *-a* м. р. то же (там же), *jawrzęc* ж. р. 'тополь' (Warsz. II, 148).

Основа на *-i* ж. р., в остальном этимологически и словообразовательно тождественная **abrědъ* (см.).

***abrědъje**: польск. диал. *jabrzedzie* ср. р. 'вид тополя' (Warsz. II, 121), *abrzedzie* то же (Sł. g. polsk. I, 1).

Производное с суфф. *-ъje* от основы, представленной в **abrědъ* (см.). Можно отметить формальный параллелизм праслав. **abrědъje* и иллир. (мессап.) *βρέντων*, где этимологически тождественные основы расширены с помощью тождественного суфф. *-ito-*. См. еще **abrědъje*.

***abъje**: ст.-слав. лбине нареч. *εὐθέως, εὐθύς, παραχρήμα, ἤδη* 'сейчас же, тотчас' (SJS, Sad.), лбине (Sad.), русск.-цслав. *абие, абье* 'тотчас, statim' (Остр. ев. и др., Срезневский I, 3).

Это исключительно ст.-слав. (др.-болг.) слово, распространившееся позднее в некоторых цслав. изводах книжным путем (напр. русск.-цслав.), неясно в этимологическом отношении. Сомнительно отнесение к др.-инд. *ahnāya* 'тотчас', греч. *ἄραρ* 'тотчас', *ἄφνω(ς)* 'внезапно' (J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889, 216; Фасмер I, 56). Эту этимологию принимает Покорный, одновременно указывая на то, что др.-инд. *ahnāya* — скорее к др.-инд. *āhar, āhan-* 'день', см. Pokorny I, 2. Но остающееся сравнение с греч. словами еще более шатко, поскольку не учитывает морфол. структуры: греч. наречие времени *ἄραρ, ἄφνω* представляет собой надежные

остатки согласной именной основы на *-r/n-*, в остальном этимологически неясно, см. Frisk I, 194, 196. Тут было бы оправдано выдвинуть сравнение греч. *ἄρα* с лит. *dabañ* нареч. 'теперь', которое тоже представляет собой падежный остаток основы на *-r/n-* ср. р. (см. о лит. слове Fraenkel I, 79). Полнее учитывает структуру слав. слова этимология **abъje* < **obъje* 'об эту (пору)', с удлинением начального *o-* > *a-*, см. Berneker I, 23. Ср. русск. *сию минуту, сейчас, тотчас* в знач. 'немедленно'. См. еще V. Pisani «Paideia», IV, 1949, 158. Против см. Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 211; Vaillant. Gramm. comparée II, 2, 699—700 (автор ставит под сомнение вообще древность и исконность ст.-слав. *дѣше* и видит в нем балкано-роман. заимствование, ср. рум. *abia* 'лишь только, едва только'); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 7; Фасмер, там же. Относительно вторичной йотации см. E. Nieminen «Scando—Slavica» II, 1956, 25.

**adati*: ст.-чеш. *jadati* 'испытывать, исследовать' (Gebauer I, 588).

Как правдоподобно предполагал уже Гебауэр (там же), слово первоначально начиналось на гласный *a-*, протеза *j-* развилась во избежание зияния. Праслав. **adati* возводят к и.-е. **ōd-*, представленному в лит. *ūosti, ūodžiu* 'нюхать', греч. *δυσ-ώδης* 'зловонный', *εὐ-ώδης* 'благовонный', далее — с краткостью гласного — лат. *odor* (стар. *odōs*) 'запах, благовоние', арм. *hot* 'запах', греч. *ὄζω* (**odjō*) 'пахнуть'. См. Berneker I, 24; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 9; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 79.

**adera?*: русск. диал. *ядера* 'сварливый, неуживчивый человек', (Мельниченко 222; Картоотека Словаря русских народных говоров).

Именное сложение **a-dera* с приставкой *a-*, обозначающей приблизительность (< и.-е. **ē-* / **ō-*); основа — к **derg*, **d̥rati*, ср. русск. *драть*, а также *драться*. Предположительно относим к праслав. ввиду древности приставки и потенциальной древности префиксальных сложений данного типа, ср., например, **abrědъ*, **abrědъ*, **aduxa* (и т. п. в настоящем выпуске словаря). Показательна акцентологическая характеристика русск. *ядера* — ударение на исконно долгом гласном, что соответствует изложенной этимологии.

**aduxa*: польск. диал. *jaducha* ж. р. 'кашель, удушье; чахотка' (Warsz. II, 123; Sł. g. polsk. II, 217), укр. диал. *ядуха*, чаще мн. *ядухи* 'удушье' (Гринченко IV, 536), *яду́ха* 'одышка' (А. А. Москаленко. Словник діалектизмів укр. говірок Одеської обл. Одеса, 1958, 37).

Именное сложение приставки *a-* (< и.-е. **ō-* / **ē-*), обычно обозначающей приближенность, а в данном сложении близкой к *za-*, ср. **za-dux-*, и основы *dux-* (см. **duxъ*, **dyšati*). Это префиксальное сложение особенно характерно для луж. и укр. (см. ниже **adušivъjъ*, **adušъ*). Ударение укр. *ядуха*, мн. *ядухи* говорит о древней долготе приставочного гласного, что подтверждает этимологию **a-duxa* и вместе с тем делает сомнительным объяс-

нение из *jē-dux- от jēti 'братъ, захватывать' (последнее см. Verneker I, 429; Фасмер IV, 548).

*adušivъjъ: в.-луж. *jadušiwu* 'страдающий одышкой' (Pfuhl 229), н.-луж. *jadušuwu* то же (Muka Sł. I, 524). Сюда же примыкает — с некоторыми отличиями в деталях словообразования — укр. диал. *ядушливий* 'страдающий одышкой' (А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 60).

Производное с суфф. -iv- от имени *aduxa (см.). Ударение на приставке в укр. *ядушливий* (возможно, из *ядушливий) свидетельствует здесь, очевидно, о древней акутовой долготе, что соответствует этимологии *a-dušiv-* и исключает иные этимологии, о кот. см. под *aduxa. Любопытная луж.-укр. изолекса, при синонимичных сложениях *za-dux*, *za-duš-* во всех остальных слав. языках. См. Трубочев. «Сербо-луж. лингв. сборник» (М., 1963), 163.

*adušъ: н.-луж. *jaduš* ж. р. 'одышка, удушье' (Muka Sł. I, 524).

Именное сложение приставки *a-* (< и.-е. *ō-/ē-) со значением приближенности и основы *dux-*, *duš-* (см. *duxъ, *duša, *dušiti), возможно, с одновременным участием суфф. -jъ. Близкие образования и этимол. сведения см. под *aduxa, *adušivъjъ..

*aglʲjъ/*jaglʲjъ: русск. диал. *яглый*, *яглая земля* 'тучная, черная почва, чернозем' (вост., Даль² IV, 672).

Давно отмечено изолированное положение этого русск. слова в слав. лексике. Приводимые обычно в связи с ним глаголы русск. диал. (смол.) *яглитъ* 'кипеть, гореть желанием, страстно хотеть', (нижегор., астрах.) *яглитъся* 'двигаться, шевелиться' (Даль, там же; см. Verneker I, 443; Фасмер IV, 544) сами произведены от *яглый*, поэтому непосредственного значения для этимологии нашего слова не имеют. Судя по всему, *яглый* — старое слово с признаками прилагательного (ср. суфф. -l-). Допустимо возводить его к праслав. диал. состоянию. Реконструкция его праслав. формы в виде *aglʲjъ, *jaglʲjъ или даже *ēglʲjъ целиком определяется внешними сравнениями и поэтому проблематична. Для реконструкции *aglʲjъ может быть использовано сближение с лит. *uõglis* 'однолетний побег, росток', *uoglus* 'название растения' и далее — с лит. *uõga* 'ягода', слав. *agoda* (см. J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 394; E. Lidén IF XVIII, 1905—1906, 506; см. еще J. Loewenthal AfslPh XXVII, 1920, 383: *яглая* (земля) < и.-е. *aglō-s 'выжженный лес', ср. др.-инд. *aga-h* 'солнце', англос. *acan* 'болеть', англ. *ache* 'боль' < 'горение'). Реконструкцию *jaglʲjъ, где *j-* не фонетич. протеза, а древнее начало основы, можно, в свою очередь, мотивировать серьезным сближением с лит. *jėgti* 'мочь, быть в состоянии', *jėgà* 'сила', см. J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 395. Прочие сближения и литературу см. F. A. Wood «Language» 3, 1927, 185; Verneker, там же; Фасмер, там же.

*агневъжь?: словин. *jagñǫvǐ* 'ягнячий' (Lorentz Slovinz. Wh. I, 377).

Неясно, можно ли считать эту единичную форму древним производным непосредственно от непроизводной формы названия ягненка *агнъ, не сохранившейся в слав. языках (см. *агнѣ, *агньсь). Тогда ожидалось бы *агновъжь, впрочем, мягкий вариант *агневъжь может объясняться вторичным влиянием популяришого *агнѣ (см. и словин. *jāgñā* 'ягненок') на более древнюю форму. Несмотря на указанную проблематичность, форма представляет определенный интерес, как игнорировавшийся ранее компонент в кругу относящихся сюда родственных образований.

*агнѣ: ст.-слав. агна, род. -агѣ ср. р. ἀρνίον, ἀρνήν, ἀρνός 'ягненок, агнец' (SJS), болг. агне ср. р. 'ягненок' (БТР), ягня то же (Герров), йёйне (Стойчев БД II, 176), макед. јагне ср. р. 'ягненок' (И-С), сербохорв. јагне, род. -ета ср. р. 'ягненок', словен. ágñje ср. р., jágnje, jánje, род. -eta ср. р. 'ягненок' (Plet. I, 2, 355, 358), чеш. jehně, род. -ie ср. р. 'ягненок', словц. jahňa, род. -at'a ср. р. то же (SSJ I, 628), в.-луж. jehnjo, род. -jeća ср. р. 'ягненок' (Pfuhl 235), н.-луж. jagńe, род. -ńeša ср. р. (Muka Sł, I, 526), полаб. jogna ср. р. 'ягненок; козленок' (Polański—Sehnert 75), польск. jagnię, род. єcia 'ягненок' (Warsz. II, 123), словин. jāgñā ср. р. 'ягненок' (Lorentz Slovinz. Wh. I, 37), др.-русск. агна 'ягненок' (Сл. Дап. Зат., Срезневский III, 1638), русск. ягнёнок, род. -нка м. р., укр. ягнля, род. -яти ср. р. 'ягненок' (Гринченко IV, 535), блр. ягня, род. -яці ср. р. 'ягненок'.

Производное с продуктивным суфф. уменьшительности -ѣт-от основы *агн-, неизвестной в свободном виде в слав. языках, хотя и реконструируемой исследователями для праслав., см. Miklosich 1 (: с заглавным агнѣ); Berneker I, 24—25 (*агнѣ < *агнъ); Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 414 («агнѣ и ягньсь предполагают *агно-»). При всей прозрачности и относительной новизне словооформления *агнѣ и *агньсь, исходное *агнъ установимо для праславянского лишь косвенным путем, ср. еще *агневъжь (выше). Поэтому методологически целесообразнее характеризовать *агнъ, *агно- как дославянскую форму (реконструкция второй ступени). Родственные формы объединяются вокруг и.-е. *āg^hно- и *ag^hно-, причем детали вокализма и консонантизма неясны. См. в связи с этим Н. Osthoff IF V, 1895, 324—327 (где речь идет об исконности о-вокализма, вопреки греч. и лат. данным). Ср. лат. agnus 'ягненок', греч. ἀρνός 'ягненок', др.-ирл. ian то же (последнее — из *огно-), англос. ganian, англ. to yeap 'ягниться' (хотя эти глагольные формы более специально соответствуют праслав. *агнити см.). См. Pokorny I, 9; Walde—Hofm. I, 23; Ernout—Meillet³ I, 27; Frisk I, 93. Долготу начального гласного в слав. *агнѣ объясняют ввиду других и.-е. соответствий как удлинение первоначально краткого а, см. Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51; Machek 174. Перечень родственных форм можно

пополнить греч. ἄγνος 'название дерева *Vitex agnus castus*', ср. *agnēdъ (ниже).

Интересно, что это и.-е. название ягненка, известное в лат., греч., кельт., герм. и слав. языках, полностью отсутствует в балт., где имеются свои древние названия, см. А. Sabaliauskas. *Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai*. — «Lietuvių kalbotyros klausimai» X (Vilnius, 1968) 117. Отнесение формы *āgna- 'ягненок' к балто-славянской лексике (см. Trautmann BSW 2) является в связи с этим абсолютно формальным и несостоятельным. Дальнейшее этимологическое членение *ag-n-o- и родство остается неясным, хотя очевидно наличие здесь производного с суфф. -n-.

См. из литературы: Meillet BSL 24, 1923, 183—184; Мейе. Общеслав. язык 69, 290, 294, 396; F. Solmsen KZ XXXVII, 1904, 5; J. Strachan BB XX, 1894, 13; Фасмер IV, 545; Brückner 197; Sławski I, 488; Младенов ЕПР 2; Георгиев БЕР 1, 3 (удлинение гласного определяется как регулярно возникшее в глаголе *agniti sę); V. Georgiev. *Slave agnē et ses correspondances*. — RÉS 40, 1964, 94—96; Трубачев. Дом. жив. 71—73; Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования 21; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 11; Arumaa. *Urslav. Gramm.* I, 79.

*agnēdъ: русск.-цслав. агнада м. р. αἴγειρος, *populus nigra* (Mikl.), сербохорв. jǎgnēd м. р. 'тополь *Populus nigra* L.' (Вук Караџић), диал. jagnēda, jagnēd то же (Djor, 130), словен. jǎgned, jǎgnjed м. р. 'тополь *Populus nigra* L.' (Plet. I, 354, 355), чеш. редк. jěhněd м. р., сюда же — jěhněda ж. р. 'цвет, сережки', ст.-чеш. jěhněd м. р. 'сережки (на деревьях)' (Gebauer I, 623), словц. jahňada ж. р. то же (SSJ I, 628).

Это слово, представленное в данной форме в сербохорв., словен., чеш. (см. еще *agnēdъje, ниже; ср. еще обзор в кн.: А. Будилович. *Первобытные славяне* I, 1. Киев, 1878, 131; 2. Киев, 1879, 326), является обозначением черного тополя, осокоря или его цветов по известному названию животного — *agne (см.). Связь *agne — *agnēdъ вполне прозрачна, тем не менее о деталях словообразования ведутся споры, — является ли *agnēd- звонким вариантом основы названия животного *agnet-, что говорило бы о согласном типе данной именной основы, или же здесь представлен другой суффикс, расширение *agne-d- с собирательным значением. См. Berneker I, 25; Zubatý. *Studie a články* I, 1, 36; Holub—Korešný 151 (где неточно: «Только чеш., древнее»); Machek 174—175; Moszyński. *Pierwotny zasiąg* 34, 319; Фасмер IV, 545 (реконструирует *agnēdъ); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 11—12; Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования 149, 150, 154. Однако ученые, которые членят слово как *agne-d- (Sadnik—Aitzetmüller, Откупщиков), должны еще доказать древность основы *agnen- в слав.

Давно обратили внимание на сходство названий деревьев — и.-е. *agnēdъ и греч. ἄγνος '*Vitex agnus castus*' (см. E. Lidén

IF XVIII, 1905—1906, 506; Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51), что затрудняется неясностью греч. слова (из др.-евр.? См. Hofmann 2, Frisk I, 13). Аналогию *agnědъ—*agnę представляют греч. αἴγειρος ‘черный тополь, осокорь’—αἴξ, αἴγος ‘коза’, см. Трубачев ВЯ 1957, № 3, 149.

*agnědъje: сербохорв. *jagněde* ср. р. собир. ‘тополя’ (RJA IV, 412), словен. *jágnedje* ср. р. собир. ‘der Schwarzrappelwald’ (Plet. I, 354), русск.-цслав. *агнадиѣ* ‘чернотополье’ (Ио. экз. Шест., Срезневский III, 1638).

Русск.-цслав. форма не должна вводить в заблуждение, будучи ю.-слав. (или зап.-слав.? Ср. отсутствие близких форм в болг. и макед.) элементом цслав. лексики. Собственно вост.-слав. соответствия нам неизвестны. Праслав. *agnědъje — производное с суфф. -ъje от основы *agněd- (см. *agnědъ, где и об этимологии).

*agnętina: сербохорв. *јагњетина*, *јањетина* ж. р. ‘ягнятина; шкурка ягненка’ (Вук Караџић; RJA: с XIV в.), словен. *janjětina* ж. р. ‘ягнятина’ (Plet. I, 358), чеш. *jehněčina* ж. р. ‘мясо или шкурка ягненка’, словц. *jahnjásina* ж. р. то же (SSJ I, 628), н.-луж. *jagněšina* ж. р. ‘ягнятина’ (Muka Sł. I, 526), русск. *ягнѣтина* ‘мясо ягненка’ (см. например Картотеку Словаря русских народных говоров), укр. *ягнѣтина* ж. р. то же (Гринченко, IV, 535).

Производное на -ina от основы *agnęt- (см. *agnę). Замечания требует чеш. форма: по-видимому, из *agnętъčina или непосредственно от чеш. *jehněčí* (см. след.).

*agnętjъjъ: сербск.-цслав. *агнаштъ* прилаг. *агњѡ* (Mikl.), сербохорв. *јагњѣћѡ*, *јагњѣћѡ*, *јањѣћѡ*, *јањѣћѡ* ‘ягнячий’, словен. *jagneči*, *jágnječji*, *janjēči* ‘ягнячий’ (Plet. I, 354, 355, 358), чеш. *jehněčí* (стар.), *jehněči* ‘ягнячий’, словц. *jahnjási* то же (SSJ I, 628), н.-луж. *jagněsycy* ‘ягнячий’ (Muka Sł. I, 526), русск. *ягнѣчий*, укр. *ягнѣчий* то же (Гринченко IV, 535—536).

Адъективное производное с *у*-овым суфф. и значением принадлежности от основы *agnęt- (см. *agnę).

*agnica: сербохорв. *јагњѡца*, *јањѡца* ж. р. диал. (черногорск.) ‘ягненок женского пола’ (Караџић; RJA: с XVI в.), словен. *jágnjica* ж. р. то же (Plet. I, 355), чеш. (редкое) *jehnise* ж. р. ‘суягная овца’, словц. *jahnica* ж. р. то же (SSJ I, 628), укр. *ягнѡця* ж. р. ‘молодая овца’ (Гринченко IV, 535).

Производное с суфф. -ica от нераспространенной основы *agn- (см. *agnę). Относительно позднее образование, т. е. древнее *agn-, праслав. *agnę характеризуется как исключительно возрастное название (‘детеныш овцы’) без указания на пол.

*agnidlo?: болг. *агнѡло* ср. р. ‘ягнятник; время ягнения овец’, *ягнѡло* ср. р. ‘место, куда пригоняют овец ягниться; время ягнения овец’ (Геров; Горов. Страндж. БД I, 91), *йегнѡло* (Стойчев БД II, 176), макед. *агнѡло* ср. р. ‘время окота овец’ (И-С), сербохорв. *јагњѡло* ср. р. ‘место, где ягнятся овцы’ (Караџић; RJA: с XIV в.), диал. *јањѡло* ‘загон’ (Mić.).

В слав. этимол. словарях специально не рассматривается. Отглагольное именное производное с суфф. *-dlo* от основы на *-i(ti)* **agniti* (*se*), см. Разительное сходство этого ю.-слав. слова с лат. *agnile* ср. р. 'овечий хлеб' оказывается не более, чем внешним подобием ввиду регулярного словообразовательного характера слав. слова с реконструируемой праформой **agnidlo* (см. выше), а также ввиду вторичности формы лат. *agnile* — по образцу *ovile*. См. специально Walde—Hofm. I, 23.

**agniti*(*se*): болг. *а́гня се* 'ягниться' (БТР), диал. *йа́гни се* 'ягниться' (Шапкарев—Близнев БД III, 226), макед. *ја́гни* 'давать приплод (об овце)' (И-С), сербохорв. *ја́гњити, јањити* 'ягниться', *ја́гњити се* то же, словен. *ја́гњити (se)* 'ягниться' (Plet. I, 355), чеш. *jeһniti se* 'ягниться' (Kott I, 616), словц. *јаһнит' sa* 'ягниться' (SSJ I, 628), н.-луж. *ја́гніś sa* 'ягниться' (Muka Sł. I, 526), русск. *ягнѣться*, диал. (псковск.) *яніть* 'ягниться' (Опыт 274; Картотека Псковского областного словаря), укр. *ягнѣтися* 'рожать ягнят' (Гринченко IV, 535).

Отыменный глагол с основой на *-i(ti)*, производный от основы **agn-* (см. **agne*). В ряде слав. языков уступил место префиксальному глагольному сложению **obagniti se* (см.) с тем же значением. Следует обратить внимание на близкий словообразовательно-морфологический параллелизм между слав. **agniti* и англос. *gānian* с тем же значением: оба глагола образованы от одной и той же основы с помощью одинаковой глагольной темы *-i-*.

**agne*: ст.-слав. агница м. р. *а́гнѣцъ, а́гнѣцъ, а́гнѣцъ* 'агнец, ягненок' (SJS, Sad.), *а́гнѣца* (Sad.), болг. *а́гнецъ, я́гнецъ* 'барашек' (Геров) '(жертвенный) агнец' (РБЕ), сербохорв. *ја́гњас* м. р., диал. *ја́њацъ*, род. *-њаца* 'ягненок' (RJA IV, 410), *ја́гњас* (с XIV в.), словен. *а́гнес, ја́гнес, ја́гњес, ја́нес, ја́нјес* м. р. 'ягненок, барашек' (Plet. I, 2, 354, 355, 358), чеш. *jeһнес* м. р. 'ягненок' (Kott I, 616), русск. диал. *ягунец* 'ягненок' (Ф. Зобнин. Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа). — ЖСт. VI, 1896, 540).

Распространенное в основном в ю.-слав. языках именное производное с суфф. уменьшительности *-сь* от **agn-* (см. **agne*, где подробно об этимологии). Праслав. словообразовательная инновация.

**agoda*: ст.-слав. агода ж. р. *ха́рѣцъ, рѣѣ* 'плод' (SJS), *а́года* (Sad.), болг. *я́года* ж. р. 'земляника *Fragaria vesca*' (БТР), диал. *а́гудъ* ж. р. 'ягода' (с. Певец, Търговицко; дип. раб., Архив Соф. унив-та), макед. *ја́года* ж. р. 'клубника, земляника' (И-С), сербохорв. *ја́года* ж. р. 'земляника' (Караџић), 'ягода', 'щека' (RJA IV, 413—414), 'плод ежевики' (диал., Maš. 433), диал. *ја́рода* (Sus 161), словен. *ја́года* ж. р. 'ягода' (Plet. I, 355), чеш. *ја́года* ж. р. 'земляника, ягода', словц. *ја́года* ж. р. 'земляника' (SSJ I, 628—629), в.-луж. *ја́года* ж. р. 'ягода' (Pfuhl 229), н.-луж. *ја́года* ж. р. то же (Muka Sł. I, 526), полаб. *јод'адѣи* мн.

(**agody*) 'ягода; оспа' (Polański—Sehnert 75), польск. *jagoda* ж. р. 'ягода', 'щетки' (Warsz. II, 124), словин. *jāgodā* ж. р. 'ягода, особенно — черника' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 377), др.-русск. *ягода* 'ягода (преимущественно плод винограда)' (Парем. 1271 г. и др., Срезневский III, 1639), русск. *ягода* ж. р. 'небольшой сочный плод кустарниковых или травянистых растений', укр. *ягода* ж. р. 'ягода', мн. 'мускулы на лицевых скулах' (Гринченко IV, 536), диал. *ягода* 'клубника, земляника; общее название ягод; шелковица; черника' (Карпатский диалектологический атлас, карта № 46), 'земляника' (J. Верхратский. Знадоби 274), сюда же диал. *йяготка* 'земляника' (Ужг. р. Закарп. обл., Чучка 321), блр. *ягада* 'ягода'. См. обзор: J. Majowa. Nazwy jagód w gwarach kaszubskich. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 8, 117—118.

Праслав. **agoda* представляет собой довольно отчетливое производное с собир. суфф. *-oda* от незавидетельствованного имени **aga*. Прямых следов этого последнего в слав. языках не сохранилось. После убедительных доводов Садник-Айтцетмюллера можно считать доказанным, что сербск.-цслав. *киѣга* (XVII в.), сербохорв. *виѣга* 'дикий виноград', вопреки общепринятой этимологии, является не сложением со вторым компонентом **aga* (тогда ожидалось бы фонетически **vinaga*), а производным с суфф. *-jaga* от *vinо* для обозначения дикого винограда в отличие от культурного. См. Sadnik-Aitzetmüller 1, 12—13. Почти все слав. формы от **agoda* развили протетическое *j-* перед начальным гласным, см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 182; Мейе. Общеслав. язык 69; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 105.

Реконструируемое **aga* этимологически тождественно лит. *uoga* 'ягода', лтш. *uōga* то же, родство с которыми установлено давно. См. Miklosich 99; Berneker I, 25; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 77; E. Lidén IF XVIII, 1905—1906, 504; Trautmann BSW 202; Fraenkel II, 1165; Brückner 197; Holub—Kopečný 148; Machek 169; Sławski I, 488—489; Фасмер IV, 545; Sadnik-Aitzetmüller, там же; Меркулова. Очерки по русск. народн. номенклатуре растений (М., 1967), 211—212. Тождество с балт. словами говорит о праформе **ogā*. Дальнейшие связи далеко не так очевидны. Отметим прежде всего возможность родства с тохар. *oko* 'плод', вокализм которого, однако, исторически двусмыслен. См., вслед за Лиденом, G. S. Lane «Language» 14, 1938, 33. Менее ясно отношение слав. слова к гот. *akran* ср. р. 'плод (древесный, злаковый)', нем. *Ecker* 'желудь' и близким герм. формам, а также к ирл. *āirne* (**ag-rīnā*) 'вид сливы' и проч. кельт., которые с большими и меньшими оговорками обычно относятся к числу родственных со слав. и балт. словами. См. еще G. S. Lane «Language» 9, 1933, 251; Pokorny I, 773; A. Carnoy «Studia linguistica» XIII, № 2, 1959, 114 (где также приводится сближение с лат. *acinus* 'ягода' якобы с фрак.-пеласг. $k < g$). Родство праслав. **ag(oda)*

и лат. *uva* 'виноград' (ср. Ernout—Meillet³ II, 1340) очень сомнительно ввиду возможности иных, более вероятных связей лат. слова, см. еще Walde² 864. Покорный объединяет слав., балт., герм., кельт. слова вокруг специального и.-е. **ōg-*, **ag-* 'расти; плод, ягода', куда он относит также арм. *աժեմ* 'расту', см. Роконгу, там же. См. еще В. Сор «Zbornik filozofske fakultete». Ljubljana, 1960, 25; Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьям. периода арм. языка (Ереван, 1967) 169, где арм. слово вместе с лит. *uoga* и русск. *ягода*, вслед за Ачаряном и др., возводится к разновидности и.-е. **aug-* 'увеличиваться'. Это отдаленное сближение принадлежит к числу спорных; зная предысторию вокализма праслав. **ag* (*oda*) (см. выше), можно говорить в таком случае скорее об и.-е. **ōug-* в значении 'расти, увеличиваться', но и здесь реальным был бы только слав. рефлекс **u-*, ср. **ustbye*, **usta* — при лат. *ōs*: и.-е. **ōus-*. Ср. соответствующее мнение Бути в письме Эндзелину, см. К. Būga. Rinktiniai raštai III, 1961, 875.

Прочие (маловероятные) толкования слав. слова см. С. Микуцкий ИОРЯС IV, 1855, 405; Moszyński. Pierwotny zasiąg 282—283 (из и.-е. **āg-* 'съедобный; плод, ягода'); Machek, там же (сближает праслав. **agoda* и лит. *uoga* с лат. *bāsa* 'ягода', отпоя все к «праевропейскому»).

***agodica**: макед. *јагодица* ж. р. 'скула' (И-С), сербохорв. *јагодица* ж. р., ум. от *јагода* (см. выше **agoda*), мн. *јагодице* 'щеки' (Карайић; RJA: с XVI в., с одновременным указанием на древность последнего значения), русск. *ягодица* ж. р. 1. только мн. 'задняя мясистая часть тела, седалище', 2. 'округлая половина этой части'. 3. (обл.) 'сосок женской груди', диал. *ягодица* ж. р. 'скула' (новгор.), 'щека' (томск.) (Опыт 273), *ягодица* 'щека' (Куликовский 142) 'скула' (Картотека Печорского словаря), блр. *јагдзіца* 'ягодица'.

Производное с суфф. *-ica* от **agoda* (см.) с новым значением 'округлая, выпуклая часть тела', откуда конкретная семантическая реализация по отдельным слав. языкам: 'скула', 'щека', 'грудь', 'ягодица'. Первоначальный семантический признак, т. о., — 'округлость, выпуклость' (непосредственно развившийся из значения 'ягода, округлый, мясистый плод'), а не 'румянец', как полагал Брюкнер (см. Вгүскнер 197). Семантические переносы 'плод растения' > 'часть, орган тела' вообще нередки, ср. напр. болг. *слива* 'слива' — *сливица* 'миндалина'. Ни на чем не основано мнение Махека об особом происхождении ст.-чеш. *jahoda*, *jahódka*, польск. *jaboda*, сербохорв. *јагодица*, русск. *ягодица* 'часть лица', якобы родственного нем. *Vacke* 'щека', «праевропейского» происхождения (см. Machek 169: *jahoda* 2).

***agodina**?: сербохорв. *јагодина* ж. р. 'название растения', также ув. от *jaboda* и в роли топонима (RJA IV, 415), ст.-чеш. *jahodina* 'куст земляники' (Gebauer I, 590), чеш. *jahodina* то же, русск.

ягодина 'Ficus sycomorus' (RJA, там же, без указания источника).

Производное от **agoda* (см.) с помощью суфф. *-ina*, выступающего здесь в функции собирательности или увеличительности.

***agodišče**: чеш. *jahodiště* ср. р. 'место, где растут ягоды', ср. также кайкав.-хорв. *jagodište*, *jagodišće*, местное название близ Загребца (RJA IV, 415).

Производное с суфф. *-išče* в функции собирательности от **agoda* (см.). Значительная древность сомнительна, ср. указание на собирательное значение суфф. *-oda* в составе самого **agoda*.

***agodъka**, мн. ***agodъky**: макед. диал. *јаготка* ж. р. 'скула' (И-С), русск. диал. *ягодки* мн. 'верхняя часть щеки, верхние скулы' (Даль³ IV, 1561), блр. *ягадкі* 'скулы лица' (Гарэцкі 174).

Оставляя в стороне чистые деминутивы, производные с суфф. *-ъka* от **agoda* (см.) (ср. макед. *јаготка* 'клубника; земляника', словен. *jágodka*, чеш. *jahůdka*, слвц. *jahôdka*, в.-луж. *jahodka*, польск. *jabódka*, укр. *ягідка*) выделим лексически самостоятельные производные с тем же суфф., в принципе синонимичные производным на *-ica* (см. **agodica*).

***agodъje**: словен. *jágodje* ср. р. собир. 'ягоды' (Plet. I, 355), чеш. *jahodí*, *jahůdí* ср. р. 'jahodníkovú porost', укр. *ягіддя* (Гринченко).

Производное от **agoda* (см.) с суфф. собирательности *-ъje*.

***agodъnica**: болг. *ягодница* ж. р. 'название дерева' (Геров), чеш. *jahodnice* ж. р. 'тутовое дерево', 'кушанье из земляники' (Kott I, 596), в.-луж. *jahodnica* 'сок из ягод' (Pfuhl 229) русск. диал. *ягодница* 'щека' (Подвысоцкий 197), *ягодницы* мн. 'щеки, скулы' (Материалы Смоленского словаря 154), укр. *ягідниця* 'собирающая ягоды'.

Под этой реконструкцией объединены, по-видимому, разные образования: 1) производное с суфф. *-ъnica* от **agoda* (болг., чеш., в.-луж., укр.); 2) случаи, непосредственно связанные с **agodica* (см.) и в этом смысле словообразовательно вторичные.

***agodъnikъ**: сербохорв. *jagodnik* м. р. 'ягода', 'земляника *fragaria*' (Stulli, RJA IV, 415), чеш. *jahodník* м. р. 'куст земляники' (Kott I, 596), слвц. *jahodník* м. р. 'куст земляники', 'тутовое дерево' (SSJ I, 629), др.-русск. *ягодъникъ* 'ягодный огород' (Новг. купч. XIV—XV в., Срезневский III, 1639), русск. диал. (сев.) *ягодник* м. р. 'ягодное место', (ряз.) 'ягодное варенье; пастила; пирог', (влад.) 'кустарник, на котором рождаются ягоды' (Даль³ IV, 1561), укр. *ягідник* 'земляника лесная *Fragaria vesca*' (Гринченко IV, 535), *ягіднік* 'стебли, кусты клубники или земляники' (Гринченко IV, 535). Ср. еще словен. *jágodnjak* м. р. 'земляника *Fragaria vesca*' (Plet. I, 355).

Производное от **agoda* (см.) с суфф. *-ъnikъ*, в данном образовании — с функцией собирательности (обозначение растения в целом, куста с ягодами и т. п.). Не исключена, впрочем, соотносительность непосредственно с прилаг. **agodъньъ* (см.).

***agodънъѣ:** сербохорв. *jăgodan* 'ягодный' (RJA IV, 414), ср. топоним *Jăgodnâ* (Гарацѣћ), словен. *jăgoden* 'ягодный' (Plet. I, 355), чеш. *jahodný, jahodní* 'ягодный' (Kott I, 596), н.-луж. *jagodny* 'ягодный, земляничный' (Muka Sł. I, 526), словин. *jagôdnî* 'ягодный, черничный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 378), русск. *ягодный*, укр. *ягідний* (Укр.-рос. словн., VI).

Адъективное производное регулярного типа от **agoda* (см.) с суфф. *-ън(ъѣ)*.

***agolvo?:** русск. диал. (костр.) *яголово* ср. р. 'скотина, убитая хищным зверем' (Даль ³ IV, 1561, Картотека Словаря русских народных говоров), *ягло, яглово* ср. р. (нижегор., костр.) 'скотина, задранная медведем, зарезанная волком; мертвечина, падаль' (Даль ³ IV, 1560).

Возможно, старое сложение имени **golva* (см.) и архаического префикса *a-* со значением приблизительности (из и.-е. **ō-/ē-*); примеров подобных сложений немало в настоящем выпуске словаря. Семантически близко к данному случаю употребление др.-русск. *голова* в значении 'убитый' (см. Срезневский I, 542). См. О. Н. Трубачёв. Сб. к 70-летию В. И. Борковского 269. Невероятна и по семантическим соображениям неприемлема этимология Мошинского — к **jagla*, **jaglo* 'толокно, просяная каша' < 'еда, пища вообще' и к **agoda* (см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 227).

***ajatъ(ѣ):** сербохорв. *jăjat* 'cum testiculis' (XVIII в., RJA IV, 420).

Адъективное производное с суфф. *-атъ(ѣ)* от **aje* (см.). Ср. параллельное образование с родственным формантом *-ātus* в лат. *ōvātus* 'яйцеобразный'.

***aje:** сербохорв. *jăje* ср. р. 'яйцо, яичко', также в качестве названия определенной меры жидких или сыпучих тел (Влажинац II, 312), в.-луж. *jejo, wejo* ср. р. 'яйцо, яичко' (Pfuhl 235, 776), н.-луж. *jajo* ср. р. 'яйцо' (Muka Sł. I, 528), полаб. *joji* ср. р. 'яйцо' (Polański—Sehnert 75), польск. *jaje*, диал. *jajo* 'яйцо' (Warsz. II, 125), словин. *jăjă* ср. р. 'яйцо' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 379), укр. *айо* (диал., детск.) 'яйцо' (Мельничук. Словник специфічної лексики говірки села Писарівки. «Лексикографічний бюлетень». II. Київ, 1952, стр. 98).

Праслав. **aje* ср. р. восходит к и.-е. **ōjom*, как о том свидетельствует вокализм лат. *ōvit* 'яйцо', греч. *φόν* то же, очевидное родство с которыми не позволяет принимать особое удлинение гласного в слав. Долгота корневого гласного носила здесь, т. о., диал. и.-е. характер (ср. еще иран. данные, ниже; см. Mikkola. Urslav. Gramm. I, 54), при краткости в некоторых других и.-е. диалектах, напр. в герм. Структура лат. *ōvit* и особенно греч. *φόν*, лесб. *φίον*, дор. *φεον*, аргосск. *φ̄εα:τ̄α φ̄ά* (см. Walde² 550; Ernout—Meillet³ II, 837; Hofmann 430) приводила исследователей к мысли о том, что исходная для них форма и.-е. **ōj(i)om* лежит также в основе слав. **aje*, хотя в плане слав. звукового

развития рефлексация и.-е. *ōц > слав. а маловероятна. Ср. еще Miklosich 99: «Производят *jaje* из *āvje*, не будучи в состоянии обосновать выпадение *υ*». Ср. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 182, прим. 1. Замечено, что следов *-υ* в середине слова не сохранилось ни в слав. **aje*, ни в герм. **ajja-*, откуда др.-в.-нем. *ei*, нем. *Ei* 'яйцо', др.-исл. *egg* то же, см. Ernout—Meillet³, там же. На этом основании мы принимаем для слав. названия яйца и.-с. праформу **ōjom*. Ср. еще иран. **āia-*, и.-перс. *xāya* 'яйцо', см. Berneker I, 26; Фасмер IV, 552. О герм. формах см. специально F. O. Lindeman «Studia linguistica» XIV, № 2, 1960, 10—11.

Начальное *j-*, развившееся перед *a-* в большинстве слав. форм, объясняется как нормальная протеза, см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 182; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 105; Мейе. Общеслав. язык 69. Родственное арм. *ju* 'яйцо' тоже обнаруживает начальное *j-*, которое Мейе называет «загадочным» (Ernout—Meillet³, там же), но этот вторичный звук объясняют условиями развития арм. формы, см. Г. Б. Джаукян. Очерки по истории написания периода арм. языка (Ереван, 1967) 264. Отличное — и тоже протетическое — консонантное начало имеют в.-луж. *wejo* и чеш. *vejce*, словц. *vajce* (последние две формы см. под **ajъce*, ниже). Едва ли правильно нефонетическое истолкование этого *v-* у Вайяна, который говорит об отражении дублета **ōja-* в слав. **aje* и дублета **цōja-* — в слав. **vaje* (см. Vaillant. Gramm. comparée I, 186).

Обычно принимают этимологическую связь с названием птицы на и.-е. уровне, указывая на лат. *avis* 'птица' и некоторые другие формы (см. Pokorny I, 783—784), что говорит косвенно о вторичности и.-е. **ōjom* (без *-υ-*) сравнительно с **ōjom*, **ōjom*. Удлинение коренного гласного (врддхи) хорошо соответствовало бы при этом значению 'птичье', восстановимому этимологически. В остальном отношения вокализма здесь недостаточно ясны. Весьма знаменательно полное отсутствие близкого названия яйца в балт. языках (чисто условно следует воспринимать присутствие **ōja-* 'яйцо' в словаре: Trautmann BSW 202). В то же время не исключено, что балт. языки сохранили родственное название птицы — лит. *viščià* 'кураца, наседка', лтш. *vista* то же, ср. авест. *viš* 'птица', лат. *avis* и т. д. (ср. Graenkel II, 1266; критически см. K. Vūga. Rinkiniai raštai II, 327). В последнем случае любопытно, что название яйца, родственное слав. **рѣtica*, **рѣtakъ* (см.), неизвестное из слав. языков, представлено в лит. *paĩtas*.

Из литературы: Sadnik-Aitzetmüller 1, 13—14; Brückner 196—197; Holub-Kopečný 411; Sławski I, 489—490; Machek 559; «Základní všeslovanská slovní zásoba» (Brno, 1964) 55; Meillet MSL 14, 1907, 370; J. Loewenthal WuS IX, 1926, 186—187. Дальнейшие этимологические связи см. под **ajъce*.

**ajina*: сербохорв. диал. *jajina* 'яичная скорлупа' (Maš. 434), также в топонимии (RJA IV, 422).

Производное с суфф. *-ina* от **aje* (см.).

***ajitъjъ:** слов. диал. *vajitŭ* 'овальный' (Kálal 757).

Производное, возраст которого остается для нас проблематичным, образованное с адъективным суфф. *-it-* от **aje* (см.). Ср. **ajatъ* (выше).

***ajъce:** ст.-слав. *лицѣ* ср. р. *ѣбѣ*, *овит* 'яйцо' (SJS), болг. *яйце* ср. р. 'яйцо' (БТР), диал. *айце* ср. р. (с. Добротино, Гоцделчевско; дип. раб., Архив Соф. унив-та), *аце* ср. р. (Стойчев БД II, 125), *йеце* ср. р. (там же, 176), макед. *јајце* ср. р. 'яйцо' (И-С), сербохорв. *јајце* ср. р., ум. от *jaje* 'яйцо', диал. (сев., сев.-зап.) также без ум. знач. (RJA IV, 420), *Јајце*, название города в Боснии, словен. *јајсе* ср. р. 'яйцо', 'яичко' (Plet. I, 355—356), чеш. *vejce* 'яйцо' (Kott IV, 595—596), диал. *viјce* (Hruška, Slov. chod. 105), *vice* (Kott, Dod. k Bart. 135), словц. *vajce* ср. р. то же (SSJ V, 11—12), диал. *vajco* ср. р. (Buffa. Dlhá Lúka 228), польск. стар., диал. *jajce*, *jajco*, *jeјce* 'яйцо' (Warsz. II, 125, 167), словин. *jaјcā* ср. р. 'яичко testiculus' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 379), др.-русск. *кице* 'яйцо птичьё' (Пал. XIV в. и др., Срезневский III, 1651), русск. *яйцѣ*, укр. *яйце* ср. р. 'яйцо, яичко' (Гринченко IV, 537), блр. *яйцѣ* ср. р. 'яйцо'.

Праслав. **ajъce* ведет себя как ум. форма, образованная с суфф. *-ъce*, по отношению к **aje* (см.). Об этом говорит и ситуация в тех слав. языках, где основной термин со значением 'яйцо' — **aje*, ср. сербохорв. *jaje* — ум. *јајце*. Вместе с тем однозначно трактовать форму **ajъce* как поздний продукт исключительно слав. развития мешают некоторые близкие внеславянские данные. Ср. осет. *айк / айкæ* 'яйцо' (см. об осет. слове Бенвенист. Очерки по осет. языку. М., 1965, 26). На особый параллелизм словообразования слав. и осет. форм в славистической литературе не обращалось должного внимания. Слав. и иран. названия яйца с *-k-*суффиксальным (праслав. **ajъce* < **ajъko*) близки функционально, выражая уменьшительность. См. специально Абаев I, 41.

***ajъсьjъ:** словен. *јајџи* 'яичный' (Plet. I, 356), чеш. (редк.) *vaječŭ* то же.

Производное с суфф. *-ъjъ* от **ajъce* (см.), **ajъko* (см.).

***ajъсьна:** укр. *я́шня* ж. р. 'яичница' (Гринченко IV, 536), блр. *я́чня* 'яичница'.

Первоначально адъективное производное с суфф. *-ъна* ж. р. от **ajъce* (см.).

***ajъсьница:** сербохорв. *јајсѣница* ж. р. 'праздничное кушанье, из теста с крашеным яйцом посередине' (RJA IV, 420), чеш. диал. *vaječnica* ж. р. 'яичница' (Svěrák. Karlov. 139), словц. *vaječnica* ж. р. 'яичница из взбитых яиц' (SSJ V, 12), польск. *jajecznica* ж. р. 'яичница', русск. *яйчница* ж. р. 'кушанье из поджаренных на сковороде яиц', укр. *я́чниця* (Гринченко IV, 536).

Производное с суфф. *-ца* от основы прилагательного **ajъсьн-* (см. **ajъсьнъjъ*). Может быть понято как субстантивация перво-

начально адъективного образования *ажьсьна (см.), ср. аналогичные отношения *вьдова—*вьдовца.

***ажьсьникъ:** болг. диал. *ййчник* м. р. 'кушанье с яйцами', 'яичница' (БТР, Геров), *ййченик* (Геров), макед. *јајчник* м. р. (Кон.), сербохорв. диал. *јајченик* м. р. (RJA IV, 420), *јајчаник* 'кушанье из яиц' (LM 117), 'железа на горле скотины' (Šu 163), словен. *јајѣник* м. р. 'кушанье с яйцами; яичница' (Plet. I, 356), чеш. *vaječnik* м. р. 'яичница', укр. *яєшник* 'вид гриба' (Грипченко IV, 536).

Производное с суфф. *-икъ* от основы прилагательного *ажьсьн- (см. *ажьсьнъжь). Аналогичное выражение субстантивации ср. в отношениях *ажьсьница—*ажьсьна (см. s. vv.).

***ажьсьнъжь:** болг. *ййчен* 'яичный' (БТР), макед. *јајчин* (Кон.), сербохорв. *јајчан*, *јајчен* (RJA IV, 420), словен. *јајѣчен* 'яичный' (Plet. I, 356), чеш. *vaječný*, слвц. *vaječný* 'яичный, из яиц' (SSJ V, 12), польск. *jajeszny* то же (Warsz. II, 125), русск. *ййчный*, укр. *яєшний* 'яичный' (Грипченко IV, 536), *яєчний* (Грипченко IV, 536).

Прилагательное, производное с суфф. *-нъжь* от *ажьсе (см.).

***ажько:** чеш. диал. *vajko* ср. р. 'яйцо' (моравск., Kott IV, 538; Malina Mistř. 135), *jaiko* то же (Kott Dod. k Bart. 36), слвц. *vajko* ср. р. 'яйцо' (SSJ V, 12), в.-луж. *jejko* 'яичко' (Pfuhl, 235), н.-луж. *jaiko* ср. р. 'пасхальное яйцо', 'круглая ягодка как плод растения' (Muka Št. I, 527), польск. *jaiko* (Warsz. II, 125), русск. диал. *ййко* 'яйцо' (Картотека Псковского областного словаря), укр. *яйко* ср. р. = *яйце* (Грипченко IV, 537).

Праслав. *ажько соотносимо с *аје (см.) и дублетно к *ажьсе (см.) в морфолого-словообразовательном отношении (их объединяет наличие *-к-* суффиксального в общей функции уменьшительности). Момент хронологии неясен, поскольку, с одной стороны, есть несомненные параллели за пределами славянского (см. под *ажьсе), а с другой стороны — возможно воспроизводство той же модели (*ажько) в достаточно позднее время.

***ажьно:** русск. стар. *ййно* ср. р. 'пузырь, плена, сорочка, в коей иногда рождаются младенцы' (Даль³ IV, 1569).

Производное (адъективное) по типу, см. *ажьнъжь от *аје (см.).

***ажьнъжь:** сербохорв. *јајан* 'яичный' (RJA IV, 419; с XV в.), словен. *јајен* 'яичный' (Plet. I, 356), слвц. диал. *vajnyj* 'овальный' (Kálal 757), польск. *jainy* 'яичный' (Warsz. II, 125).

Прилагательное с суфф. *-нъжь* от *аје (см.).

***ако / *яко?:** ст.-слав. акс, ѡко, нареч. и союз, ѡзєт, ѡз, ѡзєтє, ѡзєтєр, ѡтє (Вост., Sad.) 'как, будто', болг. *акб* 'если', диал. *ако* (М. Младенов БД III, 35), *ако* 'хотя' (Гълъбов БД II, 68), *ак* = *ако* (Геров — Панчев), макед. *ако* 'если; хотя' (И-С), сербохорв. *ако* 'если', словен. *ako* 'если, поскольку; хотя; ли' (Plet. I, 3), чеш. *jak* 'как; когда, если', *яко* 'как', слвц. *ak* 'если', *ako* 'как', диал. *jak* 'как' (SSJ I, 15—16, 18—19, 629), в.-луж. *ако*, *ак*=*яко*,

hako (Pfuhl 2), польск. *jak, jako* 'как' (Warsz. II, 126), словин. *āk = jāke, jāk* 'как' (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 2, 379), русск.-цслав., др.-русс. *ako, tako* 'что, как, когда; так что, чтобы, ибо, так как; хотя' (Срезневский I, 12; III, 1652—1653, 1655), русск. диал. *ak* 'как' (печорск., уральск.), 'так' (арханг.) (Филин 1, 225), укр. *як* 'как, как будто; если, когда' (Гринченко IV, 537—538), блр. *як* 'как' (Блр.-русс. 1045).

Неясность реконструкции праформы вынуждает объединить в одной статье приведенный выше материал, тем более что семантическая близость случаев **ako* и **jako* действительно велика. Учитывая наличие праслав. **tako* (см.) от указат. местоим. и.-е. **to-*, трудно спорить против возможности этимологии **jako* из и.-е. **je-/*jo-* 'этот', где также местоименная основа. Согласно крайней точке зрения на все случаи **ako/*jako*, примеры с *a*-начальным утратили *j-* в условиях фразовой фонетики и, следовательно, вторичны. См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 473; Vaillant. Gramm. comparée I, 183; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 15; Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch 214; E. Nieminen «Scando-Slavica» II, 1956, 24. Широта распространения форм **ako* (практически во всех трех группах слав. языков, в том числе — там, где наличие **jako* не отмечено, ср. особенно ранее не привлекавшиеся русск. диал. печорск., уральск., арханг. примеры) вызывало, с другой стороны, предположение об исконном праслав. **ako* для части перечисленных форм — из и.-е. указат. местоим. **e-/*o-* См. Berneker I, 26; A. Meillet MSL 19, 1915, 286; Фасмер IV, 553. Следует также серьезно взвесить восходящее еще к Маретичу толкование **ako* как соединения *a+ko* (см. Vondrák, там же), позднее принятое Младеновым, см. Младенов 4 (где говорится о союзе *a* и и.-е. местоимении **k^o-*); Георгиев БЕР I, 6. Ср. праслав. **a če* (см.), а также тождество значений словен. *ako=ače* (Plet. I, 1). Садник и Айцетмюллер, признающие этимологию Младенова невероятной, не сомневаются (что естественно) в происхождении словен. *ače < *a če*, см. Sadnik—Aitzetmüller 1, 2.

Сводку слав. форм см. еще в: «Základní všeslovanská slovní zásoba» (Brno, 1964), 55. Из литературы см. также специально А. Р. Салеман. *Jak and jako in Polish*. «Language» 7, 1931, 131—135; Мельничук. Развитие структуры слов'янского предложения, 210—214.

*alověti / *jalověti: чеш. *jalověti*, слов. *jaloviet* 'становиться бесплодным (о животном)' (SSJ I, 630), польск. *jalowieć*, словин. *jalovjǎc* 'быть, оставаться бесплодным' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), русск. *яловеть* 'о корове: быть яловой, становиться яловой', укр. *яловіти* 'оставаться бесплодной (о самке скота)', 'оставаться неспаханной (о земле)' (Гринченко IV, 540), блр. *ялавець* (Блр.-русс.).

Глагол, производный от основы прилагательного **alov-* (см. **alovъjъ / *alovaja*).

*alove / *jalove: н.-луж. *jalowé*, род. -*eša* ср. р. 'яловица, яловка, телка' (Muka Sł. I, 529), чеш. (редк.) *jalávě*, род. п. ед. ч. -*te*, ср. р. слвц. *jalová*, род. -*át'a* ср. р. 'телок, телка' (SSJ I, 630).

Существительное, производное с суфф. -*et-* от адъективной основы *alov- (см. *alovъjъ / *alovaja).

*alovica / *jalovica: цслав. *аловица* ж. р. *áтеховѣза* (Mikl.), болг. *яловица* ж. р. 'яловица; бездетная женщина' (БТР), диал. *йэловица* ж. р. 'яловица; бездетная женщина' (Стойчев БД II, 176), *эловица* ж. р. 'вид почвы красноватого цвета; бездетная женщина' (Стойчев БД I, 157), *элуицъ* ж. р. 'глинистая неплодородная почва, трудно обрабатываемая' (с. Корница, Благоевградско. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *яловица* ж. р. 'яловое животное (корова, коза и т. п.); бесплодная земля' (И-С), сербохорв. *јáловица* 'бесплодная корова, овца', 'невспаханное поле', 'теленок' (Караџић), диал. *јáловица* 'овца или коза која «пренесе» једну годину' (Мић 31), словен. *јálovica* ж. р. 'бесплодная самка животного, особ. яловая корова', 'бесплодная земля' (Plet. I, 356), ст.-чеш. *jalovicě* ж. р. 'яловица, телка' (Gebauer I, 598), слвц. *jalovica* ж. р. то же (SSJ I, 630), в.-луж. *jalojca* ж. р. 'телка' (Pfuhl 230), н.-луж. *jalowica* ж. р. 'не телившаяся молодая корова, яловица, яловка' (Muka Sł. I, 529), полаб. *joliivaičä* ж. р. 'яловица, не телившаяся телка' (Polański—Sehnert 75), польск. *jalowica*, диал. *jalojca* 'телка, яловица' (Warsz. II, 131), словин. *jalò'icä* ж. р. то же (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), др.-русск. *яловица* 'корова, не дававшая приплода, нетель' (Уст. гр. м. Кипр. Конст. мон. 1392 г., Срезневский III, 1656), (Гр. после 1349 г. Картотека СДР), *яловица* 'несуягная овца' (1633 г.; Котков. Лекс. южн.-русск. письм. XVI—XVIII вв., 112), русск. *яловица* ж. р. 'яловая корова, юница, телица, не приносившая еще теленка' (Даль³ IV, 1572), укр. *яловиця* ж. р. 'корова-нетель' (Гринченко IV, 540), блр. *яловица* 'яловица'.

Производное с суфф. -*ica*, представляющее собой субстантивацию соответствующего прилагательного *alova(ja) (см.). Ср. отношение *vьdova — *vьdovica.

*alovičina / *jalovičina: чеш. *jalovičina* ж. р. 'телячья кожа', слвц. *jalovičina* ж. р. то же (SSJ I, 630), др.-русск. *яловичина* 'телятина' (Афан. Никит. 336, Срезневский III, 1656), укр. *яловичина* ж. р. 'говядина' (Гринченко IV, 540).

Производное с суфф. -*ina* от *alovica (см.).

*alovina / *jalovina: болг. *яловина* ж. р. 'яловая скотина, овцы, коровы' (Геров), *яловина* (Другаа дружина ходи съ стада, кои сж раздѣлени, на *яловиня*, шилета, доймы и слабы. Г. С. Раковски Показалец, 1859. Архив Болг. возрождения, София), сербохорв. диал. *jalovina* 'скотина, которая не доится' (Кап 269), *яловиња* 'яловая скотина' (GP 11), словен. *jalovina* ж. р. то же (Plet. I, 357), чеш. *jalovina* ж. р. 'молодой рогатый скот', слвц. *jalovina* то же (SSJ I, 630), русск. диал. (зап.) *яловина* ж. р. 'лядо, запу-

щенная, плохая земля' (Даль³ IV, 1572), блр. *ялавина* 'перелог', диал. *яловына* ж. р. 'поле, засеваемое с промежутком в 2—3 года для повышения плодородия почвы', 'поле, которое не успели обработать' (Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, 130).

Производное с суфф. *-ina* от основы прилагательного **alovъjъ*, *-aja* (см.)

**aloviti*(se) / **jaloviti*(se): макед. *ялови се* 'скидывать (о животном)' (И-С), сербохорв. *яловити* 'выхолащивать, кастрировать (барана)', 'делать яловой (корову, кобылу, овцу)' (Вук Караџић; RJA: с XVII в.), *яловити се* 'становиться яловой, бесплодной', словен. *jaloviti* 'делать бесплодной' (Plet. I, 357), в.-луж. *jałowic* 'становиться бесплодной' (Pfuhl 230), словин. *jalòvjič* 'делать бесплодной' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), русск. *яловиться: земля яловится* 'отдыхает, лежит в пару' (Даль³ IV, 1572).

Глагол на *-iti* (с каузативным значением), производный от основы прилагательного **alovъjъ*, *-aja* (см.)

**aloviznъ* / **jaloviznъ*: чеш. диал. *jałowizeň* ж. р. 'молодой рогатый скот' (валашк., Bartoš Slov. 129), слвц. *jalovizeň*, род. п. ед. ч. *-zne* ж. р. то же (SSJ I, 630).

Именное производное с суфф. *-iznъ* и функцией собирательности от адъективной основы **alov-* (см. след.).

alovъjъ*, **alovaja* / **jalovъjъ*, **jalovaja*: цслав. *аѡва* прилаг. *аѡва*; *аѡва* (Mikl.), болг. *ялов* прил. 'не родящий, бесплодный' (БТР), макед. *ялов* 'яловый' (И-С), сербохорв. *ялов* 'бесплодный (о земле, о скоте)', диал. *ялав* 'яловый' (Елез. I), словен. *jalov* 'яловый, бесплодный'; 'пустой', *jal* то же (Plet. I, 356), диал. *avow* 'яловый, молодой (о скоте)' (Šašel, Ramovš 101), чеш. *jalový* 'бесплодный' диал. *jalový* 'недойный (о скоте), постный, несдобный (о тесте)' (Bartoš Slov. 129), слвц. *jalový* 'бесплодный, яловый' (SSJ I, 630), в.-луж. *jałowu* 'яловый (только о корове)' (Pfuhl 230), н.-луж. *jałowu* 'яловый, бесплодный (большей частью о коровах)' (Muka Sł. I, 529), полаб. *jolüvä* прил. ж. р. (jalovaja*) 'яловая, бесплодная' (Polański—Sehnert 75), польск. *jałowu* 'яловый, бесплодный; неурожайный; сухой, постный, несдобный' (Warsz. II, 132), словин. *jalòvji* 'яловый, бесплодный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), др.-русск. *аѡва* 'нестельный, неплодный' (Срезневский III, 1656), русск. *яловый* '(о скоте) бесплодный, неплодотворенный', 'порожний, пустой, неплодный' (курск., Опыт 274), 'не подвергавшийся пахоте, заобложивший' (Добровольский 1019), *ялая* прил. ж. р. 'молодая корова, петель' (томск., Опыт 273), укр. *яловий* 'бесплодный (о скоте; о почве, растении)' (Гринченко IV, 540), блр. *ялавая* прил. ж. р. 'яловая'.

Прилаг. с основой **alov-*, как видим, распространено широко в слав. языках и причем повсеместно — в исторически тождественной форме, восходящей к праслав. **alovъjъ*. Как sporadическую нужно отметить другую форму, представленную в словен.

диал. *jâl* и в русск. диал. *ялая* (см. выше). Сличение тех и др. форм позволяет выделить в **alovъjъ* суфф. *-ov-*. См. еще Miklosich. Vgl. Gramm. II, 230; Г. Ильинский JФ V, 1925—1926, 56—57 (с ошибочной, впрочем, концепцией происхождения целой морфологической категории). Реконструкцию праслав. формы (**alovъjъ* или **jalovъjъ*) затрудняет недостаточная ясность внешнего этимологического родства слав. форм. Один вариант этимологизации делает вероятной именно реконструкцию праслав. **alovъjъ*, ср. в качестве исконно родственных лтш. *âlava* 'яловая корова, не дающая молока', см. E. Fraenkel ZfslPh XI, 1934, 36—38. Следует, вслед за Френкелем, особо выделить то обстоятельство, что различие в начале лтш. и слав. слов (последние в течение всего исторического периода регулярно обнаруживают начальную йотацию) исключает заимствование балт. форм из слав., русск., вопреки мнению ряда ученых (напр. Miklosich 99; Berneker I, 444). Френкель (там же) относит сюда еще лит. диал. (жем.) *olava* < **olavas* 'холостой', см. также Fraenkel I, 516. Другой вариант этимологизации ставит вопрос об исконно начальном *j-* в слав. слове, которое при этом сравнивается, правда, с более отдаленными по значению словами: кимр. *ial* 'место в лесу, оголенное от деревьев, поле' (J. Pokorny ZfceltPh 21, 55 и след. — Цит. по: RS XV, 1939, 156; Pokorny I, 504—505; см. еще Van Windekens. Études pélasgiques 100—102, где сюда же отнесены греч. (пелазг. ?) ἄλιος 'тщетный, бесполезный', топонимы в роде Ἀλίσαρνα и др.); лтш. *jêls* 'сырой, незрелый', см. Trautmann BSW 107; Brückner 198; Младенов 702—703; Holub—Korečný 148; Фасмер IV, 555. Френкель (ZfslPh, там же) отвергает сближение с лтш. *jêls*, хотя позднее он же как будто допускает родство и с лтш. *jêls* и с лит. *jêlas* 'несоленый, пресный, свежий', а также, вслед за Махеком (Machek «Slavia» 8, 209 и след.), — с лит. *alûs* 'пиво', слав. *olъ* (см. Fraenkel I, 8—9, 193), что подводит к мысли о возможности компромиссного решения **el-* / **iel-* / **ol-*, **al-* / **ial-* примирения реконструкций с йотацией и без нее.

См. еще из литературы: Sławski I, 496—497; E. Moško PJ 1958, 461; он же JP XLIII, 1963, 245; Machek 170 (знаменательно, что здесь Махек предпочитает говорить о неясности праслав. *jalovъ*).

***alovъka** / ***jalovъka**: сербохорв. *jâlovka* ж. р. = *яловица*, словен. *jálovka* ж. р. = *jalovica* 'телка' (Plet. I, 357), чеш. *jalůvka* ж. р., диал. *jalovka* = *jalovice*, словц. *jalovka* ж. р. 'яловая овца или корова' (SSJ I, 630), польск. *jałowka* = *jałowica* (Warsz. II, 132), русск. обл. *яловка* ж. р. 'телица, молодая корова, яловница' (волог., тамб., тул., Опыт 274), укр. *ялівка* ж. р. 'нетель, неплодная корова' (Гринченко IV, 539), блр. *ялаўка* 'яловка'.

Производное с суфф. *-ъka* от основы прилагательного (см. **alovъjъ* и т. д.), вариантное в словообразовательно-лексическом отношении с **alovica* (см.). Семантически тождественное этому

последнему, образование *alovъka, возможно, уступает ему по возрасту.

*alovъкъ?/*alovакъ?: болг. яловѣк, ялъвѣк м. р. 'кладеный баран-вожак' (Геров), макед. јаловак м. р. 'кастрированное животное (бык, конь и т. п.)' (И-С), сербохорв. диал. јаловак 'бесплодный петух' (LM 35).

Образование, недостаточно ясное по своей древности и суффиксальному оформлению: часть примеров указывает как будто на суффикс. -акъ, отдельные примеры двусмысленны (-акъ?-тъкъ?). Общеслав. перспектива, а именно — наличие довольно распространенной формы ж. р. с суффикс. -ък(а) (см. *alovъka) — позволяет допустить и здесь оформление *alovъкъ.

*alovъсь/*jalovъсь: сербохорв. јаловац, род. -ва м. р. 'кладеный баран', словен. јálovec м. р. 'бесплодное животное', 'бесплодный ствол' (Plet. I, 356), чеш. јalovec, род. -vce м. р. 'растение можжевельник Juniperus', диал. 'яловые овцы' (Kott Dod. k Bart. 36), словц. диал. јalovec, -vca м. р. 'можжевельник' (SSJ I, 630), 'терн' (Buffa. Dlhá Lúka 159), в.-луж. јalorc 'можжевельник' (Pfuhl 230), стар. јalorc, јawolc то же (1799 г., Schuster-Šewc, Sprachdenkm. 237), н.-луж. јalowc м. р. 'можжевельник' (Muka Sł. I, 529), стар. јaloucz то же («Hortus Lusatiae», 1594 г., Schuster-Šewc, Sprachdenkm. 46), н.-луж. јaloweńc м. р. 'можжевельник' (Muka Sł. I, 529), польск. јalowiec, род. -vca м. р. то же (Warsz. II, 132), русск. обл. яловец 'можжевельник Juniperus' (Даль³ IV, 1572), укр. ялівець, яловець м. р. то же (Гринченко IV, 539).

Видимо, народноэтимологической ассоциации с укр. яліна 'ель' обязано своей формой укр. диал. яліниць 'можжевельник Juniperus communis' (I. Верхратський. Знадоби 274). В остальном, что касается формы *alovъсь и ее этимологизации, здесь возможно только одно решение: производное с суффикс. -ъсь от основы прилагательного alov- (см. *alovъjъ). Ясно без комментариев, что это точно соответствует значению ю.-слав. и отчасти — чеш. продолжений праслав. *alovъсь — 'яловый, молодой скот'. Но эта же этимол. связь действительна и для *alovъсь 'Juniperus', почему слова с тем и с другим значениями объединены здесь в одной статье. Можно сравнить отношения праслав. *alovъсь 'можжевельник' и *alovica 'телка, яловица' с отношением лат. iūniperus 'можжевельник' и iūnīx 'яловица, телка'. Реальную природу такого названия правильно видел еще Брандт, указывавший на то, что можжевельник, двудомное растение, часто оказывается бесплодным. См. Р. Брандт РФВ XXII, 1889, 131; вслед за ним — Verneker I, 444; J. Charpentier «Glotta», 9, 1918, 57; Brückner 198 (: «от мужских, тем самым — бесплодных, яловых, соцветий»); Фасмер IV, 544; Sławski I, 495.

Прочие этимологии неубедительны: недавняя гипотеза Махека о родстве с основой нем. Wacholder 'можжевельник', др.-в.-нем. wehhal- (Machek 170); сближение с арм. elevin 'кедр' (см., вслед

за Лиденом, Berneker I, 272, с реконструкцией праслав. **ělovьсь*; К. Oštir «Etnolog» III, 1929, 101; IV, 1930, 5; Trautmann BSW 69; Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописем. периода арм. языка (Ереван, 1967), 240—241; А. Carnoy. Études étymologiques sur le vocabulaire latin des plantes. «Studia linguistica» XIII (Lund—Copenhagen, 1959), 118, где сюда же относится лат. *elbus* 'pinus Cembra').

***ama** / ***jama**: болг. *яма* ж. р. 'яма' (БТР), макед. *јама* ж. р. 'яма, воронка' (И-С), сербохорв. *јама* ж. р. 'яма', словен. *јама* 'яма, пещера' (Plet. I, 357), чеш. *јама* ж. р. 'углубление в земле, яма', словц. *jama* ж. р. то же (SSJ I, 630—631), в.-луж. *jama* 'яма, пещера' (Pfuhl 230), н.-луж. *jama* ж. р. 'яма, углубление' (Muka Sł. I, 529), полаб. *joto* ж. р. 'яма, могила' (Polański—Sehnert 75), польск. *jama* ж. р. 'яма, нора, пещера' (Warsz. II, 132), словин. *јамă* ж. р. 'пещера, яма' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 391), др.-русск. *ѣма* 'яма, ров' (Срезневский III, 1657), 'могила' (Карто-тека СДР), русск. *яма* ж. р. 'углубление, вырытое или образовавшееся в земле', укр. *яма* ж. р. 'яма; могила; погреб' (Гринченко IV, 540), блр. *яма* 'яма'.

См. еще обзор слав. форм в: «Základní všeslovanská slovní zásoba» (Brno, 1964) 153, s. v. *jama*. Однозначная реконструкция праслав. формы затруднена. На основании показаний слав. языков и текстов Соболевский, например (РФВ LXIV, 1910, 103), возводит начало слова даже не к *a-* и не к *ja-*, а к (*j*)*ě-*. В конечном счете праслав. реконструкция определяется наиболее вероятными внешними этимологическими связями, которые, по нашему мнению, говорят все-таки о праслав. **ama*, а не **jama*, вопреки ряду ученых (Berneker I, 444; Фасмер IV, 555; Sławski I, 497). Ср. греч. *ἄμῃ* 'лопата, мотыга', см. Н. Osthoff KZ XXIII, 1877, 87 (где неправильно сюда же отнесено греч. *ἄντρος* 'куча, копна', в действительности — из и.-е. **sem-* 'собирать'); Frisk I, 88 (со ссылкой на Сольмсена); Hofmann 15. Отсюда — естественная характеристика начального слав. *j-* как протезы вследствие зияния в условиях фразовой фонетики, см. об этом Machek 170. Более проблематична этимология, согласно которой слав. слово — из **āmā* или **ōmā*, которое, в свою очередь, — из **ōi-mā*, соответствующего ирл., гэльск. *uaimh* 'нора, могила, пещера', др.-ирл. *huat* мн. 'specus', далее — авест. *ūnā-* ж. р. 'дыра, трещина (в земле)', греч. *εὐνή* 'постель, ложе, логово' (E. Lidén KZ XLI, 1907, 395—396). По поводу последней этимологии можно сказать, что нам известны как достоверные только рефлексy слав. *u* < и.-е. *ōi*.

Менее надежны этимологии, исходящие из реконструкции праслав. **jama*, напр. сближение с лтш. *jiūma* 'глубина, морской пролив' (V. Jagiis AfslPh II, 1877, 396; J. Zubatū BB XVIII, 1892, 251), потому что лтш. слово — зап.-фин. (ливск.) происхождения, см. Berneker, там же; Фасмер, там же (с литер.); сомнительно

с разных точек зрения и сближение Гебауэра — *jama* : *jeṭi*, *jьтq* 'братъ', см. Meillet MSL 14, 1907, 365. Спорна, наконец, связь слав. слова с фин. *uota* 'глубина, впадина' (J. Rozwadowski RS VI, 1913, 53).

***amo/*jamo**: сербохорв. *âmo* 'сюда' (Вук Караџић; RJA I, 81—82: с XVI в.; авторы толкуют из *oamo* < *ovamo*, т. е. не связано в таком случае с праслав. **amo/*jamo*), болг. диал., макед. *âmo* = *оvamo* (Геров; Крушово, Струга; Архив Болг. диал. словаря, София), ст.-чеш. *jam* (Gebauer I, 598), ст.-польск. *jamo* 'куда' (1393 г., Sł. stpol. III, 116; ср. еще Warsz. II, 133), русск.-цслав., др.-русск. *јamo* 'куда' (Георг. Ам., Срезневский III, 1657; Лавр. летоп. 1377 г., Син. пат. XI в. Картотека СДР), *amo* (. . . и поустить *amo* же хочеть. Новг. Корм. 1282 г. и др. Картотека СДР), сюда же *гѣмѣ* 'куда' (Ев. 1270 г., Срезневский III, 1658).

Наречие, образованное с суфф. *-mo* (ср. др. аналогичные наречия места **kato*, **tamo*, см.) от местоим. основы. Трудности реконструкции начала слова для праслав. — те же, что и в случае **ako/*jako* (см.). Так же, как и там, речь может вестись или о происхождении от праслав. **jь* (см.), и.-е. **jo-*, или от и.-е. **e-/*o-*. См. Verneker I, 417—418; Фасмер IV, 557; Sławski I, 498 (с литер.); Suman AfsIPh XXX, 1909, 293. См. еще K. Netteberg. «Scando-Slavica» IV, 1958, 185.

***apa?**: русск.-слав., др.-русск. *apa* 'надежда, ожидание, spes, exspectatio' (встречается в слож. с предлогами: *заана*, Срезневский I, 25).

Ограниченная по распространению основа (см. еще **apati*, **arьnъjь*), в настоящем случае неясная по древности своего морфологического оформления. Этимологически обычно сближают с лат. *opīnor* 'полагаю, воображаю', *opto*, *optāre* 'желать', с иным количеством корневого гласного. С греч. ἐξ-απίvης 'внезапно' (< **ēξ-α-πI-ιvης*, см. Hofmann 85) не связано. См. Verneker I, 29—30; Walde² 542; Pokorny I, 781; Фасмер I, 328 (там же — более старая литер.); Mashek 170 (s. v. *japati*, где говорится о вторичном происхождении *j-* начального, а долгота корневого слав. гласного приписывается глагольной итеративной форме, см. **apati*).

***apady**: сербохорв. *jānād* ж. р. (местн. п. ед. ч. *janādu*) 'тенистое место'.

Очевидное стар. сложение основы гл. **padq*, **pasti* (см.) и префикса *a-*, обычно выступающего в знач. приблизительности, здесь же близкого по функции префиксу *za-* (ср. Фасмер IV: *я-*), ср. случаи вроде **aduxa*—**zaduxa* (см. **aduxa*). Мнение о тюрк. происхождении (Knežević. Die Turzismen 164) менее вероятно.

***apati**: ст.-чеш. *japati*, *jāpati* 'наблюдать, созерцать, внимать' (Gebauer I, 601).

«Хотя глагол представлен на довольно небольшой территории, он является достоверно праслав.» (Mashek 170). Вместе с тем это — слав. новообразование в плане морфологии (итеративный

гл. на *-ati*) и в плане корневого вокализма, где слав. форма обнаруживает долготу, при краткости в родственном лат. *orīnor* 'полагаю' (см. подробнее об этимологии под **ара*). Несмотря на то, что инновационные долготы присущи целому ряду слав. форм, природа долготы гласного здесь не вполне ясна. Махек (там же) предположил для нее морфол. происхождение — из глагольного итератива, что влечет за собой заключение о вторичном, аналогическом распространении этой долготы во всех формах с этой основой — **ара* (см.), **арьнъь* (см.), сами же эти формы могут быть значительно древнее, особенно последняя.

арьно?**/варьно** (см.): сербохорв. диал. *jáпно* ср. р. = ванно (Караџић; RJA s. v.: с XVI в.), ср. еще *jáпненица* ж. р. 'der Kalkofen, die Kalkhütte, calcaria' (хорв., Караџић; RJA: с XII—XIII в.); словен. *áрно* ср. р. 'известь, варно' (Plet. I, 5), *jáрно* то же (Plet. I, 358).

При всей гипотетичности заглавной реконструкции *арьно (обычно говорят только о форме **варьно*, см. ниже, которая, действительно, объединяет большинство форм слав. языков), она логично вытекает прежде всего из названных выше словен. и сербохорв. форм (прочие многочисленные примеры из этих языков, их топонимии, а также соответствующие исторические данные приводятся у: Bezlaј. Etim. slovar. Ljubljana, рукоп.). Если начальное *j-* при этом — бесспорно протетическое и, как таковое, при реконструкции снимается, то гораздо менее ясно положение дела с вариантом **варьно*. Предположить здесь протезу *v-* (подобные случаи известны, ср. **ажьсе*, **атра*) мешают принимаемые обычно этимологические сравнения с др.-прусск. *woapis* 'краска', лтш. *vāpe* 'глазурь' (см. Trautmann BSW 341; Фасмер I, 272), но не исключено, что балт. слова заимств. из слав. Еще Брюкнер проводил сравнение между польск. *warpo* 'известь' и ст.-слав. капа 'озеро, болото' (Brückner 604). Если последовательно продумать это сравнение, то станет ясной возможность связи **арьно*/**варьно* (производное с суфф. *-ьно* на слав. почве) с большой группой архаических и.-е. слов, обозначающих воду, из которых часть объединяется вокруг **ǵr-*, другая часть — вокруг **ur-* (ступень редукции?). Формы вроде **ǵār-* могли прозойти от взаимодействия обоих рядов.

***арьнъь**: чеш. стар. *jarňý* 'остроумный, находчивый'.

Только чеш. слово, по-видимому, праслав. происхождения. Прилаг., производное от основы, выступающей еще в **ара* (см.), особенно — **арати* (см.). Праслав. **арьн-* находит своеобразное соответствие в лат. *-orīnus* (лат. *in-orīnus* 'неожиданный' = ст.-чеш. *ne-jarňý* то же, см. Machek 170), причем долгота корня и краткость суффикса слав. слова соответствуют краткости корня и долготе суффикса лат. слова.

***арѣбатъь**: болг. *ярябътый* 'пестрый, рябой' (Геров), *яребата*, прилаг., 'сивопепелява на цвят' (М. Младенов БД III, 82), чеш.

jeřabatý, диал. *jařabatý* 'пестрый' (Kott Dod. k Bart. 36), *jařabatí* 'полосатый' (Malina Mistř. 40), словц. *jarabatý* 'рябой, пестрый' (SSJ I, 632), н.-луж. *jerjebaty*, польск. *jarzebaty* 'пестрый'.

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от именной основы *arebъ (см.).

*arebica: сербск.-цслав. *гравица* ж. р. *гѣрѣѣѣ*, *perdix* (Mikl.), болг. *яревица* ж. р. 'куропатка *Perdix cinerea*' (БТР), макед. *яревица* ж. р. 'куропатка' (И-С), *еревица* ж. р. то же (Кон.), сербохорв. *jarëbiца* ж. р. (Вук Караџић; RJA: с XV в.), диал. *jerëbiца* ж. р. (Елез. I), словен. *jarebica*, *jerëbica* ж. р. 'куропатка *Perdix cinerea* (самка)' (Plet. I, 359, 366), чеш. диал. *jeřabice* ж. р. 'рябчик', словц. *jarebica* ж. р. 'куропатка *Perdix*' (SSJ I, 632).

Производное с суфф. *-ica* от *arebъ (см.) или *arebъ (см.).

*arebika: словен. *jerëbika* 'рябина *Sorbus aucuparia*' (Plet. I, 366), возможно, первоначально сюда же русск. диал. *рябика* 'рябина' (ряз., Опыт 195; Диттель. Сборник рязанских областных слов. — ЖСт. 1898, вып. II, 222; Труды МДК. Свод материалов, собранных Комиссией. Словарь к ответам на программу по Тамбовской губ. — РФВ LXVI, 1911, 216).

Образование с суфф. *-ika* от префигированного прилаг. *arebъjъ (см.) или — в случае с русск. *рябика* — от *rebъjъ (см.).

*arebina: словен. *jerëbina* ж. р. 'мясо куропатки', 'плод рябины' (Plet. I, 366), чеш. *jeřabina* ж. р. 'рябина', *řeřabina* то же, словц. *jarabina* ж. р. 'рябина' (SSJ I, 632), диал. *garabiña* то же (Kálal 144), в.-луж. *wjerjebina*, н.-луж. *jerjebina* ж. р. 'рябина', польск. *jarzebina* 'рябина *Sorbus*' (Warsz. II, 138), возможно, сюда и русск. *рябина* ж. р., укр. *рябина* ж. р. 'рябина *Sorbus aucuparia*' (Гринченко IV, 91), блр. *рабіна* 'рябина'.

Последние (русск., укр., блр.) примеры могли бы с меньшим основанием быть объединены вокруг реконструкции праслав. *rebina (см.), поэтому в настоящей статье присутствуют на правах спорных рефлексов. Что касается укр. *орябина* (сюда же укр. *горобина*, *оробина* ж. р. 'рябина' [Гринченко I, 314; III 63]), то оно, напротив, по мысли Булаховского (ср. Л. А. Булаховский ВЯ 1968, № 4, 102—103, где говорится о русск.-цслав. *орябъ*, укр. *орябок*), возможно, относится преимущественно к праслав. *(j)arebina/*erebina, будучи отражением вост.-слав. перехода *je-* > *o-* в начале слова. Неправдоподобна особая этимология для укр. *орябина* — из н.-е. *armpo-s 'огненный', ср. греч. ἀρία 'растение *Sorbus aria* Crtz.' (J. Loewenthal WuS X, 1927, 161). Впрочем, аналогия отношений *a-brëdъ : *brëd- : *o-brëdъ (см. выше *abrëdъ) напрашивается и в рассматриваемом случае, тем более, что отношения *a-reb- : *reb- : *o-reb- (вторично префигированное) четко прослеживаются ввиду наличия реального *rebъjъ (см.).

В остальном праслав. *arebina — производное с суфф. *-ina* от основы *arebъ (см. там же подробнее об этимологии).

*arebъ: сербохорв. *järeb* м. р. 'горная куропатка *Perdix saxatilis*', словен. *jarëb*, *jerëb* м. р. 'куропатка (самец)' (Plet. I, 359, 366),

чеш. *jeřáb* м. р. 'рябина *Sorbus*', редк. *řeřáb* то же, польск. *jarzab* м. р. 'рябина', 'вид тополя', 'рябчик' (Warsz. II, 137).

Мы говорим о едином праслав. *arębъ, хотя оно и объединяет столь разные и самостоятельные лексические значения 'название птицы (рябчик, куропатка)', 'название дерева (рябина и др.)'. Это разнообразие значений в общем характерно для всего данного семейства слов (см. *arębъ, *arębrъкъ и др.), объединяющегося вокруг обозначений цвета — *arębъjъ (см.), а также *rębъjъ (см.). Уже сравнение двух последних слов позволяет расчлениить на слав. почве *a-* префиксальное и корень *ręb-*, но вся сложность картины отношений форм становится ясной только после следующих далее сравнений. Что касается *a-* префиксального, то его констатацию в данном случае см. Фасмер IV, 563 (автор, впрочем, не исключает здесь также иные, апофонические отношения, ср. ниже Мейе и Вайян; сомнения по этому поводу см. Pisani «Paideia» XIII, 1958, 315). Говоря об отношениях основы *ręb-, нельзя не указать на ее родство с синонимичным слав. *ręb-, откуда укр. *ribий* 'рябой', ср. лит. *raibas*, лтш. *raibs* 'пестрый, рябой', др.-прусск. *roaban* 'полосатый' (см. о слав. *ręb- и родственных: J. Zubatý AfsIph XVI, 1894, 409—410). Т. о., можно говорить о назальном и неназальном варианте (*remb-: *roib-) одной древней основы (ср. Brückner KZ XLV, 1913, 318). Сюда же, далее, словен. диал. *rebad*, *rubad*, *rbad* ж. р. 'корь', которое Безлај (ВЯ 1967, № 4, 52) реконструирует как *rębędъ, ср. русск. *рябой*, см. еще Bezlaј. Eseji o sloven. jez. 79. Не исключено, впрочем, что часть словен. форм продолжает праслав. *ręb-, дослав. *ręb-, с близким значением 'рябой, пестрый', подобно тому как сербохорв. *рбина* 'черепок' этимологизируется как *rębina, родственное лтш. *rubinat* 'делать зарубки, грызть' (J. Zubatý, там же), а с другой стороны — как родственное праслав. *rębiti, русск. *рубить*, а также праслав. *rębati, словен. *rébati* 'грызть', лит. *rémbėti* 'покрываться рубцами, сучками' (см. о словен. слове F. Bezlaј «Linguistica» VIII/1, 1966—1968, 68). На этих немногих сравнениях видно без комментариев родство лексики со значениями 'рубить, делать зарубки' и 'рябой'. Однако возраст выделения значения 'рябой', основного для названий куропатки, рябчика, рябины и т. п., трудно определить даже приблизительно, здесь целесообразно говорить об отдаленной, дослав. древности. Ср. ирл. *riabach* 'пестрый, пятнистый', др.-в.-нем. *erpf*, название цвета, др.-исл. *iarpr* то же (см. E. Zupitza KZ XXXVI, 1900, 67), сюда же лтш. *irbe*, нем. *Reb-huhn*, шв. *rapp-höna* 'куропатка' (ср. J. J. Mikkola RS I, 1908, 18), нем. *Eber-esche* 'рябина'. Отнюдь не обязательно объяснять близость нем. и слав. названия рябины «праевропейским» субстратным происхождением (см. в этом смысле V. Machek LP II, 1950, 155—156; Machek 176; Holub—Korešný 152). Следует возразить против стремления упомянутых чеш. ученых отнести сюда же лат. *sorbus* 'рябина', якобы из

*s-orbus (см. лучше о лат. слове Walde² 726). В остальном близость нем. и слав. названия рябины заслуживает серьезного изучения и не должна игнорироваться. Германисты, не учитывающие слав. материала при этимологизации нем. *Eberesche* (см. Kluge¹⁵ 155), идут, видимо, по неправильному пути. Вторичное, народноэтимол. преобразование коснулось, вероятно, не только нем. *Reb-huhn* (в связи с *Rebe* 'виноградная лоза', см. Kluge¹⁵ 604), но и *Eber-esche* (в связи с *Eber* 'кабан, вепрь?'). Рациональная мысль, которая может быть использована в этом направлении, заключается в предположении Махека (там же) о метатезе $r-b > b-r$ в герм. слове. Нельзя не сказать здесь о том, что такие случаи (тоже по народной этимологии?) могут быть отмечены и в слав. языках, ср. болг. диал. *еберица* — при обычном болг. *яребица*, *еребица* (цит. по Miklosich 275; Berneker I, 274, s. v. *ěreǫbъ*, *ereǫbъ*, где говорится о метатезе). Весьма своеобразны и сложны балт. соответствия, ср. лит. *jerubė*, *irbė*, диал. *jārubė*, *jerumbė* 'рябчик', которые могут продолжать **rb-*, **e-rb-*, **e-rmb-*, родственные праслав. **arebъ* и др. Ср. (с отличиями в трактовке) Trautmann BSW 104—105. Оригинально, но маловероятно см. Fraenkel I, 193, который толкует балт. названия с началом *je-* как интенсивную редупликацию корня, предоставленного в лтш. *rubenis* 'тегерев', др.-исл. *rjúpa* 'снежная куропатка'. Так же толкует Френкель и слав. факты (*jarǫbъ*, *jarǫb* в отношении к *reǫb-*). См. Е. Fraenkel «Festschrift für M. Vasmer» 155. Однако правильнее видеть в слав., балт., герм. фактах преломление на местной почве более древних, и.-е. апофонических отношений. Если рассмотреть и.-е. слова, которые в литературе обычно объединяются вокруг **ěreb(h)-*, **ōrol(h)-*, название цвета (ср. еще греч. *ὄρφος* 'мрачный, темный', см. Frisk II, 431—432; Pokorny I, 334), то станет ясным одно их существенное отличие от бесспорно родственного им, инфигированного праслав. **arebъ*: на и.-е. уровне мы имеем дело с гласной протезой *e/o-*, чисто фонетической, видимо, по природе (с ее помощью избегался *r-* в анлауте, что известно из разных языков и типологически представляется древней чертой), тогда как слав. материал говорит о наличии префикса *a-*. Славянский, т. о., провел грамматикализацию древнего фонетического элемента, который представлен, напр., в балт. *ja-*, *je-* еще в древнем, дограмматическом качестве.

Трудно разделить точку зрения Мейе и Вайяна, которые отрываю*т **(j)arebъ* от **reǫbъ* и относят наше слово (как производное с суф. *-ǫb-*) к основе *jar-* 'весна', также в названиях молодых, годовалых животных (см. А. Meillet et A. Vaillant RES XIII, 1933, 101—102; Мейе. Общеслав. язык 295). Прочая литер.: Н. Pettersson. *Arische und armenische Studien* (Lund—Leipzig, 1920) 9; Brückner 200; Sławski I, 506—507; А. Carnoy «*Studia linguistica*» XIII, № 2, 1959, 115.

*arębъjъ: чеш. диал. *jařabíj* 'пестрый' (Bartoš Slov. 130), *jarabýj*, словц. *jarabýj* 'пестрый, рябой (обычно о птицах)' (SSJ I, 632).

Членная адъективная форма основы *aręb- (см. *arębъ).

*arębъkъ: чеш. *jeřábek*, род. -*bka* м. р. 'рябчик', польск. *jarząbek*, род. -*bka* м. р. 'рябчик', 'рябина' (Warsz. II, 137), диал. *jažombek* 'рябина обыкновенная *Sorbus aucuparia*' (Szymczak Doman. II, 343), укр. *орябок*, род. п. ед. ч. -*bka* 'рябчик *Tetrao bonatia*' (Гринченко III, 64).

Ум. производное с суфф. -*ъkъ* от *arębъ (см.; там же подробно об этимологии).

*arębъ: русск.-ц.-слав. *ярабъ* 'куропатка' (Ио. Леств., Срезневский III, 1665).

Именная форма, тождественная практически во всем, кроме конца основы, праслав. *arębъ (см.).

*arębъje: чеш. (редк.) *jeřábí, řeřábí* ср. р. 'заросли, кусты рябины'. Собр. производное с суфф. -*ъje* от *arębъ (см.).

*aru?: ст.-слав. *ароу* межд. *eiðe utinam* 'если бы' (Супр., Mikl., Sad.), русск.-цслав. *аръ, ѡръ* 'если бы, utinam' (Срезневский I, 28).

Темное слово. Предположение Бернекера о заимствовании из греч. *ἄρ οὐ*, вопросит. част. (Berneker I, 446), кажется сомнительным (о греч. *ἄρα, ἄρ* 'конечно, как раз, тогда, итак', см. Frisk I, 127). См. Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 213; Фасмер IV, 561. Эту по всей вероятности древнюю исконную форму пытались объяснить как застывшую форму словоизменения, предполагая в ней или косвенный падеж от прилаг. *jarъ* 'ярый, сильный', ср. в.-луж. *jara* 'очень' (Brückner KZ XLVIII, 1918, 170), или первоначальную форму 2 л. ед. ч. пов. накл. из и.-е. **ōrou-*, ср. лат. *ōrāre* 'говорить, просить', др.-инд. *āryati* 'прославляет', с семантическим переходом 'желай' > 'если бы' (Г. Ильинский РФВ LXVI, 1911, 271—274).

*aręmiti: сербохорв. *jārmiti* (RJA IV, 472), словен. *jārmiti* 'запрягать в ярмо' (Plet. I, 359), чеш. *jařmíti* (стар. и поэт.) 'поработать, угнетать', словц. *jarmit* (книжн.) 'поработать, угнетать' (SSJ I, 633), польск. (редк.) *jarzmić* 'запрягать в ярмо' (Warsz. II, 138). Глагол на -*iti*, производный от имени *aręmo, *aręmъ (см.).

*aręmo: чеш. *jařmo*, реже — *jarmo* ср. р. 'ярмо для крупного рогатого скота', словц. *jarmo* ср. р. 'воловье ярмо' (SSJ I, 633), польск. *jarzmo*, диал. *jerzmo, jarmo, jirzmo* ср. р. 'воловье ярмо' (Warsz. II, 138), русск. *ярмó* ср. р. 'деревянный хомут для упряжки рабочего рогатого скота', диал. *ярмó* 'воловья упряжь' (Миртов. Донской словарь 374), *армó* ср. р. 'деревянная часть сохи, на которую насаживается «отрез»' (вят., Филин 1, 276), укр. *ярмó* ср. р. 'ярмо; ключица' (Гринченко IV, 542—543), диал. *йáрмó* 'ключица' (Онишкевич. Словник бойківського діалекту), блр. *ярмó* 'ярмо' (см. также Сержпутовский Чудина 52). См. еще о значениях слов В. С. Парасушко. До етимології слів *ярмо, глиця і сноза*. — «Мовознавство», 1968, № 4, 49-51.

Наряду с близкой формой м. р. *арѣтъ (см. след.) рассматриваемое здесь *арѣто — широко распространенное с древности обозначение основной части воловьей упряжи в слав. языках. Праслав. *арѣто, сущ. ср. р., соотносимо с глаголом *арити, восстанавливаемым для праслав. косвенно, на основе польск. *kojarzyć* 'соединять, сочленять' (см. **kojariti*). Однако это еще не дает права считать *арѣто производным с суфф. -ѣто (типа **pisъto*) и видеть в нем абсолютное новообразование праслав. языка. Уместнее говорить лишь об относительном новообразовании, имея в виду семантику слав. слова (см. ниже), в формальном же отношении целесообразно ставить вопрос о сохранении или воспроизводстве древней словообразовательной модели: и.-е. **ar-m-* > праслав. *арѣто с введением тематического элемента (близкое и.-е. **ar-m-* 'плечевой сустав' сохранено в архаическом праслав. **orъe*, см.). В этом смысле мы говорим о родстве праслав. *арѣто и лат. *arma* pl. tant. 'снаряжение, оружие', греч. *ἄρμα* ср. р. 'повозка' (**armъ* или **arsmъ*), возможно, также лат. *armentum* 'крупный рогатый скот, стадо'. Глагольная основа, суффилируемая в этих именах древними формантами *-*men-/*-m-*, представлена, например, в греч. *ἀρᾶρισθω* 'сочленять, соединять'. См. подробно Walde—Hofm. I, 67—68; Frisk I, 128—129, 142—143; Miklosich 100; Berneker I, 31; Н. Pedersen KZ XXXVIII, 1905, 313; Brückner 199; Sławski I, 508—509; Фасмер IV, 561; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 26—27; J. Loewenthal WuS. IX, 1926, 177.

Культурно-исторический переход от более древнего ига (см. **jъgo*) к ярму весьма убедительно охарактеризовал Махек: «Отличие (ярма. — О. Т.) от ига состояло скорее всего в том, что первоначально иго было, вероятно, всего лишь простым куском дерева, помещавшимся на голову или на шею (в последнем случае снабжавшимся снизу ремнем, который охватывал шею), за который вол тянул, ярмо же, видимо, явилось уже сочлененным устройством для пары волов, укрепленным на дышле» (Махек 171, а также рис. на стр. 174). Прочие значения слова вторичны.

Гласное начало праслав. слова, реконструируемое нами на основе сравнения с и.-е. лексикой, развило фонетическую протезу *j-* для устранения зияния, ср. выше примеры из всех слав. языков (любопытное русск. диал. *арѣ* могло лишиться этой протезы вторично). Слав. *a-* долгий имеет вторичную долготу, см. Н. Pedersen, там же (где специально о первоначальном *a-* в словен. *jérten*); Махек, там же (долготу объясняет из врдхи). См. еще о начале слова: А. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 103.

*арѣтъ: ст.-слав. *арѣтъ* м. р. ζυγόν, ζυγός, *jugin* 'ярмо, иго' (Сунр., Mikl., Sad.), болг. *ярѣм* м. р. 'ярмо' (БТР), *ярми* мн. 'перекладины на четырех столбах, крепящие валяющие устройство' (Герров), диал. *ерѣм* м. р. 'хомут' (Стойчев БД II, 157), *ѣрѣм* то же (Зап. Болгария, см. М. Сл. Младенов Сб. в честь С. Б. Бернштейна 365), макед. *јарем* м. р. то же (И-С), сербохорв. *јарам* м. р. 'во-

ловье ярмо' (Карацѣи; подробно о знач. и употреблении слова см. Влажинац II, 313), диал. *járam* (Maš. 434), *jeram* (LM 190), словен. *jaret*, род. п. *-rta* м. р. 'ярмо (Jarnik XI: *jarm*; Plet. I, 359), словц. диал. *járom* (Stanislav. Lipt. 122), др.-русск. *гарьмъ*, *гарьмъ* 'ярмо', 'вес, мера' (Срезневский III, 1664—1665), русск. диал. *ярѣм* м. р. (и *ярѣмъ* ж. р.) 'страдная пора, пора сенокоса и жатвы' (влад., Даль³ IV, 1577), укр. диал. *ярѣм* 'ярмо' (гуцул.; Карпатский диалектологический атлас 249), блр. диал. *ярѣм* (Сержпутовский Чудина 52).

Праслав. **аргътъ*, отличаясь довольно четко своим ю.-слав. и — частично — вост.-слав. распространением от праслав. **аргъто* (сев.-слав., см. выше), во всем остальном может быть охарактеризовано так же, как и это последнее (см. предыд. статью).

***агътъникъ:** словен. *jármnik*, *jarémnik* м. р. 'деталь ярма' (Plet. I, 359), др.-русск. *гарьмьникъ* 'подъяремник; скот, ходящий под ярмом' (Ефр. корм., Срезневский III, 1665).

Производное с суфф. *-ъникъ* от **аргътъ* (см.) или от **аргъто* (см.), или же с суфф. *-икъ* от соответствующего прилаг., см. **агътънъ(ъ)*.

***агътънъ(ъ):** сербохорв. *jarman* 'koji pripada jarmu' (с XIV—XV в.; Даничиц: *гарьмьнъ*, RJA IV, 472), русск.-цслав. *гарьмьнъши* (Изб. 1073 г., Срезневский III, 1665), русск. *ярѣмный* 'подъяремный, рабочий, впрягальный (скот, вол)' (Даль³ IV, 1576).

Прилаг., производное с суфф. *-нъ-* от **аргътъ* (см.) или **аргъто* (см.).

***асеница:** словен. *jasenica* ж. р. 'ясень *Fraxinus ornus*' (Plet. I, 360).

Производное с суфф. *-ica* от **асенъ* / **асень* (см.). Функция суффиксации, помимо формального перехода в ж. р., неясна.

***асеника:** словен. *jasenika* ж. р. 'ясень' (Plet. I, 367).

Производное с суфф. *-ika* от **асенъ* / **асень* (см.) с тем же значением. Возможно позднее образование.

***асеникъ:** болг. *ясеник* м. р. 'ясень' (Геров), сербохорв. *jasènik* м. р. 'ясеневый лес', сюда же чеш. *Jeseník*, название гор, вост. часть Судетов (Kott I, 622).

Производное с суфф. *-икъ* от названия дерева **асенъ* / **асень* (см.).

***асенище:** сербохорв. *jasènište* ср. р. 'ясеневый лес' (RJA IV, 478), диал. *jasèništie* 'место где су била некад јасенова дрвета' (Vuk. 388).

Производное с собир. суфф. *-ище*, популярность которого в сербохорв. языке и топонимии вызывает подозрение в позднем образовании слова. См. далее **асенъ* / **асень*.

***асеновъ(ъ) / *асеневиъ(ъ):** болг. *ясенов* 'ясеневый' (БТР), сербохорв. *jasènov*, *jàsenov* 'ясеневый', стар. и диал. *jèsenov* то же (RJA IV, 621), словен. *jesènov* то же (Plet. I, 367), чеш. *jasanový*, стар. *jasenový*, словц. *jaseňový* 'ясеневый' (SSJ I, 634), в.-луж. *jasenjowy* 'ясеневый' (Jakubaš 129), польск. *jesionowy* 'ясеневый' (Warsz. II, 171), словин. *jaseňovski* 'ясеневый' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 384), русск. *ясеневый*, др.-русск. *ясновий* (Арх. Онеж. Кр. мон.-ря.

1658 г. — ДРС), укр. *ясенбвій* (Гринченко IV, 543), блр. *яся-пёвы* (Блр.-русск. 1047).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от *asenъ / *asenъ (см.). Полезно обратить внимание на структурную близость праслав. *asenov-/*asenev- и лат. *orneus* < *osenepos 'ясеновый'.

*asenъ/*asenъ: болг. *ясен* м. р. 'ясень Fraxinus' (БТР), макед. *jasen* м. р. то же (И-С), сербохорв. *jāsēn* м. р. 'ясень', диал. стар. *jēsēn* (Ка 393; RJA IV, 620), словен. *jāsen*, *jésen* м. р. 'ясень Fraxinus excelsior' (Plet. I, 360, 367), диал. *ásen* (Бодуэн де Куртенэ. Резьяне. Словарный материал. Архив. ф. 102, оп. 1, № 8, 16), чеш. *jasan* м. р. 'ясень', стар. *jesen*, диал. *jasen*, *jaseň* 'ясень' (валашск., ляхск., Bartoš Slov. 130), словц. *jaseň* м. р. 'ясень Fraxinus excelsior' (SSJ I, 634), диал. *ješeň* ж. р. (Buffa. Dlhá Lúka 160), в.-луж. *jaseň* ж. р. 'ясень' (Pfuhl 231), н.-луж. *jaseň* м. р. 'ясень' (Muka Sł. I, 533), полаб. *josiñ* м. р. 'ясень' (Polański—Sehnert 76), польск. стар. *jasien*, *jasion*, *jesion*, диал. *jason*, *jasiēñ*, стар. *jesieñ* 'ясень' (Warsz. II, 139, 143, 171), словин. *jāsōjn* м. р. 'ясень' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 384), др.-русск. *ясѣнь* 'ясень' (Псков. I л. под 1471 г., Срезневский III, 1668), русск. *ясень* м. р., укр. *ясень* м. р. 'ясень Fraxinus excelsior' (Гринченко IV, 543), а также *ясен* («Укр.-рос. словн.» VI), блр. *ясень* 'ясень'.

Географическое распределение — соответственно — форм *asenъ и *asenъ лишено какой бы то ни было четкости, почему они и даются здесь совмещенно, в сравнительно-историческом же и типологическом отношении более первоначальной является форма *asenъ (основа на *-o-*, см. также ниже). Праслав. *asenъ/ь ближе всего соответствует лат. *ornus* 'ясень' < *osenos, причем оба слова объединяет не только и.-е. корень *os-, выступающий также в др. языках, но и общее расширение основы *en-. Близкая праформа *os-no- лежит также в основе кельт. названий дерева: др.-ирл. *huinnius*, кимр. *onpen*, др.-корн. *onpen*, брет. *ouppenn*. См. F. Solmsen KZ XXXIV, 1897, 32, примеч. 1; Walde² 547; A. Meillet BSL 34, 1923, 41; Ernout—Meillet³ II, 831; O. Szeperényi «Glotta» 28, 1965, 229; Pokorny I, 782. Слав. форма продолжает и.-е. *oseno-, с долгойтой корневой гласной, отражая, видимо, вторичное удлинение и.-е. *o*. Эта последняя черта сближает праслав. *asenъ/ь с балт. названиями, которые тоже продолжают *ōs-: лит. *úosis*, лтш. *uosis*, *uoss*, др.-прусск. *woasis* 'ясень'. См. J. Zubatý BB XVIII, 1892, 254; C. C. Uhlenbeck Afsl Ph XVI, 1894, 373; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 77; Miklosich 100; Berneker I, 34; Trautmann BSW 203; Fraenkel II, 1167; Фасмер IV, 564; Brückner 200; Sławski I, 564; Machek 174; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 31; о более далеких расширениях и.-е. *os- с помощью *-k-* в герм., алб. и арм. см. еще Kluge¹⁵ 179 (: *Esche*). В остальном балт. и слав. названия ясени отлучаются по структуре, причем и то и другое самостоятельно восходит к древней

основе на согласный (**ōs-i-*, **ōs-en-o-*). См. Machek, там же; Vailant. Gramm. comparée II, 1, 201. Начальный элемент *j-* в формах живых слав. языков объясняется как вторичная протеза, подобно начальному *w-* в др.-прусс. слове. См. Мейе. Общеслав. язык 69; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 108. См. еще G. Bonfante «Studi baltici» 4, 1934—1935, 127.

***asenъсь**: болг. *ясенец* м. р. 'растение *Dictamnus Fraxinella*' (Гергов—Панчев), сербохорв. *jasénac* м. р. '*Dictamnus albus* L.' (с XVII в., RJA IV, 478), словен. *jesēnec*, род. п. *-nca* м. р. 'растение *Cytisus spinescens*' (Plet. I, 367), чеш. *jesenec*, род. п. *-nce* м. р. 'название растения', н.-луж. *jaseńc* м. р. 'ясеновый лес' (Muka Sł. I., 533) русск. *ясенец*, род. п. *-нцá*, м. р. 'многолетнее травянистое растение с перистыми листьями, как у ясеня', укр. *ясенець* 'растение *Dictamnus fraxinella*' (Гринченко IV, 543). Объединяемые заглавным **asenъсь* формы могут быть в действительности разнородными по происхождению: с одной стороны, производное на *-сь* от **asenъ/ь* (см.) с собирательным значением 'ясеновый лес' (н.-луж.), с другой стороны — потенциальные терминологические кальки вроде болг. *ясен-ец*, ср. лат. *fraxin-ella*, букв. 'маленький ясень'. Махек полагает, что чеш. *jesenec* 'растение *Centaurea scabiosa*' заимств. из польск. *jasienięc*, допуская одновременно происхождение от прил. *siný* и контаминацию с *jasný* (см. Machek 176).

***asenъје**: сербохорв. *jásenje* ср. р. собир. 'ясени', сюда же *Jesēnje* в хорв. топонимии (RJA IV, 621), словен. *jesenje* ср. р. 'ясеновый лес' (Plet. I, 367), чеш. *jasaní*, диал. *jasení* ср. р. 'группа ясеней', а также укр. *Ясиння*, название населенного пункта в Карпатах (см. о последнем В. В. Німчук «Повідомлення Укр. ономастичної комісії» 3 (Київ, 1967), 54).

Производное с собир. суфф. *-ье* от **asenъ/ь* (см.).

***asika**: болг. обл. *ясіка* ж. р. 'осина; береза; вид тополя' (БТР), диал. *есіка* ж. р. 'осина' (с. Долна Мелна, Трънско. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *јасика* ж. р. 'осина' (И-С), сербохорв. *jàsика* ж. р. 'осина', диал. *јасика* '*Populus nigra* осокорь' (Djor. 130), словен. *jasika* ж. р. 'осина *Populus tremula*', 'ясень *Fraxinus ornus*' (Plet. I, 360), *jesika* ж. р. 'осина' (Plet. I, 367).

Принимая во внимание наличие тождественных или близких по значению праслав. **osika*, **osica*, **osina* (см. svv.), ср. напр. укр. *осіка*, русск. *осіна*, которые, в свою очередь происходят из **opsā*/**apsā* (ср. литш. *apsa*, литг. *apušė* 'осина', нем. *Espe* то же), мы можем объяснять форму **asika* только как результат вторичного продления первоначального *o-* уже на слав. почве в форме **osika*. Природа этого продления, охватившего ю.-слав. языки (ср., впрочем, **asokorъ/ь*, ниже) недостаточно ясна. См. Miklosich 101 (где говорится о влиянии слова *ясный*); Verneker I, 32; Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 1, 32. В свете сказанного выше отпадает сближение с лит. *ūosis* 'ясень', лат. *ornus* 'вид ясеня', греч. *ἀχρωρίς*

‘вид тополя’ (A. Fick BB XVI, 1890, 171; F. de Saussure MSL 8, 1894, 431).

***asikъ**: сербохорв. *jàcùk* м. р. ‘осиновый лес’.

Тесно связано с **asika* (см.). Возможно позднее (обратное) образование и осмысление в связи с собирательными названиями леса, роши на *-ikъ* от названий деревьев.

***aska?**: сербохорв. *jaska* ж. р. (с неясным знач., возм., относится к рельефу местности, у одного автора XVIII в. дважды, напр.: Prostire se njih (Mlečića) vladanje vrhu Talije, Ilirika, Grčke i zemlje arbanaske, odkle im idu brane *jaske*; особенно ср.: Da ne traska po svem glibu, po svih *jaska*), словен. *jáška* ж. р. ‘углубление в земле’ (Plet. I, 360), *jâčka* ж. р. ‘яма, лужа’ (Plet. I, 354). Видимо, непосредственно связано с **askъ* (см.).

***askodъ**: серб.-цслав. *оусты* и *скудь* τὸ στόμα διεσταλμένος (Mikl.). Сложение основ прилаг. **skodъ* (см.) с префиксом *a-* в знач. приближенности. См. Фасмер IV, 537 (я-). Видимо, старое.

***askъ**: словен. *jašek* ‘яма с водой’ (Plet. I, 360), слвц. (книжн., стар.) *jask* м. р. ‘туннель’ (SSJ I, 634), н.-луж. *jašk* м. р. ‘отверстие верши или рыбацкого कुзова’ (Muka Sl. I, 535—536).

Праслав. **askъ*, охватывающее названные выше языки, не имеет ясной этимологии. Единственная более или менее развернутая попытка этимологии и реконструкции этой основы как **ěsko-*, адъективизированное прич., собств. ‘выдолбленный, пустой’, из **ěz-k-o-*, родственного **ězva* (см.), с другим расширением, см. Verneker I, 275 (отметим, что автор не учитывает словен. и н.-луж. слов, а слвц. определяет как неологизм, но см. иначе Machek 177, а также ремарку «стар.» в SSJ, выше). Мы предпочитаем реконструкцию **askъ*, имея в виду прежде всего связь ее с праслав. **askyni* (см.), а также возможность более отдаленной связи с праслав. **aščerъ* (см.). Можно думать, что **askъ* — достаточно старое слово (ср. самый факт произведения от этой основы разбираемого далее праслав. **askyni* с помощью редкого старого форманта *-yni*), но этимологическое родство **askъ* остается неясным. Исконное родство с нем. *Asch*, др.-в.-нем. *asc* ‘миска, сосуд’ сомнительно, если последнее этимологически — ‘сосуд, судно и з я с е н я’ (см. Kluge¹⁵ 34—35). Едва ли верна мысль о заимствовании словен. слова из этих нем. форм (Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 1, 33). Принимать родство с греч. ἀσχός ‘мех, бурдюк’ (см. кратко Brückner 200) трудно ввиду неясности происхождения греч. слова, см. о последнем Frisk I, 165; J. Hubschmid. Schläuche und Fässer (Bern, 1955) 80.

См. еще из литер.: Трубачев «Сербо-луж. лингв. сборник» (М., 1963) 163—164; Bezljaj. Eseji o sloven. jez. 148.

***askyni**: чеш. *jeskyně* ж. р. ‘пещера’, слвц. *jaskyňa* ж. р. то же (SSJ I, 634), польск. *jaskinia*, стар., диал. *askinia* ж. р. то же (Warsz. II, 139), укр. диал. *яскіня* ‘пещера’ (Т. А. Марусенко. Материалы

к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — сб. «Полесье». М., 1968, 255).

Праслав. слово, реконструируемое нами как *askyni (о реконструкции *ěskyni < *ěz-k-o- см. предыд. статью), — типичный зап.-слав. элемент лексики (укр. диал. зап. *яскїня*, по-видимому, заимств. из слвц. или польск.). Производное с суфф. *-yni* от *askъ (см.), судя по форманту — достаточно древнее по времени образования. Для суждений о начале праслав. слова небезынтересно ст.-польск., польск. диал. *askinia* (см. выше). Кроме литер., приводимой под *askъ (выше), см. еще Sławski I, 512—513 (автор следует в основном Бернекеру). Поскольку ареалы *askyni (чеш., слвц., польск.) и *askъ (словен., слвц., н.-луж.) совпадают лишь отчасти, можно думать, что до нас дошли только реликты древних отношений и ареалов.

*asokorъ/ь: польск. диал. *jasiokor* м. р. 'осокорь *Populus nigra*' (Warsz. II, 139), укр. *ясокір*, род. *-кору* м. р. 'растение *Populus nigra*' (Гринченко IV, 545), диал. *ясакар*, *ясокор* 'Populus nigra осокорь' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, 72), блр. *ясакар* 'осокорь'.

Праслав. *asokorъ/ь тесно связано с *osokorъ/ь (см.), а в плане вокализма — также с *asika (см. выше). Последнее обстоятельство интересно еще и потому, что *asika — ю.-слав. форма, тогда как *asokorъ/ь — почти исключительно укр. и блр. форма (польск. *jasiokor* — из вост.-слав.?). Все эти взаимоотношения не оставляют места для иной этимологии, кроме как из сложения *aso-kor-, где первый компонент — из *apsa (см. *asika, *osina и др.), а второй связан с праслав. *kora (см.), следовательно — '(дерево) с корой, как у осины'. Дублетность *osokorъ / *asokorъ свидетельствует против связи с *ясный*, праслав. *ěsknъjъ (в пользу этой связи см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 299, отчасти — Фасмер III, 163). Сюда же, далее, названия рябины — праслав. *osokoruša, *osokoruša (см.), откуда сербохорв. *оскоруша*, чеш. *oskeruše* и др. В их формальной эволюции (синкопа и т. д.) нет ничего необычного, ср. еще большую причудливость отражения праслав. *skorolupa (см.) по слав. языкам. Поэтому излишне говорить о «неясности», о до-и.-е. субстрате для праслав. *asokorъ/ь (так см. Machek 342: *oskeruše*; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 32), несмотря на действительное наличие очень похожих слов вроде глоссового *ἄσκρα*: *дрбс* *ἄχαρπος*, баск. *azkár* 'вид дуба' (см., без сравнения со слав., Frisk I, 165).

*astrëbica: чеш. диал. *jastrëbica* 'ястреб' (валашск., Bartoš Slov. 130).

Не исключено позднее местное происхождение этого производного с суфф. *-ica* от *astrëbъ/ь (см.). Ср. сербохорв. *Jastrëbica*, назв. горы и топоним (RJA IV, 485).

*astrëbinъjъ: н.-луж. *jastrëbiny* 'ястребов' (Мика. Sл. I, 535), русск. *ястребиный*, прилаг. к *ястреб*.

Производное с суфф. прилагательного *-in-*, видимо, непосредственно от варианта основы *astrěbъ (см.). Ср. *golqbbъ—*golqbinъjъ.
 *astrěbovъ: болг. *јстребов* 'ястребиный' (БТР), макед. *јстребов* то же (И-С), сербохорв. *jăstrěbov* 'ястребиный' (RJA IV, 485—486).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от *astrěbъ (см.).

*astrěbъ / *astrěbъ: болг. *јстреб* м. р. 'ястреб *Astur palumbarius*' (БТР), макед. *јстреб* м. р. 'ястреб' (И-С), сербохорв. *jăstrујеб*, диал. *jăstrěб*, *jăstrұб* м. р. 'коршун', сюда же сербохорв. диал. *jăstrov* (Црес, Tentor. *Leksička slaganja* 75) и *strebić* м. р. 'вид птицы *Aërocephalis palustris*' (RJA XVI, 712), словен. *jăstreb* м. р. 'ястреб, коршун' (Plet. I, 360), чеш. *jestřáb* м. р. 'ястреб *Astur palumbarius*', словц. *jastrab* м. р. 'ястреб' (SSJ I, 636), в.-луж. *jatřob*, род. *-bja* м. р. 'ястреб *Astur*; коршун *Vultur*' (Pfuhl 231, 1072), н.-луж. *jastšeb*, *jastšeb* м. р. 'ястреб' (Muka Sl. I, 534—535), польск. *jastrząb*, род. *-ębia* 'ястреб *Astur palumbarius*' (Warsz. II, 143), словин. *jăstřib* м. р. 'ястреб' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 385), др.-русск. *јстрабъ*, *јстребъ* 'ястреб' (Срезневский III, 1667), русск. *јстреб* м. р., укр. *јстриб* м. р. 'ястреб', диал. *астряб* то же (Гринченко I, 11; IV, 545), *йáс'тp'аб* (В. В. Бабинецъ. Говірка села Лавки Мукачівського району. Дипломна робота. Ужгород, 1954, рукоп.), *јстряб* 'ястреб' (I. Верхратский. Знадобы 21), блр. *јстраб* 'ястреб'.

Мы реконструируем праслав. название для *Astur palumbarius* с начальным *a-* (ср. в этой связи любопытное укр. диал. *астряб*, выше), опираясь в значительной мере на внеславянские сравнения, о которых — ниже. Этимологии, которые возводят начало слав. слова к дифтонгу *oi-/*ei- 'идти' (или *eis- 'быстро двигаться', см. то и другое: Г. Ильинский РФВ LVIII, 1908, 424—427), сомнительные фонетически, сомнительны также в акцентологическом плане, потому что слав. *astrěbъ/ь отражает, судя по месту ударения в русск. и по характеру ударения в сербохорв., древнюю акутовую долготу. См. о последнем Л. А. Булаховский ВЯ 1968, № 4, 105—106. Далее, мы предпочитаем оперировать дублетной реконструкцией *astrěbъ / *astrěbъ, т. е. говорить наряду с *-o-* основой также об *-i-* основе, о чем в данном случае свидетельствует производная форма *astrěbinъjъ (см.) и аналогии вроде *golqbbъ (см.). Незначительность проявления *-i-* основы в данном слове может объясняться тенденцией к отвердению губных согласных в этой позиции в слав. языках. Ср. Vaillant. *Gramm. comparée* I, 60—61). С точки зрения праслав. языка, можно, видимо, игнорировать такие формы, как словен. *jăstran*, ст.-польск. *jastram* ввиду их вторичности (см. Brückner 200). Равным образом видим мы вторичное оформление и в сербохорв. *jăstrујеб*, *jăstrұб* — не из *astrěbъ, несмотря на укр. *јстриб* (реконструкцию такого праслав. дублета см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 34). Булаховский (там же) объясняет сербохорв. форму влиянием названия другой птицы — тетерева

в том же языке. Последнему автору можно вместе с тем возразить, что едва ли целесообразно считать поздней перестройкой укр. *яструб* (см. специально **astrębъ*, ниже). Именно путем сличения внутрислав. вариантов **astrębъ* и **astrębъ* мы приходим к выводу о наличии в этом имени суфф. *-ęb/-ęb-*, встречаемого и в других слав. названиях птиц (не говоря о ряде названий животных с родственным суфф. *-embh/-mbh-* в различных и.-е. языках), ср. прежде всего пару сербохорв. *гдлѹб* 'голубь' — *гдлѹб* 'чайка', которые продолжают соответственно праслав. **gol-ębъ* и **gal-ębъ* (см.).

Т. о., праслав. **astrębъ/ъ* объясняется как производное с помощью суфф. *-ęb-* от основы **astr-*, которая могла функционировать либо как название той же птицы (см. **astrъ*, ниже), либо как название какого-то качества, свойства, о чем см. также ниже. Собственно слав. характер производного **astr-ęb-* оттеняет то любопытное обстоятельство, что полные соответствия этому слав. названию ястреба за пределами слав. языков или отсутствуют совершенно или же крайне сомнительны, каково, напр. *Astrabakos*, имя героя, догреч. происхождения (сближение см. О. Наас «Балканско езиковзнание» I, 1959, 41; он же LP III, 1951, 90—91; автор производит имя из гиллейск. **astrabo-* < и.-е. **ōkrębho-*; сочувственно по этому поводу: Sadnik—Aitzelmüller. Vgl. Wb. 1, 35). Еще одно проблематичное субстратное сближение см. J. Loewenthal WuS. XI, 1928, 62 (где слав. название признается родственным венет. *Assoparis*, буквально якобы 'детеныш ястреба', из иллир. **assos* 'ястреб' < и.-е. **attos*, ср. др.-ирл. *áith* 'острый', лтш. *ātrs* 'резкий, стремительный').

Нам представляется полезной незаслуженно игнорируемая этимология А. Майера, согласно которой основа слав. **astr-ębъ* родственна слову *astur* 'ястреб' (в лат. текстах — с XIII в.), определяемому автором как мессап. название (см. А. Mayer KZ LXVI, 1939, 102 и след.; он же KZ LXX, 1951, 105; M. Leumann «Glotta» 36, 1957, 145). Романисты обычно оспаривают древность слова *astur*, считая его преобразованием лат. *accipiter*, см. Walde—Hofm. I, 74 (где специально против произведения из и.-е. **astj* и сближения со слав. названием ястреба, в частности у Петерссона, см. Н. Petersson IF XXXIV, 247); Ernout-Meillet³ I, 93. Однако бросается в глаза парность *astur* — *vultur*, причем последнее — лат. название коршуна — считают древним, см. Ernout — Meillet³, II, 1328.

В литературе пользуется популярностью этимология **astrębъ* < и.-е. **ākro-* или **ōkro-*, тогда как лат. *accipiter* < **āci-/ācu-*, сюда же, далее эпитеты греч. *φωκέτης* 'быстролетящий', др.-инд. *āśu-pátvan-* (А. Meillet MSL 11, 1899, 185—186; А. Meillet et A. Vaillant RES XIII, 1933, 101—102, где специально о *-b-* суффиксальном; Berneker I, 32—33; А. Соболевский «Slavia» V, 1927, 439—440; Brückner 200; Sławski I, 518 и след., с подробной

литер.; Фасмер IV, 566; Shevelov. A prehistory of Slavic 201; W. Doroszewski. Monografie słowotwórcze PF 13, 1928, 83). К этой этимологии тесно примыкает другое объяснение, усматривающее в праслав. *astrěbъ старое сложение *asŭ-str- < и.-е. *ōku-ptŕ (M. Vey BSL 49, 24—40). Вайян, предполагая здесь сложение, считает его темным по составу, см. Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 159. Близкое к этимологии Вея (выше) понимание слав. слова как продолжения и.-е. *ōku-pet-ros, общего с лат. *accipiter*, см. Mashek 177 (отличия слав. слова приписываются метатезе и др. фонетич. процессам). Еще Ягич анализировал слав. название как сложение двух компонентов, относя первый из них к др.-инд. *āsú*, греч. *φάξ* 'быстрый', а второй — к слав. *rěbъ*, в то время как, напр., Уленбек реконструировал *jastь-rěbъ, якобы 'пожиратель куропаток', см. С. С. Uhlenbeck KZ XL, 1907, 556—557 (там же литер.), против чего см. Фасмер, там же. См. еще Л. А. Булаховский ИАН ОЛЯ XVII, 1948, 116—117.

Присущее большей части приведенных выше этимологий выделение праслав. прилаг. *astrě < *ōkro-/*ākro- 'быстрый, резкий' весьма уязвимо, поскольку слав. языки знают достоверно только *ostrě < и.-е. *ākro-/*ōkro-, что же касается гипотетического синонима с долготой гласного (само наличие которого в слав. уже a priori проблематично), то небезынтересно указать на его фактическую недоказанность также и в и.-е. плане. Здесь можно назвать одно лишь лат. *ācer* 'острый', однако и о нем высказываются достаточно неопределенные суждения: «Долгий гласный в слове *ācer*, наминающий долготу в *sācris* сравнительно с *sācer*, не имеет надежного соответствия» (Ernout—Meillet³ I, 10).

Искусственно толкование праслав. *astrěbъ из и.-е. *āt-trmbh- 'уто-треп' (Д. В. Бубрих ИОРЯС XXIV, 1919—1921, 255). Неясны мотивы вскользь высказанного у Садник и Айцетмюллера (там же) толкования из префиксального сложения *ja-strěbъ (что собой представляет в таком случае *strěbъ?). Как курьез можно назвать устаревшее мнение С. Микуцкого (Изв. ОРЯС IV, 1855, 407), который тоже считал я- в слове *ястреб* «благозвучной приставкой».

***astrěbъkъ**: чеш. *ješťábek*, род. -*bka* м. р., ум. от *ješťáb* (Kott I, 624), н.-луж. *jastšebk* м. р. 'рябчик *Bonasa silvestris*' (Muka Sl. I, 535), польск. *jastrząbek*, род. -*bka*, ум. от *jastrząb* (Warsz. II, 143), русск. *ястребóк*, род. -*бка* 'маленький ястреб'.

Производное регулярного вида с ум. суфф. -*ъкъ* от *astrěbъ/ь (см.). Значение н.-луж. слова вызвано влиянием форм от *arěbъkъ (см.) и родственных.

***astrěbъсь**: болг. *ястребец* ум. от *ястреб* (Геров), сербохорв. *jastrébac*, род. -*pca* м. р., ум. от *jastreb* (RJA IV, 485), чеш. *ješťábec*, род. п. -*bce*, м. р. 'ястребок', ум. от *ješťáb* (Kott I, 624).

Ум. производное с суфф. -*ьсь* от *astrěbъ/ь (см.).

***astrěbъjь** / ***astrěbъjь**: словен. *jāstrebji* 'ястребиный' (Plet. I, 360), чеш. *ješťábí* 'ястребиный', словц. *jastrabí* 'ястребиный' (SSJ I, 636),

польск. *jastrzebi* то же (Warsz. II, 143), словин. *jastrǎbji* 'ястребиный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 385), русск.-цслав. *јастрабль* (Ио. Леств., XII в., Срезневский III, 1667).

Вариантность оформления праслав. притяж. прилагательного от **astrǣbъ* / **astrǣbь* (см.) — *-ьбъ* / *-ьбь* — находится, по-видимому, в определенной связи с характером исхода соответствующей субстантивной основы. Древняя картина неизбежно затемняется различной рефлексацией *-j-* непосредственно вслед за губным согласным (*l'*epentheticum или его отсутствие). Иные способы образования притяж. прилагательного от **astrǣbъ/ь* см. под **astrǣbinъьбъ*, **astrǣbovъ*.

***astriti**: чеш. диал. *jastriti*, *jastrit'*, *jastriti* 'зорко, пристально смотреть' (Bartoš Slov. 130), словц. *jastrit'* то же (SSJ I, 636), польск. *jastrzyć* то же.

Едва ли прав Махек, считая эти зап.-слав. слова вторичными образованиями от усечения полных словц. *jastráb*, чеш. *jestřáb* 'ястреб' и т. д. (см. Machek 171), хотя общие семантические аналогии такого рода и могут быть названы из глагольной лексики со знач. 'смотреть определенным образом', ср. еще **sqpъ* — **sqpiti se*. Объективно исходное для чеш., словц. и польск. слов **astriti* может быть охарактеризовано как производное на *-iti* от именной основы **astr-* (см. **astrъ*), представленной также в суффиксальном производном **astr-ǣbъ* (см.). Образование, надо думать, состоялось еще до присоединения суфф. *-ǣbъ*, что свидетельствовало бы о значительном возрасте гл. **astriti*.

***astrǣbъ**: словен. *jástrǣb* м. р. 'ястреб' (Plet. I, 360), укр. *яструб* м. р. 'ястреб' (Гринченко IV, 545).

Праслав. словообразовательный дублет **astr-gb-* с суфф. *-gb-* к распространенному значительно шире в слав. языках и тоже древнему **astr-ǣb-*, с другой апофонической огласовкой суффикса. Словен.-укр. словообразовательная изоглосса. Подробности словообразования и этимологии см. под **astrǣbъ/ь*.

***astrъ**: укр. диал. *ястер* м. р. 'ястреб' (Гринченко IV, 545).

Может быть охарактеризовано как сохранный в чистом виде основа, представленная в слав. языках повсеместно в суффиксированных **astr-ǣbъ*, **astr-gbъ* (см.). Об этом свидетельствует глагольное образование **astriti* (см.), сохранный, в свою очередь, в др. слав. языках и расцениваемое нами как производное от праслав. **astrъ*. Предположение о поздних усечениях укр. *яструб*, *ястриб* и под. > *ястер* кажется сомнительным как раз ввиду полного совпадения основы *ястер*, **astr-* с древним словообразовательным членением **astr-ǣbъ/gbъ*. Об этимологии названия ястреба см. подробно под **astrǣbъ* / **astrǣbь*.

***aščelъ?**: в.-луж. *ješčel* 'самец ящерицы' (Pfuhl 1073).

В случае, если перед нами не вторичное преобразование первоначального **aščerъ* (см.), может быть объяснено как этимологический дублет к этому последнему (и к прочим образованиям от ос-

новы *aščer-, а именно: *aščelъ < *ask-ščel-, где первый компонент относится к *askъ, *askyni (см.), а второй — к *ščelitti (см.), собственно — 'раскалывать', которое, кстати, дублетно в этимологическом отношении к *ščeriti (см.). Описанный диал. дублет подтверждал бы, т. о., этимологию *aščerъ/b, о кот. см. ниже.

*aščerica: сербохорв. *jăšteriца* ж. р. 'сыпь на языке, во рту' (Караџић, RJA: с XVIII в., FG 260), словен. *jăščerica* ж. р. 'зеленая ящерица *Lacerta viridis*', 'растение *Imperatoria ostruthium*', *jăščarica*, *ăščerica*, *ăškerica* то же (Plet. I, 7, 360), чеш. *ještěrice* ж. р. = *ještěrka*, диал. *jaščerica* (Bartoš Slov. 130), словц. *jašterica* ж. р. 'ящерица *Lacerta*' (SSJ I, 636), в.-луж. *ješćerca* ж. р. 'ящерица' (Pfuhl 238), полаб. *vistāraičă* ж. р. 'ящерица' (Polański — Sehnert 173), польск. стар. *jaszczeryca*, *jeszczeryca* ж. р. 'ящерица' (Warsz. II, 144, 172), словин. *ješčerjăcă* ж. р. 'ящерица' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 393), *vješćerjăcă* ж. р. то же (Lorentz Slovinz. Wb. II, 1291), русск.-цслав. *jašerica* 'ящерица' (Срезневский III, 1676), русск. *ящерица* ж. р., укр. *ящуріця* ж. р. 'ящерица' (Гринченко IV, 547).

Производное с суфф. *-ica* от *aščerъ (см.). Для реконструкции праслав. формы с *a*- начальным показателны формы словен., полаб. и словин. языков (выше), где имеется чистый гласный в начале слова или выступает *v*-протеза, при *j*-протезе в большинстве др.-слав. языков.

*aščerъ: ст.-слав. *jašerъ* м. р. *saŭra*, *lacerta* 'ящерица' (SJS, Sad.), сербохорв. стар. редк. *jăšter* м. р. 'ангина, воспаление горла' (XVII в.), 'ящерица' (в народной загадке: *gušter jašter plete gaće pavrh kuće: dim. RJA IV, 487*), диал. *jašter* 'ящерица' (Djor. II, 187), чеш. *ještěr* м. р. 'ящер, змей, дракон', словц. *jašter* м. р. то же (SSJ I, 636), русск.-цслав. *jašerъ* 'ящерица' (Срезневский III, 1676), русск. *ящер* 'переховатое воспаление языка у скота и лошадей; трещины по языку; рак языка; кожа, обделанная сыпью, шершавая шагрень' (Даль³ IV, 1588), диал. *ящер* м. р. 'болезнь языка у рогатого скота' (твер., пенз., Картотека Словаря русских народных говоров).

Сюда же примыкают чеш. диал. *jaščur* 'саламандра' (ляшск., Bartoš Slov. 130), словц. диал. *jaščur* м. р. 'ящерица' (Buffa. Dlhá Lúka 160), польск. *jaszczur* м. р. 'саламандра', 'шершавая кожа, шагрень' (Warsz. II, 144), русск. *ящур* м. р. 'род мыши или сони, малый полчок *Myoxus avellanarius*' (Даль³ IV, 1590), укр. *ящур* 'саламандра' (Гринченко IV, 547, I. Верхратський. Знадоби 274), которые восходят к той же праформе *aščerъ. Формальные отличия (*-ur* вм. *-er*) могут быть объяснены фонетически как лабиализация гласного в условиях отвердения предшествующего шипящего, существенный мотив этого развития коренится в семантике слов, выделении производных значений. Чисто морфологическое объяснение (*-ur* суффиксальное) едва ли подошло бы. Очевидное направление семантического развития: 'название животного' >

‘название болезни’ (ср. аналогию русск. *рак*), затем — ‘кожа определенного вида’ (примеры — выше). Об отношениях русск. *ящур* ‘*Myoxus avellanarius*’ см. специально Фасмер IV, 573 с литер.).

Подробный обзор названий ящерицы с этой основой в слав. языках см. еще Будилович. Первобытные славяне I, 1, 164; Miklosich 101; Verneker I, 33. Наиболее приемлема этимология, согласно которой праслав. *aščerъ и все близкие формы (см. *aščerica, *aščerъka, *aščerъ) происходят из древнего сложения *ask-šcer-, причем первая часть представлена в *askъ, *askyni (см.), в целом же сложное слово значило ‘роющий пещеры, норы’, ср. тесно примыкающее сюда *guščerъ (см.), известное гл. обр. в ю.-слав. языках и близко этимологизируемое как *gu-šcer- ‘роющий дыры’. См. Ст. Младенов РФВ LXXI, 1914, 454—458; Младенов ЕПР 115; ср. еще Георгиев БЕР IV, 297. Относительно второй части сложения — глагольной основы *šcer- см. *šceriti. Преимущества приведенной этимологии сравнительно с другими объяснениями (см. ниже) заключаются в том, что она объясняет также и те моменты, которые иначе либо игнорируются (напр. *aščelъ, см.), либо прямо признаются темными, как напр. *guščerъ, слово, несомненно, тесно связанное с *aščerъ по происхождению. Близкую к изложенной этимологию дал еще Брюкнер, который, однако, видел в конечных -er, -ur суффиксы, см. Brückner 201.

Прочие этимологии: сближение с греч. ἀσχαρίζω ‘прыгать’, σχαίρω то же (Verneker, там же; отношение *aščerъ: *guščerъ называет темным, оставляет открытым вопрос, — не продолжает ли слав. a- н.-е. префикс *ō-); то же см. Фасмер IV, 572, где сюда относятся еще русск. *скóрый*, а также лит. *skėrjys* ‘саранча’, лтш. *šķirgāllis*, *šķirgata* ‘ящерица’ (семейство *guščerъ не упоминает); сравнение (под знаком вопроса) с греч. ἐσχάρος ‘какая-то рыба’ см. J. Zubatý KZ XXXI, 1892, 15 (то же см. J. Zubatý. Studie a články II. Praha, 1954, 361), но ἐσχάρος этимологически означало ‘жареная рыба’ и произведено от ἐσχάρη ‘очаг’, см. Frisk I, 578 (данный словарь указывает именно такое ударение). Ряд этимологий слова построен с учетом возможности происхождения слав. a- < н.-е. ō- префиксальное. Ср. А. Потебня РФВ VII, 1882, 230 (примеч.), который специально сближал русск. *ящур* ‘*Myoxus avellanarius*’ (а за ним прочую русскую лексику со знач. ‘ящерица’, ‘змея’, ‘род болезни’) с санскр. *ākhū* ‘мышь, крыса’, ‘то чем роют, лопата’, выделяя в последнем предл. ā; Штрекель, занимаясь одним только русск. названием сони, видел в нем сложение ja- префиксального с заимствованием из греч. σκίουρος ‘белка’ (см. K. Štrekelj AfslPh XXVIII, 1906, 514—516); Ильинский, помимо выделения ja- < н.-е. предл. ō, который у него истолкован как ‘от, из’, объединял все формы вокруг н.-е. *sker- и слав. *skora, откуда *aščerъ — ‘животное со шкурой определенного вида’ или ‘животное, меняющее кожу’ (G. Iljinskij AfslPh XXXII, 1914, 337—

343). См. подробно Sławski I, 521 и след., где неоднократно сказано о ю.-слав. формах «с загадочным *gu-*». Произвольные фонетические интерпретации начала слав. слова см. Д. В. Бубрих ИОРЯС XXIV, 1919 (1924), 256. Махек вначале сближал слав. *aščerъ* с др.-инд. *āścarya-* 'дикий (зверь)'; см. V. Machek KZ LXIV, 264, но ср. Mayrhofer I, 83; впоследствии Махек сравнил слав. слово со второй частью нем. *Eid-echse* 'ящерица' (см. V. Machek ZfslPh XXIII, 1954, 120—124; Machek 177), но герм. слово членится обычно совсем по-другому, см. Kluge¹⁵ 160. См. еще Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 211.

***aščerъka**: чеш. *ještěrka* ж. р. 'ящерица', диал. *jaščírka* (Bartoš Slov. 130), *iščerka*, *hiščerka*, *ščurka* (там же, 132), *ištěrka* 'ящерица' (Hruška Slov. chod. 36), польск. *jaszczurka*, стар. *jaszczorka*, *jeszczorka* ж. р. 'ящерица Lacerta' (Warsz. II, 144, 172), русск. *ящерка* 'ящерица' (Даль³ IV, 1589), укр. *ящирка* ж. р. 'ящерица' (Гринченко IV, 546), диал. *ящирка* 'Salamandra maculosa' (I. Верхратский. Знадоби 274), блр. *ящарка* 'ящерица'.

Производное с суфф. *-ъka* от **aščerъ* (см.), функционально близкое к производному на *-ica* **aščerica* (см.). Распространено в зап. и вост. слав. языках.

***aščerъ**: в.-луж. *ješcerъ* м. р. 'выдра; уж' (Pfuhl 238), н.-луж. *jaščerъ* м. р. 'ящерица; личинка водяного жука' (Muka Sl. I, 535), русск. диал. *ящерь* м. р. 'ящерица' (Словарь говоров Подмосковья, 554).

Основа на *-jo-*, в остальном формально и по происхождению тождественная праслав. **aščerъ* (см.).

***ašutъ**: ст.-слав. ашсута нареч. δωρεάν, μάτην, gratis, sine causa, frustra 'без причины, напрасно, даром, излишне' (SJS), сербск.-цслав. ашоутъ то же (Mikl.), ст.-чеш. *jěšut* сущ. ж. р. 'тщетность, ничтожность' (Šimek 58).

Видимо, древний, но бесспорно узкий зап.-слав., почти исключительно чеш. диалектизм. Исходя из употребления в определенных ст.-слав. памятниках и из тождества с соответствующими чеш. словами (см. еще **ašutъnъjъ*), ст.-слав. ашсута характеризуют справедливо как чехо-моравизм, см. подробно А. С. Львов, Очерки по лексике памятников старославянской письменности (М., 1966) 20 и след., особенно 26.

Ст.-слав. ашсута, эквивалентами которого в ст.-слав. текстах выступают *безоума*, *спыти* (см. Miklosich 5; А. С. Львов, там же), правильное всего, по-видимому, анализируется как **a-šut-*, где *a-* — приставка со знач. приблизительности, из и.-е. **ō-*, ср. др.-инд. *ā*, греч. *ὀ-*, а корень *šut-* тождествен основе праслав. **šutъ*, **šutiti* (см.), сюда же лит. *siāuti:ti* 'неистовствовать, беситься'. Ср. близко Machek 177. Вызывает сомнения, прежде всего — семантического порядка, соотношение с *šutъ* в знач. 'комолый, безрогий' (Verneker I, 33; вслед за ним — Фасмер I, 98). Особую форму русск.-цслав. *ошоутъ*, *ошоути* тоже пытаются объяснить как способ русск. перепищиков избежать непривычное *a-* началь-

ное (так Львов, там же, 25—26), но следует считаться также с возможностью здесь другой приставки (Фасмер, там же), ср. отношения такого рода в случаях **abrědъ*, **arebъ* (см.). Прочие этимологии: Н. Pedersen IF V, 1895, 53 (реконструирует **acheu-*); Г. А. Ильинский РФВ LXXIV, 1915, 127—129 (сближает с **šujъ* из общего **keu-* 'быть пустым'); А. И. Соболевский «Slavia» V, 1927, 441 (с одной стороны, сближает с *шут*, *шутка*, но с другой стороны связывает с лат. *as-tus* 'хитрость, коварство'); Sadnik — Aitzetmüller. Handwörterbuch 212; Львов, там же, 29 (из **asi-utъ*).

***ašutъnъjъ**: чеш. *ješitný* 'тщеславный, пустой, тщетный', слов. диал. *ješutný* то же (Kálal 222).

Прилаг., производное с суф. -(ъ)nъjъ от основы **ašutъ* (см.; там же подробно об этимологии).

***atje**: ст.-слав. аще союз *ěáv*, *ěj*, *ěv*, *si* 'если, если бы', част. *ěj*, *ŕj*, *ěáv*, *si*, *an*, *nim* 'ли' (SJS, Sad., Mikl.), аще то же Mikl., Sad.), др.-серб. *ake* = *ace* 'если' (до конца XIV в., Даничич, RJA I, 31), ст.-польск. *jacy* 'только', др.-русск. *аче*, *ачи* 'если, si', 'хотя etiamsi' (Р. Прав. Яр. 1019 г. и др.; Ипат. л. под 1180 г., Срезневский I, 34), *ачи* 'если, si' (Р. Прав. Вл. Мон. по сп. XIV в., Срезневский I, 33).

Несмотря на близость значений и условий употребления ('хотя', 'если'), нужно различать **a če* (см.) и разбираемое здесь **atje*. Эта формально-семантическая близость такова, что, например, для русск. (др.-русск.) мы практически лишены возможности отделить продолжения праслав. **a če* от **atje* (др.-русск. *ачи* = *аче*, *ачи* отражает уже результат собственно русск. неразличения, мены *ч/ч* и нас здесь непосредственно не интересует как факт вторичного развития). Тем не менее, данные других слав. языков вполне позволяют выделить продолжения праслав. **atje* и расценивать последнее как весьма архаическое образование, исчезающее в языке, ср. Porović, Geschichte der serbokr. Spr. 541. Во всяком случае следует возразить против отождествления форм, четко восходящих к **atje*, и таких, напр., как ст.-польск. *acz*, ст.-чеш. *ač* (< **a če*, см.), вопреки Галлису, см. А. Gallis «Scando-Slavica» XI, 1965, 113 и след. Близкой и тоже, по нашему мнению, неприемлемой является другая этимология, по которой между **a če* и **atje* имеется лишь хронологическое различие, причем **atje* (или **at'e*) отражает то же **āt k^he* или **ōd k^he*, что и **a če*, но на более древнем уровне. Типологически это выглядит как стройное и правдоподобное допущение, но исследователи вынуждены предполагать здесь еще метатезу *-tk-* > *-kt-* (откуда результат *-tj-* перед передним гласным), что усиливает проблематичность толкования, которое см.: А. Meillet MSL 10, 1897, 135, примеч. 1; Мейе. Общеслав. язык 78; см. еще специально А. Musić AfsI Ph XXIX, 1907, 625 (и.е. **ōd-que* > ст.-слав. **ac-če*, **аш-че*, **аш-че*, тогда как *аче* — более позднее сложение тех же элементов); Н. Birnbaum «Scando-Slavica» V, 1959, 78—86; Sadnik—Aitzetmüller.

Vgl. Wb. 1, 5—6; Shevelov. A prehistory of Slavic 191; Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 211; Фасмер I, 99. Против см. A. Vaillant BSL 59, 1964, 141. Не более вероятны некоторые др. старые этимологии: *аще* < **a že če* (Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 491, вслед за Маретичем); ст.-польск. *jacy* — как образование с суфф. *-tji* вроде *dwojcy* ‘дважды’ (см. напр. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, 237; Sławski I, 483, с литер.; см. еще «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 3). Не вызывает также сочувствия оригинальная этимология ст.-слав. *аще* < *а + хсгащгѣ*, др.-русск. *аче* < *а + хотяче*, ст.-польск. *jacy* < (*j*)*a + chcęcy*, с предположением соответствующих редуциций (К.-О. Falk. W sprawie etymologii starorosyjskiego *ače* i starocerkiewno-słowiańskiego *ašte* ‘si’, ‘etiamsi’. — SO 27, 1968, 63—64).

Единственная реальность, которой можно оперировать, — это происхождение перечисленных выше ст.-слав., др.-серб., ст.-польск. и др.-русск. союзных слов из праслав. **atje* (см. еще Miklosich 4, где говорится об *atja*). Ср. также Berneker I, 34, где **atje* анализируется далее как **atiō*-. Принимая это членение в целом и отклоняясь от Бернекера в деталях (ср. его толкование *at* < и.-е. **ōt*, абл. ед. ч. от местоим. **e-/o-*), обратим внимание на близость праслав. **atje* и лат. *etiam* ‘еще, также, даже’. Окончание *-am* представляет собой результат лат. развития (ср. наречия *iam*, *tam*, *quam*). Т. о., праслав. **atje* так относится к лат. *etiam*, как праслав. **nyně če* — к лат. *nunquam* (имеется в виду прежде всего конец слов). Древнюю функциональную близость праслав. **atje* и лат. *etiam* как своего рода усилит. частиц можно, как кажется, наблюдать в контекстах вроде ст.-слав. иже *аще*, ст.-польск. *jacy kto* ‘кто бы ни’ и лат. *quis etiam*. Ср. выше относительно близости праслав. **a če* и лат. *atque*.

***atra**: болг. *vǎtra* ж. р. ‘огонь’ (только в идиомат. выражениях, Георгиев), сербохорв. *vǎtra* ж. р. ‘огонь’, чеш. стар., диал. *vatra* ж. р. ‘блеск, пламя’ (Kott IV, 561—562), словц. *vatra* ж. р. ‘костер (под открытым небом)’ (SSJ V, 26), польск. диал. *watra* ‘огонь, зола’ (Warsz. VII, 474), укр. *vǎtra* ж. р. ‘очаг; под печи, на котором печется хлеб’ (Гринченко I, 129), диал. *vǎtra* ж. р. ‘кострище, пепел’ (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вип. I. Харків, 1960, 19), ‘жар, угли в костре’ (П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лекс. бюл.», вип. VI, Київ, 1958, 10), ‘под печи; огонь, жар; костер, кострище’ (Онишкевич. Словник бойківського діалекту. В, стр. 11), ‘огонь (в печи, в костре), жар, раскаленные угли с пламенем; место, где горит или горел огонь; теплое место на печи, лежанка’ (Карпатский диалектологический атлас, карта № 142), ‘костер’ (В. Р. Рушак. Система іменника говірки села Негровець. Дипломна робота. Ужгород, 1960, 109), ‘огонь’ (Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського району. Дип-

ломна работа. Ужгород, 1954, 133), 'пепел, искра из соломы; огонь' (Г. Р. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, 241), *vatra* 'под печи' (Dejna. Tarnopol-szczyzna 125).

Настоящее слово представляет собой случай, когда этимологические связи в общем ясны, но сама их природа (заимствование? генетическое родство?) продолжает оставаться недостаточно выясненной. По этой причине даже отнесение слова, представленного в части слав. языков (болг., сербохорв., чеш., словц., польск. диал., укр.), к праслав. периоду не лишено до сих пор проблематичности. Тем не менее, мы склонны думать, что слово, реконструируемое здесь как праслав. **atra*, представляет собой древний элемент слав. лексики, распространенный некогда значительно шире (см. также ниже), т. е. наделенный чертами архаической, изживаемой лексемы, а отнюдь не нового заимствования. Основа этого слова обнаруживает следы древней словообразовательной активности, причем не только в случаях вроде сербохорв. *vaŕpjuŕte* ср. р. 'кострище', словц. диал. *vatrisko* ср. р. 'цыганский табор' (Buffa. Dlhá Lúka 229), а также интересного своей великорусской принадлежностью русск. *vatpjuška* 'изделие из теста' (давно и убедительно поставлено в связь с *vatra* 'огонь', см. еще Miklosich 376; А. Погодин РФВ L, 1903, 231, где указывается на польск. диал., подгальск., *watrzniak* 'овсяная лепешка, испеченная на углях'; Фасмер I, 279). Замечено также, что сюда относится и русск.-цслав. *обатрпѣти са* 'воспалиться' (Жит. Ио. Злат., Срезневский II, 499; там же: *обацрѣнение* φλεγμονή 'воспаление, опухоль', XVI—XVII вв.). Фасмер (там же) использует эти образования как свидетельство исконности слав. **(v)atra*, от которого они произведены, как и укр. *vatpjuŕiti* 'сгорать' (Гринченко, I, 129). Цслав. данные, однако, не могут быть истолкованы как содержащие еще не протезированное **atra*, поскольку с успехом объясняются из *об + vatp =*, как видел уже Срезневский. Тем не менее, мы условно восстанавливаем праслав. **atra*, поскольку *v-* возникло здесь бесспорно как вторичное наращение, см. Ильинский, Праслав. грамм. 164; Arimaа. Urslav. Gramm. I, 105. Об этом же говорят неславянские соответствия, давно и надежно установленные: авест. *atar-* 'огонь' (см. Н. Pedersen KZ XXXVIII, 1905, 311), др.-инд. *átharvā* 'жрец-огнепоклонник' (заимств. из ир., см. Maughofer I, 28), возможно, также ирл. *áith* 'печь' и лат. *āter* 'черный, темный'. См. А. Meillet MSL 14, 1907, 370; Мейе. Общеслав. язык 69; Walde—Hofm. I, 75—76; Ernout—Meillet³ I, 95—96. Все авторы приводят еще в этом ряду арм. *airem* 'жгу, зажигаю' от незасвидетельствованного имени арм. **air* < и.-е. **āter-*, ср. Pokoĝny I, 69. Как на проблематичное укажем еще на сравнение слав. слова с галльск. *atinia* 'вид вяза', якобы из и.-е. **āthīnā* 'очаг, костер' (L. Loewenthal WuS X, 1927, 163). Вместе с тем другие авторы находят отношение сербо-

хорв. *vātra*, чеш. *vatra* и др. к авест. *ātar-* неясным, см. Vaillant. *Gramm. comparée* I, 186. Более того, несмотря на мнение о том, что форма слав. слова исключает возможность заимствования (см. A. Meillet BSL 24, 1924, 142), а также несмотря на то, что, напр., ударение сербохорв. *vātra* как будто правильно отражает исконную древнюю долготу гласного, многие лингвисты видят в слав. слове заимствование: из ир. через тюрк. (Miklosich 376); через цыг. посредство (Brückner 604; Machek 557). Из ир. через рум. объясняет слав. слово Розвадовский (J. Rozwadowski RO 1, 1914—1915, 109—110). Среди балканистов в особенности распространено мнение о заимствовании в слав. из алб. *votrë, vatrë* 'костер' — прямо или через рум. *vatră*, см. Йокль у Фасмера (там же); М. Павлович JФ XXII, 1957—1958, 269—270; Popović. *Geschichte der serbokr. Spr.* 537, 540, 613. Последний допускает возможность древнего заимствования из фрак. Ср., Георгиев БЕР II, 123, где слав. слово производится из дако-мизийского **raatra* < **otra* < и.-е. **ātr-*; Трубачев. *Ремесленная терминология* 202; Б. В. Кобилянский «Мовознавство» 1967, № 6, 42; Shevelov. *A prehistory of Slavic* 243. Критику фрак. (дак.) посредничества в передаче данного слова из ир. см. J. Hubschmid. «Die Kultur Südosteuropas, ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen» (Wiesbaden—München, 1964) 101.

***ava**: макед. *java* ж. р. 'явь, действительность' (И-С), кашуб.-словин. *iava* ж. р. 'бдение (в противоположность сну)': *po iavě* 'наяву' (Lorentz Помор. I, 302), русск. диал. *ява* ж. р. 'показ, выставка' (пск., твер., оставк., Даль³ IV, 1557; Картотека Словаря русских народных говоров), укр. *ява́* 'явь, действительность' («Укр.-рос. словн.» VI, 563), блр. *ява* ж. р. 'явь; явление, дивное происшествие' (Гарэцкі 174; Носов. 725).

Сущ. с основой на *-a*, соотносительное с гл. **aviti* (см.), а также с нареч. **avě* (см.; там же подробно об этимологии).

***avě**: ст.-слав. *акѣ, ѡкѣ* нареч. *φανερῶς* 'явно, открыто'; *δῆλον* 'видно, ясно, известно' (SJS), болг. *áve, яве* нареч. (Геров), макед. диал. *jave*, нареч. 'наяву' (И-С), сербохорв. *jávi*, нареч. 'aperte, manifesto' (< **javě*, RJA IV, 494), русск.-цслав. *ѡкѣ* 'ясно, определенно, открыто' (Срезневский III, 1637—1638).

Кажется вероятным квалифицировать нареч. **avě* как адвербиализированную форму дат.-местн. п. ед. ч. от сущ. на *-a* **ava* (см.), тем более, что последнее реально засвидетельствовано, в частности ср. макед. *java*, что существенно для истолкования случаев **avě* (в основном — болг., макед.) также в плане лингв. географии. Однако морфол. характер древних и.-е. соответствий вне славянского, среди которых тоже выступают нареч., убеждает в том, что не обязательно сводить на слав. почве наречн. форму **avě* к регулярной падежной форме названного выше слав. имени. Праслав. **avě* давно признано родственным др.-инд. *āvīh*, авест. *āvīš* 'открыто', см. Miklosich 101; Berneker I, 34; P. Persson. Bei-

träge zur indogerm. Wortforschung 2 (Uppsala, 1912), 723; A. Meillet RES VI, 1926, 173; Мейе. Общеслав. язык 69, 405; Maughofer I, 82; далее см. Brückner 201; Sławski I, 527; Machek 178; Фасмер IV, 541; Sadnik—Aitzetmüller Vgl. Wb. 1, 39. Форма индо-ир. слова, а также греч. αἰσθάνομαι 'чувствовать, ощущать' (< *avis-dh-, см. Frisk I, 45), лат. audiō 'слышать, слушать' (*avis-dh-, Walde-Hofm. I, 80) позволяет говорить об общем для них и для слав. исходном п.-е. пареч. *āvis, *āvis. Практически во всех действительно близких и.-е. формах мы имеем дело с исходом основы -i- (что может свидетельствовать о позднем возрасте праслав. *ava см.). Только как более отдаленное родство можно трактовать в этой связи праслав. *umъ (см.), на которое обычно указывают авторы. Прочие отдаленные соответствия см. F. Specht «Die Sprache» I, 1949, 45; В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (М., 1965) 155. К праслав. *avě обычно также относят близкие по форме и знач. лит. ovuje 'наяву' и некоторые др. балт. слова, о кот. см. под *aviti. Праслав. *ěsknъ (см.), лит. aiškus 'ясный' не имеют сюда отношения, вопреки Микколе, см. Mikkola. Urslav. Gramm. II, 165.

*avida?: укр. диал. явида м. р. 'черт' (Гринченко IV, 534; I. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини, 175).

Возможно двойное объяснение. С одной стороны, это может быть префиксальное сложение *a-vid- (см. еще *avidь, ниже) с префиксом в знач. приближительности от основы гл. *vidēti (см.). В то же время наличие лит. диал. bvoidas 'страшный шалун, сорвиголова', сравнительно близкого по знач. и этимологизируемого из сложного *ovi-voidas 'являющийся наяву' (К. Vūga. Rinkiniai raštai I, 370—371; II, 451—452; Fraenkel I, 519), напоминает нам о возможности происхождения слав. слова из *avi-vid- 'тот, кто привиделся наяву' (знач. 'черт' могло с успехом развиться из этого последнего). См. О. Н. Трубачев. Сб. к 70-летию В. И. Борковского 270—271.

Не вполне ясным (быть может, табуистическим?) изменением представляется укр. диал. яведрик м. р. 'чёрт' (Желеховский у Гринченко IV, 534).

*avidь?: русск. диал. (арх.) явидь ж. р. 'змея, которая водится в тундрах' (Даль³ IV, 1557).

Этимологически тесно связано с предыдущим (см. *avida), чему не препятствует и знач. обоих слов: 'змея' ∞ 'черт'.

*aviti(se): ст.-слав. акити (ѠА), такити (ѠА) ἀποκαλύπτειν, φαγερωῦν, δεῖκνύναι, ὁράσθαι, ἀποκαλύπτέσθαι 'явить, открыть, показать; явиться, показаться' (SJS, Sad.) болг. явя 'показать, открыть; сообщить, окликнуть' (БТР), авя (Гергов: авяк), диал. йава 'показать' (с. Желев, Софийско; дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. јави 'сообщить, передать; заявить, донести', јави се 'показаться,

появиться' (И-С), сербохорв. *jáviti* 'объявить', *jáviti ovc* 'вести за собой овец', *jáviti se* 'заявить о себе, дать о себе знать', 'появиться', словен. *jáviti* 'заявить', *jáviti se* 'явиться, дать о себе знать' (Plet. I, 360—361), чеш. *jeviti* 'проявить, показать' *jeviti se* 'появиться', словц. *javit'(sa)* то же (SSJ I, 637), н.-луж. *jawiś* 'уведомлять, объявлять' (Muka Sł. I, 536), польск. редк. *jawić* 'делать явным, проявлять', *jawić się* 'являться' (Warsz. II, 147), польск. диал. *iawić się* 'явиться, прибыть' (Szymczak Doman. II, 343), словин. *jāvjič* 'объявить' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 385), русск.-цслав., др.-русск. *javiti* 'показать; заявить, объявить' (Срезневский III, 1634), русск. стар. *javiti* 'обнаружить, показать', *javiti'sja*, укр. *javiti* 'явить, показать, предъявить' (Гринченко IV, 535).

Можно думать, что основа гл. **aviti* произведена от и.-е. наречия, о кот. подробнее см. под **avě*. Обращает на себя внимание тот факт, что как раз в тех языках, в которых установлены надежные родственные соответствия слав. слову, мы имеем дело в первую очередь с наречиями (др.-инд. *āvīh, āviś*, авест. *āviš*) и с отнаречными образованиями (греч. *αἰσ-δῆνομαί*, лат. *au-diō*), глагола же с *-i-* основой **āvēi-* мы там не находим, что может, в частности, свидетельствовать об относительно позднем (в и.-е. плане) возрасте этого глагола. Единственное удивительно близкое и морфологически полное соответствие праслав. **aviti* находим в сопредельном балт.: лит. (стар., редк.) *ovytiš* 'являться (в т. ч. во сне)', сюда же ст.-лит. *ovyje* 'наяву'. Но это наводит на мысль о возможном контактно-происхождении форм в одном из двух соседних языков. Балто-слав. отношения в этом пункте обычно толкуются как родственные, см. Fraenkel I, 519; Фасмер IV, 540 (приводимое у них также лтш. *āvitiēs* 'болтать чепуху, безобразничать' далеко от сравниваемых здесь слов семантически). Не случайно, однако, ряд авторов говорит о заимствовании из слав. в лит., см. Berneker I, 34; в последнее время см. Sadnik—Aitzemüller. Vgl. Wb. 1, 39. Вместе с тем положение значительно сложнее, вопрос окончательно не решен. Часть форм с этим корнем, по-видимому, исконна в балт. и прежде всего — лит. *ōvaidas* 'сорванец' (о нем подробнее см. выше, под **avida, *avidь*), относительно кот. неточно высказываются Садник—Айцетмюллер (там же). О начале слав. слова и развитии протезы *j-* см. E. Nieminen «Scando-Slavica» II, 1956, 25—26.

Отметим попутно, что алб. *avis* 'приближать', *avitem* 'приближаться', которое Фасмер объяснял как заимствование из цслав. дикти *ca*, имеет совсем другую, алб. этимологию, см. подробно M. Camaj. Albanische Wortbildung (Wiesbaden, 1966) 72.

***avo:** ст.-чеш. *javo* только в выражениях *na javo, v javo, na jěvě* 'явно, открыто' (Gebauer I, 605).

Наречн. образование. Этимологию основы см. подробно под **avě, *aviti*.

***avodь?**: русск. диал. *яводь* ж. р. 'струя, быстрина' (иск., твер., осташк., Даль³ IV, 1559; Картотека Словаря русских народных говоров).

Согласно Калиме у Фасмера (см. Vasmer III, 478), сложение приставочного русск. *я-* (< праслав. **a-*) и основы сущ. **voda*. Другая этимология (см. Verneker I, 429) реконструирует в первом компоненте *(*j*)*e-* (см. **eti*), что, возможно, менее вероятно.

***avorina**: сербохорв. *javorina* ж. р., увелич. от *javor*, также как ороним (у Стулли в знач. 'lignum plataninum'; RJA IV, 498), словен. *javorina* ж. р. 'древесина клена' (Plet. I, 361), чеш. диал. *javořina* 'яворовый лес', 'место в лесах, отведенное для пастбы овец' (Bartoš Slov. 131), словц. *javorina* ж. р. 'яворовая, кленовая поросль' (SSJ I, 638), русск. *яворина* ж. р. 'дерево явор в поделках' (Даль³ IV, 1559). укр. *яворина* 'явор, яворовое дерево' (Гринченко IV, 535).

Производное с суфф. *-ina* от **avorъ* I (см.).

***avorišče**: сербохорв. *javorište* ср. р. 'место, где растут яворы' (Микаля: 'platanetum'; Стулли: 'locus platanis consitus' RJA IV, 498), словен. *javorišče* ср. р. 'кленовый лес' (Plet. I, 361).

Производное с суфф. *-išče* от **avorъ* I (см.). Ввиду популярности данного суфф., в частности — в сербохорв., древность образования скорее проблематична.

***avorovъ (jъ)**: ст.-слав. *акоркз платановъ* 'кленовый, платановый' (SJS), болг. (Герв) *яворовый, аворовый*, сербохорв. *javorov* 'кленовый' (Нараџић; RJA: с XIV в.), словен. *javorov* то же (Plet. I, 361), чеш. *javorový*, словц. *javorový* 'яворовый, кленовый' (SSJ I, 637), в.-луж. *javorowy* 'яворовый', русск. *яворовый*, укр. *яворбий* 'принадлежащий явору, сделанный из явора' (Гринченко IV, 535), блр. *яваравы* 'яворовый' (Блр.-русс.).

Прилаг., производное от **avorъ* I (см.) с помощью суфф. *-ov-*.

***avorъ I**: цслав. *акорз, такорз* м. р. *πλάτανος*, *platanus* (Mikl.), болг. *явор* м. р. 'явор *Acer pseudoplatanus* (БТР), *авор* (Герв), макед. *javor* м. р. 'явор' (И-С), сербохорв. *javor* м. р. 'явор *Acer platanoides*', словен. *javor* м. р. 'клен, явор' (Plet. I, 361), чеш. *javor* м. р. 'клен *Acer*', диал. *javor* то же (Hruška Slov. chod. 37), словц. *javor* м. р. 'явор, белый клен' (SSJ I, 637), в.-луж. *javor* м. р. 'явор *Acer platanoides*' (Pfuhl 231), н.-луж. *javor* м. р. то же (Muka Sł. I, 537), полаб. *javârě* мн. м. р. (**avory*) 'клены' (Polański—Sehnert 76), польск. *javor* м. р., *jawór*, диал. *jabór* 'явор' (Warsz. II, 148), русск. *явор* м. р. 'особый вид клена, белый клен', 'чинар *Platanus orientalis*' (Даль³ IV, 1559), укр. *явір*, род. *явора* м. р. 'явор *Acer pseudoplatanus*' (Гринченко IV, 534), блр. *явар* 'явор'.

Довольно подробный обзор форм по слав. языкам см. еще: Будилович. Первобытные славяне I, 1, 134 (где сообщается еще любопытное сербохорв. *javor*).

Праслав. заимствование из герм. (и, кстати, единственное известное нам герм. заимствование в составе праслав. лексики на *a*-начальное). В качестве источника слав. слова уже довольно давно указывали на герм. форму, близкую др.-в.-нем. *āhorn*, соврем. нем. *Ahorn* 'клен', ср. Miklosich 101; см. особенно Bernker I, 35, где предпринята серьезная попытка объяснить разницу в исходе герм. и слав. слов таким образом, что герм. форма на *-n* была воспринята как прилаг. **avorъnъ*, откуда обратное производное **avorъ*. Фонетические неясности, возникающие при этой этимологии, устраняются при произведении слав. слова из более простой герм. формы вроде др.-бав. **ahor-*. См. E. Schwarz AfslPh XL, 1926, 284—287 (ср. там каринтийское *qhr* и другие нем. диал. формы); Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus d. Germ. 229. Ср. еще в пользу герм. источника без конечного *-n* приводимые Махеком многочисленные нем. диал. формы *Are, Ohr, Ure, Ere* и др. (см. V. Machek LP II, 1950, 154; Machek 172; не может одобрения лишь развиваемая там идея о «праевроп.» субстратном происхождении как слав., так и герм. слова). Пытаются очень точно датировать заимствование из герм. (E. Schwarz, там же: VI—VIII вв. н. э.; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 40; VI—VII вв.) на основании реконструкции прагерм. **ehura-*, принимая во внимание, что процесс перехода *ū > ā* в зап.-герм. уже закончился ко второй половине I тысячелетия, откуда зап.-герм. **āhor-*, прототип слав. **avorъ*. См. еще Фасмер IV, 541—542. С точки зрения озвончения герм. *-h-*, которое, видимо, поэтому и не могло быть передано иначе в слав. как с помощью *-v-* на месте возникшего зияния (или можно говорить о субституции *-v-* вместо герм. *-h-* в славянском? — ср. особняком стоящее сербохорв. *jachor*, хотя в последнем можно видеть местное проявление тенденции гиперкорректности), сравнительно поздняя датировка заимствования здесь, действительно, уместна. Но реконструкция прагерм. **ehura-* не обязательна: родство герм. слова с лат. *acer* 'клен' и греч. *ἄκαρος δάφνη* (Гесихий) говорит о начальном *a-* в прагерм. **ahira-* 'клен', см. Walde—Hofm. I, 6.

Из прочей лит-ры см. подробно Sławski I, 528—529; J. Loewenthal WuS X, 1927, 153 (с неудачной попыткой исконой слав. этимологии); V. Kiparsky AION (sez. slava) I, 1958, 19 с привлечением акцентол. критерия).

**avorъ* II: др.-русск. *яворъ* 'кладь сена?' (коси^т на триста коле^н и *явори* г^{не} с той и^тговы поланы ро^вози^а а было на ней се^н *яворо^н* а ка^н г^{не} ту землю паще^т и дуги коси^т и *явори* ро^вози^а тому се^н лѣ^т. . . — Правая Рязанского шлеца Покр. м-рю, № 81. 1523—1524 гг. ДРС).

Единичная лексема, полные соответствия которой нам неизвестны ни из русск., ни из других слав. языков. Вместе с тем есть основания полагать, что перед нами древнее слово. Из довольно пространного контекста приведенной др.-русск. цитаты явствует

как будто знач. *яворъ* = 'кладь сена (приспособленная для перевозки)', ср. указание на то, что именно я в о р ы развозились с полян и лугов. Это ранее как будто не этимологизировавшееся слово можно объяснить как сложение приименного префикса *a-* и основы **vorъ* (см.), отглагольное производное от **vbrěti* 'запирать', широко встречаемое в слав. лексике как в связанном виде (**zavorъ*, **otvorъ*, **obvora* ж. р.), так и в свободном употреблении — **vorъ*, ср. польск. *wór* 'мешок'. Семантика этой основы вполне соответствует видимому знач. др.-русск. *яворъ* '*увязанная кладь'. Для дальнейшего сравнения с реконструируемым **avorъ* II 'увязанная кладь' целесообразно привлечь греч. *ἄρον·μοχλόν, πλωνα, θρωρόν*. Κύπριοι (Гесихий). В словаре Фриסקа это кипрское название дверного запора сближается в первую очередь со ст.-слав. *за-коръ* в том же знач. (Frisk I, 117). Однако, думается, что еще более близким соответствием греч. *ἄρον*, вин. п. ед. ч. от **ἄρος*, является праслав. диал. **avorъ* II в описанном знач. Фриск анализирует греч. слово как **smoros*, но исходный гл. *ἄσιω* 'связывать' встречается последовательно только с приставкой *σύν* (что было бы при условии упомянутой этимологии плеоназмом), а разные случаи употребления именной основы *-аро-* показывают долготу *-a-*, что также говорило бы против *-a- < -m-* и скорее в пользу **ā-moros*. Правда, обычно праслав. *a-* префиксальное трактуется как продолжение и.-е. **ō/*ē* и соответствие греч. *ω-*, что сообщает определенную проблематичность сближению праслав. **a-vorъ* с греч. **a-Foros*. В остальном функциональное тождество праслав. префиксальных сложений **a-vorъ* и **za-vorъ* (см. выше), близко напоминающее случаи **aduxa*: **zaduxa* и **aradъ*: **zaradъ*, позволяет поставить **avorъ* II в один ряд с прочими известными случаями употребления этого префикса. См. О. Н. Трубачёв Сб. к 70-летию В. И. Борковского 271—272.

***avorjе:** словен. *javorje* ср. р. 'кленовый лес' (Plet. I, 361), чеш. *javori* ср. р. 'яворовый лес' (Kott I, 604), словц. *javorie* ср. р. собир. редк. 'яворы, яворовый лес' (SSJ I, 637).

Производное с собир. суфф. *-bje* от **avorъ* I (см.).

***avornica:** сербохорв. *javornica* ж. р. 'явор', 'название растений Rubaghe, Laurus nob. L.' (RJA IV, 499), сюда же чеш. *Javornice* ж. р., название деревни в округе Градец Кралове (Kott I, 604), укр. диал. *явірніце* 'Johannisbeere, Ribes rubrum' (Г. Верхратский. Знадоби 274).

Производное с суфф. *-nica* от **avorъ* I (см.) или соответственно — с *-ica* от **avorъnъ* (см.). Древность проблематична.

***avornikъ:** словен. *javornik* м. р. 'сорт виноградной лозы' (Plet. I, 361), чеш. *javornik* м. р. 'майский жук', 'яворовый лес', также название горы в Болеславском округе и в Моравии, название деревни (Kott I, 604).

Производное с суфф. *-nikъ* от **avorъ* I (см.) или с суфф. *-ikъ* от основы прилаг. **avorъn-*. Может быть местным новообразованием.

*авогьпъ(жь): сербохорв. стар. *jāvōran* 'яворовый' (у одного автора XVII в., а также в словарях Микали, Беллы и Стулли; RJA IV, 498), русск. *Яворный* 'яворовый' (Даль³ IV, 1559).

Прилаг., производное с суфф. -ьп- от *avorъ I (см.).

*авъ: сербохорв. *jāv* м. р. в выражении *ни стрва ни јави* 'ни слуху, ни духу', чеш. *jev* м. р. 'проявление', стар. *jav* 'свет, ясность, явность' (Kott I, 626), польск. *jaw* м. р. в выражении *na jaw* 'на свет божий' (Warsz. II, 146), русск. *яв* м. р. в выражении *на явѹ* 'в полном, здравом уме, в бодрствующем состоянии', диал. *яв* 'извещение, уведомление, сообщение' (калуж., Карто-тека Словаря русских народных говоров).

Будучи распространено относительно широко и представлено в диалектах, суц. *авъ имеет, однако, признаки вторичного, отглагольного образования и в свете того, что нам известно о праслав. *avě, *aviti (см.), не может возводиться к глубокой древности.}

*авъка: сербохорв. диал. *jāvka* ж. р. 'курица, несущаяся впервые' (RJA IV, 496), др.-русск. *гавъка* 'вид пошрины' (Жал. гр. Дм. Ив. Гр. Серг. мон. 1389 г. и др., Срезневский III, 1637), русск. *явка*, диал. (твер.) 'рубка леса на продажу' (Даль³ IV, 1558).

Производное с суфф. -ъка от гл. *aviti (См. Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование (М., 1969) 80—81. Разнохарактерность и пестрота значений и функций в отдельных слав. языках (nomen actionis — в русск., nomen agentis — в сербохорв.) делают вероятным независимое параллельное и сравнительно позднее образование этого производного. Вместе с тем интересно как отражение древней семантики 'в п е р в ы е показать, явить'.

*авь: сербохорв. *jāv* ж. р. 'явь, бдение' (RJA IV, 493), польск. *jaw*, род. *jawі* ж. р. (в фразеол. оборотах, Warsz. II, 146), русск. *явь* ж. р. 'реальная действительность в противоположность сну, бреду, мечте', диал. *явь: на јави* = *најаву* (волог., калуж., Карто-тека Словаря русских народных говоров).

Суц. ж. р. *авь образовано вторично от гл. *aviti (см.). В морфол. иерархии 'наречие' → 'глагол' → 'имя' в случае с семейством слов *avě, *aviti, *авъ, *авъка, *авь убеждает нас и сравнение с и.-е. соответствиями, о кот. см. подробно под *avě, *aviti. О вторичности образования *авь см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 40 (там речь гл. обр. о семантич. мотивах).

*авьпъ(жь): болг. *јавен* 'явный, очевидный' (БТР) (Геров: *јавный, авный*) макед. *јавен* 'явный, открытый, публичный; общеизвестный' (И-С), сербохорв. *jāvan* 'явный', словен. *jāven* то же (Plet. I, 360), чеш. *jevny* 'явный, общественный' (Kott I, 626), словц. *javny* 'явный, ясный, видимый' (SSJ I, 637), н.-луж. *jawny* 'явный' (Muka Sł I, 537), польск. *jawny* 'публичный, общественный; открытый; видный' (Warsz. II, 147—148), словин. *javni* 'общественный' (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 386), др.-русск. *гавьныи* 'явный,

открытый' (Срезневский III, 1637), русск. *явилый*, укр. *явний* 'явный, известный, очевидный' (Гринченко IV, 535), блр. *яўілы* 'явилый'.

Прилаг. с суфф. *-yn-* от **avь*, **avě* (см.) или др. близких видов этой основы. Условно можно отнести к позднепраслав. времени. Знач. 'общественный, публичный' в ряде слав. языков (чеш., польск. и др.) — новая калька с нем. *öffentlich* в том же знач. Последнее обстоятельство упускает Славский (см. Sławski I, 527—528, где подробно о данном слове).

**azica*: в.-луж. *jazyca* ж. р. 'рыба *Alosa*' (Pfuhl 1072), н.-луж. *jazyca* ж. р. 'плотва, шерешпер *Idus melanotus*' (Muka Sł. I, 538), польск. *jazica* 'язь' (< Warsz. II, 149).

Производное с суфф. *-ica* от **azь* (см.)

**azь*: ст.-слав. азз мест. *ѣѡ* 'я' (SJS, Sad), болг. *аз* 'я', обл. *язе*, я 'я' (БТР), диал. *ја* (с. Баница, Врачанско, дип. раб.; Архив Софийск. ун-та), *ес* 'я' (Стойчев БД II, 157), макед. *јас* 'я' (И-С, Кон.), сербохорв. *ја* 'я', диал. *јаз* то же (Tentor. *Leksička slaga-ja* 75), словен. *јаз* 'я' (Plet. I, 364), чеш. *ја* 'я', ст.-чеш. *јаз* (Gebauer I, 606), словц. *ја* 'я' (SSJ I, 626). в.-луж. *ја* 'я' (Pfuhl 228), н.-луж. 'я' (Muka Sł. I, 518), полаб. *јо*, *јоз* 'я' (Polański—Sehnert 75), ст.-польск. *јаз*, польск. *ја* 'я' (Warsz. II, 148), словин. *јац* 'я' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 389), др.-русск., русск.-цслав. *азь*, *язь*, *ѣ* 'я' (Срезневский I, 10; III, 1646), русск. *я*, укр. *я* 'я' (Гринченко IV, 534), блр. *я* 'я'.

Р. Якобсон объясняет форму *ја* как неударенный моносиллабический вариант двухсложного *јазь* по аналогии *тѣ*—*тѣнѣ*, *тѣ*—*тѣне* (см. R. Jakobson IJSLP I/II, 1959, 277).

Местоим. 1 л. ед. ч. праслав. **azь* сравнивают с др.-инд. *ahám* 'я', авест. *azət*, др.-перс. *adam*, арм. *es*, греч. *ἐγώ*, лат. *ego*, венец. *ežo*, гот. *ik*, лит. *àš*, ст.-лит. *eš*, лтш. *es*, тох. А *ñuk*, хетт. *uk* в том же знач. См. Miklosich 5; Berneker I, 35; K. Brugmann. *Kurze vgl. Gramm.* (Strassburg, 1904) 407, 410; Trautmann BSW 72; Walde—Hofm. I, 395—396; Frisk I, 441; Hofmann 68; Kluge¹⁵ 335; Mayrhofer I, 68; Fraenkel I, 18; Г. Б. Джаукян. *Очерки по истории дописья*. периода арм. языка (Ереван, 1967) 178, 184; Pokorny I, 291; H. Hübschmann KZ XXIII, 1877, 24; A. Meillet MSL 7, 1890, 164. В. И. Георгиев (Исследования 126) высказывает гипотезу об отнесении сюда же фрак. *as* в надписи на перстне из Езерово.

Трудности сравнения в и.-е. плане выражаются в расхождении консонантизма, причем отдельные формы отражают и.-е. *ǵh* (видимо, вторично — под влиянием косв. пл., см. Mayrhofer, там же; A. Meillet MSL 8, 1893, 282), другие — большинство — отражают и.-е. *ǵ* (см. еще по этому вопросу R. G. Kent «Language» 19, 1943, 167—168). Имеется расхождение между и.-е. формами и в вокализме, причем считается, что греч. и лат. восходят к и.-е. **e*; *ōm*, а индо-ир. и практически все остальные — к и.-е. **eǵ(h)om*,

с краткостью гласного. Пользуется популярностью также теория морфологических различий и.-е. местоим. личного 1 л. ед. ч., причем за древнейшую форму принимают внешне наиболее простое *eġ-, тогда как *eġō объясняют влиянием первичных глагольных окончаний (1 л. ед. ч. наст. вр.), а *eġom — влиянием вторичных глагольных окончаний (1 л. имперфекта). См. также W. Petersen «Language» 6, 1930, 167—169. Эта теория вступает в явное противоречие с фактом несомненно эмфатического употребления и.-е. *eġōm (ср. на этот счет специально Ernout—Meillet³ I, 343, где говорится об употреблении лат. *ego* для противопоставления др. лицам: *ego scio* = франц. *moi, je sais*). Эта архаическая черта эмфатич. употребления не позволяет приписывать и.-е. *eġōm древнего влияния со стороны личных форм глагола, которые синкретически уже содержали в себе указание на лицо. См. еще ниже о независимом употреблении *eġōm.

При всех несоответствиях отдельных и.-е. форм между собой, их объединяет одна существенная особенность: краткость начального *e*. Единственное серьезное исключение — характер начального гласного хетт. и тох. слова, но он находит объяснение в местном взаимовлиянии форм, см. W. Petersen «Language» XI, 1935, 204. На этом фоне резко выделяется несоответствие и.-е. **e*- и слав. *a*- (*azъ*), до сих пор удовлетворительно не объясненное исследователями. (См., например, V. Pisani «Paideia», 1957, 271—272, где говорится об ир. влиянии, ср. хорезмское *āz, jāz* 'я', с эмфатическим удлинением.) Имея при этом с одной стороны и.-е. краткий гласный, с другой стороны — слав. долгий гласный, казалось бы логичным говорить об удлинении в слав., что и принимают многие ученые. См. специально K. Knutsson. Abg. *azъ*. — ZfslPh XII, 1935, 94—102, где приведены аналогии из герм. Далее см. Holub—Korešný 147; Brückner 195; Machek 168; Sławski I, 478. Но удлинение *e* дало бы только *ē* > слав. *ě/ja*, ст.-слав. *ѣ, ѡ*. Упомянутый рефлекс последовательно сохраняется в ст.-слав., где нет сколько-нибудь надежных древних примеров начального *a*- на месте первоначального *ѣ, ѡ*. Давно уже указано на то, что *a*- в ст.-слав. *азъ* нельзя связывать с *ѣ, ѡ*, см. А. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 103, правда, этот ученый делал отсюда вывод об отсутствии тесной связи *азъ* с лат. *ego*, греч. *ἐγώ*, в чем за ним едва ли можно последовать. Многие авторы предпочитают квалифицировать отношения слав. формы как неясные. См. Vaillant. Gramm. comparée I, 185; В. Георгиев «Slavia» 28, 1959, 6; Георгиев БЕР I, 5 («...*a* в праслав. **азъ* может происходить от и.-е. *ā* или *ō*»). В своей книге «Вокзалата система в развоја на славянските езици» (София, 1964) 17 Георгиев уже считает форму ст.-слав. *азъ* с чистым гласным началом вторичной, из **jazъ* или даже **jazъ* < и.-е. **egH₂m*. Но это противоречит тому, что известно об употреблении ст.-слав. форм — в основном *азъ*, при единичном *ѣзъ* (в сочетании и *ѣзъ*,

Мар.). Ср. и В. Георгиев. «Известия на Института за български език» XI, 38. Надо считаться с фактом, что *j-* здесь не был постоянным первое время и лишь появлялся в определенных синтаксич. условиях, ср. упомянутое и *ѣзъ*. См. А. Meillet BSL 26, 1925, 202; E. Nieminen «Scando-Slavica» II, 1956, 25 (где проводится сравнение и *ѣзъ*, Мар. с и *азъ*, Зогр.). Не могут быть приняты всерьез попытки реконструкции форм вроде русск. *я* < **jě*, **jō* < и.-е. **H_{1j}-eH₁* в кн.: G. Liebert. Die i.-e. Personalpronomina und die Laryngaltheorie (Lund, 1957; цит. по рец.: J. Puhvel «Language» 35, 1959, 654). Не является выходом из положения и гипотеза о стяжении *a* **ezъ* > **azъ* (Berneker I, 35), потому что реальные стяжения с союзом *a* обычно не вступают затем в новые сочетания с этим союзом, напр. русск. *ан* (< **a ono*), в отличие от обычного русск. *а я* и т. п.

Мысль о слав.-ыр. изоглоссной связи вокализма слав. **azъ* и осет. *æz*, курд. *āz*, талыш. *az*, памир. *az*, согд. *azi*, авест. *azəm* то же см. В. И. Абаев Сб. к 70-летию В. И. Борковского 11.

Можно констатировать лишь, что ни одним из известных способов не удалось доказать вероятность исторического тождества и.-е. *e-* и праслав. *a-* в формах местоим. 1-го л. ед. ч. И.-е. **eǵō(m)* должно было правильно отразиться в слав. в виде **eza* или **jъza*, ср. в последнем случае отношение начала слов лат. *emō*: праслав. **jъmъ*. Праслав. **jъza* 'ego' оказалось в невыгодной ситуации по причине возникшей омофонии с предл. **za* (см.) и его сочетаниями (**jъz za*), почему и могло подвергнуться метатезе (> **azъ*) для сохранения формальной самостоятельности важного слова. Допущение подобной «патологии и терапевтики» в случае с **azъ* единственно способно простейшим образом объяснить количество и качество гласного *a-*. Между прочим, к мысли о метатезе здесь близко подходят те из индоевропейцев, которые говорят об отражении в слав. форме особого и.-е. **ōǵ-* (см. Ernout—Meillet³ I, 343; T. Milewski; цит. по: RS XII, 1936, 80).

Что касается древней независимости употребления и эффузивной природы данного и.-е. местоим., то многое говорит за то, что перед нами в сущности целое слово-предложение, которое можно прочесть как **eǵōm* < **e ǵo me* 'вот я!' Здесь **e* — указат. мест.; **ǵo* — энклитическая частица, **me* — основа косв. пп. местоим. 1-го л., в данном случае — в употреблении, близком англ. *it is m e* 'это я'. Такая фразовая реконструкция позволяет заключить, что в основе в с е х и.-е. форм лежало полное **eǵom* (с заместительным удлинением *ō* или без него), поэтому реконструкции якобы более архаичного **eǵ-* оказываются беспредметными. Возможность образования и.-е. формы из *e-* местоименного и частиц **ghe*, **gho* названа у Покорного (см. Pokorny I, 294), но ключевое для всей конструкции *-m* конечное охарактеризовано им неудачно — как показатель ср. р. (вслед за И. Шмидтом).

Иной порядок расположения упомянутых элементов — **m-e-ġo* представлен в тох. *ġuk*, венет. *teġo*.

***азькъ** / ***азькъ**: чеш. диал. *jazek* 'рыба елец' (Bartoš Slov. 13), н.-луж. *jazk* м. р. 'малый шерех' (Muka Sł. I, 537).

Производное с соответствующей суффиксацией (-*ъкъ* или -*къ*) от основы **азь* (см.).

***азь**: сербохорв. *jáz* м. р. 'рыба *Idus melanotus*' (RJA IV, 500), словен. *jéz* м. р. 'плотва, язь' (Plet. I, 369), чеш. *jes*, *jesen* м. р. 'язь *Leuciscus*', в.-луж. *jaz* 'бычок, *Cottus*', н.-луж. *jaz* м. р. 'язь, шерешпер *Leuciscus idus*, *Idus melanotus*' (Muka Sł. I, 537), польск. *jaź* м. р. 'язь' (Warsz. II, 149), русск. *язь* м. р. 'пресноводная рыба из семейства карпов, *Leuciscus idus*' (Подвысоцкий 197), укр. диал. *язя* ж. р. 'рыба *Leuciscus idus*' (Гринченко IV, 537), *язь* м. р. '*Leuciscus idus*, *Idus melanotus*' (там же), блр. *язь* 'язь'.

Убедительно протимологизировано Янзеном как родственное лит. **ožys* 'козел', что предполагает и для праслав. **азь* первоначальное знач. 'козел', полностью вытесненное затем вторичным знач. 'язь, рыба', (ср., впрочем, еще **азьно* как остаток, след древнего знач.). Такое обозначение объясняется тем, что для карпообразных рыб характерно наличие подобия усов, отсюда — возможность сравнения их с бородатым козлом. В нем. языке язь носит также название *Ziege* 'коза'. См. А. Janzén *ZfslPh* XVIII, 1942, 29—32; Фасмер IV, 551; Machek 172; Fraenkel I, 519; А. П. Критенко «Русск. речь» 1968, № 5, 129—131 (то же см. «Мовознавство» 1967, № 1). Необходимо, впрочем, взвесить и др. возможность — происхождение от **ѣзь* 'плотина, запруда', поскольку язи периодически сбиваются массы поперек реки, см. Sławski I, 532—533. Нем. название рыбы *Jesen* скорее само заимствовано из слав., чем наоборот (как см. K. Štrekelj *AfslPh* XIV, 1892, 526). См. еще K. Moszyński *JP* XXXVII, 1957, 298. Очень подробно в последнее время см. I. Leder. *Russische Fischnamen* (Wiesbaden, 1968) 51 и след., где подвергнута сомнению этимология Янзена, сам автор толкует слово из первонач. обозначения блеска.

***азьнѣпъ**: русск.-цслав. *азьнѣпши* 'кожаный' (Изб. 1073 г., Срезневский III, 1650).

Прибал., производное с суфф. -*ѣп-* от **азьно* (см.).

***азьно**: серб.-цслав. *азно* ср. р. *βόρφα corium detractum*, *азьно* ср. р. *δέρμα corium* (Mikl. 3, 1145), русск.-цслав. *азьно* 'кожа' (Гр. Наз. XI в. и др., Срезневский III, 1650).

Субстантивированное прилаг., производное с суфф. -*ѣп-* от **азь* (см.) в древнем знач. 'коза, 'козел'. Точное соответствие находится в др.-инд. *ajīnat* ср. р. 'шкура', далее — лит. прилаг. *ožinis* 'козпий', ср. др.-инд. *ajā-* м. р. 'козел', лит. *ožys* м. р. то же. В семантическом отношении ср. праслав. **koža* 'кожа' — от **koza*

‘коза’. См. Berneker I, 35—36; A. Meillet MSL 12, 1902, 226 (где обращается внимание на отношение \bar{a} : \dot{a}); Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51 (говорит о продлении анлаута в отличие от др.-инд.); J. Loewenthal AfslPh XXXVII, 1920, 387; Trautmann BSW 22; Мейе. Общеслав. язык 396; Фасмер IV, 550; Mayrhofer I, 23; Fraenkel I, 519; Трубачев. Дом. жив. 84; O. Haas «Godišnjak» II, 1961, 95; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 42; A. Sabaliauskas. Baltų kalbų paminių gyvulių pavadinimai. «Lietuvių kalbotyros klausimai» X (Vilnius, 1968), 123.

***aževina?:** словен. *aževina* ж. р. ‘отходы при дублировании кож’, ‘сердцевина тыквы, густой мох на деревьях и сырых стенах’ (Plet. I, 7).

В литературе уже указывалось на возможность связи с *ažьno (см.), см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 42, Bezljaj. Etim. slovar., рукоп. Детали словообразования неясны. Можно объяснить из *az-jev-ina с той же основой, что и *ažь. Два последних знач. словен. слова представляются вторичными.

***ba**: болг. *ба*, междом. с противит. знач. (БТР), диал. *ба*, утвердит. част., 'да' (с. Добротино, Гоцделчевско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та, М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 207), макед. *ба!* междом., передающее удивление в связи с чем-либо неожиданным (Кон.), сербохорв. *bã*, междом., передающее удивление и утверждение (редк., с XVI в., RJA I, 128; Елез. I), чеш. *ba*, нареч. утвердит., усилит., слвц. *ba*, част. утвердит., усилит. (SSJ I, 60; Buffa. Dlhá Lúka 130), н.-луж. *ba*, междом. удивления (Muka Sł. I, 6), польск. *ba* 'поистине, ей-ей', 'даже, больше того', 'вот', 'ага', 'еще бы, конечно', 'ну' (Warsz. I, 77), русск. *ба*, междом., выражающее удивление, догадку, укр. *ба*, междом. 'вишь, видишь; вот, а вот; да, да нет; даже, да и' (Гринченко I, 12), ст.-укр. *ба* 'даже' (XVII в.), 'наоборот, как раз' (XVIII в.) (Тимченко I, 44).

Праслав. ***ba** — междом. весьма старого вида и происхождения, характеризовавшееся целым комплексом значений, начиная с сугубо экспрессивных междометных функций (сигнализация удивления, неожиданной ситуации, далее — сюда же обозначение чего-либо отвратительного, в обращении к детям, ср. русск. *бя* и др. опускаемые здесь слав. примеры), видимо, древнейших, и кончая функциями утвердит. частицы вроде 'да', 'конечно' и под. Трудно отделять одно от другого, как это делают разные авторы, см. Berneker I, 36; Фасмер I, 39; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 61. Ср. Георгиев БЕР I, 22, где указывается, что *ба* 'утвердит. част.' есть, по всей вероятности, семантическая разновидность междом. *ба*. Родственно авест. *bã*, утвердит. и усилит. частица, греч. *φῆ* 'словно', лит. *bã*, утвердит. част. См. Berneker, там же; Trautmann BSW 22—23; Sławski I, 24; Machek 20; Pokorny I, 113 (: *bhě*, *bhǝ*); Hofmann 396; Fraenkel I, 23; «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 4. Очевидную связь ***ba** и ***bo** (см.) нередко толкуют с помощью чередования гласных, однако справедливее считать, что праслав. ***bo** вторично не только семантически (см. Мейе. Общеслав. язык 388, о знач. 'потому что'), но и формально, по своему вокализму, а именно: **bã*, междом. > > **bã* > **bo*, с сокращением древней долготы в условиях энклитич. употребления (см. **i bo*, **li bo* и др.).

***babā**: ст.-слав. *баба* ж. р. *μᾶμη*, *avia* 'бабушка', *μαῖα*, *obstetrix* 'повивальная бабка', *nutrix* 'пестунья, воспитательница' (SJS, Sad.), болг. *баба* ж. р. 'бабушка; старуха; теща' (БТР), 'пленка, в кот. появляется на свет ребенок', 'колбаса из толстой свиной

кишки, начиненной мясом' (Младенов БТР, Геров), 'пеликан', 'хищная птица, нападающая на кур' (Младенов БТР, Геров — Панчев), 'повитуха, акушерка', 'крупная дикорастущая ягода', 'старое дерево', 'отверстие, в кот. ходит ось мельничного жернова', 'детская игра' (Геров. Страндж. БД I, 65; Попгеоргиев БД I, 207; Стойчев. Родоп. БД II, 125), макед. *баба* ж. р. 'бабушка; теща; старуха; повивальная бабка, акушерка' (И-С), диал. *баба* 'деревянная ступица оси мельничного жернова' (С. Поповски. Зборови од Мариово. — МЈ I, 1950, 162), сербохорв. *баба* ж. р. 'бабушка', 'старуха', 'кормилица', 'жена', 'теща', 'свекровь', 'тетка' (РСА I, 218—219; Миџ 172; LM 366; GP 79), 'повитуха, акушерка', 'пчелиная матка' (Vis 148, 198, 24, 195), *bábe* ж. р. 'божья коровка *Coccinella septempunctata*' (у Вука — *bábe*, собственно — зв. п. ед. ч., RJA I, 131; сюда же диал. *babaciĕnka* 'божья коровка', Sus 151), также в проч. значениях — 'самый крупный табачный лист', 'стропило, балка', 'опора моста', 'опора веретена верхнего мельничного жернова', 'рычаг, подъемная стрела', 'путевой, межевой знак', 'круглый камешек', вообще — термин ряда детских игр, название изделий из теста, название разных видов рыб и морских животных (РСА, там же), словен. *baba* ж. р. 'бабушка', 'повивальная бабка, акушерка', 'баба, взрослая женщина', также название ряда технических деталей, 'гайка' (Plet. I, 7—8), чеш. *bába* ж. р. 'бабушка', 'старуха', 'повивальная бабка', 'баба, замужняя женщина', также название ряда обычаев, игр, кушаний (см. еще Kott. Dod. k Bart. 1), *bábu*, *bábu* мн. 'разновидность облаков', слвц. *baba* ж. р. 'бабушка, старуха', 'баба', 'жена, замужняя женщина', 'повитуха', название изделий из теста, 'пугало' (SSJ I, 60), в.-луж. *baba* ж. р. 'старуха, бабушка', 'повитуха', 'изделие из теста', 'птица пеликан *Pelecanus onocrotalus*' (Pfuhl 3, 1054), н.-луж. *baba* 'старуха, (старая) баба', 'баба (пирожное или булка круглой формы)', диал. 'повивальная бабка' (Мука Sĭ. I, 6), полаб. *bobo* ж. р. 'старуха', *babă* ж. р. 'бабка с материнской стороны', *bobă* ж. р. 'повивальная бабка' (Polański—Sehnert 35, 39), польск. *baba* ж. р. 'баба, жена', 'старуха', 'замужняя женщина', 'бабушка, мать, тетка матери или отца', 'изделие, выпеченное из теста в особой форме', *baby* мн. 'старопольское название созвездия Плеяд' (Dorosz. I, 278—280), словин. *bābā* ж. р. 'старуха', 'баба', 'самка животного' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 10), др.-русск. *баба* 'женщина замужняя', 'мать отца или матери', 'повивальная бабка', 'ворожея' (Срезневский I, 36—37), русск. *баба* ж. р. 'замужняя женщина', 'жена', 'бабушка', 'тяжелый молот, болванка, гиля разного устройства', диал. *баба* 'треног с железным наверху шпилем, на кот. насаживают воробы' (Подвысоцкий 2), 'прибор для свивания ниток, состоящий из тренога и вращающегося на нем креста, со вставленными на его концах веретенами' (Куликовский 2), 'птица пеликан *Pelecanus onocrotalus*' (Даль ³ I, 83),

‘синяя или зеленая стрекоза’, ‘устарелая бесплодная пчелиная матка’, ‘моль, бабочка’ (Картотека Псковского областного словаря), ‘рыба *Cottus gobio* L., подкаменщик’ (Филин 2, 14), ‘род высокого кулича, из очень сдобного теста, выпекаемого в цилиндрических формах’, ‘булка из пшеничной муки, имеющая цилиндрическую форму’ (Добровольский 18), сюда же диал. *babáxa* ж. р. ‘оладья, лепешка’ (Псковский областной словарь 1, 80), ст.-укр. *баба* ж. р. ‘замужняя женщина’, ‘старуха’, ‘бабушка’, ‘знахарка, ворожея’, ‘повитуха’ (Тимченко I, 44), укр. *bába* ‘женщина, баба’, ‘старуха’, ‘бабка, бабушка’, ‘повивальная бабка’, ‘нищая’, ‘знахарка’, ‘рыба *Cottus*, бычек, головач’ (Гринченко I, 12—13), ‘колода, чурбан с рукоятями для вбивания свай или утрамбовки земли’ (там же), ‘деревянная колода с полукруглыми выемками для бревен или с ручками, которую ставят в сани при перевозке бревен’, ‘задняя часть саней’ (Л. И. Масленникова. Из полесской терминологии транспорта. «Лексика Полесья». М., 1968, 161), ‘большой шарообразный комок горшечной глины, образованный для перевозки глины с места добывания в мастерскую горшечника’ (Гринченко, там же), ‘трясина’ (А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 9), ‘птица пеликан *Pelecanus crispus*’, ‘сойка *Corvus glandarius*’ (Гринченко I, 13), ‘вид кушанья из теста’ (там же), блр. *баба* ‘баба’.

«У всех славян *baba* имеет одно и то же основное значение, а часто и одинаковые вторичные значения» (Machek 20). Это высказывание суммирует распространенную в науке точку зрения, согласно которой праслав. **baba* — слово детской речи (Lallwort) с главным знач. ‘старуха, бабка’, тогда как остальные значения — результат вторичного переноса, в основе которого лежит либо простая метафора (обозначение чего-либо по сходству со старой женщиной, бабой), либо языческое представление, напр. русск. *бабочка* ‘мотылек’ — это первоначально ‘душа бабки, предка женского пола’. См. А. А. Потебня РФВ VII, 1882, 69; Фасмер I, 100. Знач. ‘старуха, бабка’ — бесспорно древнее, ср. лит. *boba* ‘старуха, баба’, лтш. *bāba* то же; см. F. de Saussure MSL 8, 1894, 431; Berneker I, 36; Trautmann BSW 23; Фасмер, там же; Fraenkel I, 52; Трубачев. Слав. термин. родства 72; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 64; Георгиев БЕР I, 23. Однако едва ли необходимо считать, что именно это знач. легло в основу всех прочих перечисленных выше. Укр. диал. значение ‘трясина’ и некоторые другие трудно объяснить из ‘бабка, старуха’. Здесь могли отразиться древние значения ‘жидкая пища, каша’, ‘набухать’, свойственные еще для и.-е. звукокомплексов **bab-*, **rap-*. Примеры см. Rokorny I, 91, 789. Недалеко от истины было бы мнение, что в слав. **baba* сохраняется простейший древний звукокомплекс (редупликация) с чертами

древнего полисемантизма или даже пансемантизма, ввиду которого едва ли оправданы предположения об обязательной исторической иерархии всех известных значений.

О слав. **baba* как термине родства см. еще «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 4—6; А. А. Бурячок. Назви спорідненості і свояцтва в укр. мові (Київ, 1961) 50 и след.; Трубачев «Лексикогр. сб.» VI (1963), 6 и след.; М. Piškur. Pomenska analiza besede *baba*. — Jis X, 1965, 6—16.

**baba ɛga*: русск. *баба-яга* 'злая волшебница и людоедка'.

По-видимому, старое словосочетание **baba* (см.) и **ɛga* (см.), ср. также **ɛza* (см., где подробно говорится об этимологии этих последних слов). См. еще Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (М., 1965), 78, 179, где содержатся суждения относительно древнего функционирования этого термина и соответствующего образа в мифологической традиции (персонификация смерти, женщина-колдунья и т. д.).

**baba ɣga?*: сербохорв. диал. *баба руга* ж. р. 'мифическое существо, которым пугают детей'.

Словосочетание, состоящее из **baba* (см.) и отглагольного имени **ɣga* (см. **ɣgati*, где говорится об этимол. связях). Праслав. древность проблематична.

**babakъ*: болг. *бабяк* м. р. 'птица цапля *Ardea cinerea*', 'растение *Verbascum thapsus*, медвежье ухо' (Геров, Младенов — БТР), словен. *babjak* м. р. 'бабник', 'дикий шалфей *Salvia silvestris*' (Plet. I, 8), чеш. *babák* м. р. (вульг.) 'вошь', 'муж повитухи', 'странник, пожирающее детей' (Jungmann I, 195; в собств. именах с XIV в.; см. J. Soukup. Příspěvky a výklady ke slovníku českému. «Program rakovnické realky» 1914, 16. Ст.-чеш. Прага), словц. *babiuk* то же (Kálal 10), русск. диал. *бабьяк* м. р. 'женатый раздевуля' (арх., Даль³ I, 86), *бабьяк* м. р. 'застенчивый женатый человек', 'любитель ухаживать за женщинами' (Филли 2, 31).

Допустимость реконструкции праслав. формы **babakъ* (в том числе для случаев со смягчением *b'* или *bj*, которое снимается при этом как вторичное) еще не дает полной уверенности в древности данного производного с суфф. *-akъ* от **baba* (см.). Для характеристики значений этого производного в общем подходит то, что сказано относительно **baba*.

**baběti*: чеш. *baběti* 'бабиться, становиться старой бабой' (Kott I, 40), укр. *бабітти* 'делаться женоподобным, бабиться, изнеживаться', 'набрякать, отекает', 'сморщиваться от долгого пребывания в воде (о человец. теле)' (Гринченко I, 14).

Гл. состояния, производное регулярного вида с суфф. *-ěti* от **baba* (см.).

**babica*: болг. *бабица* ж. р. 'куделя, горсть дурного льна', 'блона' (Геров), 'железа' (Стойчев БД II, 125), 'свиной пузырь, начиненный мясом', 'пучок мелкого недоброкачественного волокна'

(М. Младенов БД III, 37), 'свиной желудок', 'неразвившаяся, большая слива' (Гълъбов БД II, 69), *бабици* мн. 'острицы *Oxurugus vermicularis* у детей' (Горов. Страндж. — БД I, 65), сюда же *бабичка* ж. р. 'старуха, старушка, бабушка' (БТР), макед. *бабица* ж. р. 'акушерка, повивальная бабка' (И-С), сербохорв. *bābica* ж. р. — ум. от *bāba*, а также в различных специальных знач-ях, напр. 'насекомое *Millipeda*', 'вид морского рака', 'название ряда растений — *Plantago* и др.', 'стебель', 'наковаленка для отбивки кос', 'столб в постройке' (RJA I, 131; PCA I, 223), *бабице* мн. 'злые духи, преследующие маленьких детей', 'родильная лихорадка', 'обряд поминовения' (PCA, там же), словен. *bābica* ж. р. 'бабушка', 'повивальная бабка', 'старушка', 'самка мелких животных', 'рыба *Cobitis barbatula*', 'белый гриб *Boletus edulis*', 'вид груши', 'шелуха, кочерыжка (кукурузы)', ряд технических терминов — 'гайка', 'брусочек для отбивки косы', 'крышка', 'копна' (Plet. I, 8), *bābička* ж. р. 'старушка-мать' (там же), чеш. *babice* ж. р. 'баба', *babička* 'бабушка', словц. диал. *babica* ж. р. 'повитуха' (SSJ I, 61), русск. диал. *бабица* ж. р. собир. 'бабы, бабье' (Даль³ I, 83), ум. 'бабенка' (там же, 85), *бабица* ж. р. 'женщина средних лет' (олон., перм.), 'молодая женщина, недавно вышедшая замуж' (волог.), *бабица* 'распутная женщина' (перм., свердл., Филин 2, 20), укр. *бабиця* ж. р. 'баба, старуха', 'растение *Alyssum campestre*', *бабици* мн. 'боль, колики в животе' (Гринченко I, 14).

Праслав. **babica* — производное с суфф. *-ica* от **baba* (см.). Сравнение с праслав. **baba* показывает преобладание у производной формы производных (—переносных) значений. Впрочем, вопрос об иерархии значений и их связи со знач. 'старуха, бабка' сложен и недостаточно выяснен в деталях также и здесь. Ср. в связи с этим о сербохорв. *бабица* и словен. *babica* И. Поповић ЈФ XIX, 1951—1952, 167—168; Bezlaј. Etim. slovar (рукоп.: «*babica* ж. р. '*Cobitis barbatula*'. Неясно; вероятно, только вторично сближено с *baba*»).

***babинъ**: болг. *бабин* прилаг. 'принадлежащий бабе, бабушке' (БТР), макед. *бабин* прилаг. то же (Кон.), сербск.-цслав. *бабинъ* бѣднѣжъ, aviae (Mikl.), сербохорв. *бабин* то же (RJA I, 132), сюда же *бабине*, *бабиниѣ* мн. 'первые дни после родов и связанные с этим обычаи' (PCA I, 222; Vis 148; Mić 172), чеш. *бабин* прилаг. 'старушечий, повитухин, бабкин' (Jungmann I, 57), н.-луж. *babiny* прилаг. 'принадлежащий старухе или повивальной бабке' (Muka Sl. I, 7), словин. *bābjin* 'старухин, бабкин' (Lorentz Slovins. Vb. I, 10), др.-русск. *бабинъ* 'бабин, aviae' (Срезневский I, 37), русск. *бабин* 'принадлежащий бабе', ст.-укр. *бабинъ* 'бабий, бабкин' (XVII в., Тимченко I, 45), укр. *бабин* то же (Гринченко I, 13—14), блр. *бабин* 'бабушкин' (Блр.-русск.).

Притяж. прилаг., производное с суфф. *-инъ* от **baba* (см.) в знач. 'старуха, бабка'.

***babiti**: цслав. бабити *ματῆρην*, *obstetricem esse* (Exod. 1, 16, Mikl.), болг. *бабя* 'помогать при родах' (Младенов БТР, Геров—Панчев), макед. *баби* то же (Кон.), серб.-цслав. *бабити са* 'рожать: жена бабить се' (Mikl.), сербохорв. *бабити* то же, словен. *babiti* то же (Plet. I, 8), чеш. *babiti* то же, словц. *babit'* 'помогать при родах, быть повитухой' (SSJ I, 61), в.-луж. *babici* 'быть акушеркой', др.-русск. *бабити* 'бабить, быть повивальной бабкой' (Срезневский I, 37), русск. *бабить* 'повивать, принимать; лекарить, знахарить' (Даль³ I, 87), ст.-укр. *бабити* 'принимать детей, быть повитухой' (XVIII в., Тимченко I, 45), укр. *бабити* то же (Гринченко I, 14). блр. *бабіць* то же.

Глагольное производное регулярного вида с суфф. *-iti* от **baba* (см.) почти исключительно в знач. 'повитуха, знахарка'.

***babitъjъ**: сербохорв. *бабић* м. р. 'виноградная лоза, плодоносящая разновидностью черного винограда' (РСА I, 223), также в кач-ве фам. *Бабић* (там же), др.-русск. *Бабичь*, прозвище довольно многих князей удельных (XIV—XV вв., Срезневский I, 37), русск. диал. *бабич* 'бабий угодник, прихвостень' (Даль³ I, 86), 'птица *Pelecanus crispus*, пеликан' (нижнедонск., Филин 2, 20), укр. *бабич* м. р. 'бабник', 'неженка', 'самец стрекозы' (Гринченко, I, 14).

Спорадически распространенное и неясное в отношении древности своего образования производное сущ. с суфф. *-itъjъ* от **baba* (см.). В отдельных примерах видна патронимич. функция этого суффиксального производного, ср. прозвища и фамилии вроде *Бабичь*, *Бабић*, в других примерах можно говорить об иных, более новых функциях суфф. *-itъjъ*.

***bablati sę**: чеш. диал. *bablat se* 'пачкаться, копаться в чем-либо' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 16; Korečnú. Urč. 135), сюда же чеш. диал. *bachtat* 'перемешивать, путать' (Bartoš. Slov. 10), польск. *bablać* 'возиться', диал. *bablać* 'полоскать, мочить в воде' (Warsz. I, 79), укр. *баблятися* 'копаться руками в чем-либо жидком, мягком, напр. в тесте; пачкаться' (Гринченко I, 15; Укр.-рос. словн. I, 22; А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської обл. Одеса, 1958, 14).

Гл. **bablati sę* бесспорно звукоподражательного, экспрессивного происхождения (неполная редупликация **ba-bl-*), соотносим с близким во всех отношениях и более широко распространенным гл. **babrati sę*, см. (мена *l : r*). Что касается чеш. диал. *bachtat* (см. выше перечень), кот. Махек связывал прямо с *babrati* (см. Machek 282), для нас очевидна его более непосредственная связь с прочими нашими продолжениями исходного **bablati sę*.

***baboniti** / ***babuniti**: болг. диал. *бобнитим* 'говорить густым, гортанным голосом' (Брезнищко, см. Георгиев), сербохорв. *бобньити* 'бубнить, греметь, гудеть' (РСА I, 670), чеш. диал. *babónit* 'бесцельно ходить туда—сюда, особ. в потемках' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 16), ср. еще с основой на *a* чеш. диал. *babónat* 'бестол-

ково искать что-либо', 'мотаться' (Кореѣнѹ. Угѣ. 136), далее — слвц. диал. *babuic* 'колдовать' (Buffa. Dlhá Lúka 130), русск. диал. *бабуить* 'говорить громко, но невнятно; бубнить' (Филиш 2, 26), сюда же *бадуиить* 'гадать, предсказывать что-нибудь' (Псковский областной словарь 1, 91—92), укр. диал. *бабонити* 'ворожить' (Гринченко 1, 15).

Гл., производный от след. имени. На первый взгляд как будто разнородные, значения приведенных выше слов ('ходить туда—сюда', 'громко, невнятно говорить', 'гадать') вполне могут быть объединены емким значением гл. **baboniti*, который, видимо, обозначал совокупность действий колдуна, прорицателя. Этот гл., представленный в народной лексике лишь части слав. языков, является, вероятно, праслав. образованием. Отнесение к праслав. **baboniti* малоизвестного русск. диал. *бадуиить* (см. выше) является одновременно этимологией для этого слова, испытавшего экспрессивную диссимилиацию. Примерно то же можно сказать и о чеш. диал. *babňit*, которое Махек едва ли удачно выводил из приставочного *pa-búcat* (см. Machek 24).

babonъ*/babunъ*/**babona*: макед. *бабун* м. р. 'тот, у кого морщинистое лицо', 'богумил, член еретической секты в древней Болгарии' (Кон.), ср. еще Геров—Панчев: *бабун* м. р. 'человек с морщинистым лицом', сербохорв. *бабуна* ж. р. 'женщина со злыми глазами' (РСА I, 225), *бабоња* м. р. 'мужчина, похожий на бабу', 'старик' (там же, 224), сербск.-цслав. *бабоуни* мн. 'superstitio, суеверие' (Mikl.; ср. еще RJA I, 136), чеш. *baboněk*, род. п. *-ňku* м. р. 'наваждение' (Kott I, 41), слвц. народн. *babona*, *bobona* ж. р. 'суеверие' (SSJ I, 61), др.-русск. *бабѣны* мн. 'чары, колдовство, ворожба' (Срезневский I, 37; III, Доп., 7), укр. диал. *бабѣны* 'суеверие' (І. Верхратський. Знадоби 201); сюда же слвц. диал. *babuňstvo* ср. р. 'болтовня о чудесах и вера в них' (Buffa. Dlhá Lúka 130).

Сюда примыкают укр. *забобѣни* мн., блр. *забабѣны* мн. 'суеверие' (откуда позже русск. *забобѣны*, см. Фасмер II, 70; есть мнение, что вост.-слав. слова — из польск. *zabobon* м. р. то же, см. Brückner 643). Эти приставочные формы как бы подтверждают мысль об отглагольности всех вообще соответствующих имен, высказанную еще Бернекером, который ссылался на сербохорв. стар. *boboniti* 'strepere, шуметь', сербохорв. *bobdnjati* 'болтать' (см. Berneker I, 36—37, где, кроме укр. диал. *бабонити*, не назван ни один глагол из перечисленных у нас выше под **baboniti*/**babuniti* с их специфическими значениями). Но польск., укр. и блр. образования с приставкой *za-* стоят вообще особняком и явно уступают в древности ю.-слав., чеш., слвц., др.-русск. и укр. именным формам, приведенным выше, которые, в свою очередь, обладают более обширным ареалом, чем соответствующий глагол, видимо, произведенный от именной основы **babon-* / **babun-*. Такая фонетическая черта как наличие *-a-* практически во всех сравни-

ваемых здесь формах позволяет взвесить возможность происхождения из частичной редупликации и.-е. *bhā(n)- 'звук голоса, речь, слово; заповедь, молитва'. Связь с *baba старуха могла наметиться по народн. этимологии вторично у макед. *бабун* (см. выше). Оценку прочих объяснений и звукоподражательную этимологию см. Verneker, там же.

**babotati*: болг. *ба́ботя* 'издавать гул' (Геров: *ба́ботяж*), сербохорв. *ба́ботати* 'стучать зубами от холода, страха или лихорадки' (РСА I, 221), в.-луж. *babotać* 'болтать', н.-луж. *babotaś* 'болтать' (Muka Sł. I, 7).

Звукоподражательный глагол. Праслав. древность образования предполагается здесь достаточно условно.

**babrati* (se): сербохорв. *ба́брати* 'возиться, рыться', 'канителиться' (РСА I, 224), чеш. *babrati se* 'копаться (руками) в чем-либо', словц. *babrat'* 'пачкать; делать плохо, неумело; трогать', *babrat' sa* 'пачкаться'; возиться, медленно и долго делать' (SSJ I, 62), польск. *babrać* 'пачкать, загрязнять; плохо делать' (Dorosz. I, 284), русск. диал. *барáбать* 'рыть, разрывать; брать, захватывать' (Опыт 6), 'перебирать, приводить в беспорядок', 'говорить о чем-либо без толку, без смысла' (Васнецов 12), *барáбаться* 'плескаться в воде, пачкаться, перебирать грязь, песок', 'лезть вверх' (там же), *барáбать* 'беспорядочно двигать ногами (о ребенке)', 'хватать, схватывать', 'говорить невнятно или невразумительно' (Сл. Среднего Урала I, 34), укр. *ба́брати* 'пачкать, марать' (Гринченко I, 15), *бе́брати* 'перебирать, выискивать что получше (о еде)' (Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки Вчорайшенського р-ну Житомирської обл. — Лекс. бюл. VI. Київ, 1958, 23), *ба́братися* 'копаться в нечистоте, заниматься грязной работой' (Гринченко I, 15). — Возм., сюда же сербохорв. диал. *babdrati* 'болтать о чем угодно' (Маš 124). Неясно отношение болг. диал. *ба́брѐм са* 'морщиться' (Стойчев БД II, 125).

Этот своеобразный гл. давно охарактеризован как звукоподражательный, см. Verneker I, 37 (где неточно сюда же отнесено укр. *бабрѹн* 'божья коровка', о кот. см. подробно ниже, под **bed-run* (ѣk)a). В качестве близкой формы может быть указано **raprati* (см.; ср. Brückner 9; Sławski I, 24), экспрессивный вариант, далее — **bablati se* (см.) с аналогичным парным **raplati* (см.). Наконец, сюда же примыкает близкое в специфическом для ономастопей смысле **bъrbati* (см.), ср. словен. *bъrbati* 'рыть, поднимать пыль, ударять', сербохорв. *бръбљати* 'болтать', словен. *brbljati* 'болтать'. Между прочим, непосредственно к этим последним относил русск. диал. *барáбать* Шахматов (см. ИОРЯС VII, 1902, 353). В этой общей форме сближение Шахматова может быть сохранено, с тем отличием, что мы не видим необходимости реконструировать вслед за этим ученым сочетания с долгим плавным *ar, al* на базе современных *-ara-* в русск. формах, что

можно объяснить проще и непосредственнее в условиях повышенной экспрессивности: из *барб- < *бабр- или из *бъrb-. Основа представляет собой классическую оноματοпею с повтором губного согласного и подвижностью плавного. Махек считает родственным хетт. *paprāhh-* 'загрязнять, осквернять' (см. Machek 24), что сомнительно, если учесть описанный характер слав. слова и характер хетт. слова, которое выступает как культовый термин.

*babriti (se): словц. *babrit'* 'пачкать', ~ *sa* 'пачкаться, мараться' (SSJ I 62).

Гл. на *-iti* от той же основы, что и *babrati (см.).

*babrotati: словц. *babrotai'* *sa* 'пачкаться; возиться' (SSJ I, 62), словин. *babrùgtác* 'шлепать, плескаться(ся)' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 25).

Гл., производный от той же основы, что и *babrati se (см.). Суффиксация (*-otati*) имеет интенсивный характер. Возможно позднее, параллельное новообразование. Впрочем, ср. след. имя.

*babrotъ: словин. *bābrot* м. р. 'плеск' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 25).

Именное образование недостаточно ясного возраста, стоящее в связи с группой экспрессивных, преимущественно глагольных образований, см. выше *babrati и близкие.

*babrovъjъ?: ст. чеш. *babrový* прилаг.: *babrový stroj* (Lekařství ženské, XV в. Ст.-чеш., Прага).

Словари, в том числе этимологические, обычно не отмечают этой редкой формы с ее необычным корневым вокализмом. Так, напр., этой формы не знает Махек, кот. приводит другие варианты названия бобровой струи, лекарственного выделения желез бобра — ст.-чеш. *bobrový stroj*, *bobrostroj* (см. Machek 36). Ст.-чеш. *babrový* не находит подтверждения ни в других слав. формах названия бобра (считается, что сербохорв. *dābar* 'бобр' отражает *bъbrъ см.), ни в других и.-е. соответствиях, вокализм которых не обнаруживает здесь долготы, которая позволяла бы обосновать древность слав. *-a-*. Все это делает сомнительной древность реконструированного праслав. *babrovъjъ.

*babuxa: словц. диал. *babuxa* 'закутанная женщина' (Kálal 11), русск. диал. *babúxa* ж. р. 'бабка, старуха', 'прабабка', 'пови-вальная бабка', 'женщина, баба' (Филин 2, 29).

Производное с суфф. *-uxa* от сущ. *baba (см.) в знач. 'старуха, бабка'. Достаточно древнее образование, лежащее в основе *babuša (см.) и *babuška (см.), весьма распространенных по слав. языкам. Можно обратить внимание на сходство суффиксального производного *babuxa (< *bab-ous-) с лит. *bobaišis* 'сморчок' от *boba* 'баба'. Указанное сходство, впрочем, может остаться чисто внешним, если прав Френкель, кот. толкует лит. слово как сложение с сущ. *ausis* 'ухо' (см. Fraenkel I, 52, с опечаткой *Altweiberrohr*, нужно: *Altweiberohr*).

*babuga: макед. *babura* ж. р. 'зеленый сладкий перец (круглой формы)' (И-С), 'крупная игла', 'овца с плохими зубами', 'вид маленькой рыбки в р. Брегалнице' (Кон.), сербохорв. *babura* ж. р.

‘червяк, насекомое’, ‘насекомое *Millipeda*’, ‘какой-то рак’, ‘нарост, шишка’, ‘часть дверного запора’ (RJA I, 136; PCA I, 226), сюда же *babûрача* ж. р. ‘вид жабы *Bufo cinereus* L.’, *babûrica* ж. р. ‘божья коровка *Coccinella septempunctata*’, ‘шишка, нарост’ (RJA, там же), *babûrina* ж. р., увеличит. от *bâba*, также ‘жаба’, ‘растение *Salvia verticillata* L.’ (RJA, там же), словен. *babûra* ж. р. ‘коробка’, ‘червь *Oniscus*’ (Plet. I, 8), словц. диал. *baburky* мн. ‘сережки вербы’ (SSJ I, 62), русск. диал. *babûра* ‘рыба’ (Мельниченко 27), *babûрка* ‘бабочка’, ‘особый род мелкой рыбы’, ‘чашка’, ‘поднятая со стлица и поставленная в виде конуса треста’ (Мельниченко 27), *babурки* ‘свинячьи лодыжки, маленькие игорные бабки’ (Д. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятск. губ. — ЖСт. XI, 1901, 84), укр. диал. *babûра* ж. р. ‘старуха, старая баба (презр.)’ (I. Верхратский. Знадоби 49), сюда же, возм., укр. *babêра* ‘бабища’ (презр., Укр.-рос. словн. I, 21).

Производное с суфф. *-ura* от основы **baba* (см.) с целым комплексом значений ‘баба, старуха’, ‘плод округлой формы’, ‘нарост’, ‘живые существа разного вида’. Имеются основания говорить также о связи с другими древними разновидностями полисемантической звукоподражательной основы **rар-*, **bob-*, **bob-*, **ppp-*. См. И. Поповић ЖФ XIX, 1951—1952, 167—168; J. Leder. Russische Fischnamen (Wiesbaden, 1968) 150. В последней работе говорится, например, о связи русск. *babура* ‘рыба бычок, подкаменщик’ с русск. *бобырь*, *бубырь*. Далее, там же приводятся другие любопытные в указанной выше связи названия рыбы *Cottus gobio* L. — русск. диал. *поп*, *попок*, которое автор связывает с польск. *perówka* ‘рыба *Gobius*’ и далее — с праслав. **ppръ* ‘пуп’.

**baburъ*: болг. *bâbur* м. р. ‘улитка *Helix*’ (Геров), русск. диал. *babûр* м. р. ‘гриб *Helvella esculenta*, строчок’ (Филин 2, 28), укр. диал. *babур*, *бобыр* м. р. ‘обыкновенный ерш’ (Кривицкий. Из словаря полесских рыбаков. «Полесье» 166).

Производное м. р. с суфф. *-urъ* от основы **bab-*, см. подробнее **baba* и **babura*, где дается семасиологическая и этимологическая характеристика близких образований.

**babuša*: сербохорв. *babuša* ж. р. ‘баба, старуха (грубо)’ (RJA I, 136; PCA I, 225), словен. *babûša* ж. р. = *babura*, т. е. ‘коробка’, ‘червь *Oniscus*’ (Plet. I, 8), чеш. *babuše* ж. р. ‘бабушка’ (Kott I, 41), диал. *babuša* ‘глупая баба’ (Kott. Dod. k. Bart. 2), ‘закутанная баба’ (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 17), словц. *babuša* ж. р. ‘старушка, бабушка’, ‘гусь, гусыня’, ‘название растения’ (SSJ I, 62), н.-луж. *babûša* ‘бабушка’ (Muka Sł. I, 8), русск. диал. *babûша* ж. р. ‘бабка, старуха’ (орл., Филин 2, 29).

Расширение с помощью *-j-* формы **babuxa* (см.; там же о словообразовании исходной формы).

***babuška**: болг. *бабушка* 'бабушка, старуха' (Дошлè девòк'е ис цвèк'е, И млáди момчетиè. По н'и йду стàре *бабушке* Да ви́йу вèнци на рèку. Чупрèня, Белоградчишко, СБНУ ХLI, 419. Архив Болг. диал. словаря, София), *бабушка* ж. р. 'больная овца с большим животом', 'кокон', 'рыба Gobio', 'какое-то растение' (Младенков БТР), *бабушка* ж. р. 'рыба Gobio' (Геров—Панчев), диал. *бабушка* ж. р. 'вид лесной травы с широкими мшистыми листьями, которую очень любят свиньи' (Горов. Страндж. БД I, 65), 'вид бурьяна с округлыми мшистыми листьями', 'ослабевшее животное', 'выродившиеся плоды сливы' (Стойчев БД II, 125), макед. *бабушка* ж. р. 'сладкий перец', 'крупная игла', 'больная овца', 'вид небольшой пузатой рыбки в р. Брегалнице' (Кон.), сербохорв. *babuška* ж. р. 'насекомое Millipeda', 'шишка, орешек' (RJA I, 137), 'дубовый орешек' (Maš 425), *babuška* = *žohar* (M. Tentor «Razprave» I, 1950, 571), словен. *babuška* ж. р. 'старуха', 'червь определенного вида' (Plet. I, 8), чеш. *babuška* ж. р. (книжн.) 'бабушка', словц. *babuška* ж. р. 'старушка, бабушка', 'гусыня', 'мать-и-мачеха' (SSJ I, 62), *babušky* мн. 'зубчатые кружева' (Kálal 12), в.-луж. *babuška* ж. р. 'бабушка' (Pfuhl 4), н.-луж. *babuška* 'бабушка', *babuški* мн. 'скабиоза Scabiosa succisa L., Succisa praealta A.' (Muka Sl. I, 8), русск. ба́бушка ж. р. 'мать отца или матери', 'пожилая женщина, старуха', 'повитуха', диал. *бабушка* ж. р. 'оспина', 'всякая болячка у детей', 'пятна в натуральной оспе' (Доп. к Опыту 3), *бабушки* 'игрушки' (Г. Потанин. Этнографич. заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — ЖСт. IX, 1899, 227).

Производное с суфф. *-(b)ka* от **babuša* (см.). Обращает на себя внимание чрезвычайная множественность значений производного, в известном смысле продолжающая множественность значений исходного имени **baba* (см.).

***babъka**: болг. *бабка* ж. р., ум. от *баба*, а также в знач. 'старая мелкая монета' (БТР), диал. *бапка* ж. р. 'раковина, которая идет на ожерелья', 'пуговица (из морской раковины)', 'золотая монета' (Стойчев БД II, 126), 'самка дикой свиньи' (там же), 'глиняный свисток' (Сакъов БД III, 318), макед. *банка* ж. р. 'зоб' (И-С), 'зоб', 'глотка; гортань; горло', 'свинка (болезнь)', 'шишка', 'опухоль', 'ком' (Кон.), сербохорв. *бапка* ж. р. 'старинная монета', 'подпорка', 'наковаленка для отбивки косы', 'перекладина', 'седельная лука', 'груда битого камня для поддержания дороги в исправном состоянии', 'вид морской рыбы *Lepadogaster Gouani*, название различных мелких животных и паразитов', 'растение *Galanthus nivalis*', 'пучок шерсти', 'яма' (РСА I, 296; JŠ 28; Ku 16), диал. *баъке* мн. 'в селах вокруг Месковаца так называют злых духов, которые мучат роженницу, принося ей разные болезни, а нередко и смерть' (РСА, там же), словен. *babka* ж. р. 'старушка, бабка', 'кукла', *babke* мн. 'кости ног у телят и овец' (Plet. I, 8), чеш. *babka* ж. р. 'баба, бабка;

повитуха, знахарка', 'изделие из теста', 'жук', 'стебель', 'пенек или корень', 'наковаленка, брусок для отбивки косы', диал. *babka* ж. р. 'железная петля для крючка, напр. на двери', 'брусок для косы и серпа' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 16), 'бабка, старушка', 'брусок для косы', 'жук', 'небольшое темное облачко', 'старое дерево', 'бесценнок' (Hruška. Slov. chod. 11—12), 'мелкая (венг.) монета' (Brandl 3), словц. *babka* ж. р. 'бабка, старушка', 'старушка-мать', 'повитуха', 'петля на одежде', 'железная пекколда', 'брусок для отбивки косы', 'пучок чесаного льна' (SSJ I, 61), сюда же *babečka* 'старушка' (SSJ I, 60), диал. *barka* ж. р. 'наковаленка, брусок', также ум. к *baba* (Buffa. Dlhá Lúka 134), в.-луж. *babka* ж. р., ум. к *baba*, также 'углубление в конце или на боку вареного яйца', фигурально — 'пчела' (Pfuhl 4), н.-луж. *babka* ж. р. 'старушка, бабушка; повивальная бабка' (Мука Sł. I, 7), полаб. *borká* ж. р. 'повитуха' (Polański—Sehnert 39), польск. *babka* ж. р. 'баба; бабушка' (Dorosz. I, 282—283), словин. *báupka* ж. р. 'старушка, бабушка' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 24), русск. *бáбка* ж. р. 'бабушка, старуха', 'повитуха', 'надкоштытный сустав ноги у животных, кость этого сустава', 'ящерица' (Псковский областной словарь 1, 83), 'белый гриб', 'растение попутник *Plantago arenaria*, подорожник' (Даль³ I, 85). сюда же *бáбочка* ж. р. 'насекомое из отряда полевых', ст.-укр. *бабка* ж. р., ум. от *баба*, 'бабушка' (1577 г.), 'повитуха', 'гриб *Boletus scaber*' (1604 г.), 'насекомое *Coccinella*', 'растение *Plantago*', 'наковаленка', 'опора, столбик' (Тимченко I, 45), укр. *бáбка* ж. р., ум. от *баба*, 'вид гриба *Boletus scaber*, *Agaricus procerus*', 'растение подорожник *Plantago major*', '*Salvia dumetorum*', '*Salvia pratensis*', '*Centaurea mollis*', 'маленькая наковальня, на кот. отбивают косу', 'стрекоза', 'игральная кость из ступни животного' (Гринченко I, 14; Укр.-рос. словн. I, 21), 'узенький круглый ремешок, связывающий две основные части цепа' (Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, 93), 'кушанье из запеченного в высокой посуде тертого картофеля', 'сдобная булка', 'хлеб из гречневой муки', 'кушанье из вареного мягкого картофеля', 'запеканка из рисовой или другой каши', 'пенка на кипяченом молоке' (Г. Ф. Вешторт. Названия пищи в говорах Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, 369; Dejna. Tarnopolszczyzna 123), 'петля к крючку, которым застегивают одежду', 'петля на пуговицу' (А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. «Лексика Полесья», 281), сюда же *бáбки* мн. 'восковая моль' (В. В. Апохина, Н. В. Никончук. Полесская терминология пчеловодства. — Там же, 324), блр. *бáбка* 'бабушка'.

Старое лексикализованное производное с суфф. *-ька* от **baba* (см.). Среди значений немало продолжений древней семантики исходной основы, есть также новые местные значения — название мелкой монеты и т. п. См. специально F. Sławski RS XXIII, 1964,

154; Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 2, 64—65. Впрочем, существует мнение, что знач. 'монета' (болг. и др.) развилось особо на чеш. почве, откуда через венг. распространилось среди южных славян, см. (вслед за Шуланом) L. Kiss «Studia Slavica» X, 1964, 465.

***babьkъ**: сербохорв. *bábak*, род. п. *báпка* м. р. 'рукоятка косы', 'насекомое *Cantharis*' (с XVII в.), 'Millipeda' (RJA I, 130), 'Blennius gattorugine', 'божья коровка *Coccinella*', 'перекладина' (РСА I, 220), диал. *babak* 'мелкие стеклянные монеты' (Черног., Ровинский 641).

Производное м. р. с суфф. *-ъkъ* от **baba* (см.), близко примыкающее к предыдущему **babьka* (см.).

***babьka**: сербохорв. *babika* ж. р. 'растение *Plantago*' (редк., RJA, I, 132), чеш. *babuka* ж. р. 'вид явора *Acer campestre*', русск. диал. *babьka* м. р. 'запка' (арх., Филин 2, 31).

Наблюдается определенная связь с продолжениями **babьka* (см.), обозначающими в некоторых слав. языках растения, в частности — *Plantago* (русск., укр.). Сравнение говорит о том, что **babyka* — производное от **baba* (см.) с суфф. *-yka*. Соотнесение **babьka* и **babyka* (*-*ǫkǫ*: *-*ǫkǫ*) весьма любопытно и может быть использовано для суждений о генезисе этого крайне редкого слав. суффикса, ср. еще праслав. **voldyka* (см.).

Несколько особняком — семантически и, видимо, по своему происхождению — стоит в ряду наших сопоставлений русск. диал. *babьka* (местное звукоподражание?).

***babьsь**: сербохорв. *bábaц*, род. п. *báпца* м. р. 'старуха, старая баба', 'крупный орех' (РСА I, 224), словен. *bábec*, род. п. *-bca* м. р. 'бабник', 'трус', 'кукла', 'раст. *Verbascum nigrum*' (Plet. I, 8), чеш. *babec*, род. п. *-bce*, уничиж. 'баба', диал. *babec*, род. п. *-bca* м. р. (шутл.) 'дед, старик' (Bartoš. Slov. 8), 'баба, старуха' (уничиж., Gregor. Slov. slavk. bučov. 16), укр. диал. *baběц* 'головастик, *Cottus*' (I. Верхратский. Знадоби 201), укр. *baběц-головач* 'подкаменщик *Cottus gobio* L.' (Укр.-рос. словн. I, 24).

Производное с суфф. *-сь* от **baba* (см.).

***babьjsь**: ислав. *babij* прилаг. *γαβδης*, 'anilis' (Mikl.), сербохорв. *báb(и)jū* прилаг. (РСА I, 224), *bábji* 'принадлежащий бабке, старухе' (с XVII в., RJA I, 134), словен. *bábji* 'старушечий, бабий' (Plet. I, 8), чеш. *babi* 'женский, бабий', слов. *babi*, обычно только в сочетании *babie leto* 'бабье лето' (SSJ I, 61), н.-луж. *babi* 'старушечий, бабушкин' (Muka Sł. I, 6—7), польск. *babi* 'старушечий, бабушкин' (Dorosz. I, 280—281), словин. *bábji* 'бабий' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 10), др.-русск. *babьш* < бабий, anilis' (Срезневский I, 37), русск. *bábьш*, ст.-укр. *bábьш* (XVII в., Тимченко I, 45).

Прилаг. притяжат. регулярного вида, производное с суфф. *-ьjь* от **baba* (см.) исключительно в знач. 'женщина, баба, старуха'.

***babьnikъ**: болг. *bábник* 'род свиной колбасы' (Геров), словен. *báb*

nik м. р. 'бабник', 'вид шалфея *Salvia verticillata*' (Plet. I, 8), чеш. редк. *babník* м. р. 'форма для выпечки теста', русск. диал. *бабник* м. р. 'бабий угодник, прихвостень, волокита' (псковск., Даль ³ I, 86), укр. бабнік м. р. 'форма для выпечки теста' (Гринченко I, 15), блр. *бабнік* 'бабник' (Блр.-русск.).

Производное с суфф. *-ьnikъ* от **baba* (см.), охватывающее весьма разнородные по значению и, видимо, по образованию случаи. Праслав. древность вызывает сомнения.

***bavьskъjъ**: сербохорв. *bānski* 'бабий; старушечий' (РСА I, 296), словен. *bābski* прилаг. то же (Plet. I, 8), чеш. *babský* прилаг. 'бабий; знахарский', словц. *babský* 'бабий' (SSJ I, 62), н.-луж. (стар.) *babski* 'женский' (Muka Sł. I, 8), польск. *babski* 'бабий' (Dorosz. I, 284), словин. *bapski* прилаг. 'бабий' (Lorentz Slovins. Wb. I, 15), укр. *бабський* 'бабий, бабский' (Гринченко I, 15). — Возможно, сюда же в конечном счете и болг. *бабешки* прилаг. 'старушечий, бабушкин' (БТР), макед. *бабешки* 'бабий, старушечий' (И-С), кот., строго говоря, продолжают некую праформу **bavьčьskъjъ*.

Производное с суфф. *-ьskъjъ* от **baba* (см.).

bacati** (se)/bocati** (se): болг. *бацам* 'целовать', 'целкать пальцем по голове' (Георгиев), 'колоть' (Шапкарев—Близнев БД II, 202), *ббцам* 'покалывать', диал. *бўцам* 'толкать, бить' (Георгиев), сюда же *бакам* 'целовать' (Младенов БТР), макед. *баца се* 'пачкаться, грязниться', *буца* 'бодать' (И-С), сюда же *боцка* 'покалывать' (там же), сербохорв. *бацати* 'бросать, метать, стрелять' (РЈА I, 137), *ббцати* 'колоть', *bécати* 'trudere, ringi', 'pungere', ~ *se* 'ringi, torvo oculo aliquem intueri' (РЈА I, 218), 'злиться', диал. *буц̃ат* (Елез. I), словен. *bacāti* 'ползти на четвереньках', 'медленно идти' (Plet. I, 9), *bōdcati* 'прорастать' (Plet. I, 38), *becāti* 'толкать, пинать' (Plet. I, 15), чеш. *bacati* 'бить', диал. *bacat* то же (Hruška. Slov. chod. 12; Malina. Mistř. 8), словц. *bácat* экспр. 'бить, ударять; бухать' (SSJ I, 63), сюда же *bicat* то же (Kálal 24), русск. *бацать* 'хлопать, бить со стуком' (Даль ³ I, 141), 'ударяя, производить сильный, резкий, отрывистый звук', 'стрелять' (Филин 2, 159), *ббцать* 'бить, колотить', 'стучать по полу при ходьбе' (Филин 3, 139—140), *бўцать* 'ударять, громко стучать' (Филин 3, 327), далее — сюда же *бўцать* 'сбивать, бить в чем-либо' (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1, 56), укр. *бацати* 'бацать' (Rudnyckij. An etymological dictionary I, 90), *бўцати* 'бить, ударять лбом (о баране)' (Гринченко I, 118).

Этимологизация этого слова, представленного здесь в нескольких реконструированных праформах, взаимосвязанных хронологически (см. также ниже), паталкивается на трудности. К числу помех относится возможность независимого, спонтанного образования сходных глаголов в разных слав. языках от междом. типа русск. *бац*. Тем не менее, большинство собранных

здесь форм может продолжать праслав. **bodьcati*. Последнее достаточно рано выступает в аллегровом варианте **bocati* или — с проведением вокализма, обычного для итеративов, — в виде **bacati* (вторичные, местные огласовки *-u-* построены на *-o-* вокализме). Праформа **bodьcati* реконструирована, по сути, Георгиевым, который указал и на точное соответствие в лат. *fodico* 'покалывать' < и.-е. **bhod-ik-ājō*. См. Георгиев БЕР I, 70. Действительно, семантика 'колоть, покалывать', 'бодать' характерна для многих продолжений **bacati* / **bocati*. Т. о., этимологическое родство с **bodьсь*, **bodь* (см.) тоже вполне очевидно. Правда, у авторов имеется тенденция отделять слова с *-a-* вокализмом вроде болг. *бацам* и др., объясняя их из звукоподражания, см. Георгиев БЕР I, 37; однако и семантически и формально едва ли целесообразно отделять все случаи **bacati* от **bocati*, см. также выше. Названную выше этимологию Георгиева критикует Гавлова (см. E. Havlová «Slavia» 33, 1964, 310), однако неясно, почему мы должны отдать предпочтение предлагаемому ей **bod-sa-jŋ*, если есть реальная аналогия лат. слова. Близкие к Гавловой мысли высказывал еще Махек, кот. видел в слав. *bacati* интенсив на *-s- bat-sati* (см. Machek SPFFBU I, 1952, 84; также Machek 21; вслед за ним — Sadnik—Aitzetmüller 2, 68, но выше была показана близость семантики нашего глагола ('бодать, колотить' и лишь вторично — 'бить') именно с основой *bod-*.

***baciti**: макед. *баци* 'поцеловать' (Гон.), сербохорв. *бацити* 'бросить', 'выстрелить', диал. *бацит* (Елез. I), сюда же *бацити* 'бросить' (РСА I, 350) и, возм., *běciti* 'trudere, torquere' (с XVI в., RJA I, 219—220), чеш. *baciti*, диал. *bacit* 'бросить, ударить' (Malina. Mistř. 8), русск. диал. *бацить* 'делать что-либо' (Филип 2, 159).

Гл. форма, морфологически, по-видимому, вторичная по отношению к **bacati* / **bocati* (см., там же подробно об этимологии).

***bacnŋti** / **bocnŋti**: болг. *бацна* 'поцеловать, чмокнуть, щелкнуть' (Геров, Георгиев), *бѣцна* 'кольнуть' (БТР), макед. *боцне* 'уколоть, кольнуть; приколоть, прикрепить' (И-С), сюда же производное макед. *бакне* 'поцеловать' (там же), сербохорв. *băcnuti* 'кольнуть' (с XVII в., RJA I, 141), *бѣцнути* то же, словен. *băcniti*, *becniti* 'толкнуть, пихнуть' (Plet. I, 9, 15), чеш. *băcnouti* 'ударить; выстрелить', диал. *băcnūt* 'упасть с высоты' (Malina. Mistř. 8), *băcnŋt* 'ударить', 'выстрелить', 'упасть с грохотом' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 17), *biscnūt* 'ударить' (Kott. Dod. k Bart. 7), словц. *bacnūt* 'ударить', 'швырнуть', 'упасть, свалиться' (SSJ I, 63), диал. *bacnic* 'ударить челом' (Buffa. Dlhá Lúka 130), русск. *бацнуть* (Даль ³ I, 141), диал. *бѣцнуться* 'удариться обо что-либо, упасть, ушибиться' (псковск., тверск., Доп. к Опыту 12), укр. диал. *бацьнути* 'ударить, упасть с шумом' (Грипченко I, 34).

Производное с суфф. *-nq-ti* от основы гл. **bacati / *bocati* (см.). Вторичность образования следует из противоречия между суффиксацией, характерной для краткостного, моментального вида глагольного действия, и корневым вокализмом из другой глагольной категории.

*bačegъ?/*bočegъ?: русск. диал. *бачаг* 'заливаемая весеннею водою ложбина' (Подвысоцкий 5), *бачаги* 'лужицы от дождя, а также небольшие ямы, пруды, постоянно наполненные водой' (Куликовский 3), *бочаг* м. р., *бочага*, *мочага* ж. р. 'глубокая лужа, колдобина, ямина, залитая водою; омут; большая ямина, шире и глубже впадающей в нее речки или ручья' (Даль³ I, 295). — Возм., сюда же др.-русск. *бочижь* (:Даль пустой ухожей бортовой *бочижь* на речки на Рвенце. Судебн. зап. 1606 г. Срезневский I, 159).

Это, по-видимому, только русск. (гл. обр.—с.-в.-р.) слово до сих пор не протимологизировано и считается темным по происхождению. См. Фасмер I, 138. Тем не менее, позволительно предположить здесь образование значительной древности (ср. близкую др.-русск. форму, не учтенную, напр., Фасмером), а именно — производное с суфф. *-egъ* от основы **bak-*, общей у нашего слова с другим суффиксальным производным — **bakul'a / *bakъl'a* (см.), которое так же, как и **bačegъ*, до сих пор не находило места в слав. этимол. словарях. Продолжения обеих праформ имеют (в числе прочих) значения 'яма с водой', 'озеро'. Мы предполагаем здесь наличие и.-е. основы **bhā-k-*, с расширением, обозначающей блеск, свет, что вполне подходило бы как название небольшого водного зеркала, резко выделяющегося на каком-либо ином фоне. Подробнее см. **bakul'a / *bakъl'a*.

*bačiti?: русск. диал. *бачить* 'говорить, разговаривать' (Опыт 8), 'сказывать, рассказывать' (Васнецов 13), 'понимать', 'слышать' (Филин 2, 161), *бацить* 'шуметь, шумно разговаривать' (там же, 159).

Расширение с помощью *-k-* суффиксального основы, представленной в праслав. **bajati* (см.) и в др. образованиях. См. Фасмер I, 138 (: *бачить* II). Древность проблематична.

*badadlo: сербохорв. *bādalo* ср. р. 'хирургический зонд' (RJA I, 145), 'острие' (Maš 425), слов. стар. *badadlo* ср. р. 'колючка, острие' (SSJ I, 63).

Производное от гл. **badati* (см.) с помощью суфф. *-dlo*.

*badakъ: н.-луж. *badak* 'большой чертополох Larra maior' (Muka Sl. I, 8; ср. еще *Badak* 'tribulus, Große Distel', 1650 г., Schuster-Sewc, Sprachdenkm. 337), русск. *бодяк* 'Cirsium', укр. *бодак* 'Cirsium palustre' (Гринченко I, 80), *бодяк* 'чертополох' (Гринченко I, 81), укр. *будяк* м. р. 'чертополох, волчец' (Гринченко I, 106—107), блр. *бадзяк* 'Cirsium'.

Сущ., производное с суфф. *-(a)kъ* от основы гл. **badati* (см.). Укр. форма *будяк* обнаруживает вторичное изменение корневого

вокализма и экспрессивное, неорганическое смягчение согласного.

***badati** (še): болг. *bodá* 'колоть(ся)', 'ощущать острую боль' (БТР), *bodá se* 'колоться, бодаться' (Геров: *bodž ся*), сюда же болг. *bád-кам* 'силиться припомнить, сказать, сделать что-нибудь' (Георгиев), *бадáкам* 'ковыряться, медленно работать (обычно — о шитье, вышивании)', 'покалывать' (там же), макед. *bode* 'колоть', 'бодать' (И-С), *bode se* 'колоться; бодаться' (там же), сербохорв. *bádatи* 'покалывать', 'идти потихоньку'; стар. *bódatи* 'pungere' (RJA I, 469), словен. *bódatи* 'колоть', 'прорастать' (Plet. I, 38), сюда же *būdatи* 'плохо работать' (Plet. I, 69), ст.-чеш. *bádatи* (XV в., Ст.-чеш., Прага), чеш. *bádatи* 'испытывать, исследовать, изучать', сюда же *bodati* 'колоть (острым орудием), жалить', диал. *bodat* 'закалывать ножом (поросенка)' (Malina. Mistř. 11), сюда же диал. *bžodat* 'колоть, жалить' (Gregog. Slov. slavk.-bučov. 31), словц. *badat* 'исследовать, наблюдать', *bádat* 'изучать', *bodat* 'колоть (острым орудием)' (SSJ I, 63, 64, 110), сюда же *badkat* 'идти мелкими шажками', 'подталкивать', *bakat* 'идти кое-как' (SSJ I, 67), н.-луж. *badas* 'исследовать' (Muka Sł. I, 8), польск. *badac* 'исследовать', 'убеждаться наощупь, присматриваясь, прислушиваясь' (Dorosz. I, 291—292), словин. *bādāc* 'толкать' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 12), др.-русск. *badati* 'бодать, колотить', 'размышлять, исследовать' (Срезневский I, 39), русск. *bodátь* 'ударять, колотить рогами (о рогатом скоте)', диал. *badátь* 'лить (воду)' (Филин 2, 38), *badátься* 'пачкаться, мараться, возиться в грязи', 'пачкать (о краске)' (там же), *badjátься* 'ходить без дела, болтаться' (Говоры Прибалтики 22), ст.-укр. *badati* 'допытываться, доискиваться, углубляться во что-либо', 'заниматься' (XVII в., Тимченко I, 49), укр. *badáти*, *badáтися* 'исследовать, испытывать' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови. Київ, 1966, 48), *badati* 'стараться' (Карто-тека Украинского академического словаря), *badáци* 'превозмогать трудности, перебиваться' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, 17), блр. *badziца* 'скитаться, шляться'.

Следует пояснить, что, хотя ряд форм в слав. языках имеет корневое *-o-* (или даже *-o- > -u-*, напр. в словен.), мы считаем необходимым восстановить для всех этих форм праслав. прототип с корневым гласным *-a-* как наиболее закономерную дуративно-итеративную гл. форму на *-ati*. Вокализм *-o-* был обобщен в ряде языков позднее, под влиянием **bodq*, **bosti* (см.). Вместе с тем **badati* и его *-a-* вокализм — это праслав. глагольная инновация, поскольку и.-е. соответствия последовательно показывают здесь наличие в основе *-e-* и *-o-*, при отсутствии долгих *ā* или *ō*, ср. объединяемые вокруг и.-е. **bhedh-* лат. *fođiō* 'рыть', кимр. *bedd*, корн. *bedh* 'могила', лит. *bedū*, *bēsti* 'колоть, втыкать', *badyti* то же, см. Pokorny I, 113—114; Trautmann BSW 29; Berneker I,

37, 66; Machek LP 7, 1958, 78 (относит сюда еще хетт. *padda*-); Фасмер I, 183.

Существенно отметить, что изложенное выше объяснение **badati* полностью распространяется и на случаи со знач. 'исследовать, испытывать' (чеш., слов., н.-луж., польск., др.-русс., укр., см. выше). См. еще Brückner 10; Sławski I, 25. Широкой популярностью пользуется иная этимология **badati* 'исследовать, испытывать' — из ложной декомпозиции **o-badati* < **obadati* < **ob-adati*, ср. ст.-чеш. *jadati* 'исследовать, испытывать' и далее — лит. *uodžiu, uosti* 'нюхать, чуют' (Berneker I, 24; J. Rozwadowski RS I, 1908, 254; G. Pjinski PF 11, 1927, 183—184; Б. М. Ляпунов ИОРЯС XXXI, 1926, 42; A. Vaillant RES XIII, 1933, 111; Machek 21). Мы оставляем ст.-чеш. *jadati* совершенно в стороне как особый случай (см. **adati*, выше). Что касается относительной хронологии вокализма **badati*, см. изложенные выше соображения, не позволяющие, как кажется, оперировать здесь и.-е. сравнениями. Генезис значений 'исследовать, испытывать' можно проследить, не выходя за рамки известных значений продолжений праслав. **badati* (см. выше), ср. в первую очередь знач. 'стараться, силиться' (болг., укр.). От знач. 'стараться' совсем недалеко знач. 'толкаться, ковыряться' и наконец — исходное 'колоть'. Соотнесение укр. *бадатися* 'стараться' — как итератива — с **bosti* содержится также в Материалах Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука (рукоп., Киев).

Формы вроде болг. *бадкам, бадакам*, слов. *badkat'* и даже *bakat'* могут быть совершенно уверенно охарактеризованы как суффиксальные интенсивные гл. формы (слов. знач. 'идти кое-как' < 'колоть', ср. сербохорв. *басати* 'идти не глядя' < 'бить'). Русск. диал. *бадяться*, блр. *бадзяцца* содержит экспрессивную палатализацию.

**badoriti?* / **baduriti?*: чеш. *baduriti* 'обманывать' (Kott I, 42), слов. *badurit'* экспр. 'подталкивать, подзадоривать, подначивать' (SSJ I, 64; см. еще Hrovštiak. Ograv. 187), н.-луж. *badoris'* 'болтать' (Muka Sl. I, 9), польск. *badurzyć* 'болтать небыллицы' (Warsz. I, 82). Ср. еще чеш. *badurat se* 'казаться' (Kott. Dod. k Bart. 2).

Слово, довольно проблематичное относительно своего возраста и происхождения. Можно, исходя из знач., взвесить две возможности: (1) образование с префиксом *ba-* от гл. **duriti* (см.), относительно природы префикса *ba-* ср. **batoriti* (ниже); (2) производное от основы гл. **badati* (см.), ср. знач. слов. слова.

**badъ*: сербохорв. стар., диал. *bād* м. р. 'punctus' (XVII в.), 'stimulus, заостренный стержень' (RJA I, 145; Елез. I; Tr. 75).

Обратное отглагол. производное от основы **badati* (см.). Древность скорее сомнительна.

**badъль*: сербохорв. *бадаль*, род. п. *-дъля* м. р. 'травянистое растение *Carduus*', 'острый железный наконечник, которым погоняют

волов', 'колючка (ежа)', 'овод' (RJA I, 145), 'рыба *Cobitis taenia* L.', *бадець* то же, *бадоль* м. р. 'то, чем погоняют волов' (PCA I, 237), *бадье* ж. мн., *бады* м. мн. 'глазная болезнь' (см. также Vis 298), словен. *bádelj*, род. п. *-dlja*, м. р. 'высокое тернистое растение *Silybum marianum*' (Slovar sloven. jezika, I, 89). — Сюда же относится производное и преобразованное сербохорв. *бадрьвица* ж. р. 'стебель, ствол', *бадрьвика* ж. р. то же, *бадрьвица* ж. р.

Производное с суфф. *-ць* от основы гл. **badati* (см.). Ср. след. Не исключена вторичность образования от **bodць* (см.) под влиянием вокализма **badati*. Об экспрессивных формах типа *бадрьвица* как о производных от основы несврш. вида *bad-* говорит, сравнивая их с формой *badaljka*, Скок (Skok. Etim. rječn. I, 87).

***badylь**: сербохорв. *badil* м. р. 'железная лопата' (с XVI в., RJA I, 146), *badilь* м. р. 'растение *Cirsium arvense* L.' (там же), диал. *badilj* 'железная лопата, заступ для рытья земли' (Maš 425), сюда же преобразованное сербохорв. диал. *bàcilj* 'перо лука' (Maš 425), слов. диал. *badilь* м. р. 'стебель кукурузы' (Buffa. Dlhá Lúka 130), *badylь* (вост.-слав., Š. Ondruš Sisl 2, 1967, 96), польск. *badylь* м. р. 'стебель без листьев, сухой ствол' (Dorosz. I, 293), *badylь*, *badelь* (Warsz. I, 82), русск. диал. *бадыль* м. р. 'сухой стебель' (Филип 2, 41), сюда же *бадыльк* 'растение *Galeopsis Tetrahit*' (Даль³ I, 93), укр. *бадиліна* ж. р. 'стебель, трость, былинка' (Гринченко I, 19; Укр.-рос. словн. I, 27), блр. *бадыль* м. р. 'бодливый' (Байкоў-Некраш. 40).

Производное с суфф. *-ль* от гл. основы несврш. вида *bad-* (см. **badati*). Тесно связано с **bodylь* (см.); сравнение с последним, а также вокализм корня близких суффиксальных производных **kovylь*, **metylь*, **motylь* (см.) показывают возможную вторичность вокализма **badylь* (под влиянием **badati*). См. еще Фасмер I, 104 (: *бадылек*); Sławski I, 25; Sławski JP XXXIV, 1954, 135. Принимая во внимание географию **badylь* и его многозначность ('лопата', 'растения *Cirsium arvense*, *Galeopsis*', 'перо лука, стебель'), а также наличие специфических форм вроде сербохорв. *bàcilj* (относительно объяснения *-с*- см. **bacati*), нельзя не признать ошибочным мнение о заимствовании сербохорв. *badilj* 'лопата' из ит. (ср.-лат.) *badile* то же (Skok. Etim. rječn. I, 87).

***badylьje**: укр. *бадилля* ср. р. собир. 'стебли, былинки, ботва' (Гринченко I, 19; Укр.-рос. словн. I, 27), блр. *бадылья* 'сухие стебли от соломы' (Байкоў—Некраш. 40).

Производное с суфф. *-ье* (собир.) от **badylь* (см.).

***bagati**: слов. диал. *bačas* 'догадываться' (Buffa. Dlhá Lúka 130), укр. *багати*=*бажати* 'сильно желать, хотеть' (Гринченко I, 16). — Сюда же польск. диал. *zabagać się* 'захотеть, пожелать' (Warsz. VIII, 14).

Это слово обычно этимологизируют как родственное греч. $\sigma\beta\acute{o}\tau\omicron$ 'жарить, поджаривать', др.-в.-нем. *bahhan*, др.-англ. *basan* 'печь, жарить', с развитием знач. 'жарить, жечь' > 'горячо желать, жаждать'. См. Berneker I, 38; Фасмер I, 104—105; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 107. Сюда же примыкают близко родственные праслав. **bažati*, **bažiti* (см.). Не получила поддержки в литературе этимология, связывавшая праслав. **bagati* с др.-инд. *bhājati*, *bhājate* 'делит, наделяет; получает как часть', а также с праслав. **bogъ*, **bogatъ* (см.), причем **bagati* якобы получило знач. 'желать' из первонач. 'хватать' (Г. А. Ильинский ИОРЯС XXIII, 1918, 126—129). Менее вероятные этимологии (вроде гипотезы Петерссона о метатезе в связи с лит. *gobšti* 'жаждать', подробно разбираемой другими авторами, см. напр. Sadnik—Aitzetmüller, там же) здесь опускаем.

Знач. 'догадаться' у глаголов с основой *bag-* (слвц. *bahas*, ср. еще укр. *збагнути*, Гринченко II, 121) мы объясняем контактивным сближением с глаголами с основой *bad-* (см. **badati*).

**bagatʲje*: укр. *багáття* ср. р. 'огонь, горящие угли, костер' (Гринченко I, 17), *багáтьте* ср. р. 'горящее уголье, огонь, пламя' (II. Білецький-Носенко. Словник укр. мови. Київ, 1966, 48, там же варианты *бгачье*, *багáчь*, *бгачь*; см. еще Пискунов 9), русск. диал. *багáтье* ср. р. 'огонь' (донск., Опыт 4; Даль² I, 35: «более употр. об огне, еще не вырубленном или тлеющем под пеплом»), блр. *багáцце* 'огонь'.

Предположительный праслав. лексический диалектизм, неизвестный другим слав. языкам. Считают родственным греч. $\sigma\beta\acute{o}\tau\omicron$ 'поджаривать', др.-в.-нем. *bahhan* 'печь' и праслав. **bagati*, **bažati*, **bažiti* (см.). См. Фасмер I, 101—102 (там же прочая литер.); Rudnyckuj 1, 48. Впрочем, должно учитываться и иное, старое толкование — из родственной связи с **bogatъ* (см.), в основе чего якобы лежит представление о превращении жара в золото (А. А. Потебня ЖСт. I, 1890, 117).

**bagna/bagn'a*: русск. диал. *багна* ж. р. 'растение *Scabiosa arvensis* L., короставник полевой', 'то же, что багун', 'заросли багульника' (Филин 2, 34), русск. диал. (арх.) *багáя* 'дорога, тропа, высланная по раде (болоту) бревешками; бревенчатая мостовая, мостовинник' (Даль³ I, 89), укр. диал. *bahna* ж. р. 'грязь в поле' (St. Hrabec. Narwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, 27), блр. *багна* ж. р. 'топь' (Е. Ф. Карский ИОРЯС II, 2, 1897, 562), диал. *ба́гма* ж. р. 'топь, болото' (Бялькевич, Магіл. 80).

Форма ж. р., соответствующая ср. р. **bagno* (см.) и м. р. **bagnъ* (см.) или (**bagn'a*) производное с суф. *-j(a)* от основы **bagn-*, объединяющей все эти слова.

**bagnatʲjъ*: чеш. *bahnatý* прилаг. 'болотистый' (Jungmann I, 61).

Прилаг., производное с суф. *-at-*, от основы *bagn-* (см. **bagno*).

**bagněti*: укр. *багнути* 'делаться болотистым, тинистым, топким' (Гринченко I, 18).

Гл., производный с суфф. *-ěti* от именной основы **bagn-* (см. *bagno* и родственные).

***bagnistǫjь**: слов. *bahnistǫj* 'болотистый' (SSJ I, 65), польск. *bagnisty* 'болотистый, топкий' (Warsz. I, 83), русск. диал. *багнистий* 'низкий, болотистый, мокрый' (курск., Филин 2, 35), укр. *багнистий* 'болотистый, топкий, тинистый, илистый' (Грипченко I, 18).

Прилаг., производное с суфф. *-ist-* от основы **bagn-* (см. **bagno*).

***bagnišče**: чеш. *bahníště* ср. р. 'болотистое место', *bahnisko* ср. р. то же, слов. *bahnisko* ср. р. то же (SSJ I, 65), н.-луж. *bagnisko* ср. р. 'большое болото' (Muka Sł. I, 9), польск. *bagnisko* ср. р. 'болото' (Warsz. I, 83), укр. *багнище* ср. р. 'болото, болотистое место' (Гринченко I, 18).

Производное с собир. суфф. *-išče* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagniti?**: чеш. *bahniti* 'делать болотистым', диал. *bahnit se* 'гноиться (о ране, язве)' (Hošek. Českomorav. II, 146), русск. диал. (с.-в.-р.) *баглитъ* 'мостить бревнами дорогу на раде' (Подвысоцкий 3), 'мостить бревнами дорогу на болоте' (Филин 2, 33), ю.-в.-р. 'сильно топить, топить жарко' (Даль³ I, 89), 'сильно идти (о дожде)', 'сильно, жарко топить (печь)', 'долго и больно бить' (Филин 2, 33—34).

Несмотря на разнородность значений и различие форм, здесь предпринята попытка объединить их одной реконструированной праформой. Русск. *баглитъ* < **багнить*. Форма **bagniti* — производное на *-iti* от именной основы *bagn-* (см. **bagno*). Значения, более или менее прямо связанные со знач. **bagno* — 'болото, сырое место, топь', — не нуждаются в комментариях: 'делать болотистым', 'мостить дорогу на болоте', 'сильно идти (о дожде)'. Значения 'жарко топить' и 'больно бить' могли развиваться вторично на описанной выше семантической первооснове, ср. аналогичную многозначность русск. *шпарить*, наконец просторечн. *жарить* 'идти (о дожде)', 'бить'. Значения слов в русском диал. материале объединяются в две четкие группы — с.-в.-р. и ю.-в.-р., причем похоже, что в обоих случаях словообразовательные акты протекали независимо от одной и той же основы. Не исключена возможность, что с.-в.-р. форма (и знач.) произведена не прямо от *bagno* 'болото', а от производного *багль* 'дорога на болоте' (< **багня* < **bagn'a*, см.).

***bagnitǫjь**: чеш. *bahnitǫj* прилаг. 'болотистый, топкий', слов. *bahnitǫj* прилаг. 'болотистый' (SSJ I, 65), в.-луж. *bahnity* (Jakubaš), н.-луж. *bagnity*.

Прилаг., производное с суфф. *-it-* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagno**: чеш. *bagno* ср. р. 'болото', диал. *behno* то же (Hruška. Slov. chod. 12), слов. *bagno* ср. р. 'топь, большое болото, тина на дне тихих рек, потоков и болот' (SSJ I, 65), в.-луж. *bagno* 'болото, ил' (Pfuhl 4), н.-луж. *bagno* ср. р. 'болото', диал. 'багульник болотный *Ledum palustre*' (Muka Sł. I, 10), польск. *bagno* ср. р. 'топь, трясина, болото', 'растение *Ledum (palustre)*' (Dorosz. I,

297), словин. *bāgno* ср. р. 'багульник *Ledum palustre*' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 12), др.-русск. *багъно* 'грязь, lutum, болото, palus' (Срезневский I, 39), русск. диал. (курск.) *багно́* ср. р. 'низкое и топкое место' (Опыт 4), 'растение багульник' (Даль ³ I, 89), *багно* ср. р. 'растение *Ledum L.*, багульник' (арх., ср. полоса России, Филин 2, 34), ст.-укр. *багно* 'топь, трясина, болото' (1477 г.), 'растение *Ledum palustre*' (Тимченко I, 48), укр. *багно́* ср. р. 'болото, топь, глубокая грязь', 'грязь', 'растение *Ledum palustre*' (Гринченко I, 18), 'болотистая местность', 'беспорядок, мусор' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960, 13), 'название растения' (Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 132), *багно́*, *багун* 'растение *Ledum palustre*' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, 17), блр. *багно́* 'болото', 'сенокос' (Е. Ф. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров. 1. — ИОРЯС II, 2, 1897, 562). Подробные диал. сведения о слав. продолжениях **bagno* и **bagnъ* (у автора — **bagъno*, **bagъnъ*) см. также Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды (М., 1969) 154—158. Там же — о связи знач. 'болото' и 'багульник'.

Четкость географического ареала (зап.-слав. и вост.-слав.), регулярность соответствий и простота реконструкции праслав. праформы находятся в явном противоречии с невыясненностью этимологии этого слова, о происхождении которого до сих пор ведутся споры. Можно оставить в стороне устаревшие сравнения праслав. **bagno* с лит. *bognas* (Miklosich 6; Holub—Korešny 63), кот. само недавно заимствовано из соседних слав. языков, а также весьма проблематичное сближение с лит. *bojus* 'топкое место' (К. Буга РФВ LXX, 1913, 100; между прочим, ни этого, ни вышеупомянутого лит. слова не дает Френкель в своем лит. этимол. словаре). Особняком стоят также разыскания Оштира, который сближал слав. с праром. **bauga*, откуда франц. *boue* 'грязь' (К. Oštir «Etnolog» I, 1926—1927, 7).

Наиболее серьезным представляется старое сравнение слав. **bagno* с герм. **baki-*, **bakki-*, откуда — др.-в.-нем. *bah*, соврем. нем. *Vach* 'ручей', др.-сакс. *beki*, англос. *becc*, др.-исл. *bekkr* 'ручей'. См. J. J. Mikkola ВВ XXI, 1896, 218; С. С. Uhlenbeck РВВ 26, 292; Verneker I, 38; Фасмер I, 102. Сравнение с герм. словами ценно еще потому, что их объединяет со слав. названием болота не только общий корень, но и общий суффиксальный элемент *-n-*, поскольку, как указал Миккола, герм. **bakki-* отражает и.-е. **bhagní-*. Суффиксальным (на *-n-*), хотя и темным, образованием считал наше слово Миклошич, см. Miklosich. Vgl. Gr. II, 117. Наличие непроизводного, бессуффиксного н.-луж. *bagi* мн. 'болота' уже с полной определенностью позволяет квалифицировать *-n-* в **bagno* как суффикс, см. Трубачев «Сербо-луж.

лингв. сборник» (М., 1963) 160; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 113.

Видеть в исходе *-n-* не суффикс, а след гетероклитической основы, как это делает целый ряд ученых, сближающих **bagnо* с **bagrъ*, **bagra* 'красный цвет' (Brückner 11; Sławski I, 25; Pokorný I, 161; J. Schütz «Festschrift für M. Woltner» [Heidelberg, 1967] 152; E. Fraenkel. Сб. в честь Эндзелина 107), затруднительно хотя бы потому, что название болота и название цвета в данном случае обладают выразительно разными ареалами (см. карту). Так, название пурпура — почти исключительно ю.-слав., где **bagnо* неизвестно, поэтому излюбленная апелляция к тесной взаимосвязи терминов 'цвет' и 'болото' в данном примере не действует. Перед нами бесспорно древние диалектизмы праслав. лексики. Обращают внимание в связи с проблемой *-r/n-* основы также на укр. *багрѣна* 'болото, место, богатое источниками' (Материалы Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука, рукоп., Киев; там же привлекается словц. *bahurina* 'сырая, болотистая местность', кот. лучше оставить в стороне), но ср. чеш. *bahnina* ж. р. 'болотные испарения' (Kott I, 42), что вызывает предположение о вторичных изменениях формы укр. слова.

Сближение Махека — **bagnо*: лат. *stāgnum* 'болото' (Machek 22) едва ли может быть принято.

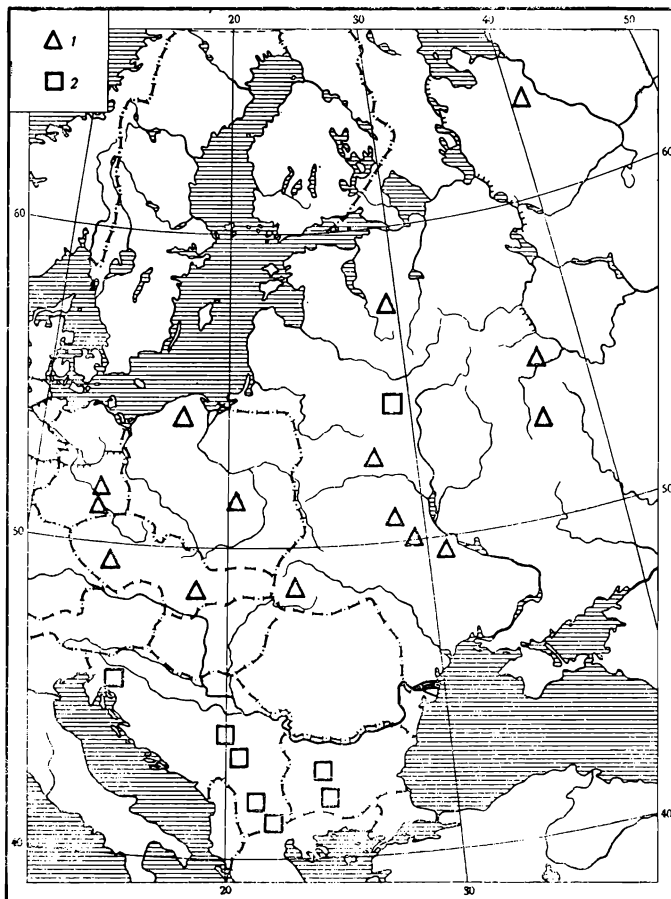
На отношении значений **bagnо* 'болото' и 'багульник *Ledum palustre*' мы наблюдаем начальную стадию выделения нового имени — перенесение названия болота на растение, собственно — семантическое словообразование, которому сопутствуют также формальные средства, см. в последнем случае **bagnъ*.

**bagnoti*: чеш. *bahnouti* 'жаждать, вожделеть' (Kott I, 42), диал. (остр.) *bahnūt* 'жаждать' (Kott. Dod. k Bart. 2), словц. *bahnūt* 'то же' (Kálal 13), укр. *багнути* 'сильно желать, хотеть' (Гринченко I, 18).

Производный гл. с суффикс. *-nōti* от основы *bag-*, представленной в **bagt'i*, **bagati* (см.).

**bagnъ*: н.-луж. *bagan* м. р. 'болото при ключе, растение багун *Ledum palustre*, багульник, зоря' (Muka Sł. I, 9), *bagon* м. р. 'багульник болотный *Ledum palustre*' (там же, 10), сюда же н.-луж. *bageń*, род. п. *-gńa* м. р. = *bagan* (Muka Sł. I, 9), русск. диал. *багѳн* 'багульник' (Даль³ I, 89), *багѳн* м. р. 'болото', 'багульник' (Псковский областной словарь 1, 89), *багѳн* м. р. 'кустарник багульник *Ledum palustre*' (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1, 22), укр. *багѳн* м. р. 'растение *Ledum palustre* L.' (Гринченко I, 18), блр. *багѳн* м. р. 'багульник *Ledum palustre* L.' (Байкоў — Некраш. 40).

Местные н.-луж., русск., укр., блр. рефлексы, при всем их разнообразии, являются прямым продолжением праслав. **bagnъ*. Следовательно, речь может идти не о суффиксах *-ан*, *-он*, *-ун*,

1 — *bagnо, *bagnъ; 2 — *bagna, *bagnъ 1

как могло бы показаться на первый взгляд, а только о местных вторичных вокализациях группы *-gn-*. Обратное производное (**bagъ* м. р.) от **bagno* ср. р. (см.) для обозначения растения *Ledum palustre*, багульника. Ср. Фасмер I, 103, где сказано весьма осторожно: «возм., к *багно́*». Там же справедливо отвергается сближение Соболевского с греч. *φηγύς*, лат. *fagus*. Подробно о названиях багульника (включая такие вторичные производные как русск. *багульник*, диал. *багунник*) см. В. А. Меркулова «Этимол. исследов-ия по русск. яз.» III (М., 1961) 15—17. Неправ В. И. Абаев («*Studia linguistica slavico-baltica C.-O. Falk . . . oblatata*». Lundae, 1966/1968, 1 и след.), кот. отделяет явно вторичные варианты — диссимилятивное *багула*, *багульник* — и сближает их с далекими нем. *Wacholder* ‘можжевельник’ и осет. *waγyly* ‘шиповник’.

**bagъnъka*: чеш. *bahenka* ж. р. ‘вид болотного травянистого растения’, ‘пресноводное животное *Paludina vivipara*’, словц. *bahienka* ж. р. ‘вид болотной травы *Heloechloa*’ (SSJ I, 65), укр. диал. *багбнка* ж. р. ‘лужа’ (Гринченко I, 18).

Производное с суфф. *-ъka* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

**bagъnъсь?*: русск. диал. *баганец*, род. п. *-нца*, м. р. ‘растение *Urtica L.*, крапива’ (смол., Филин 2, 33).

Производное с суфф. *-сь* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

**bagъnъje*: н.-луж. *bagъne* ср. р. ‘болото’ (Мука St. I, 9).

Производное с суфф. *-ъje* (собр.) от основы *bagn-* (см. **bagno*).

**bagъnъnъjъ*: чеш. *bahenní*, *bahenný* прилаг. ‘болотный’, словц. *bahenný* прилаг. то же (SSJ I, 65), польск. *bagienny* ‘болотный’ (Warsz. I, 82).

Прилаг., производное с суфф. *-ъn-*, от основы *bagn-* (см. **bagno*).

bagotiti?*/bagъtiti?*: чеш. *pachtiti se* ‘стремиться, жаждать’, словц. *bachtit’ (sa)*, *pachtit’ (sa)* экспр. ‘жаждать, сильно желать; стараться’ (SSJ III, 10), словц. диал. *bahot’it’* ‘жаждать, желать’ (Habovštiak. Orav. 187).

Скорее всего, экспрессивное производное с интенсифицирующим суфф. *-ъt-iti/-ot-iti* от основы гл. **bagati*, **bagnoti* (см.). См. Machek 28, где чеш. и словц. формы в общем правильно относятся к *bažiti*, но там же, 349, *pachtiti* се совершенно ошибочно поставлено в связь с *pakost* и производными.

Экспрессивный характер гл. формы делает сомнительным ее праслав. происхождение.

**bagotъnъjъ*: словц. диал. *bahutní* ‘жадный’ (Zoch 74).

Отглагольное прилагательное, производное с суфф. *-otъn-* от основы гл. *bag-* (см. **bagati*). Ничто не мешает, впрочем, рассматривать это образование как суффиксальное расширение (*-ъn-*) основы старого причастия **bagot-*, еще не имеющего *-j-*ового расширения, позднее проведенного у всех слав. причастий на *-ot-/-et-*. Ср. по типу образования **mogotъnъjъ* (см.). Стоит также отметить, что прич. **bagot-* образовано непосредственно от основы

нетематического гл. *bagti (см.), а ^вне^т от уже тематизированных *bagati, *bažati, *bažiti (см.).

*bagra: болг. *ба́гра* ж. р. 'краска; цвет' (БТР), макед. *багра* ж. р. 'цвет, окраска', 'пурпур, багрянец' (И-С), сербохорв. *bàgra* ж. р. 'pigmentum, мазь, которой смазывают сети, чтобы они не рвались от сухости' (RJA I, 150), *ба́гра* ж. р. 'растение *Ruscina graminis*' (РСА I, 230), *ба́гра* ж. р. 'красная краска', 'вид морской рыбы' (там же), блр. *ба́гра* ж. р. 'пурпур' (Байкоў—Некраш. 40).

Во всем, кроме рода, тождественно *bag(ъ)ръ I (см.; там же подробно об этимологии). Любопытно обратить внимание на изоглосную связь ю.-слав. форм с блр. словом, тем более что относительно последнего трудно предположить книжное заимствование, как это, видимо, имело место в других близких случаях в вост.-слав. языках.

*bag(ъ)гѣнь(ъ): ст.-слав. *багърънъ*, *багъренъ*, -ъи прилаг. *порфурѣс* purpureus 'багряный' (SJS), болг. *багряи* 'темнокрасный, багряный' (Младенов БТР), *ба́грен* то же (БТР), сербохорв. *bagren* 'purpureus' (XIII в., RJA I, 151), словен. *bagrèn* 'пурпурный, багряный' (Plet. I, 9). — Сюда же сущ. сербохорв. *ба́грем*, *ба́грен*, *ба́грен* м. р. 'акация *Robinia pseudacacia*' (РСА I, 230).

Прилаг., производное с суфф. -ѣн- от основы *bagr-* (см. *bag(ъ)ръ I).

*bag(ъ)гити: ст.-слав. *багърити* *φινίτσειν*, purpurare 'окрашивать в пурпурный цвет' (Супр., SJS), болг. *ба́гря* 'красить, окрашивать', 'строить' (Геров), 'красить (в красный цвет)' (БТР), диал. *ба́гре* 'красить' (Горов. Страндж. БД I, 65), макед. *багри* 'красить, окрашивать', 'багрянить, румянить' (И-С), сербохорв. *ба́грити*, *ба́грити* 'красить в красный цвет; румянить' (РСА I, 231), словен. *bagriti* 'красить в пурпурный цвет' (Plet. I, 9).

Отыменный гл. на -iti, производный от *bag(ъ)ръ I (см.) или же соотносимый в ряде (ю.-слав.) языков с сущ. *bagra (см.).

*bagro: словц. диал. *bahro* 'часть колеса' (Buffa. Dlhá Lúka 130), русск. диал. *багрб* 'багор' (Куликовский 2), *багрб* ср. р. 'металлический наконечник багра' (Псковский областной словарь 1, 90) укр. *багрб* ср. р. 'косяк, часть составного обода колеса' (Гринченко I, 18). Сюда же *bahra* ж. р. 'обод колеса' (Jungmann I, 62; с пометой slc.).

Во всем, кроме грамм. рода, тождественно *bag(ъ)ръ II (см.; там же относительно этимологии).

*bagroвъъ: слав. *багрокъ* прилаг. 'purpureus' (Mikl.), в.-луж. *bahrowy* 'пурпурный' (Pfuhl 1054).

Производное с суфф. -ов- от *bag(ъ)ръ I (см.). Вост.-слав. соответствия (русс. *багровый*) здесь сознательно опущены, поскольку представляют собой книжные заимствования из ц.-слав.

*bag(ъ)гъ I: ст.-слав. *багъръ* м. р. *ἀλουργίς*, purpura 'багрец' (Супр., SJS), болг. *ба́гър* м. р. 'багряница, порфира', *ба́гър* прилаг.

‘багрный’ (Младенов БТР), сербохорв. стар. (серб.-цслав.) *bagar*, род. п. *bagra*, м. р. (с XIII—XIV вв., RJA I, 149), сербохорв. *băgar*, -*гра*, м. р. = *băgra* (РСА I, 228), словен. *báger*, род. п. -*gra*, м. р. ‘багрец’ (Plet. I, 9).

Как и в других статьях на *bagr-*, здесь опущены все вост.-слав. формы, которые целесообразно считать книжными заимствованиями из цслав. (кроме блр. *багра* — см. **bagra*, — которое имеет вид народной формы, соответствующей ю.-слав. словам). Это надлежит постоянно иметь в виду при решении вопроса об этимологии данного слова, потому что этимол. словари здесь не проводят почти никакого различия между местными народными формами и литер. лексикой, заимствованной из цслав. (см., напр., Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 107, где даны в обзоре соответствий также русск. *багор*, укр. *багор*; ср. еще Фасмер I, 103). Генезис зап.-укр. *багрый* ‘темно-красный’ (Желеховский, Гринченко I, 18) для нас недостаточно ясен. Ср. безусловно заимствованный характер такого укр. цветообозначения, как *барзій*, *барзий* ‘черное животное с белой грудью’.

Бернекер считал слово этимологически темным, см. Berneker I, 38. В последующее время был высказан ряд предположений и об исконном, и об иноязычном происхождении. Младенов производил это название цвета из и.-е. **bhagh-ro-*, откуда также ср.-нидерл. *baggaert* ‘ил, тина, грязь’, сближая их со слав. **bagno* (см.) и ирл. *būal* ‘вода’ < и.-е. **bhoghlā* (см. РФВ LXVIII, 1912, 373—378; Младенов 13; Георгиев БЕР I, 25). Ряд ученых связывает наше слово с греч. φῶγω ‘жарить’ и родственными, как напр. Х. Барић, цит. по JФ III, 1922—1923, 200; Фасмер, там же. Предполагалось родство также с болг. *божур* ‘мак’ < **bageur-* (К. Oštir «Etnolog» I, 1926/1927, 2), подвергнутое сомнению позднее. Особо проблематичным, впрочем, представляется объяснение **bag(ъ)ръ* из част. *ba-* в соединении с корнем **gъr-*якобы из **gorēti* (А. С. Львов — «Этимол. исследов-ия по русск. яз.» IV, 1963, 66—71). Всесторонне рассматривался вопрос о возможности заимствования, причем в качестве источников назывались герм. **fagra-* ‘красивый’ (Преобр. I, 11; против см. Фасмер, там же), араб. *maʿra* ‘краснозем’ (см. вслед за Локочем — Sławski RS 16, 1948, 85; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 108; против см. E. Dickenmann «Kratylos» I, 79), наконец — тюрк. *bagyr*, *baʿyr* ‘медь’ (К. Н. Menges UAJb. 31, 1959, 177—178). Слово продолжает оставаться этимологически неясным, признание его исконного родства со слав. формами (с основой **bagati*, **bažiti* < и.-е. **bhōg-*, ср. греч. φῶγω, выше, или с **bagno*) всякий раз встречает препятствие в явном несовпадении ареалов тех и других слов (см. карту). Считать данное название красного цвета и краски (т. е. типичное культурное слово) особо древним и.-е. реликтом как будто нет веских оснований. Очагом распространения красного красителя было древнее восточное Средиземноморье,

поэтому мысль о заимствовании *bag(ъ)ръ I балканскими славянами не может быть пока снята с повестки дня.

Из прочей литер. см. G. Herne. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954, 48 и след.

*bag(ъ)ръ II: словц. *bahor*, род. п. *-hra*, м. р. 'деревянная гнутая часть колеса', 'выгнутые кирпичи, идущие на постройку печей' (SSJ I, 65), также диал. *bahor* (Zoch 74), *behor*, *bahor* 'верхний, подвижный мельничный жернов' (Kálal 20), русск. *багёр*, род. п. *-гá*, м. р. 'длинный деревянный шест, на кот. посажен железный наконечник с острием и крюком', укр. диал. *багр*, *багор* 'косяк колесного обода' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 64).

Праслав. диал. *bag(ъ)ръ II (словц., русск., укр.) вместе со словц. диал. *bahro* 'часть колеса', русск. диал. *багёр* 'багор, наконечник багра' (см. *bagro, выше) мы объясняем как производное имя с суффикс. -r- от глагольной основы *bag-, этимологически родственной и апофонически парной основе *bĕg- (см. *bĕgt'i) (ср. уже Š. Ondruš. Pôvod slova *bahor* «Jazykovedné štúdie» 11. Jónov sborník (Bratislava, 1971) 111—115). Если последняя во всех слав. языках выражает знач. 'бежать, быстро двигаться', то реликтовый вариант *bag-, кот. продолжает дослав. *bōg- (соответственно — *bĕg- < *bĕg-), мы квалифицируем как производную -o- ступень с каузативной функцией 'заставлять бежать, быстро двигаться'. Ср. лит. *boginti* 'поспешно тащить', связь которого с лит. *bĕgti* и далее — слав. *bĕgt'i*, *bĕžati* общеизвестна (см. Fgaenkel I, 38, где, к сожалению, никак не комментирован не вполне регулярный вокализм лит. слова — ожидалось бы **buoginti*, ср. лтш. *buōkstītiēs* 'околачиваться', *buōkstīt* 'скрывать'). Осмысление имени *bag(ъ)ръ II в связи с дослав. *bĕg-: *bōg- удовлетворительно в семантическом отношении, ср. выше знач. 'часть колеса', 'подвижный жернов', 'шест для толкания'. Здесь все указывает на д в и ж е н и е, бег. Немаловажно, что наряду с словц. *bahor* в том же знач. 'верхний, подвижный мельничный жернов' выступает словц. *behor* (см. выше) и что чеш. эквивалентом этих слов служит *bĕhoun*, собств. 'бегун'. Предлагаемая здесь этимология от гл. 'бежать' не требует отмены старой гипотезы о происхождении от гл. 'гнуть', якобы лучше всего объясняющей знач. 'крюк багра', 'колесный обод' (Benekér I, 38; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 109), но оставляет место также и для этой связи, правда, на ином уровне. Следует иметь в виду, что значения 'гнуть' и 'двигать' тесно связаны и взаимно переплетены, ср. чеш. *hnuti* 'движение', а также семантический комплекс 'избегать' ∞ 'уклоняться' в разных языках. При этом едва ли нужно прибегать к сомнительной иррегулярной апофонии (Ablautsentgleisung) *bug-*: *bag-* на базе и.-е. **bheug-* 'гнуть' (см. Sadnik—Aitzetmüller, там же). Слав. **bĕg-/***bag-* < дослав. **bĕg-/***bōg-* < и.-е. **bhuĕg-*, с закономерной утра-

той лабиализующего *-ц-*, ср. ст.-слав. *бе* < и.-е. **bhuzet*. И.-е. **shceg-* мы связываем с и.-е. **bheug-* 1) 'бежать' (греч. *φεύγω*, лат. *fugio*, сюда же лит. *būgti* 'испугаться'), 2) 'гнуть'. Праформа **bheg^h-* 'бежать' (кот. производит впечатление специально сконструированной для объяснения греч. *φεύουσι* 'бегу') могла явиться вторичным преобразованием и.-е. **bheug-*. Отрыв **bheg^h-* (и слав. **bĕg-*) от **bheug-* (см. Pokorny I, 116, 152) во всяком случае маловероятен. Об этом говорит и поведение соответствующих слав. и и.-е. основ, обнаруживающих близкие главные и второстепенные значения 'бежать, двигать', 'гнуть', 'бояться'.

Прочие этимологии слав. **bag(ъ)ръ* II: сближение с англос. *becca* 'мотыга' (Г. А. Ильинский ИОРЯС XXIV, 1923, 120—121; Фасмер I, 102, где приведены более старые сведения по этимологии, с литературой), с нем. *Felge* '(колесный) обод' (Machek 22, с предположением «праевропейского» источника для обоих слов), с др.-инд. *bāhū-* 'рука' (Материалы Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука).

К **bag(ъ)ръ* II, русск. *багор* примыкают, видимо, русск. диал. *багбръе* ср. р. 'хвойник, накиданный в воду, для приманки рыбы' (Даль³ I, 90), *багрбѣище* ср. р. 'пест; жердь, лесина, на которую крюк насажен' (там же), *багрбѣище* ср. р. 'палка, к которой привязывается леса для ловли рыбы; удилице' (новг., Филин 2, 35). К слову *багор* примыкают также русск. *багай* 'род железного лома с небольшим изгибом', *багана* 'палка, крюк', однако их целесообразнее рассматривать как более позднюю перестройку формы *багор*, а не как равноправные производные с иными суффиксами (так Ильинский, там же).

**bagъсь*: словен. *bāgres*, род. п. *-rsa*, м. р. 'пурпурная краска' (Plet. I, 9), в.-луж. *bahorc* м. р. 'пурпур' (Pfuhl 1054).

Производное с суфф. *-сь* от **bag(ъ)ръ* I (см.). Есть мнение, что словен. слово заимствовано из русск. книжным путем (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 107; в.-луж. форма приводится там с опечаткой). Русск. *багрѣц* не фигурирует в нашем перечне, поскольку оно представляет собой в конечном счете цслав. элемент.

**bagti*: укр. *багті*, *багчї* 'хотеть, желать' (Гринченко I, 18).

Сохранение (или скорее воспроизводство, иначе ожидалось бы укр. **бачи*) древней атематической основы, представленной с тематизирующими расширениями в **bagati*, **bažati*, **bažiti* (см.). Косвенный след той же атематической основы находим еще в прилаг. **bagъtvьнъѣ* (см.).

**bagъvьnje*: укр. *баговїння*, ср. р. 'род водорослей' (Гринченко I, 18), блр. *баговїньне* 'водоросли, тина', (Гарэцкі 18).

Суффиксальное производное на *-inъje* от основы *bagъv-* (см. **bagy*).

**bagъvьnikъ*: слов. диал. *bahovnik* 'название растения' (Habovštjak. Orav. 158), русск. диал. *багбеник* м. р. 'растение *Conium macula-*

tum L.; небольшой ядовитый кустарник, резкий запах которого вызывает головную боль; болиголов' (тверск., псковск., новг., волог.), 'то же, что багульник' (Даль³ I, 89; Филин 2, 34).

Суффиксальное производное на *-nikъ* от основы *bagъv-* (см. *bagy).

*bagy: н.-луж. *bagi* мн. 'тундры, болота' (Muka Sĭ. I, 9), укр. *багва́* ж. р. 'болотистая низменность, топь' (Гринченко I, 17; Укр.-рос. словн. I, 26).

Здесь, по сути дела, целесообразно говорить о двух несколько различных случаях, формально объединенных под одним заглавным *bagy: 1) мн. ч. от незасвидетельствованного *bagъ м. р. (н.-луж., см. также под *bagno, где и об этимологии); 2) основа ж. р. *bagy (основа косв. п. — *bagъv-), ср. сюда же *Багва*, река бассейна Днестра, см. о последней Фасмер I, 102; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 112; M. Rudnicki SO 30, 1973, 115—117 (последний, правда, пытается связать с названием бука). Родственно также *bagno (см.).

*бахачь: словен. *baháč* м. р. 'хвастун' (Plet. I, 9), чеш. *bacháč* м. р. 'все пузатое, толстое' (Kott I, 42).

Производное с суфф. *-(a)ě* от гл. *bahati (см.).

*бахарь: русск. диал. *бáхарь* 'сказочник' (Богораз 22), *бáхарь*, *бáхорь* м. р. 'говоруи, краснобай', 'сказочник', 'знахарь', 'любовник' (Филин 2, 152).

Суффиксальное производное на *-x-ary* от основы *ba- (см. *bajati). См. А. И. Соболевский ИОРЯС XXVII, 1924, 324; Verneker I, 38; Фасмер I, 136. Ср. еще расширения на *-x-or-* от той же основы, ниже.

*bahati: сербохорв. *bàhati* 'тонать' (с XVI в., RJA I, 153), словен. *bàhati* 'хвастать' (Plet. I, 9), чеш. диал. (мор.) *báchatì* 'бить' (Kott I, 42), слвц. *báchat* 'ударять, бить, колотить' (SSJ I, 65), русск. *бáхатъ* 'бить, колотить, стучать, хлопать, стрелять' (Даль³ I, 139), укр. *báxati* 'стрелять; толкать' (Гринченко I, 34).

Значения глаголов свидетельствуют о семантическом развитии 'хвастать' < 'стучать, ударять', следовательно, неправы лингвисты, кот. производят все эти случаи из общего *ba- 'говорить' (Miklosich 5; R. Perušek AfsI Ph XXXIV, 1912, 20; Verneker I, 38—39; A. Brückner KZ LI, 1923, 240). В основе наших глаголов лежит особый ономотопозитический звукокомплекс *bax-*, передающий удар, стук. Ср. нем. *prahlen* 'хвастать': *prallen* 'ударяться'; русск. *хвáстать*, первонач. — 'хлестать'. С *bahary, *bahora, *bahoriti (см.) не связано.

*bahatъ(jь): сербохорв. *bàhat* прилаг. 'superbus, гордый, надменный' (RJA I, 153), словен. *bahàt* прилаг. 'хвастливый' (Plet. I, 9), чеш. *bachatij* 'толстый, пузатый' (Kott I, 42).

Прилаг., производное от основы *bax-* (см. *bahati, *бахачь) с помощью суфф. *-at-*. Не исключена, правда, возможность,

что чеш. слово со своей специфической семантикой представляет собой экспрессивное производное от *baňatý* 'пузатый' (см. **ban'a*) или семантически сблизились с последним.

**baxoŋti*: сербохорв. *бахнути* 'явиться как снег на голову', *bàhnuti* 'impingere, ingruere' (с XVII в.), 'ударить' (RJA I, 153), *bàнyти* (РСА I, 293), диал. *bàнyт* 'ударить' (Елез. I), словц. диал. *бахнút* 'ударить с шумом' (Habovštiak. Ograv. 187), русск. диал. *бáхнуть* 'упасть', 'выстрелить из ружья', 'ударить' (Добровольский 24), укр. *бáхнути* 'выстрелить, толкнуть' (Гринченко I, 34), блр. *бáхнуць*.

Сербохорв. глагольная лексика производилась от сущ. *bah* 'ictus, momentum' (см. Fr. Kurelac «Rad» XV, 1871, 91—96, с подробным обзором значений и употреблений), однако именно на сербохорв. языковой почве часть случаев *bah* продолжает **бъx-* и поэтому двусмысленна. Как и **baxati* (см.), **baxoŋti* образовано от звукоподражания типа *b.x* с различной вокализацией, ср. **baxoŋti*.

**baxora*: ст.-чеш. *báchora* ж. р. 'сказка, басня, выдумка' (XV в., Gebauer 24), чеш. *báchora* ж. р. 'выдумка, побасенка', а также *bachora* ж. р. 'ребенок, только еще начинающий говорить', диал. *báchora* ж. р. 'выдумка' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 18). Ср. еще словц. *báčorka* ж. р. 'побасенка, выдумка' (SSJ I, 65); любопытно отличие знач. приводимого Юнгманом чеш. *báchora* ж. р. 'набухшая слива' (Jungmann I, 63). Русск. диал. *бахóра* м. и ж. 'разговорчивый человек, балагур', 'тот, кто хвастается, бахвалится', 'знахарь, знахарка' (Филин 2, 156).

Суффиксальное производное на *-x-or-* от основы *ba-* (см. **ba-xarъ*, **bajati*). Об экспрессивной роли *-x-* в этих образованиях см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 117.

**baxoriga*: сербохорв. *бáхорица* ж. р. 'колдунья, знахарка' (см. также М. Tentor «Razgrave» I, 1950, 71), чеш. *bachorice* ж. р. 'вид колбасы'.

Формально представляет собой суффиксальное производное **ba-x-or-ica* от основы *ba-* (см. **baxora*, **bajati*), ср. особенно знач. сербохорв. слова. Семантика чеш. слова, возм., отражает влияние иного лексического гнезда, где выступают значения 'бить', 'плотный', 'толстый' (см. **baхаць*, **baxatъьь*, **baxati*).

**baxoriti*: сербохорв. *бáхорити* 'колдовать, заговаривать (болезнь, горе)', словен. *bahoriti* 'колдовать' (Plet. I, 10), сюда же *ba-háriti* 'хвастать' (там же, 9), чеш. *bachoriti* 'болтать' (Jungmann I, 63; Kott I, 43), русск. диал. *бахóрить* 'говорить, разговаривать' (Васнецов 13), 'разговаривать, беседовать; сплетничать; наряжаться' (Сл. Среднего Урала 38), 'болтать, говорить попусту' (Псковский областной словарь 1, 134), укр. *бáхорити* 'ворожить, гадать' (П. І. Реденець. Особливості говірки села Малий Раковець Іршавського округу. Дип. роб. Ужгород, 1952, 82).

Экспрессивное суффиксальное расширение (-*x-or-iti*) основы *ba-* (см. **bajati*) или глагольное производное на *-iti* от имени **bachora*, **bachorъ* (см.).

***бахоръ**: болг. *báxur* 'прямая кишка', 'прямая кишка свиньи, нафаршированная как колбаса' (Младенов БТР), *бахур* м. р. 'круглый сосуд с узким горлышком для водки' (там же), диал. *бахур* м. р. 'кровавая колбаса' (Стойчев БД II, 128), сербохорв. *báxor* м. р. 'колдун', 'живот' (РСА I, 340), диал. *bäor*, уничиж. — о ребенке (: онаж *bäor* плäче, йч не патеше), 'часть внутренностей животного' (Елез. I; РСА I, 295), чеш. *bachor* м. р. 'передний желудок у жвачных', 'брюхо (у человека)' диал. *báčhor* м. р. то же (Svěrák. Voskov. 105), ср. ст.-чеш. *bachorъ* м. р. 'прямая кишка' (Gebauer 24), словц. *bachor* м. р. 'самая большая часть желудка у жвачных', 'внутренности животного', экспр. 'брюхо, пузо (человека)', 'что-либо выпуклое, полость чего-либо' (SSJ I, 65), в.-луж. *bachor* 'толстощекий мальчик' (Jakubaš).

В этой статье объединены случаи, кот. можно трактовать, по-видимому, как **bachorъ* I и **bachorъ* II, поскольку для одних примеров мы можем говорить о своего рода экспрессивном имени деятеля **ba-x-orъ* от основы *ba-*, ср. сербохорв. *bäxor* 'колдун', диал. *bäor* 'ребенок (видимо, крикливый)', сюда же укр. *báxur* 'маленький ребенок, крикун' (см. о последнем Р. Смаль-Стоцкий «Slavia» 5, 1926, 9, но там дана связь с *bachati*). См. еще **bachoriti*, **bachora*, **bacharъ*. В то же время для других примеров мы должны принимать образование **bach-orъ* от гл. **baxati* (см.), сюда относится весьма специфическая болг., сербохорв., чеш., словц. лексика с семантикой 'внутренности, кишки', 'колбаса', 'живот', 'что-либо толстое, круглое'. Бесспорно сюда принадлежит русск. диал., блр. *báxur* 'толстяк', приводимое Фасмером и ошибочно толкуемое им как заимствование из еврейского (см. Фасмер I, 137). Достаточно указать на родственные чеш., словц. *bachor* 'часть желудка у жвачных', а также 'пузо, брюхо' (см. выше), чтобы мнение о наличии здесь исконнославянского образования представилось несравненно более вероятным. Ср. сюда же уже упоминавшееся неоднократно выше сербохорв. диал. *bäor* — о ребенке. Кстати, этот последний пример служит также оправданием того, что разграничение на **bachorъ* I и **bachorъ* II не проведено нами здесь до конца, потому что в том же сербохорв. диалекте слово *bäor* выступает также в знач. 'внутренности животного' (откуда, может быть, затем вторично — 'карапуз, ребенок?'). Вероятным направлением развития значений, видимо, было след.: **baxati* 'бить' > 'сбитый, плотный; живот, внутренности, кишки, колбаса; круглое, выпуклое'. Принимая во внимание очевидную оригинальность всех этих слав. образований, мы должны признать сомнительной тюрк. этимологию (Георгиев БЕР I, 36).

Подробно об этих экспрессивных образованиях см. R. Laskowski. Słowiańskie *bachorъ: *bachorъ: *bachurъ. — RS XXVI, 51—56.

***бахунъ**: словен. *bahûn* м. р. 'хвостун, крикун' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-унъ* от гл. **baxati* (см.).

***бахъ?**: сербохорв. *bâh* м. р. 'гордец', 'шум, грохот' (RJA I, 151), русск. диал. *бах* 'говорун, краснобай' (Подвысоцкий 5).

Суффиксальное производное с экспрессивным *-x-* от основы *ba-* (см. **bajati*). Возраст данного экспрессивного образования остается неясным, вместе с тем сравнение с более сложными **бахаръ*, **бахора*, **бахорити* (см.), представленными в слав. языках достаточно широко, дает некоторые основания для того, чтобы сохранить также настоящий простейший тип в ряду других однокоренных образований предположительно праслав. эпохи.

***бахъtati**: в.-луж. *bachtać* 'крякать (об утках); болтать', н.-луж. *bachtaś (se)* 'хвастать, важничать' (Muka Sl. I, 10).

Интенсивная форма глагола, суффиксальное производное на *-t-ati* от основы гл. **baxati* (см.).

***бахъtëti?**: сербохорв. диал. *bâxteti* 'пугать' (PCA I, 340), русск. диал. *бахтеть* 'бахвалиться, гордиться' (А. Балов. Народный говор в Пошехонском у. Ярослав. губ. — ЖСт. III, 1893, 510).

Аналогично предыдущему объясняется как глагольный интенсив, производное с суфф. *-t-ëti* от основы гл. **baxati* (см.). Ср., впрочем, след.

***бахъtъ?**: сербохорв. *bâhat* м. р. 'шум, грохот, топот' (с XVI в., RJA I, 152—153), сюда же *bât* м. р. то же, со стяжением из *bâhat* (RJA I, 205). — Ср. еще, с отклонениями в форме *bâhôt* м. р. то же (RJA I, 154), *bahat* ж. р. 'топот' (XVI в., редко, RJA I, 153).

Производное имя с суфф. *-tъ* от основы гл. **baxati* (см.).

бaja**/байъ**: сербохорв. диал. *bâja* ж. р. 'чары, сглаз' (PCA I, 245), словен. *bâja* ж. р. 'колдовство, заклинание' (Plet. I, 10), чеш. *báj, baje* ж. р. 'миф, басня, фантазия', диал. *baja* ж. р. 'басня, выдумка' (Malina. Mistř. 8; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 18), русск. диал. *бáя* ж. р. 'прозвище веселой говорливой женщины, рассказчицы' (Филлин 2, 167).

Отглагол. производное имя ж. р. от основы гл. **bajati* (см.).

***байаць**: болг. *байч* м. р. (БТР), макед. *байач* м. р. 'знахарь' (И-С), сербохорв. *bâjач* м. р. 'колдун', чеш. *báječ* м. р. 'тот, кто рассказывает басни, небылицы' (Kott I, 43).

Производное имя деятеля с суфф. *-(a)ць* от основы **bajati* (см.).

***bajadlica**: сербохорв. *bâjalica* ж. р. 'колдунья, знахарка, incantatrix' (с XVII в., RJA I, 155).

Имя деятеля ж. р., производное с суфф. *-ica* от след.

***bajadlo**: сербохорв. *bâjало* м. р. 'колдун' (Вук Караџић; PCA I, 247), русск. диал. *бáяла* м. п. ж., *бáялка* ж. р. 'то же, что баюн, говорун, рассказчик' (перм., Филлин 2, 167).

Первонач. имя действия с суфф. *-dlo* от основы *ba-* с вторично проведенной тематизацией под влиянием формы гл. **bajati* (см.). Более древний вид именной основы, возм., представлен в образованиях на **ba(d)l-* (см. ниже).

***bajadльсь**: сербохорв. *bājalas*, род. п. *bājaoca* м. р. 'incantator, колдун, знахарь' (с XVII в., RJA I, 155).

Производное с суфф. *-сь* от **bajadlo* (см.).

***bajadльnica**: словен. *bajālnica* ж. р. 'илутовка' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-nica* от **bajadlo* (см.) или с суфф. *-ica* — от прилаг. **bajadльнъ* (см.).

***bajadльникъ**: словен. *bujālnik* м. р. 'илут, мошенник' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-никъ* от **bajadlo* (см.) или с суфф. *-икъ* — от прилаг. **bajadльнъ* (см.).

***bajadльнъ**: словен. *bajalen* прилаг. 'колдовской, волшебный' (Plet. I, 10).

Прилаг., производное с суфф. *-н-* от **bajadlo* (см.).

***bajanь?**: болг. *баян* нескл. прилаг. (только в песне: Видо ле, *баян* българко. Георгиев), др.-русск. *баянъ* 'обаятель, incantator' (Срезневский I, 46), русск. диал. *баян* м. р. 'певец', 'то же, что баян, говорун, рассказчик' (Филин 2, 167).

Производное с суфф. *-(a)нъ* от основы гл. **bajati* (см.). См. Георгиев БЕР I, 38; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 115. Названные авторы не соотносят др.-русск. имя деятеля и болг. диал. слово (несклоняемое прилагательное), в то же время между ними наблюдается формальное тождество, а функция и прочие особенности болг. слова могли появиться вторично.

***bajati I**: болг. *бая* 'шептать заговоры, заклинания (о знахаре, колдуне)', 'рассказывать', диал. *баѣ* 'лечить заговорами' (Горов. Страндж. — БД I, 65), *байъ* то же (Колев БД III, 294), *баѣ* 'лечить' (с. Добротино, Гоцеделчевско. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *баѣ* нареч. 'словно, как будто, кажется' (Георгиев), макед. *бае* 'колдовать, ворожить, заговаривать' (И-С), сербохорв. *bājati* 'колдовать, ворожить, заговаривать (болезнь, горе)', словен. *bajati* 'болтать', 'предсказывать, гадать', 'заговаривать, ворожить, колдовать', ст.-чеш. *bāti, baju* 'говорить, выдумывать' (Gebauer I, 29), чеш. *bājeti* 'болтать, говорить небылицы' (Kott I, 43), диал. *bajat'* 'рассказывать (сказки)' (Bartoš Slov. 10), *bajat* 'выдумывать, рассказывать басни' (Gregor. Slov. slavk. - bučov. 18, Koresňú. Ugč. 136), в.-луж. *bać* 'рассказывать (сказки, басни)', 'говорить вздор' (Pfuhl 4), н.-луж. *bajaś* 'болтать, рассказывать' (Muka Sł. I, 11), польск. *bajaś* 'рассказывать (басни или сказки)', 'рассказывать небылицы' (Dorosz. I, 298), словин. *bajac* 'рассказывать (сказки)', 'говорить вздор' (Suchta I, 15), др.-русск. *баѣти* 'рассказывать басни, выдумки', 'обаять' (Срезневский I, 47), русск. диал. *баять* 'говорить' (Куликовский 3, Деулинский словарь 50), ст.-укр. *баяти* 'говорить, разговаривать', 'заговаривать' (Тимченко I, 65), укр. *баяти* 'рассказывать',

‘ворожить’ (Гринченко I, 35), диал. *bájjati* ‘ворожить’, ‘заговаривать’ (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 66; В. В. Габинець. Говірка села Лавки Мукачівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 143).

Праслав. **bajati* с очерченным выше кругом значений родственно арм. *ban* ‘слово’, греч. *φημί* (др. *φᾶμι*) ‘говорить’, *φωνή* ‘голос’, лат. *fāri* ‘говорить’, др.-исл. *bǫn*, др.-англ. *ben* ‘просьба, молитва’, др.-инд. *bhānati* ‘говорит’, др.-в.-нем. *ban* ‘заповедь, запрет’. См. Berneker I, 39; A. Meillet. Les verbes signifiant ‘dire’. — BSL 20, 1916, 31, 161; C. D. Buck. Words of speaking and saying in the Indo-European languages. — AJPh XXXVI, 1915, 127; Ernout—Meillet³ I, 437; Walde—Hofm. I, 526; Hofmann 396—397; Brugmann KVGr. 79; Pokorny I, 105—106.

Атематическое и.-е. **bhāmi*, реконструируемое на базе греч. и других и.-е. глагольных форм, получило в ряде и.-е. языков вторичную иотовую суффиксацию и тематизацию, откуда праслав. **bajati*, лат. (редк.) *jōr*, 1 л. ед. ч. от *fāri*, < **fā-i-ōr*, др.-англ. *bōian* ‘хвастать’. См. Meillet, там же; см. еще A. Meillet MSL 11, 1900, 300, 308; F. Holthausen KZ XLVIII 1918, 238—239; Pokorny, там же; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 117; J. Safarewicz. Studia linguistica in honorem T. Lehr-Spławiński 134. Ср. далее греч. *βάζω* ‘болтать, говорить’, кот. толкуют как и.-е. догреческое, см. O. Haas. Das frühitalische Element (Wien, 1960) 7, по ср. Frisk I, 207—208.

Лит. *bóju*, *bóti* ‘обращать внимание’, обычно включаемое рядом авторов (Мейе и др.) в число родственных форм, восходит к *dabóti* < польск. *dbać* и поэтому не имеет сюда никакого отношения. См. Фасмер I, 140; Fraenkel I, 53. Вообще весьма замечательно отсутствие родственных форм в балт. языках.

**bajati* (se) II: в.-луж. *bać so* ‘незаметно гореть, тлеть’ (Pfuhl 4), н.-луж. *bajaś se* ‘тлеть, мерцать’ (Muka Sł. I, 11).

На основании этих исключительно серболуж. свидетельств мы восстанавливаем особое праслав. слово, лексический диалектизм ограниченного распространения. Ср. уже Berneker I, 39: *bajō*, *bajati* 2, кот. сближается там с др.-инд. *bhāti* ‘светит, блестит, сияет’, греч. *φαίω* ‘показывать’, прл. *bān* ‘белый’. См. еще Pokorny I, 104; Трубачев «Славянское языкознание (V Междунар. съезд славистов)» (М., 1963) 187. Однако Бернекер неправ, когда он до конца разделяет праслав. **bajati* I ‘говорить’ и **bajati* II ‘гореть, тлеть, мерцать’ и считает неродственными также породившие их и.-е. основы. Несостоятельны также его указания на особые аблаутные отличия и.-е. основы со знач. ‘говорить’ от и.-е. основы со знач. ‘светить’. Достаточно обратиться к материалам словаря Покорного (кот., правда, сам не говорит о связи обеих основ), чтобы увидеть, что и та и другая и.-е. основа имеет степени **bhā-* и **bhō-*. Мы считаем обе группы слов этимологически родственными на и.-е. уровне, о чем говорят и другие семантико-

этимологические аналогии, ср. **svyrkati*: **svyrčati* и др. Разграничение, имевшее следствием выделение особых праслав. **bajati* I и **bajati* II, наметилось еще в дослав. период. Здесь уместно вспомнить, что еще Бак придерживался мнения о тождестве и.-е. **bhā-* 'говорить' и др.-инд. *bhā-* 'светить', греч. φαίνω (С. D. Buck. Words of speaking and saying in the Indo-European languages. — AJPh XXXVI, 1915, 127), причем он представляет себе развитие знач. как 'делать ясным' > 'говорить'. Мы склонны выводить все из синкретической ономастопеи.

**bajidlo*: словен. *bajilo* ср. р. 'колдовство, заговор' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-dlo* от основы гл. **bajiti* (см.). Ср. еще **bajadlo* (см.) и ряд слов с основой **ba(d)l-* (см. ниже).

**bajidьja*: ст.-укр. *баїля*, *байля* ж. р. 'знахарка, шептуха' (Тимченко I, 50—51).

Имя деятеля, производное с суфф. *-ja* от имени действия на *-dlo* **bajidlo* (см.).

**bajiti*: сербохорв. *bājiti* 'зевать, произносить с зевотой' (РСА I, 250), ст.-чеш. *bājiti* 'сочинять' (XV в. Ст.-чеш., Прага), чеш. *bājiti* 'фантазировать, вымышлять', словц. *bājiti* (*si*) 'грезить, мечтать, фантазировать; тосковать' (SSJ I, 66), русск. диал. *баїть* 'говорить, разговаривать, рассказывать' (Опыт 5), 'манить, приманивать' (Доп. к Опыту 4), 'говорить', 'рассказывать сказки' (Добровольский 20).

Гл., производный на *-iti* от той же основы, что и **bajati* I (см.). Основа также косвенным образом засвидетельствована в производном **bajidlo* (см.).

**baunъ*: русск. диал. *баўн* 'говорун, краснобай' (Богораз 22; Мельниченко 30); Словарь говоров Подмосковья, 24).

Имя деятеля, производное с суфф. *-unъ* от основы гл. **bajati* (см.) или **bajiti* (см.).

**baјъ*: сербохорв. *baj* м. р. 'ворожба, колдовство, incantatio' (RJA I, 155), 'очарование, чары' (РСА I, 245), словц. *bāj* ж. р. 'миф, фантазия, легенда, сказание' (SSJ I, 66), русск. диал. *бай* м. р. 'веселый рассказчик, говорун', 'речь, способность говорить' (Филин 2, 52), ст.-укр. *баї* м. р. 'знахарь, колдун' (1758 г., Тимченко I, 50), укр. *бай* м. р. 'сказочник' (Гринченко I, 20), 'забава, развлечение, веселье' (И. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів укр. говорів Буковини. 1959, 5), блр. *бай* 'сказочник' (Носович. Сборник белорусских пословиц 205).

Отглагол. производное от основы **bajati* (см.), практически тождественное имени ж. р. **baja*/**baјъ* (см.) и выделенное, скорее, лишь по морфологическим соображениям, ср. вероятное отражение в сербохорв., русск. диал., укр. и блр. соответствиях основы на *-jo-* м. р.

**baјьda*: польск. диал. *bajda* 'болтун, враль' (Warsz. I, 83), укр. *баїда*, общ. р., 'гуляка, беспечный человек', 'прозвище неуклюжей женщины', 'краюха, ломоть хлеба' (Гринченко I, 20; Укр.-рос.

словн. I, 28). — Сюда же производные отыменные глаголы чеш. диал. *bajdat* 'болтать' (Kott. Dod. k. Bart. 2), польск. *bajdać* 'нести вздор' (Warsz. I. 83), укр. диал. *байдати* 'болтать вздор, говорить чепуху' (Гринченко I, 20), русск. диал. *байдаты* 'бездельничать, бить баклуши' (курск., орл., Филин 2, 54).

Первонач. имя действия, производное с суфф. *-ьda* от основы гл. **bajati* (см.) или **bajiti*. Уже состоявшийся переход попен *actionis* > *nomen agentis*, а также тот факт, что суфф. *-ьda* рано утратил продуктивность и вообще весьма редок (ср. **pravьda*, **vorъьda*), не позволяет нам следовать за теми, кто, возм., склонен видеть здесь позднее образование, чему, видимо, способствует экспрессивность этих слов (см. Sławski I, 25, особенно — Sadnik — Litzetmüller. Vgl. Wb. 2, 116—117; Machek 22). Знач. 'ломоть хлеба', известное также у польск. *rajda*, *bajda*, в конечном счете, вероятно, — тюркизм, ср. Brückner 391.

***байка**: макед. *байка* ж. р. 'сказка' (И-С), сербохорв. *bājka* ж. р. 'басня, сказка, fabula' (с XVII в., RJA I, 151), 'сказка, выдумка', 'ворожба, заговоры' (РСА I, 250), словен. *bajka* ж. р. 'сказка' (Plet. I, 10), чеш. *bajka* ж. р. 'басня', 'сказка, выдумка', словц. *bajka* 'басня, выдумка' (SSJ I, 66), диал. *bajka* ж. р. 'неправда' (Buffa. Dlhá Lúka 130), в.-луж. *bajka* ж. р. 'сказка, басня' (Pfuhl 5), н.-луж. *bajka* 'басня, сказка' (Muka Sł. I, 11), польск. *bajka* ж. р. 'сказка, басня' (Dorosz. I, 301), русск. диал. *байка* ж. р. 'говор', 'сказка' (Опыт 5), ст.-укр. *байка* ж. р. 'выдумка' (Зизаний, Тимченко I, 50), укр. *байка* ж. р. 'басня', 'безделица, шутка, пустяки' (Гринченко I, 21), блр. *байка* ж. р. 'басня, небылица' (Блр.-русс. 115).

Широко распространенное в слав. языках, но, возм., возникшее как параллельное и относительно новое образование с суфф. *-ьka* от основы гл. **bajati* (см.).

***байльнъ (ъь)**: сербохорв. *bājau* 'очаровательный, упоительный', 'сказочный', 'баснословный' (РСА I, 247), словен. *bājen* прилаг. 'легендарный, мифический', 'устный' (Plet. I, 10), чеш. *bājny* прилаг. 'мифический', 'таинственный', 'прекрасный, великолепный', словц. *bājny* прилаг. 'фантастический, легендарный' (SSJ I, 66).

Учитывая активную роль употребления этих слов в литературе и книжной поэзии, следует считаться с вероятием возникновения их в какой-то части как семантических калек для передачи соответствующей зап.-европ. литературной терминологии: нем. *sagenhaft*, *mythisch*, франц. *léendaire*. Не исключено, что решающую роль при этом сыграл чешский, ср. чеш. *bājeslovi* (калька) = *мифология*. Отсутствие в нашем распоряжении историч. данных вынуждает нас оставить пока **байльнъ (ъь)* в числе возможных праслав. лексем.

***bakati**: сербохорв. *bakati* 'инсерегае' (XVI в., редк., RJA I, 159), чеш. *bakati* 'ссорить, награвливать' (Kott I, 43), диал. *bakat* 'много болтать о пустяках' (Kott. Dod. k. Bart. 2), польск. стар.

bakać ' (весело) кричать', 'ругать' (Warsz. I, 85), русск. диал. *bákať* 'говорить, разговаривать, беседовать' (Филин 2, 59). — Сюда же русск. диал. *бакулить* 'говорить, пустословить' (Труды МДК. Словарь к ответам на программу по Саратовск. губ. — РФВ LXVI, 1911, 204; Мельниченко 27), а также, возм., *бóкнуть* 'сказать что-либо тихо', 'сообщить что-либо не вовремя' (Филин 3, 69) и *бокотать* 'обидно выражаться' (там же, 70), *бáкнуть* (влад., тамб.) 'сильно ударить о землю', (колым.) 'буркнуть' < **бакнуть* (А. А. Шахматов ИОРЯС VII, кн. 2, 1902, 346).

Расширение на *-k-* основы, представленной в **bajati* (см.) и родственных. См. J. Otrębski LP 1, 1949, 126; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 118. Ввиду экспрессивного характера допустимо считать относительно поздним образованием.

***bakošь?**: чеш. диал. *bakoš* м. р. 'большая корзина, куда складывают яйца, подаренные на рождество' (Malina, Mistř. 8).

Проблематичное по своей древности сложение не вполне ясного префикса *ba-* и имени **košь* (см.). В словаре Махека отсутствует.

***bakul'a**/**bakъl'a**: сербохорв. *báкуља* ж. р. 'первый слой древесины (особенно у дуба) непосредственно под корой, около трех пальцев в толщину, заболонь, alburnum' (Караџић, где даются синонимы *бељ*, *бјелика*, а также говорится: «Заболонь белее самой древесины и раньше нее начинает гнить»; см. еще RJA I, 161, PCA I, 264), ст.-чеш. *bakule* ж. р. 'porolum' (Ст.-чеш., Прага), чеш. диал. *bakula* ж. р. 'шишка, нарост' (Gregor. Slov. slavk.-višov. 18), диал. *bakule* ж. р. 'шишка, желвак', слвц. *bakul'a* ж. р. 'толстая, кривая палка' (SSJ I, 67), в.-луж. *bakulka* ж. р. 'прыщ, пузырь, pustula' (Pfuhl 1054), русск. диал. *бакўлька* 'выстроганная палочка для веретена' (Волог. обл. Бабаев. р-н, Картотека Словаря белозерских говоров), *баклўша* ж. р. 'заболонь, у дерева', 'чурка' (Даль³ I, 101), сюда же, с поздним оформлением, русск. диал. *баклán* м. р. 'чурбан' (Даль³, там же), *баклѣш* м. р. 'большой камень, островок', 'колышек (деталь саней)' (Филин 2, 63). — Сюда же, далее (непосредственно к варианту **bakъlbь?*), могут быть отнесены укр. *бакáль* м. р. 'озеро' (Гринченко I, 22; Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — «Полесье» [М., 1968] 214), русск. диал. *бакáй* м. р. 'речной проток, проран в плавне, в камышах' (Даль³ I, 99), укр. *бакáй* м. р. 'глубокая яма в реке, пруде', 'грязный, наполненный водой ухаб на дороге, выбоина, ложбина, посредине которой лужа' (Гринченко I, 22), 'яма, канава, ухаб' (Картотека Украинского академического словаря; Укр.-рос. словн. I, 29), 'яма, выбоина на дороге, залитая водой' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960, 13), *бакáя* 'большой овраг' (Т. А. Марусенко, там же), Наконец, сюда же относятся русск. диал. *бакалéя* ж. р. 'залив, губа, лужа' (вятск., Филин 2, 58), из **bakъl'a*, а также *бакалá* ж. р. 'заязь,

заязок в проточной воде перед плотиною, от напора льда' (Даль³ I, 99), *бокал* м. р. 'рытвина на летней дороге' (Филин 3, 68), *бакалда* ж. р. 'глухой заливцец или ковш, поемная яма, колдобина, ямина, которая наливается водой по весне и остается как бы озерком; глубокая зажора по дороге в распутицу' (Даль³ I, 99—100), сюда же *бокалдина* ж. р. 'яма, наполненная водою' (там же, 267), с экспрессивной эпентезой -д-. Ср. еще укр. диал. *бакані* 'заболоченная мокрая равнина' (Т. А. Марусенко, там же). Ср. еще с изменением вокализма $a > o > u$ русск. диал. *букла* 'дубина, палка', 'нерасторопная женщина' (Филин 3, 265), *букля* ж. р. 'залив', 'изгиб реки', 'глубокое, тихое место в реке; заводь' (там же, 266), *букля* 'яма, вырытая водой во время весеннего разлива' (Мельниченко, 37), *буклынка* ж. р. 'дубинка' (Доп. к Опыту 14), *буклешка* ж. р. 'толстый обрубок дерева' (там же), *буклэня*, *буклэха* 'толстяк' (Даль³ I, 341).

Объединение этих раньше трактовавшихся как правило разрозненно слов (ср. Фасмер I, 109, где предполагается заимствование *бакай*, *бакалда*; а также Machek 22, где словц. *bakul'a* истолковано как заимствование из лат. *baculum*, далее — там же приводится словц. *bakalia* 'губка', причем автор увидел единственную возможность протимологизировать последнее, соотнеся его с русск. *бакалея* 'колонияльные товары', из араб., хотя словц. слово так же далеко от этого арабизма, как и диал. русск. *бакал'я* 'залив, лужа', см. выше) под одной общей леммой вызвано у нас, кроме очевидной формальной возможности сведения разных вариантов к исходному **bakul'a* / **bak'ul'a* (и близким), также и серьезными семантическими основаниями. Ср. **bolnъ* и **bolnъje* (см.), равным образом обозначающие как древесную заболонь, так и болотистые, мокрые пространства и т. д. Аналогия названий **bolnъ* ~ **bolnъje*, отчетливо продолжающих и.е. обозначение светлого, белого цвета, положенного как в основу названия заболони дерева, так и в основу названия болот, а также прочие аналогичные показания вроде сербохорв. *бель*, *бјелика* 'заболонь', лат. *alburnum* то же, позволяют искать и для **bakul'a* / **bak'ul'a* синонимичную исходную основу, возм., — некое расширение и.е. **bhā-* 'блеск, свет' с помощью элемента -к-. Речь идет о лексике, не пользовавшейся до сих пор особым вниманием этимологов, ср. тот факт, что в словарях Миклошича, Бернекера и, насколько можно понять, — Садник—Айцетмюллера пропущено не одно-два слова, а все названное выше обширное семейство лексем, объединяемых у нас праформами **bakul'a* / **bak'ul'a* в сербохорв., чеш., словц., русск., укр. языках со знач. 'заболонь дерева', 'шишка, нарост', 'прыщ, пузырь', 'чурка, палка, колышек', 'яма с водой', 'болотистое место' (прочие значения выглядят как производные, менее ясно семантически отношение словен. диал. *bakulica* ж. р. 'корзиночка', см. Štrekelj. Slov. 5).

Обширность данного лексического гнезда, сложность отношений форм и значений между собой — все говорит о древности образования, во всяком случае — о праслав. возрасте. Филиация отдельных значений, видимо, была такова, что мы можем выделить знач. 'болот' и 'заболонь дерева' как главные (см. выше). С последним знач. тесно связаны '(губчатый) нарост', 'шишка'; 'прыщ, пузырь', 'чурка, палка'. Между прочим, интересно обратит внимание на форму и знач. лат. *bāsa* ж. р. 'ягода', *bācula* то же (Плиний), а также *baculum* ср. р. 'палка'. Ср. Walde—Hofm. I, 91, 92, где совсем иначе, но вряд ли более вероятно (*bāsa* связывается с именем Вакха и толкуется как средиземноморское название винограда, однако лат. слово употребляется применительно к л а в р у; *baculum* реконструируется как **bac-tlom*).

М. В. Кравчук («Беларуская лексікалогія і этымалогія»). Мінск, 1968, 85) возобновляет объяснение Даля — *бакалда* — метатеза к *калдыба*, но таким путем трудно объяснить все разнообразие вариантов (выше).

***ba(d)la?**: укр. диал. *бала* 'ворожит' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 66).

Имя деятеля **ba(d)la*, возм., представляет собой результат перехода *nomen actionis* > *nomen agentis*. Подробно об этимологии см. **ba(d)lovati*, **ba(d)lʲji*, ниже. Переход в другой тип именных основ — **ba(d)lo* > **ba(d)la* — мог также быть вызван вторичным выравниванием по именам деятеля м. р. на -а.

***balagovati**: болг. диал. *балагѡвам* 'говорить неясно, бормотать' (Георгиев), слвц. диал. *balagovac* 'тратить время впустую' (Buffa. Dlhá Lúka 131).

Скорее всего сложение **bala-gov-ati*, где **gov-* близко родственно этимологически второму компоненту *gu-r-* (с расширением -r-) в сложном гл. **balaguriti* (см.). Первый компонент, по-видимому, вопреки распространенному мнению, не связан с **ba(d)lovati*, **ba(d)lʲji* (см.), кот. выступали как культовые, специальные термины, тогда как элемент *bala-* — не более как экспрессивная ономатошея типа др.-инд. *balbalā* (см. о последнем Maughofer II, 421). См. Verneker I, 40, где взвешивается возможность истолкования как -l-ового причастия **balʲь*, куда автор относит и ст.-слав. *балин*, с чем трудно согласиться; болг. и слвц. слов, названных выше и образующих любопытную изолексу, Бернекер не знает. Как неясное охарактеризовано болг. диал. *балагѡвам* в болг. этимол. словаре, см. Георгиев БЕР I, 28. Садник и Айцетмюллер видят в болг. диал. слове только производное от **ba-* или **bal-* (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 123, без упоминания слвц. соответствия), но парность **balagovati*: **balaguriti*, близких этимологически и семантически, слишком красноречива, ср. также выше. Любопытно отметить, что др.-инд. *gavate* 'заставляет звучать', обычно приводимое как этимол.

соответствие вариантам праслав. основы *gur- / *govor-, наиболее точно отвечает праслав. *gov- в составе *balagovati, редкому примеру нерасширенной основы в этом этимол. гнезде.

- *balaguriti: русск. балагу́рить 'говорить весело, забавно, пересыпая речь шутками, остротами', блр. балагу́рыць 'балагурить, вести пустую беседу' (Каспярович 32). — Сюда же укр. балагу́р (редк.) 'балагур' (Укр.-рос. словн. I, 30), если это не русизм.

Исключительно вост.-слав. и вместе с тем, видимо, старый праслав. лексический диалектизм: сложение ономотопеи *bala-* и основы *gur-*, ср. вокализм лтш. *gaura* 'болтовня', далее — *govorъ (см.). См. Berneker I, 40; Фасмер I, 112; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 122; Shevelov. A prehistory of Slavic 272. Близко родственно *balagovati (см.).

- *balakati: болг. диал. бала́кам 'плескаться, играя, в воде' (Гергов, Георгиев), сербохорв. balakati 'болтать что угодно' (редк., RJA I, 162), словц. baláčhat 'говорить небылицы, вносить смуту, смущать' (SSJ I, 67), польск. диал. balakać 'болтать' (Warsz. I, 90), русск. бала́кать, диал. бала́кать 'болтать, шутивно разговаривать' (Опыт словаря говоров Калининской области 29), бала́кать 'разговаривать о том, о сем, без цели, без плана' (Васнецов 12), укр. бала́кати 'беседовать, болтать, калякать, разговаривать' (Гринченко I, 23), блр. бала́каць 'калякать' (Блр.-русс. 115). — Сюда же, с иным расширением, первоначально той же основы чеш. диал. baláňat 'болтать' (валашк., Kott. Dod. k Bart. 2) и русск. диал. бала́нить 'говорить, болтать' (куйб., арх., Филин 2, 74).

Мы сближаем болг., русск., укр. слова вслед за составителями болг. этимол. словаря (Георгиев БЕР I, 28), объясняя форму *balakati как производное на *-k-ati* от звукоподражат. основы *bala-, родственной др.-инд. *balbala-*. До сих пор обычно данное слово толковалось и этимологизировалось как почти исключительно вост.-слав. образование, см. Berneker I, 40; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 121 (где говорится о предположительном блр. происхождении польск. слова, а также о русск. происхождении сербохорв. примера, см. там же, 123). Однако наличие болг. и словц. соответствий (знач. болг. слова 'плескаться' генетически близко знач. 'болтать вздор') все-таки позволяет рассматривать все эти, в том числе — вост.-слав. слова в плане более широких, общеслав. закономерностей. Поэтому мысль о том, что русск. бала́кать, укр. бала́кати отражают слоговой плавный и сопоставимы с *блкну́ть*, польск. *bełkać* (Шахматов ИОРЯС VII, 1902, 353, 375; Sadnik—Aitzetmüller, там же; Фасмер I, 112) выглядит сомнительно. Сближение бала́кать: лит. *balāzyti* см. К. Буга РФВ LXX, 1913, 100.

- *balamŋta/*balamŋтъ: чеш. диал. *balamut'a* 'тот, кто морочит голову людям' (Bartoš. Slov. 11), словц. *balamuta* ж. р. 'смятение, беспорядок', 'смута' (SSJ I, 67), *galamuta* ж. р. то же (SSJ I, 425),

диал. *balamuta* ж. р. 'неприятность' (Buffa. Dlhá Lúka 131), русск. *баламút* м. р. 'беспокойный, производящий тревогу, смуту человек', 'вздорный болтун, сплетник', ст.-укр. *баламутъ* 'баламут, смутьян' (1600—1605 гг.), 'смута', 'пустой человек' (Тимченко I, 52), укр. *баламút* м. р. 'возмутитель, нарушитель душевного покоя, обольститель', 'знахарь' (Гринченко I, 24). — Сюда же (усеченное) русск. диал. *баламá* м. и ж. р. 'непостоянный, пустой и болтливый человек' (Даль³ I, 105).

Скорее всего отглагольное производное, см. **balaṃṡiti*.

**balaṃṡiti*: чеш. *balamutiti* 'вводить в заблуждение, обманывать', диал. *balamutit* 'лгать' (Kott. Dod. k Bart. 2), словц. *balamutit* 'сбивать с толку', 'сеять смуту, ложные слухи' (SSJ I, 67), сюда же диал. *galamut'it* то же (Hobovštiak. Orav. 143), а также усеченное *balášit* (Kálal 14), польск. диал. *bałamucić* 'мутить, вводить в заблуждение' (Warsz. I, 90), русск. диал. *баламүтить* 'мутить' (Добровольский 21), 'мутить, делать мутной чистую воду', 'производить несогласие, раздор' (Васнецов 11), ст.-укр. *баламутити* 'мутить, темнить' (Тимченко I, 52), укр. *баламүтити* 'мутить, возмущать', 'смущать, нарушать покой' (Гринченко I, 24), 'мешать в работе' (П. А. Софілканич. Особливості говірки с. Лецовиця Мукачівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 97), блр. *баламүціць* 'баламутить, будоражить' (Блр.-русс. 115). — Сюда же, видимо, укр. диал. *балашїть* 'лежать под паром, не возделываться' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ. 1961, 17), ср. аналогичную форму словц. *balášit* (выше). — Сюда не относится, видимо, болг. диал. *баламóсувам* 'вводить в заблуждение, обманывать' (Шапкарев — Близнев БД III, 201).

Вероятнее всего может быть истолковано в духе старой этимологии — как глагольное сложение **bala-mṡiti* (см. **mṡiti*), см. Berneker I, 40; см. еще раньше V. J. Petr ВВ XXI, 1896, 208 (сближает первый компонент с лат. *fal-lerе* 'обманывать', греч. *φηλός* 'ложный, обманчивый'); Brückner 12; V. Machek SMF 13, 99 (элемент *bala-* связывает с *bláto* 'болото'); несколько иначе см. Machek 23 (*bala-mṡiti*, где первый компонент сближается с др.-инд. *bála-* 'молодой, детский'); E. Stankiewicz «Word» 11, 1955 (=«Slavic Word» № 4), 628; Фасмер I, 113. Первоначальное употребление **balaṃṡiti* относится, видимо, к моральной сфере, ср. значения 'обманывать', 'лгать', 'сеять смуту, ложные слухи', 'вызывать несогласие', 'нарушать покой' (знач. 'мутить чистую воду' вторично), поэтому **balaṃṡiti* может быть поставлено в ряд с **balagovati*, **balaguriti*, **balakati* (см.), с кот. его объединяет этимологически общий компонент *bala-*, ономотопея, близкая по природе к др.-инд. *balbalā-*.

Выдвигались также различные гипотезы о заимствованном происхождении слова. В качестве курьеза назовем забытое объяснение из нем. стар. *balmunt*, *balemunt* 'плохой опекун' (A. Lud-

wig «Krok» 3, 1889, 4). Значительно бóльшим успехом пользуется этимология от монг. *balamut* 'своевольный', принятая рядом авторов. Литературу см. Фасмер, там же; далее см. F. Sławski SO 18, 1947, 278; Sławski I, 26; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 125—126. См. еще некоторые дополнительные соображения в кн.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы (Л., 1957) 35, примеч. 4.

**balamotъльъъ*: чеш. редк. *balamutný* прилаг. 'живый, обманчивый', польск. *balamutny*, диал. *bałamutny* (Warsz.), русск. диал. *баламѹтнѹый* прилаг. 'болтающий пустяки, любящий сплетни' (Куликовский 3), ст.-укр. *баламутный* 'сбивающий с толку, обманчивый' (1598 г., Тимченко I, 52), укр. *баламѹтний* 'музный, нечистый (о жидкостях)', 'непокойный, тревожащий' (Гринченко I, 24).

Прилаг. производное с суфф. *-ьл-* от основы *balamot-* (см. **balamota*/**balamotъ*, **balamotiti*, где подробно об этимологии).

**balamъсь*, **balamъсьльъъ*: русск. диал. *бáлмочь*, *бáлмошь*, *бáлмошь* ж. р. 'дурь, сумасбродство, безрассудство, бестолочь' (Даль³ I, 109), *баламъши* м. р. 'обман' (псковск., Даль³, там же), сюда же производные *бáлмошный*, *баламбшный* прилаг. 'дикий, несуразный по своим выходкам, эксцентричный' (Мологиллов. Говор северной Барабы 94), *баламбжить* 'дурачиться' (нижегор., Доп. к Опыту 5), *баламбшить* 'тревожить, будоражить, беспокоить' (вятск., Филин 2, 71), *бáлмасти* мн. 'прихоти' (Псковский областной словарь 1, 102). — Правильность заглавной реконструкции косвенно подтверждает родственное русск. диал. *баламъка* 'жидко разведенное толокно' (Два старинных областных словаря XVIII столетия. Сообщение П. К. Симони. Вятский областной словарь 1772 г. — ЖСт. VIII, 1898, 448).

Видимо, старое сложное слово, несмотря на свой исключительно русск. характер. Первый компонент — тот же, что и в **balaguriti*, **balamotiti*, как см. уже Фасмер I, 117, однако второй компонент отнесен там неточно к *мочь*. Мы видим здесь тесную связь с **mъknoti*, **mykati* (см.).

baliti*/ba(d)liti*?: русск. диал. *бáлить* 'шутить, проказничать' (Даль³ I, 109), *бáлить* 'болтать' (Труды МДК. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский у. Новгород. губ. Словарик говора д. Пенневы. — РФВ LXII, 1909, 294), *бáлить* 'разговаривать, болтать' (Деулинский словарь 48). — Сюда не относится сербохорв. *bàliti* 'mucum emittere, выпускать слюну' (RJA I, 165), деноминатив от сербохорв. *bàla*, *bàle* мн. ч. ж. р. 'mucus, слюни' (RJA I, 164), видимо, заимствовано из роман. языков.

Недостаточно ясно (отсюда и двойственный вид реконструкции), — происходит ли это слово от звукоподражат. элемента *bal-* (см. **balaguriti*, **balamotiti*) или же оно может быть понято как **ba(d)liti*, производного от именной основы **ba(d)l-* (см. ниже **ba(d)lovati*, **ba(d)lъji*), ср. знач. 'болтать', а также ср. отыменный гл. с родственной основой лат. *fabulare* 'рассказывать'

(: *fābula* 'беседа, рассказ' < и.-е. **bhādhlā*), откуда, напр., исп. *hablar* 'говорить, разговаривать'. Сравнение с *балакать*, *балагур*, *баламут* см. у Фасмера (I, 115), но отнесение им сюда же слова *бáять* совершенно излишне в таком случае.

***ba(d)lovati (se)**: цслав. баласкати 'сигаре, лечить' (Mikl.; ст.-слав. субаловати; см. А. С. Львов. Очерки 39 и след.), болг. диал. *балбсам*, *балосам* 'заниматься, увлекаться; мешать кому-либо в работе' (по мысли Младенова ЕПР 14, относится сюда же, см., впрочем, с сомнением, Георгиев), словен. *balováti* 'болтать, нести вздор', словц. диал. *balovac* 'обращаться, обходиться' (Ká-lal 15), словин. *balovac sq* 'шумно веселиться, кутить' (Syčta I, 16), русск. *баловáть* 'потворствовать прихотям, капризам', 'шалить', диал. *бáловать* 'ласкать, снисходительно обращаться' (Добровольский 21), *бáловаться* 'смеяться' (там же), укр. *балувáти* 'заниматься чем, быть опытным в чем' (Гринченко I, 25), диал. 'развлекаться', 'добиваться своего' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 67), блр. *бáлаваць* 'баловать'.

Давно принято связывать со ст.-слав. балови 'врач' (см. Verneker I, 42, где *balovati* производится непосредственно от **balъ* — к *bajati*, однако вследствие древнего и повсеместного проведения иотowego расширения в *bajati* производная форма вроде **balъ* нереальна; далее см. Фасмер I, 117, где *баловать* связано с *балмий* без комментариев; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 118). Но если верно, что основой глаголов на -*ev*/-*u*-, в том числе — праславянских на -*ovati* / -*ujq*, служили имена деятеля на -*u*- (V. Georgiev LP VIII, 1960, 17 и след.; В. Георгиев «Славянская филология» III. София, 1963, 31; V. Georgiev «Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge, Mass., 1962 [1964], 741), то производящей основой для *balovati* никак не могло быть *balъji*. В лучшем случае мы можем лишь соотнести **ba(d)lovati* и именную основу **ba(d)l-*, рассматривая при этом данный глагол как аналогическое образование по типу более древних на -*ovati* / -*ujq*. Подробности этимологии основы см. под **ba(d)lъji*.

Что касается слав. соответствий и их ареала, то, помимо уже упомянутой ненадежности болг. формы, нужно также отнести к весьма сомнительным словц. *balovac*, не упоминаемое Махеком, и особенно — словин. *balovac sq*, кот. вполне может оказаться идентичным польск. *balowac* 'веселиться на балу' < *bal*, зап.-европ. происхождения (см. Brückner 12). Т. о., основной ареал образуют надежные ст.-слав., словен, русск., укр., блр. формы, тогда как зап.-слав. языки обнаруживают лишь проблематичные соответствия и не имеют поэтому контрольного значения в вопросе отражения *dl*, предполагаемого здесь нами.

***balovina?**: словен. *bálovina* ж. р. 'ковыль Stipa Pennata' (Plet. I, 11), русск. диал. *баловина* 'тенистое карасевое озеро' (Яросл. Поволжье, Филин 2, 85).

Возм., родственно *balъka (см.) в близких значениях.

*ba(d)loviti?: чеш. диал. *balvit* 'говорить вздор, глупости' (Malina. Mistř. 8), словц. диал. *balvit* то же (Kálal 15), русск. диал. *балбашить* 'парить в неучке' (Псковский областной словарь 1, 103).

Эта диал. лексика не получила отражения в слав. этимол. словарях. Предположительно сближаются нами с *ba(d)lovati (см.), что требует, разумеется, допущения перехода $dl > l$, кот. мог в специальных условиях (в группах согласных вроде $-lv- < -dlv-$ в наших примерах или диалектно — на словц. территории) осуществляться и в зап.-слав. языках, Знач. 'говорить вздор' и 'парить в бане', при всей их разнородности, могут быть связаны друг с другом в рамках всей семантики *ba(d)lovati и близких форм.

*ba(d)lunъ: русск. диал. *балун* м. р. 'шалун' (волог., Доп. к Опыту 5), 'баловник, шалун', 'баловень, избалованный человек', 'рассеянный, невнимательный человек', 'лентяй' (Филин 2, 87).

Производное с суфф. $-unъ$ от *ba(d)lovati (см.).

Древность образования проблематична.

*balъka: сербохорв. диал. *balka, bala* ж. р. 'ковыль *Stipa pennata* L.' (Истрия, RJA I, 165), польск. диал. *batka* ж. р. 'маленькое озеро в долине; сухой овраг в степи' (Warsz. I, 90—91), русск. диал. *балка* ж. р. 'впадина на дне реки' (Псковский областной словарь I, 102), 'камыш' (там же), 'долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи', 'овраг в лесу', 'низменная местность' (Филин 2, 82), ст.-укр. *балка* ж. р. 'овраг в степи' (1688 г., Тимченко I, 54), укр. *балка* ж. р. то же (Гринченко I, 25), диал. *бавка* 'лужа' (I. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів укр. говорів Буковини. 1959, 5). — Ср. еще укр. диал. *балок* 'мокрое место между взгорьями' (Т. А. Марусенко. Матеріали к словарю українських географічних апеллятивів (названия рельефов). — «Полесье». М., 1968, 215).

Производное с суфф. $-ъka$ от слабо засвидетельствованного *bala < и.-е. *bhā-l- 'светлый, яркий, белый', откуда затем развились названия болота, лужи (ср. лит. *balà*) и названия отдельных растений, ср. прежде всего ковыль с его светлой метелкой (см. еще *balovina). До сих пор ю.-слав. слова обычно не привлекались для сравнения с русск., укр. *балка*, но рассматривались изолированно, что способствовало признанию сербохорв. *bala, balka* словом иноязычного происхождения (Skok. Etim. rječn. I, 98). В свете вероятного родства сербохорв. *balka* 'ковыль' с русск. *балка* 'овраг', 'впадина', а также 'камыш', укр. *балка* 'овраг', *бавка* 'лужа' представляется устаревшим мнение об отсутствии соответствий русск., укр. и польск. словам в других слав. языках (Фасмер I, 116; см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 127, где тоже отсутствует указание на сербохорв. слово; но ср. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 158, где о *bala, balka* говорится как о словен. слове).

Сближение русск. *балка* с оронимом *Балкан* (А. Соболевский РФВ LXXI, 1914, 439—440) проблематично.

*ba(d)ly мн.: русск. диал. *бáлы* мн. 'рассказни, пустой, забавный разговор, шутки, веселье, остроты' (Даль³ I, 111), *балы́* 'болтовня' (Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ XXVIII, 1892, 50), укр. *бáли* мн. 'разговоры, рассказы' (Гринченко I, 24).

Plurale tantum от незаевид. имени *ba(d)la ж. р., тождественного лат. *fābula* ж. р. 'речь, рассказ; басня' < и.-е. *bhā-dhl-ā (см. о лат. слове Walde—Hofm. I, 437, без слав. слова). Ограниченность распространения вост.-слав. языками сообщает некоторую проблематичность реконструкции, откуда — вариантность заглавной формы. См., напр., Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 119, где русск. *балы*, укр. *бали* рассматриваются в духе традиции как производные на -l-.

*ba(d)lji: ст.-слав. балии м. р. *ιατρος*, *medicus* 'врачеватель, врач' (SJS, Sad.), др.-словен. *balī* 'врач', 'исцелитель, спаситель (о Христе)' (Фрейз. пам., см. А. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských ramiatok. Bratislava, 1943, 46, 51, где эта форма относится к древнейшему ст.-слав. фонду великоморавского происхождения, см. еще А. С. Львов. Очерки, 39 и след.). — Неясно, относится ли сюда ст.-чеш. *Valej* м. р., имя собств.: *Domini Valegonis* (Sebaier I, 24).

Имя деятеля, производное с суфф. -ji от основы имени действия *ba(d)l- < и.-е. *bhā-dhl-, ср. лат. *fābula* 'речь, рассказ'. См. Трубочев «Этимология» (М., 1963) 46, примеч. 57. Большинство авторов выдвигает праформу *baleji, кот. по сути дела лишь транслитерирует ст.-слав. слово (так см. Verneker I, 42: < *balъ < *bajati; Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 2, 118 и след.; Vaillant. Gramm. comparée II, 1 (Lyon—Paris, 1954) 104—105). Но еще Соболевский («Slavia» V, 1927, 441) обратил внимание на то, что ст.-слав. слово восходит, по-видимому, не к *balyji, а к *badlyji, ср. тот факт, что именно ряд зап.-слав. основ на -dl- образуют производные на -yji- *předlyji, *pradlyji, сюда же др.-русск. *бьралии, русск. *брáлья*, *прáлья*, *швáлья* (Соболевский), правда, разъединяет балии и русск. *баловать*, что едва ли нужно). Вайян тоже, кстати, ставит ст.-слав. балии в один ряд со ст.-чеш. *předlí*, *pradlí*, *pradlí*, *švadlí*, названиями лиц м. и ж. р., производными от названий действий на -dl-, однако это не мешает ему говорить о суфф. -lyji в балии, см. Vaillant, там же.

Мы не считаем убедительной мысль о влиянии на балии со стороны лат. *balneum* и прочих форм названия бани (I. Vahros. Grossrus. Sauna. — «FF Communications» No. 197. Helsinki, 1966, 70; см. еще А. С. Львов. Указ. соч. 45). Из более старой литер. см. А. Pictet. Etymologische Forschungen über die älteste Arzneykunst bei den Indogermanen. — KZ V, 1856, 47; он же. Die alten Krankheitsnamen bei den Indogermanen. — KZ V, 1856, 331.

***ba(d)lǝstvo**: ст.-слав. бѣлѣстѣко ср. р. *ιάτρεία, φάρμακον*, *remedium, sanatio* 'лекарство, лечение' (SJS, Sad.).

Производное с суфф. *-stvo* от основы *ba(d)l-*, см. подробно **ba(d)lovati*, **ba(d)lǝji*.

***ban'a**: ст.-слав. баня ж. р. *βαλανεῖον, λουτρόον*, *balneum, lavacrum* 'баня, купанье' (Supr. Apost., SJS, Sad.), болг. *баня* ж. р. 'баня, купальня; купанье' (БТР), макед. *бања* ж. р. 'баня, ванная, купанье, ванна' (И.С.), сербохорв. *бања* ж. р. 'баня, купальня', 'минеральный источник', сюда же *бањница* ж. р. 'баня, купальня, ванна', словен. *bānja* ж. р. 'ванна, корыто' (Plet. I, 11), чеш. *bán*, *báň* ж. р. 'купол башни; небосвод; круглая крышка; круглый сосуд', 'осиное гнездо', 'шахта, копь', диал. *baňa* ж. р. 'купол'. (Lamprecht. Slov. Středoopav. 21), *báň* 'жбан, кувшин' (Kubín, Čech. klad. 164), словц. *baňa* ж. р. 'копь, шахта', 'круглый пузатый сосуд' (SSJ I, 69), 'все округлое' (Buffa. Dlhá Lúka 131: *guca mi parixla jak baňa*), в.-луж. *banja* ж. р. 'кувшин, тыква, вообще — все пузатое' (Pfuhl 6), н.-луж. *baňa* 'брюхастый сосуд; чаша для воды; большой молочник', 'тыква' (Muka Sł. I, 13), польск. *bania* 'все выпуклое', 'выпуклый сосуд', 'купол' (Warsz. I, 93), др.-русск. *баня* 'баня, balneum' (XI в., Срезневский I, 41), *банна* 'баня' (1599 г., там же, III, Доп., 7¹), русск. *баня* ж. р. 'специальное помещение, где моются и парятся', 'мытье в бане', диал. (южн., зап.) *баня* 'пар, мыльный пузырь' (Даль³ I, 113), *ба́йна* 'баня' (Подвысоцкий 3; Опыт словаря говоров Калининской области 29), ст.-укр. *баня* ж. р. 'баня' (Беринда, Тимченко I, 56), 'выпуклый сосуд, котел' (1597 г.), 'купол' (1594 г., там же), укр. *ба́ня* ж. р. 'купол', 'солеварня', 'минеральный целебный источник' (Гринченко I, 27), диал. *ба́н'а* 'каменоломня' (I. А. Софілканич. Особливості говірки с. Лецовиця Мукачівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 97), *ба́ні* ж. р. 'минеральный источник', 'солеварня' (St. Hrabec. Narwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, 32).

Достоверно объяснено как праслав. заимствование **ban'a* < **banja* < народнолат. **bānea*, *balnia* (последнее засвид. в лат. эпиграфике), собственно — мн. ч. от лат. *balneum, balineum* 'баня, купальня', кот. в свою очередь заимствовано из греч. *βαλανεῖον* в том же знач. См. А. Meillet BSL 16, 1910, CLXXVI; он же BSL 20, 1916, 91; он же MSL 11, 1899, 179 (в первых двух работах Мейе оспаривает мнение Фасмера и Шахматова о том, что слав. слово заимствовано из греч. или через посредство греч.; еще меньше оснований предполагать герм. посредство); особенно подробно, с освещением реалий, см. М. Murko. Die Schräpfköpfe bei den Slaven. Slav. baňa, baňka, lat. balnea. — WuS V, 1913, 1—42; Berneker I, 43 (предполагает посредство ср.-греч. *βάνειον); Мейе. Общеслав. язык 130 (со специальным указанием на отражение в слав. слове долготы народнолат. **bānja*: сербохорв. *бања*); F. Sławski RS 16, 1948, 85; P. Chantraine LB VI, 1963, 16;

Фасмер I, 121—122. См. еще И. С. Вахрос «Scando—Slavica» IX, 1963, 162—165, а также специальную монографию: I. Vahros. Grossruss. Sauna. «FF Communications» No. 197 (Helsinki, 1966) 68 и след., автор которой пытается, вслед за Махеком, реабилитировать теорию непосредственного заимствования из греч. βαλανεῖον, кот. якобы отразилось, в частности на русск. почве, в формах с -j-, ср. русск. диал. *байна*. Но подобные формы могут быть легко объяснены иначе, см. А. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 134, где говорится о диссимиляции *банъна.

См. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 85—86, где подробно о взаимоотношениях 'баня, купальня' ∞ 'купол, пузатый сосуд' (однако с привлечением постороннего материала). Праслав. **ban'a*, будучи заимствовано южными славянами в знач. 'balneum', прежде всего беспрепятственно распространилось у вост. славян в том же знач. 'balneum', и лишь через стадию 'рудник, шахта', распространилось в знач. 'купол, сосуд' в зап.-слав. языках (ср., впрочем, отдельные ю.-слав. соотвствия **banъka* / **banъka*), под влиянием которых последнее, наиболее позднее, знач. появилось и в вост.-слав. География и относительная хронология распространения слова **ban'a* как бы иллюстрирует наличие известных в науке изоглоссных рубежей и ареалов. См. Трубачев. Ремесленная терминология. (М., 1966) 289—293.

Имели место попытки объяснить **ban'a* как исконное слав. слово, см. А. Вгүскнер KZ XLV, 1913, 26—27 (но его ссылки на относительно позднее польск. *banior*, *bajor* неудачны); Г. А. Ильинский ИОРЯС XXIII, 1921, 197—202 (с маловероятной попыткой объяснения из и.-е. **bhō*); Š. Ondruš «Slavica Slovaca» 4, 1968, 242 и сл. (производит **ban'a* от **batati* 'бить', т. е. 'там, где бьют, хлещут водой', ср., впрочем, сходно — от **bhan-* 'бить' — еще R. Meringer IF XVI, 1904, 158—159).

banъka*/banъka*: сербохорв. *баъка* ж. р. 'сосуд, которым черпают воду' (РСА I, 295), словен. *banjka* ж. р., ум. от *banja*, 'плоская посуда для жидкости' (Plet. I, 11), чеш. *baňka* ж. р. 'пузатый сосуд', 'небольшой купол', словц. *banka* ж. р. 'маленькая посуда' (SSJ I, 70), диал. *baňka* ж. р. 'глиняный пузатый сосуд для питьевой воды' (Buffa. Dlhá Lúka 131), в.-луж. *baňka* ж. р. 'кувшинчик' (Pfuhl 6), польск. *baňka* ж. р. 'пузырек, банка' (Warsz. I, 95), русск. *банка* ж. р. 'стеклянный или металлический сосуд, преимущественно цилиндрической формы', диал. *банка* 'мелкая, но широкая деревянная бадья для продажи живой рыбы' (Мельниченко 28), 'коробка' (Словарь Тверского у. Тверской губ. Труды МДК. — РФВ LXXI, 1914, 343), *банька* 'железное кольцо, скрепляющее косу и косовище' (Псковский областной словарь 1, 108), *банки* мн. 'металлические, пустые внутри, цилиндры, привязанные к верхней тегиве плавной «лоховой» сети' (псковск, Филин 2, 94), ст.-укр. *банька* ж. р. 'пузырек', *банка* ж. р. то же (Тимченко I, 55—56), укр. диал. *банька* 'глиняная посуда с уз-

ким горлом, для жидкости' (И. О. Дзензелівський. Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. — Лекс. бюл. VI. Київ, 1958, 39), *банька* ж. р. 'пузырь на воде' (П. Вілецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, 50), *банки* мн. 'пузыри на воде от дождя' (А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 9), блр. *банька*.

Ум. производное от **ban'a* (см.). Древность образования сомнительна; в некоторых слав. языках могло распространиться вторично.

***banьъ (jь)**: болг. *банен* прилаг. 'банный, купальный' (Младенов БТР), сербск.-цслав. *банънъ* прилаг. *βαλανείου, λουτρόβ*, *balnei* 'банный' (Mikl.), др.-русск. *баньныи, бальныи* 'банный, balnei' (XII—XIII вв., Срезневский I, 40), русск. *банный* прилаг., ст.-укр. *банный* прилаг. 'с куполообразной крышей (?)' (Тимченко I, 55), укр. *банний* 'банный' (Укр.-рос. словн. I, 33).

Прилаг., производное с суфф. -ъп- от **ban'a* (см.). Ср. иное производное с той же функцией в **banьskъjъ* (см.). Форма др.-русск. *бальныи* вторична (диссимиляция) и не может непосредственно сравниваться с лат. *balneum, balnei*.

***banьskъ (jь)**: ст.-слав. *вѣнскъ* прилаг. *τοῦ λουτροῦ, lavacrī* 'банный' (Euch., SJS), болг. *бански*, прилаг. от *баня* (РБЕ), сербохорв. *бањскѣ* прилаг. 'минеральный, водолечебный' (РСА I, 295), чеш. *baňský* 'шахтный, горнодобывающий', словц. *banský* прилаг. то же (SSJ I, 69).

Прилаг., производное с суфф. -ъsk- от **ban'a* (см.). Ср. **banьъjъ*.

***bara**: болг. *бара* ж. р. 'речка, поток', 'стоячая вода, лужа' (БТР), 'маленький поток' (Божкова БД I, § 242), 'лужа' (Горов БД I, 66; Сакъов БД III, 318), 'речка' (Гельбов БД II, 70), 'маленькая речка' (Шапкарев — Близнев БД III, 202), 'маленький источник, крытый и огражденный камнем' (Стойчев БД II, 126), макед. *бара* 'лужа' (И-С), сербохорв. *ба̄ра* ж. р. 'лужа', 'луг', словен. *bāra* ж. р. 'болото, топь' (Plet. I, 12), чеш. диал. *bara* 'большое болото' (Bartoš. Slov. 12), словц. диал. *bara* (Káral 16), возможно, сюда же полаб. *poro* ж. р. 'болото, грязь' (Polański — Sehnert 113). — Ср., возм., еще русск. диал. *баларужина* ж. р. 'лужа, скоп грязной воды' (вятск., Даль³ I, 106), если последнее из **baro-lužina*; далее, ср. болг. диал. *барало* ср. р. 'выемка с водой' (Стойчев БД II, 127), укр. диал. *барыло* 'возвышенность в общем значении' (Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968, 215), *баруля* 'яр, обрыв' (Дорошенко. Материалы до словника діалектної лексики Сумщини 104).

Поскольку вызывает известные сомнения принадлежность к **bara* русск. диал. *баларужина* (< **baro-lužina*? или **balolužina*? См. Berneker I, 40; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2,

127; Фасмер I, 113), русск.-цслав. *bara* по сути дела — южно-славянизм (см. V. Georgiev WdS VI, 1961, 13), а связь между соответствующими *-l*-овыми производными — болг. диал. *барало* и укр. диал. *барыло*, *барыля*, ранее как будто не привлекавшимися, также нуждается в дополнительном изучении, постольку делается сомнительным в целом отражение **bara* в вост.-слав. (То обстоятельство, что поднятый выше вопрос еще может быть решен положительно специально для укр. языка, объясняется скорее фактом известного проникновения лексических изоглосс из карпатской и балканской области на укр. территорию, ср. также близкое **barъ*, ниже). Проблематично далее, древнее наличие *bara* в польск. языке, так как приводимое обычно польск. диал. *barzyna* (см. Verneker I, 43), возм., заимствовано из чеш. Характерно, что Брюкнер вообще не упоминает такой формы, а в статье *bara* специально указывает: «. . . у нас только в ономастике: река *Barucz*» . . . (Brückner 15). Мы приводим среди соответствий и полаб. *poro* (см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 157), вполне отдавая себе отчет в гипотетичности этого. Т. о., бесспорный ареал **bara* — это болг., макед., сербохорв., словен. территория, на периферии которой помещаются чеш. и словц. соответствия. Георгиев (там же) отмечает еще отражение слав. *bara* в топонимии Рудных гор, на западе славянства, ср. *die Bare* (1518 г.). Но особенно широко это слово представлено в Болгарии, гл. обр. — западной, включая многочисленные названия рек и мест (см. Георгиев БЕР I, 32, там же — предыдущая литер.; Sadnik—Aitzetmüller, там же). Происхождение слова **bara*, кот. может быть отнесено к числу праслав. регионализмов, еще не выяснено окончательно. Греч. *μπάρα*, с кот. его сравнивал Миклошич (Miklosich 7), само заимствовано из слав., см. Георгиев БЕР, там же. Продолжают сближать **bara* с алб. *bërrak* 'болото, стоячая вода' (см. еще из литер. Verneker I, 43; K. Oštir «Etnolog» I, 1926/1927, 2; V. Georgiev. La toponymie ancienne. . . 9), но последнее само — целиком слав. происхождения — из **barъnъ* + слав. суфф. *-ak* (см. подробно Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 157). Вслед за Младеновым принято говорить о родстве слав. слова с др.-инд. *Barbarā* ж. р., гидроним, греч. *βάρβαρος* 'тина', но эти сближения крайне сомнительны (см. о др.-инд. названии Maunhofer II, 412; о неясности праформы и возможном звукоподражат. образовании греч. слова см. Frisk I, 252). Мысль о том, что **bara* легко объясняется как параллельное образование к **bal-* < и.-е. **bhā-l-* 'светлый, блестящий' (Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 158; см. еще раньше в том же духе F. Specht. Ursprung 318, примеч. 5), не кажется нам убедительной. Очевидная изолированность имени **bara* в слав., а также преимущественное его распространение в западной части Балканского п-ова вынуждает серьезно взвесить возможную связь праслав. диал. **bara* с остатками языка дослав. населения этих

районов. Ср. второй компонент названия *Metu-baris*, междуречье Савы и Дравы в древности, буквально — ‘междуболотье’ или ‘междуречье’ (Н. Krahe. *Illyrisches*. «Glotta» 22, 1934, 125 и след.); не менее ценно указание на практическую идентичность слав. апеллатива *bara* ‘речка, ручей’ и второго компонента названия реки *Колу-бара*, притока Савы (см. I. Duridanov. *Illyrische Flussnamen in Serbien*. — LB VI, 1963, 102). Меньшей достоверностью обладает в наших глазах отождествление праслав. **bara* с фрак. *para* ‘ручей, река’ < и.-е. **bōra* (V. Georgiev. *La toponymie ancienne*. . . 9). Нужно помнить, что свидетельства о наличии **bara* как раз не характерны для восточной Болгарии, что в известном смысле противоречит фрак. этимологии **bara*.

О чеш. и словц. соответствиях см. Machek 26, где также о взаимовлиянии (или смешении) форм чеш. *bařina*: *bařina*.

***baranica**: чеш. *beranice* ж. р. ‘баранья шапка’, ‘овечья шкура, овчина’, ‘штаны из овчины’ (Jungmann I, 95), словц. диал. *baraňicä* (Habovštjak. *Orav*. 160, без указания знач.), ст.-укр. *бараница* ж. р. ‘выделанная баранья шкура’ (Тимченко I, 56), укр. *бараніця* ‘баранья полость, полость из овчины’ (Укр.-рос. словн. I, 33), *бараніця* ж. р. ‘овчина для укутывания ног зимою в дороге’ (Гринченко I, 28).

Производное с суфф. *-ica* от **baranъ* (см.).

***baranina** / ***boranina**: чеш. *beranina* ж. р. ‘баранина, запах барана’, диал. *baraňina* ж. р. ‘баранина’ (Svěrák. *Karlo*. 109) словц. диал. *baraňina* ж. р. ‘мясо’ (Buffa. *Dlhá Lúka* 131), польск. *baranina* ж. р. ‘баранина’ (Dorosz. I, 345), словин. *baraňina* ж. р. ‘баранина’ (Lorentz. *Slovinz. Wb.* I, 15), др.-русск. *боранина* ‘мясо барана’ (Афан. Никит., Срезневский III, Доп. 24), русск. *барáнина* ж. р. ‘мясо барана или овцы’, ст.-укр. *баранина* ж. р. ‘баранье мясо’ (Тимченко I, 56), укр. *барáнина* ж. р. ‘баранина’ (Гринченко I, 28), блр. *барáнина* ‘баранина’.

Производное с суфф. *-ina* от **baranъ* / **boranъ* (см.).

***baranovъ** (jъ): н.-луж. *baranowu* ‘бараний’ (Muka *Sł.* I, 14).

Притяжат. прилаг., производное с суфф. *-ov-* от **baranъ* (см.).

***baranъ**: сербохорв. *bàran* м. р. ‘черно-белый’ козел’, ‘баран’ (РСА I, 300), диал. *bàran* ‘баран’ (Nk 270), чеш., стар. и диал. *baran* м. р. (Gebauer 25, 40) ‘баран’ (мор., Kott I, 46), ‘баран’, ‘дурак’ (Malina. *Mistř.* 9; Gregor. *Slov. slavk.-bučov.* 19), ‘железная тятка’, ‘название сорта яблок’, ‘приспособление для переноски травы’ (Bartoš. *Slov.* 12), сюда же чеш. диал. *barušku* ‘сережки на иве’ (Kott. *Dod. k Bart.* 3), словц. *baran* м. р. ‘баран, самец овцы’, ‘дурак’, ‘тяжелая колотушка, баба’ (SSJ I, 71), сюда же словц. диал. *baruška* ‘овечка’ (Kálal 18), *barka* ж. р. ‘ягненок’ (Matejčík. *Východonovhrad.* 124), в.-луж. *boran* м. р. ‘баран’ (Pfuhl 40), н.-луж. *baran* ‘баран’ (Muka *Sł.* I, 14), польск. *baran* м. р. ‘баран, самец овцы’ (Dorosz. I, 342—343), словин. *bàrocin* м. р. ‘баран’ (Lorentz *Slovinz. Wb.* I, 17), др.-русск. *баранъ*, *боранъ* ‘баран,

овечий самец, *aries*' (XIV в., Срезневский I, 41—42), русск. *барáн* м. р. (в т. ч. в спец. знач.-иях: 'стенбитное орудие, таран', 'толстый брус' и т. п.), диал. *барáн* м. р. 'тонкий сорт бараньей кожи', *шерстный баран* 'нестриженная баранья шкура', *баран* 'шуба из овчины', 'праздник молотьбы', разнообразные прозвища, название кушанья ('печенье'), 'гребень морской волны', 'птица Gallinago gallinago, бекас' (Филин. 2, 103, 105), *барáнок* м. р. 'баранья шкура' (там же, 106), ст.-укр. *баранъ* м. р. 'баран, самец *Ovis aries*', 'военная осадная машина' (Тимченко I, 57), укр. *барáн* м. р. 'баран, самец овцы' (Гринченко I, 28), *барáнок* м. р. 'бекас' (Гринченко I, 28), *барáнка* ж. р. 'овца?' (там же), блр. *барáн* 'баран'. — Сюда же примыкает болг. диал. *бъра́нкъ* ж. р. 'овца', 'легкомысленный человек' (с. Карайсен, Велико-Тырнольский окр., дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *барáнк'и* мн. 'овцы', ласкат. (с. Величково, Позарджикский окр., дип. раб. Архив Софийск. ун-та).

Вопрос о происхождении слова **baranъ* должен решаться с особым учетом данных лингвистич. географии как в рамках слав. территории, так и в отношениях с иными языковыми ареалами. Должны быть также подвергнуты пересмотру некоторые мнения, укоренившиеся в этимологии. Прежде всего нужно указать, что представления о распространении этого слова в слав. языках должны быть несколько расширены. Если последнее время возобладало мнение, что ю.-слав. языки не знают слова **baranъ* (см. Трубачев. Дом. жив. 74; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 240: «В южнославянском этого слова не существует»), то, по-видимому, необходимо уточнить, что по имеющимся сведениям данного слова не знает только словенский (а это в конечном счете играет здесь решающую роль при этимологизации), тогда как в сербохорватском и даже болгарском **baranъ* в действительности известно. Так, мы не считаем возможным отделять этимологически вслед за Садник и Айцетмюллером сербохорв. *bàran* 'козел, баран' (ср. еще сербохорв. диал. *bàran* 'баран', у нас выше) от праслав. **baranъ*. Скок в своем сербохорв. этимол. словаре указывает сербохорв. *baran* м. р. (J. S. Reljković) 'баран', также в кач-ве фамилии (в Приморье), отсюда ум. *bàra* — о козе и свинье; вариант *boran* в народн. говорах не обнаружен. На существование этого слова в паннонско-славянском указывает, по мнению Скока, венг. *bàrány* (Skok. Etim. gječn., I, 110). Приведенных нами выше болг. соответствий как будто достаточно, чтобы констатировать в народн. болг. языке наличие формы ж. р. **baranъка*, производной от **baranъ*, что косвенно говорит о существовании в определенное время также формы **baranъ* в болг. языке. Этих болг. диал. слов, между прочим, не знает даже новый Болгарский этимологический словарь, как известно, очень богатый народной лексикой. Вост.-болг. характер упомянутых свидетельств (см. выше), вероятно, не может

скомпрометировать их исконного характера в пользу, скажем, заимствования из вост.-слав. (ср. укр. *баранка* ж. р. 'овца?'). Отношения слов **baranъ* и **ovъnъ* (см.) говорят о том, что **baranъ* — относительно новое название самца овцы в слав. языках (см. Трубачев, там же; A. Sabaliauskas. *Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai (jų kilmė ir santykis su atitinkamais slavų kalbų pavadinimais. «Baltų ir slavų ryšiai»*. Vilnius, 1968, 115). Вне всяких сомнений слово **baranъ* заимствовано слав. языками, правда, ссылка при этом как на основной аргумент на различия корневого вокализма *bar-/bor-/ber-* (Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 240) ничего не объясняет сама по себе, а сами эти варианты огласовки не существовали, конечно, одновременно в древнейших слав. формах или языке-источнике, но развились вторично уже в отдельных слав. языках. Поэтому правильно считать чеш. *beran* 'баран' вторично диссимилированной формой (так см. Holub—Кореѣнѹ 67), аналогично мы объясняем и др.-русск. *боранъ*, русск. диал. (холмогорск.) *боран* (Трубачев, там же, 73), в.-луж. *boran* < **baranъ*. Древнейшую слав. форму **baranъ* наряду с этимологической непрозрачностью характеризует, по нашему мнению, наименее славянский звуковой облик с последовательным проведением определенного вида гармонии гласных. Все это вместе взятое, особенно в соединении с необходимостью объяснить не только корень, но также и суффикс, которым потенциально является исход *-an-*, недвусмысленно указывает на Восток. Поэтому неудачна этимология, объясняющая только часть слав. слова и предложенная гл. обр. албанистами и романистами, кот. сближали слав. *baranъ* с алб. *berr* 'овца, пастбищный скот', далее — с сев.-ит. диал. *ber, birr, bero, bar*, ю.-франц. *berri* в том же знач., видя в них лексику альпийского ареала, оформившуюся из подзывания животных (см., вслед за Г. Майером, Йоклем и Майер-Любке, — Е. Çabej «Glotta» 25, 1937, 50 и след.; J. Hubschmid. *Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen. «Vox Romanica» 14 (1954/1955) 195; M. Camaj. Albanische Wortbildung. Wiesbaden, 1966, 86; Berneker I, 43, кот. наряду с алб. и роман. словами указывает на близость греч. βάρηχοι 'бараны', βάρηιον 'овцы, мелкий скот'; Brücker 15; Фасмер I, 123). Сюда примыкают более расплывчатые указания чешских этимологов на «праевропейский» субстрат, см. Holub—Кореѣнѹ, там же; Machek 29). Но βάρηχοι — это, собственно, (F)άρηχοι, кот. вместе с βάρηιον относится прямо к греч. (F)άρην 'овца, баран', родственному греч. εἶρος (*FерФос) 'шерсть', а также лат. *vervex* 'баран' (см. Frisk I, 137; Walde² 826). Между прочим, из лат. *vervex* происходит и франц. *brebis* 'овца' и, возм., часть прочих роман. диал. форм, обычно относимых к подзываниям альпийского ареала. Эти греч. и роман. формы сравнивались со слав. *baranъ* ошибочно, см. Трубачев. Дом. жив. 74—75; F. Кореѣнѹ «Slavia»*

XXXI, 1962, 462; он же SaS XXVIII, 1967, 276; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 240. Объяснение многочисленных прочих европейских (романских и др.) форм из первичного подзывания в общем привлекательно, подзывания типа *brr*, обращаемые к овцам, встречаются и сейчас, но в таком случае пришлось бы говорить не об ограниченном альпийском ареале, поскольку созвучные подзывания овец употребляются не только в Альпах и на Пиренеях (баск. *barra*), но и на Востоке Европы и далеко за ее пределами, на что обращал внимание Хубшмид. В случае с подзыванием допустимо предполагать независимое элементарное родство, ономатопою.

Альпийская теория происхождения праслав. **baranъ* окончательно снимается тем фактическим обстоятельством, что именно альпийские славяне — словенцы — не знают слова **baranъ* совершенно (в отличие от балканских славян), что проницательно подметил еще Брюкнер (см. Brückner, там же). Выше уже была речь о типологическом вероятии вост. происхождения слав. слова. Раньше высказывалась гипотеза о тюрк. происхождении праслав. **baranъ* < др.-тюрк. **baran* 'идуший' (см. Трубачев. Дом. жив. 76), которую мы сейчас считаем целесообразным видоизменить, отведя тюрк. языкам лишь роль посредника при передаче вероятного среднеиранского заимствования **bārān* 'баран, овца' < ир. **varan*, родственного др.-инд. *uraṇa-* м. р. 'ягненок, баран', арм. *gaṭn* 'ягненок', греч *ἀρήν* (о кот. см. выше) < и.-е. **u₂ren-* 'баран, овца' (см. Pokorny I, 1170). Аналогичный путь из иранского через тюркские в славянский проделало семантически смежное слово *чабѧн* 'овечий пастух'. См. близко к изложенному уже К. Moszyński JP XXXIII, 1953, 365—366; Sadnik—Aitzetmüller, там же.

***бараньсь:** словц. диал. *barañes* 'молодой баран' (Hobovštiak. Orav. 164), русск. диал. *баранѣц*, род. п. *-нцѧ*, *барѧнец*, род. п. *-нцѧ*, м. р. 'растение *Lycodium*, плаун', '*Thymus Serpillum* L., чабрец, богородская трава', 'крапива' (Филин 2, 105), укр. *баранѣць*, род. п. *-нцѧ*, м. р. 'бекас' (Гринченко I, 28).

Производное с суфф. *-сь* (и вторичными значениями, см. русск., укр.) от **baranъ* (см.).

***бараньѣ:** словц. *barani* прилаг. 'бараний' (SSJ I, 71), польск. *barani* 'бараний, овечий' (Dorosz. I, 344), словин. *barāni* прилаг. 'бараний' (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 16), др.-русск. *борании* 'сделанный из шкуры барана' (XV в., Срезневский III. Доп. 24'), *борань* (XIV в., Картотека СДР), русск. *барѧний* 'относящийся к барану', 'приготовленный из баранины', ст.-укр. *бараний* прилаг. 'бараний' (Тимченко I, 56).

Притяжат. прилаг., производное с суфф. *-ьѣ* от **baranъ* (см.).

***barati:** болг. *барам* 'трогать, касаться' (БТР, также — диал., см. БД I, 294, 66, 243, II, 71, III, 202), диал. 'искать, спрашивать' (Георгиев), 'работать' (Стойчев БД II, 127), макед. *бара* 'искать',

‘просить, требовать’, ‘рыться, шарить’, ‘трогать, касаться, щупать’ (И-С), диал. *се барам* = *се лекувам* (А. Андоновски. Зборови од Дебарско. — МЈ I, 1950, 240; Видоески. Поречкиот говор 56), словен. *bārati* ‘спрашивать’ (Plet. I, 12), слов. *bárat* ‘ломать, пронзать’ (SSJ I, 71—72), др.-русс. *barati* длит. ‘сражаться, ругнать’ (Срезневский I, 42).

Единственно приемлемой представляется в данном случае морфологическая этимология: **barati*, итератив к **borti* / **boriti* > **barati* ‘проникать, искать, спрашивать, просить, требовать’, также с ослаблением исходного значения: ‘ломать, сокрушать’ > ‘трогать, щупать’, ‘рыться’, ‘работать’. Это дает возможность увидеть инновационный характер данного словообразовательного (семантического) акта, ограниченного, по сути, только ю.-слав. языками, и вместе с тем поставить все (лексикализованные и морфологические) случаи **barati* в один ряд. См. уже Георгиев БЕР I, 33, где дано сближение болг. и словен. слова с др.-русс. *barati*, но семантические отношения авторам остались неясны. Близкую семантическую аналогию мы видим в слав. **pytati* ‘спрашивать’ < ‘пробовать’ < ‘мучить’, родственном лат. *putō*, *-āre* ‘думать’ < ‘резать’ (см. Фасмер III, 421). См. Z. Gojáb «Studia in honorem T. Lehr-Splawinski», 1963, 213—215, где автор тоже говорит о родстве *barati* и *boriti* ‘бороться’, но предлагаемый им путь развития значения кажется менее убедительным (‘бороться’ > ‘хватать’ > ‘искать’ > ‘требовать, просить’).

Прочие этимологии: Младенов ЕПР 17: болг. *bāram* — к *berá*, русск. *беру*, *братъ* (но итератив к **berq* — **birati!*); Ильинский PF 11 (1927), 185: болг. *барам* ‘искать’, словен. *bārati* ‘спрашивать’ < **ob-arati* (ср. лат. *orare*), с первичным знач. ‘спрашивать’; В. Џор SR XIII, 1961/1962, 185—187: **barati* — итератив к **borti* < и.-е. **bhorə*-, ср. греч. *φράδ*-, *φράζω* ‘говорить, доводить до сведения’, *φράζομαι* ‘думать, полагать’, в конечном счете — из и.-е. **bher*- ‘нести, приносить’, якобы о движении руки, но автор понимает затруднительность семантич. стороны своей этимологии; ср. об этом Bezlej. Etim. slovar 8, но собственная гипотеза Безлая — *barati* < **gъbarati*, с упрощением начала слова, куда автор относит вслед за Махеком (см. Machek 142) также **govorъ* / **gъvorъ*-, — по меньшей мере сомнительна. Бернекер, сравнивая болг. и словен. слова, кратко определял их как «темные» (Berneker I, 43), Садник и Айцетмюллер тоже приходят к неутешительному выводу (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 237: «Nur unbefriedigende Erklärungen»), хотя авторы хорошо осведомлены в существующей литературе по этимологии слова, вышедшей после Бернекера.

**barina*: сербохорв. *bārina* ж. р., увелич. от *bāra* (с XVII в., RJA, I, 186), ст.-чеш. *bařina* ж. р. ‘lacuna’ (XV в., Ст.-чеш.,

Прага), ср., возм., сюда же чеш. диал. *bařena* 'трещина, щель' (Kott. Dod. k Bart. 3), *bařina* 'топь, болотистое место' (Hruška. Slov. chod. 12; Kellner. Východolaš. I, 70), слвц. *barina* ж. р. 'сырое, болотистое место' (SSJ I, 72), а также, возм., диал. *bahurina* то же (Kálal 13).

Производное с суфф. *-ina* от **bara* (см.).

*barišče: макед. *баршште* ср. р. 'большая лужа' (И-С), сербохорв. *bārīште* ср. р. 'болотистое место' (РСА I, 307), чеш. диал. (мор.) *bařisko* ср. р. 'болото' (Kott I, 47).

Производное с суфф. *išče* (собрив.) от **bara* (см.).

*baruga/*baroga?: болг. *барўга* ж. р. 'поток', 'лужа' (Геров; Младенов БТР), 'низкий источник, обложенный камнями', 'маленький водоворот' (Стойчев БД II, 127), макед. диал. *баруга* ж. р. 'лужа' (Кон.), сербохорв. *bāruga* ж. р., увелич. от *bāra*, 'русло, по которому вода бежит от плотины на мельницу' (РСА I, 314), сюда же *bāruga* ж. р. 'водоворот, омут, куда больше всего собирается рыбы' (там же).

Суффиксальное производное от **bara* (см.). Древность образования проблематична.

*baruxati?: чеш. диал. *barouchat* 'мять, комкать' (Bartoš. Slov. 12—13).

Представленное только в чеш. диалектах и явно экспрессивное по характеру, это образование сомнительно в отношении своей древности. Возм., из сложения приставки *ba-* и основы гл. **rušiti* (см.). Относительно природы этой приставки в глагольном сложении см. еще под **batoriti*. Ср. еще чеш. диал. (мор.) *barúchat* 'разрушать, разваливать', а также 'греть', в кот. Махек объяснял *ba-* < **ra-* (пейоративный префикс), см. Machek 26, но с приставкой *ra-* у нас связано скорее представление об исключительно именном префиксе.

*barъ: русск. диал. *бар* м. р. 'болото, место, непригодное для хозяйственных целей' (тверск.), 'глубокое место в море, где останавливается пароход' (арх., Филин 2, 98), укр. диал. *бар* м. р. 'мокрое место между холмами' (Гринченко I, 27).

Не совсем ясно, можем ли мы говорить о бесспорном родстве с **bara* (см.), кот. ведет себя как древний регионализм субстратного (иллир.?) происхождения. См. еще Фасмер I, 122, кот. не знал еще русск. диал. форм.

*barъje: сербохорв. *bārje* ср. р. 'поле под водой' (РСА I, 310), словен. *barjè* ср. р. 'болото, топь' (Plet. I. 12).

Производное с суфф. *-ъje* от **bara* (см.).

*barъль: сербохорв. *bāran* прилаг. 'болотный, болотистый' (РСА I, 300).

Прилаг. производное с суфф. *-ьн-* от **bara* (см.).

*barъскъjъ: сербохорв. *bārskī* прилаг. 'paluster, болотистый' (RJA I, 190).

Прилаг., производное с суфф. *-ьск-* от **bara* (см.).

***basati**: макед. *баса* 'бить, плепать' (Кон.), сербохорв. *басати* 'бить, ударять' (РСА I, 318), диал. *бѣсат* 'сильно ударить', 'страдать, мучиться' (Елез. I), *бѣсати*, *бѣсати* 'идти не глядя' (РСА I, 318), 'есть' (там же). — Неясно, относится ли сюда словен. *bāsati* 'нашихивать, набивать' (Plet. I, 13), возм., из нем. *fassen* или близких более старых форм, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 82; ср. еще русск. диал. *бѣсать*, *сбѣсать* 'украсть', тоже объясняемое как заимствование из того же нем. *fassen* 'хватать и т. п.' (Фасмер I, 130). Неясно, далее, и отношение к **basati* болг. диал. *бѣскам* 'резать (крупными кусками), рубить' (Геров; Геров БД I, 66; Стойчев БД II, 127), ср. еще *бѣсна* то же (Геров).

Гл. **basati* в знач. 'бить, ударять' продолжает форму **bat-s-ati*, расширение на *-s-* основы *bat-*, выступающей во многих образованиях с близкими значениями. Форма с расширением *-s-* носит экспрессивный характер. См. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 81—82. Особо следует оговорить форму русск. диал. *бѣсать* 'занимать кого-либо разговорами, рассказнями' (Филин 2, 128), где можно констатировать лишь *-s-*овое расширение варианта основы, представленной (с иным расширением) в **bajati* 'говорить' (см.), т. е. в данном случае — **ba-s-ati* (см. след.).

***basiti**: русск. диал. с.-в.-р. *басить* 'занимать кого-либо разговорами, рассказнями' (Филин 2, 130), 'толковать, калякать, болтать' (Подвысоцкий 5), 'лечить' (Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ XXVIII, 1892, 50; И. Солосин. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре ахтубинских сел Царевского уезда. — РФВ LXIII, 1910, 128), *басить* 'заговаривать' (Деулинский словарь 49), *баситья* 'лечиться' (ряз., Доп. к Опыту 6).

Расширение на *-s-* основы, представленной в **ba-j-ati* (см. **ba-jati*), **ba-j-iti* и родственных. См. Фасмер I, 130.

***basnica**: чеш. *básnice* ж. р. 'сказочница, сказительница' (Jungmann I, 75).

Имя деятеля ж. р., производное с суфф. *-ica* от **basнь* (см.) и соответствующее аналогичному имени м. р. **basникъ* (см. след.).

***basnikъ**: чеш. *básník* м. р. 'поэт', слов. *básnik* м. р. то же (SSJ I, 74), ст.-укр. *басникъ* 'знахарь, шенгун, колдун' (Тимченко I, 60).

Производное с суфф. *-икъ* от **basнь* (см.).

***basнь**: ст.-слав. *басня* ж. р. *μῦθος*, *fabula* 'сказка' (Apost., SJS), болг. *басня* ж. р. 'басня', 'выдумка' (БТР), *баснь* ж. р. 'басня; ложь, выдумка' (Геров), диал. *басна*, *басма* ж. р. 'заговор, заклинание против болезни' (М. Младенов БД III, 38), макед. *басна* ж. р. 'басня', 'заговор, заклинание' (И-С), сербохорв. *bäsna*, род. п. *bäsni*, ж. р. 'fabula' (с XV в., RJA I, 192), *bäsna* ж. р. то же (с XVII в., также 'выдумка' 'заговор', RJA I, 193), *bäsma* ж. р. 'заговор, заклинание' (там же), словен.

bāsen, род. п. *-snī*, ж. р. 'вымысел; басня', *bāsna* ж. р. то же (Plet. I, 13), стар. *basem* ж. р. 'Fabula' (Kastelec: *baiſem*), ст.-чеш. *bāsn*, *bāsn̄*, *bāseň* ж. р. 'вымысел, басня' (Gebauer I, 27), чеш. *bāseň*, род. п. *-sně*, ж. р. 'стихотворение, поэма; басня', диал. *basňa* 'выдумка, вымысел' (Bartoš. Slov. 13), словц. *bāseň*, род. п. *-sne*, ж. р. 'поэма, стихотворение', 'выдумка' (SSJ I, 73), в.-луж. *baseň*, род. п. *-snje*, ж. р. 'рассказ, поэма, стихотворение' (Pfuhl 8), *basnja* то же (там же), н.-луж. *basň*, *baseň* ж. р. 'сказка, поэма, стихотворение' (Muka Sł. I, 19), польск. *baśń* ж.р. 'басня; выдумка, небывлица' (Dorosz. I, 371), др.-русск. *баснь* 'сказка, μῦθος; обаяние, incantatio' (Срезневский I, 45), русск. *басня* ж. р. 'небольшой нравоучительный рассказ', 'выдумка, вымысел', диал. *басня* 'сказка' (Добровольский 23), ст.-укр. *басня* ж. р. 'басня, выдумка', 'предание, рассказ' (Тимченко I, 60).

Древнее слав. именное произведение с суфф. *-snъ* от основы *ba-* (см. **bajati* 'говорить' и родственные). См. Verneker I, 45; Фасмер I, 131; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 120. Вместе с тем сравнение с и.-е. соответствиями показывает инновационный характер слав. производного на *-snъ*, т. к. другие и.-е. языки знают только более простые именные производные от **bhā-* — на *-m/-n-* и на *-s*: лат. *fāma*, арм. *ban*, лат. *fās*.

***basъkъjъ**: русск. диал. *баскѡй* 'красивый, нарядный, прекрасный' (Подвысоцкий 4), *баскѡй* 'хороший, красивый' (Куликовский 3), *баскѡй*, *баскѡий* 'говорливый' (влад., костр., Филин 2, 133), *баскѡий* 'речистый, бойкий на разговор' (Опыт словаря говоров Калининской области 30), укр. *баскѡий* 'резвый, ретивый, рьяный' (Гринченко I, 32), 'ретивый, резвый (о коне)' (Картотека Украинского академического словаря).

Здесь выделено особо прилаг. **basъkъjъ*, словообразовательное оформление которого как самостоятельного слова (производное с суфф. *-ъk-* от основы *bas-*) представляется достаточно древним, если учесть с.-в.-р.-укр. ареал соответствий. Полезно обратить внимание на то, что это прилаг. обнаруживает как знач. 'говорливый', так и знач. 'красивый', — обстоятельство, существенное для установления этимол. связей. Сама основа *bas-* представлена в более широкой группе образований — имен и прилагательных (ср. хотя бы подборку примеров у Садник и Айтцетмюллера, кот. достаточно убедительно сближают русск. диал. названия красоты, красивого — *басъ*, *басá*, *бáсьий* — с сербохорв. диал. *nābas* 'красиво, превосходно', одновременно справедливо критикуя коми-зырянскую этимологию Фасмера, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 127), но возраст лексического выделения этих остальных образований, их праславянская древность осталась для нас недостаточно ясной. Возвращаясь к основе *bas-*, заметим, что она нуждается в более широкой этимологической трактовке (ср. выше значения 'красивый' и 'говорливый'), почему, с одной стороны.

нельзя игнорировать сближения слав. *bas-* с др.-инд. *bhāsati* 'светит, блестит, сияет' (см. Sadnik—Aitzetmüller, там же), а с другой стороны — нельзя не учитывать связи *basá*, *basobŷ* с **bajati* 'говорить' (см. А. И. Соболевский ИОРЯС XXVII, 1924, 325), особенно же — с лат. *fās* ср. р. (**bhā-s*) 'божественный закон' и др.-инд. *bhāṣate* 'говорит', показывающими идентичное расширение. В основе всех этих лексем мы полагаем единое и.-е. **bhā-s-* (подробности о едином и.-е. **bhā-* 'говорить' и 'снять' см. под **bajati* I, II, выше),

***bata/*bat'a/*batja:** болг. *báte* 'старший брат' (Георгиев), диал. *батъ* м. р. 'отец, кум; старший брат' (Младенов БТР; Стойчев БД II, 127: *бат* м. р. 'кум'), *бáк'у* м. р. 'старший брат' (Горов. Страндж. БД I, 65), сюда же диал. *бáко* м. р. 'старший брат', 'отец' (Младенов БТР), *бáльо* м. р. то же (там же), далее — болг. *баца́* м. р. 'отец' (БТР), макед. *bame* м. р. 'старший брат' (И-С), сербохорв. *báta* м. р., ласкат., 'брат', 'друг, приятель', 'отец, свекор, деверь', 'пожилой человек' (РСА I, 325), *báто* м. р. то же, часто в знач. 'отец', далее — *báca* м. р. 'брат' (RJA I, 144), ст.-чешск. *báta* м. р. 'брат', фамильярное обращение (Хрон. Далимила, XV в.; Ст.-чеш., Прага), чеш. *báta* м. р., обращение к добродушному или глупому человеку, сюда, далее, вторичные производные ст.-чеш. *batík* м. р. 'братец' (1490 г., Ст.-чеш., Прага), *batík* м. р. 'милый' (XV—XVI вв., там же; Šimek 27), *bat'k* м. р. 'брат, милый' (Šimek 27), чеш. *batík* м. р. 'братец' (Jungmann I, 76), *batek*, род. п. *-tka*, м. р. 'брат' (Kott I, 50), диал. *bat'k*, род. п. *-t'ka* м. р. 'маленький, коренастый парень' (Bartoš. Slov. 13), ст.-чеш. *baticě* ж. р. 'сестрица' (Gebauer I, 29), словц. *bát'a* м. р., особенно в обращении 'известный, немолодой человек' (SSJ I, 74), 'отец, дядя, старший брат' (Kálal 18), сюда же производное *bat'ko* м. р., при фамильярном обращении, 'известный, немолодой человек' (SSJ I, 75), др.-русск. *бата* 'отец, pater' (только один раз, Ип. летоп. под 1161 г. Срезневский I, 45—46), а также производное др.-русск. *батыко* 'отец' (Тверск. летоп. под 1160 г., Срезневский III, Доп. 8'; Гр. берест. новг. № 290, XIII—XIV вв., Картотека СДР), русск. *бáтя* м. р. 'отец', 'священник', диал. *бáтя* м. р. (презрит. и пренебреж.) 'отец', 'дед', 'крестный отец', 'старший брат', 'тесть', 'почтительное или ласковое обращение к старшему по возрасту', 'друг, приятель' (Филин 2, 150), вторичные производные *бáтjушка* м. р. то же, диал. *батыка* 'отец' (Добровольский 24), *бачкя* 'отец' (Труды МДК. Словарь к ответам на программу по Тамбовской губ. — РФВ LXVI, 1911, 214), ст.-укр. *батыко* м. р. 'отец' (1548 г.), 'духовный отец' (Тимченко I, 61), *батыко* м. р. (1562 г. там же), укр. *бáтько* м. р. 'отец', также — почтительное приветствие пожилому человеку (Гринченко I, 33; Укр.-рос. словн. I, 37), *бáтя*, ум. от *батыко* (там же. 34), блр. *бáцкя* 'отец, батюшка'.

Вынесенные в заглавие статьи формы не исключают друг друга взаимно, но являются хронологическими вариантами, из кот. *bata — древнейший (реально засвид. в сербохорв.), остальные обнаруживают смягчение (экспрессивной природы), с наиболее законченным результатом в болг. (*batja). Форма *bata весьма архаична и по своим особенностям может быть поставлена в один ряд с другими простейшими названиями родства (*baba, *para, *tata, *mama), которые характеризует двухсложность (нередко — чистая редупликация), однородный вокализм, принадлежность к экспрессивной сфере словоупотребления, как бы наделяющая их чертами ахронии. Эти особенности способствуют тому, что данная форма, будучи типологически очень древней, вместе с тем лучше всего подходит для того, чтобы подключаться к некоторым более развитым словообразовательно, тематизированным и семантически более нейтральным названиям родства на правах ум. формы. Поэтому мы имеем основания не рассматривать известную этимологию *bat'a как деминутива от *brat(r)ъ (см. Verneker I, 46; Machek 26—27) как последнюю достигаемую инстанцию истолкования нашего слова. Можно сказать, что мужской термин родства *bata 'отец, дядя, старший брат, старший, почтенный мужчина' вторично соотнесен с *brat(r)ъ (см.). Заслуживает упоминания этимология, выдвинутая в принципе еще Соболевским, кот. сближал русск. *ба́тя*, болг. *баща́* с др.-инд. *pitā*, греч. *πατήρ*, лат. *pāter* (А. И. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 149; он же ИОРЯС XXVII, 1924, 330¹), однако совершенно излишне при этом его предположение о заимствовании славянами у скифо-сарматов. Здесь налицо озвончение (т. е. ослабление артикуляции) $p > b$, ср. напр. ит. *babbo* 'папа', при нейтральном *padre* 'отец', экспрессивное по природе, что же касается несоответствия в вокализме между старой акутовой долготой *bata (сербохорв. *bāca*) и краткостью и.-е. *pāter*, то вторична как раз краткость (< *pa-ter). Далее см. подробно, с литературой, Трубочев. Слав. терм. родства 21, 195 и след. См. еще Фасмер I, 135; Sadnik—Aizetmüller. Vgl. Wb. 4, 226; А. А. Бурячок. Назви спорідненості і сваяцтва в укр. мові (Київ. 1964) 10 и след.

*batati: сербохорв. *bátami* 'бить, колотить', словен. *bātati* то же (Plet. I, 14), др.-русск. *batami* 'колотить tundere' (XIV—XV в., Срезневский I, 45), русск. диал. *batámь*, *botámь* 'бить по воде багром или батаухой для того, чтобы испугать рыбу и загнать ее в сети', 'искать, бегая' (Филин 2, 142), *batamь* 'искать, бегать для розысков' (Бычков. Слова Валдайского у. и Владимирской губ. XLV). — Неясно, сюда ли основа болг. диал. *batīcy-вам* 'наносить вред' (БД I, 242; II, 70).

Старая глагольно-именная основа (см. еще *batъ, *botati и др.), ономатопозитическая природа которой никак, однако, не противоречит возможности определения генетических связей

с и.-е. лексикой, ср. напр. лат. *battuere* 'бить, колотить, толочь' (см. о последнем Walde—Hofm. I, 99). Специфичность слова не позволяет однозначно охарактеризовать его вокализм (итеративная долгота?). Нет никаких данных прямо соотносить **batati* и **badati* (см.), вопреки Прокошу (см. Е. Prokosch AJPh XXXII, 1911, 432). В близких формах встречаются отличия в вокализме, правда, неясно, насколько правильно видеть здесь апофонию в полном смысле (см. подробнее Berneker I, 46: **bheūā-t-*, **bhāu-t-*, **bhūā-t-*). См. еще Sadnik—Aizetmüller. Vgl. Wb. 2, 68 и след. Подробный обзор сербохорв. значений см. F. Kurelac «Rad» XV, 1871, 97.

**batica*: сербохорв. диал. *batīca* 'третья часть молотильного цепа' (Skok), диал. *betīca* (Црес, М. Tentor «Razprave» I, 1950, 71), словен. *betīca* 'толстый конец цепа', 'дубинка'.

Производное с суфф. *-ica* от основы, представленной в **batъ*, **batati* (см.).

**batikъ*: русск. диал. *bátik* 'короткое древко цепа' (Сл. Среднего Урала 37), 'палка с утолщением на одном конце, используемая для разных целей', 'часть цепа, ударяющая по снопам; било', 'кнут' (Филин 2, 143).

Производное с суфф. *-ikъ* от основы *bat-* (см. **batъ* и особенно — **batogъ*). Древность образования трудно доказать.

**batina*: сербохорв. *bátina* ж. р. 'палка, *fustis*', 'удар, палкой', словен. *bátina* ж. р. 'палка, дубинка, колотушка' (Plet. I, 14), чеш. диал. *batina* 'точный удар' (Hruška. Slov. chod. 12).

Суффиксальное производное на *-ina* с основой *bat-* (см. **batъ*, **batati* и др.).

**batiti*(se): сербохорв. диал. (черногорск.) *bátitimi se* 'отскакивать, бить назад (напр. о ружье, дающем отдачу)', русск. диал. (костр., кинеш.) *bátitъ* 'издавать глухой звук от удара' (Опыт 8), *bátitъ* 'бить, стучать', 'лгать' (Филин 2, 143).

Вариант глагольной основы, близко родственный **batati* (см.).

**batjina*: болг. *bátjina* ж. р. 'отцовское наследство' 'отчизна' (БГР), макед. *batjina* ж. р. 'родовое имущество, наследство', 'родной край, родные места' (И-С), сербск.-цслав. *batjina* ж. р. 'hereditas' (Mikl.).

Только ю.-слав. производное с суфф. *-ina* (собирает) от **bat'a* / **batja* (см.). Сербохорв. *batjina* ж. р. 'родина', 'вотчина, имение' заимствовано из болг.

**batjinzъ*: цслав. *batjinzъ* притяжат. прилаг. *πατρός*, *patris* (Mikl.), болг. *bátjinzъ* прилаг. 'отцовский', 'отеческий' (БГР), сербохорв. диал. *bátjinzъ* прилаг. притяжат. от *bátja* 'братец' (RJA I, 144).

Притяжат. прилаг., производное с суфф. *-inzъ* от **bat'a* / **batja* (см.).

**batogъ*: сербохорв. *bátog* м. р. 'палка', 'сушеная рыба' (РСА I, 333), также *bátok* м. р. 'сушеная рыба' (Караџић, s. v.; РСА I, 334), ст.-чеш. *batoh* м. р. 'плетка' (XIV—XV вв., Ст.-чеш.,

Прага), чеш. *batoh* м. р. 'дорожная заплечная котомка', также диал. *batoh* м. р. (Svěrák. Karlov. 109), польск. *batog* м. р. 'здоровенная дубина', *batogi* мн. 'битье палкой' (Dorosz. I, 374), словин. *bítüg* м. р. 'бич, плеть' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 18), др.-русск. *батоꙗ* 'бич, flagellum' (Срезневский I, 45), русск. *батѡг* м. р. 'палка, трость', 'простая из лесного дерева палка' (Подвысоцкий 5), 'бильная часть цепа', 'палка, посох' (Мельниченко 29), диал. *бадаг*, *бадег*, *бадѡкъ*, род. п. *-ока*, м. р. 'палка, посох, трость, хворостина; било; бич, плеть, долгий кнут на длинном кнutowище' (Даль³ I, 92), *бадѡг*, *бадок* 'вообще рычаг, толстая длинная палка' (Васнецов 10), *падог* 'палка, посох', 'часть ткацкого станка', 'палка у молотила', 'короткая палка цепа' (Мельниченко 140), *бадѡг* м. р. 'посох, палка', 'бьющая часть цепа, било' (Филин 3, 56), ст.-укр. *батоꙗ* м. р. 'бич', 'палка, планка' (1688 г., Тимченко I, 61), укр. *бати́г*, род. п. *-ога*, м. р. 'кнут, плеть', 'растение *Scorzonera gosca*', 'усы у огурцов, дынь', 'растение *Chondrilla juncea* L.' (Гринченко I, 32), сюда же, возм., преобразованное *пати́к* м. р. 'палка, кол' (Гринченко III, 101), а также *бати́га* ж. р. 'большой кнут, плеть' и *бати́ра* ж. р. то же (Гринченко I, 33).

Производное с суф. *-огъ* от основы гл. **batati* (см.). Хотя группа образований на *-огъ* в славянском весьма своеобразна, включает ряд темных, а также заимствованных слов, далее — содержит также отыменные производные и прочие специфические случаи, относительно **batogъ* едва ли имеет смысл питать сомнения в его чисто слав. характере и отглагольности (см. выше), невзирая на известное количество затемненных вариантов (см. обзор). Относить **batogъ* к «воинской» лексике ир. происхождения (см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 130—134) мы не можем хотя бы ввиду явной принадлежности нашего слова к аграрной, хозяйственной, бытовой (а не кавалерийской или военной) лексике. Относительно особого знач. чеш. слова см. Machek 27. Ср. еще словен. *batjaga* ж. р. 'дубинка, колотушка' (J. Kelemina ČJKZ III, 1921—1922, 35), с отличием в огласовке суффикса. Далее см. Verneker I, 46; Фасмер I, 134. На заимствовании (из финно-угорского через тюркско-булгарский) настаивает Добродомов «Этимология. 1967» (М., 1969) 253—270.

*batoriti: слов. диал. *batorit* 'шуршать, шуметь' (Habovštiak. Orav. 187), польск. диал. *batorzyć* 'лепетать (о ребенке, начинающем говорить)' (Warsz. I, 194), русск. диал. *баторить* 'разговаривать, беседовать' (перм., Филин 2, 146). — Неясно, принадлежит ли сюда слов. *bútorit* 'будить' (SSJ I, 147).

Бесспорное сложение элемента *ba-* и глагольной основы *toriti*, ср. редуцированное **tor-toriti* (см. **tortoriti*). Праслав. **toriti*, не сохранившееся в чистом виде в слав. языках, тождественно этимологически лит. *tarýti* 'говорить, произносить, выговаривать' — форме, более первоначальной сравнительно с упо-

требительным лит. *taĩti* в том же знач. (см. об этом Fraenkel II, 1064). Что касается элемента *ba-*, он функционирует здесь как специальный глагольный префикс, преверб, возм., близкий по знач. лит. *be-*, кот. сообщает глаголу оттенок длительности или усиления действия. Т. о., структурно и этимологически праслав. **batoriti* может отвечать лит. *betaĩti* 'продолжать говорить, все еще говорить'. Префикс *ba-*, возм., из и.-е. **bhū-a-*. Образование **ba-toriti*, усвоившее черты экспрессивного глагола, известно нам в нескольких слав. языках (слвц., польск., русск.) на уровне диал. элемента лексики. До сих пор как будто не было объектом этимол. исследования.

***batъ**: болг. диал. *bat* м. р. 'стрела у весов' (Геров: *batъ, бѣтъ*), сербохорв. *bāt* м. р. 'дубина, колотушка, палка, clava, malleus, baculum, verber, pistillum, surculus' (с XV в., RJA I, 205), также — определенная мера земли (Влажинац II, 152), словен. *bāt* м. р. 'дубина; жезл; (деревянный) молоток, колотушка', 'початок' (Plet. I 14), чеш. *bat* 'палка' (Kott I, 50), польск. *bat* 'кнут' (Warsz. I, 104), русск. диал. *bat* м. р. 'полый железный конус на длинном шесте, которым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу; прут' (Филин 2, 139), 'долбленое сосновое или осиновое корыто с прибитыми по бокам для устойчивости бревнами' (Куликовский 3), 'лодка, выдолбленная из толстого дерева' (Сл. Среднего Урала 37), (сиб., камч.) 'лодка, обычно небольших размеров, выдолбленная из целого ствола дерева; однодеревка', мн. (волог., перм., сиб.) 'два (иногда три) соединенных вместе долбленных корыта или колоды, использующиеся вместо лодки, парома' (Филин 2, 139), укр. диал. *bat* 'батор' (А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської обл. Одеса, 1958, 16).

Обратное образование от гл. **batati* (см.), сохраняющее характерный для последнего вокализм. См. Machek 26: «Postverbale od batati». Нельзя, конечно, не считаться с формами, кот. допускают другой древний вокализм (или влияние этого другого вокализма), др. цслав. *batъ* 'скипетр', словен. *bāt* 'дубина', др.-серб. *batъ* (первые две формы взяты у Г. А. Ильинского ИОРЯС XXIII, 1921, 209; о др.-серб. форме XIV в. см. Г. Шкриванић НЈ VII, 1955). Но едва ли подходит для всех наших примеров в целом предлагаемая Ильинским (там же) этимологизация из и.-е. **bheut-* 'надуваться'. Совершенно конкретная словообразовательно-морфол. характеристика слова **batъ* (см. выше) не позволяет, впрочем, также последовать за Айцетмюллером, когда он оспаривает древнее значение 'бить' (см. Verneker I, 46) и, наоборот, считает древним и основным знач. 'расти, растение', а эволюцию формы представляет себе как **bheu-* > **bhust-* > праслав. **bvot-* > **bat/-* / **bot-* (R. Aitzetmüller ZfslPh XXII, 1954, 363—367; см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 72, 74). Это слишком широкая трактовка этимол. связей; думается, что о другом

говорят сближения праслав. **batъ* 'дубина' и прежде всего — праслав. **batati* 'бить' с галльско-лат. *battuo* 'бить', лат. *fatuus* 'глухой' < 'пораженный глупостью' < и.-е. **bhāt-* (см., напр., Е. Н. Sturtevant «Language» 3, 1927, 119—120).

См. еще Brückner 18; Sławski I, 28 (обращает на себя внимание поздняя дата появления *bat* в польск. письменности: XVIII в.); Фасмер I, 133 (автор специально указывает на ненадежность старого сближения с лат. *con-fūtō* 'сваливать, сбивать', *rē-fūtō* 'опровергать', предпочитая сравнение **batъ*, **batati* с кимр. *bathu* 'бить' и галльско-лат. *battuere* 'бить').

***bava:** русск. диал. *бава* ж. р. 'довольство' (ряз., Доп. к Опыту 4), *бава* 'забава, игрушки; довольство, достаток, обилие' (Даль³ I, 89), блр. *бава* ж. р. 'разговор, беседа' (Байкоў—Некраш. 40), диал. *бава* ж. р. 'долгая беседа' (Бялькевич. Магіл. 80), 'забава, потеха' (Сцяшковиц. Грод. 42).

Праслав. диал. **bava*, реконструируемое на основе этих вост.-слав. примеров, может быть весьма старым глагольным именем, соотносимым с гл. **baviti* (см. подробно это последнее, там же и о характере отношений **bava*: **baviti*). Обращает на себя внимание известная архаичность и самостоятельность значений имени — 'довольство, достаток, обилие' и лишь отчасти — 'забава, игрушки' и под., что замечательно, если учесть почти полное возобладание в русск. языке продолжений приставочного **zabaviti* (ср.) (см.) с семантикой 'забавлять, развлекать' (семантика, близкая к знач. 'довольство', косвенно отражена также в приставочных **dobaviti*, **pribaviti*). Знач. и форма **bava* 'довольство, достаток' делают возможным объяснение этого глагольного имени как производного с удлинением гласного от основы наст. врем. несущлетьивного гл. **bovq*, **byti*, ср. **trava*: **trovq*, **truti* (см.). Не исключена, далее, возможность поисков и.-е. истоков этих отношений, во всяком случае можно принять, что праслав. диал. **bava* продолжает и.-е. **bhōcā* ж. р., ср. др.-инд. *bhāvāh* м. р. 'становление, бытие', нем. *Vau* 'строение', лат. *favus* м. р. 'пчелиный' сот с медом' < **fovos* < и.-е. **bhōyos* (см. о них Walde—Hofm. I, 469; Mayrhofer II, 485; Pokorny I, 146 и след.). Фасмер (I, 104) говорит о *-bava* только в составе сложного *zabava*, не упоминая наших случаев свободного употребления *bava*.

***bavežь:** болг. *бавѣж* м. р. 'промедление, задержка' (БТР), макед. *бавѣж* м. р. то же (И-С).

Производное имя с суфф. *-ežь* от гл. **baviti* (см.). Не исключено позднее местное образование.

***baviti** (ср.): болг. *бавя* 'медлить', 'задерживать', 'забавлять' (БТР), диал. *бавѣ* 'мешать кому-нибудь', *бавѣ се* 'задерживаться' (Горев. Страндж. БД I, 65), *бав'ъ* 'задерживать кого-нибудь' (Колев БД, III, 294), *бава се* 'терять время, задерживаться' (М. Младенов БД III, 37), *бавим съ* 'оставаться, задерживаться дольше на одном месте' (М. Младенов. Говорят на Ново село, Видинско

208), макед. *bavi* 'медлить; оттягивать, тянуть' (И-С), сербохорв. диал. *bāvit* 'опаздывать, задерживаться' (Елез. I), *bāvitū se* 'задерживаться', словен. *bāviti se* 'заниматься', 'задерживаться' (Plet. I, 14), чеш. *baviti* 'развлекать, интересоваться; отнимать время'; *baviti se* 'коротать время, развлекаться', диал. *bavit* 'мешать в работе', *bavit se* 'медлить' (Bartoš. Slov. 13), словц. *bavit* 'развлекать; интересоваться', 'отнимать время, задерживать', *bavit' sa* 'развлекаться, забавляться', 'задерживаться' (SSJ I, 75), польск. *bawić* 'забавлять', 'пробывать', *bawić się* (Dorosz. I, 378—379), словин. *bāvjic* 'задерживать', 'занимать, забавлять' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 18), русск. диал. *bāvūtь* 'мешкать, делать что-нибудь не скоро' (псковск., Доп. к Опыту 4), 'говорить' (Псковский областной словарь 1, 89; Филин 2, 31), *bāvūtья* 'мешкать, задерживаться', диал. *bāvūtья* 'медлить' (Добровольский 20), 'с трудом обходиться, кое-как перебиваться' (Деулинский словарь 48), ст.-укр. *baviti* 'оставаться', 'медлить, проводить время', 'задерживать', 'заниматься чем-либо' (Тимченко I, 46), *bavitijsя* 'задерживаться, оставаться', 'заниматься чем-либо, увлекаться', 'забавляться' (там же), укр. *bāviti* 'забавлять, развлекать', 'удерживать, задерживать' (Гринченко I, 15), 'замедлять, задерживать', 'забавлять' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови 48), 'развлекать', 'проводить время', 'тратить', 'пройти, миновать' (Картоотека Украинского академического словаря), 'задерживать', 'играть' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 64), блр. *bāvici* 'занимать, тешить, задерживать; мешкать' (Байкоў—Некраш. 40).

Обычно соотносят с **byti* (см.) как его каузатив. См. Verneker I, 47; Mashek 27 (толкует как старый фактитив-каузатив к *byti*, выступающий в этой роли в слав. языках обычно только в сложениях с *jъz-*, *za-*, *do-*; простое *baviti* 'amuser' автор склонен расценивать как вторичное, депревербализованное); Георгиев БЕР I, 24; Sławski I, 28; Фасмер I, 101; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 101—103. В последнее время см. специально Z. Gołąb. The Grammar of Slavic Causatives (=«American contributions to the Sixth International congress of slavists». Prague, 1968. Preprint) 9, кот. указывал, что каузатив *baviti* построен на предпологаемом презентном **bovo* (к *byti*), соответствующем др.-инд. *bhāvati* (ср. J. Kuryłowicz ВРТJ XVI, 101). Вокализм каузатива *a* получен продлением: $\bar{o} < o$. Т. о., соотношение презентной и каузативной основ имеет вид на и.-е. уровне как **bheye-*: **bhoceje-*, на праслав. уровне — как **bove-*: **bavi-* ср. др.-инд. каузатив *bhāvāyati*.

Однако серьезного внимания заслуживает отличная точка зрения на **baviti*, высказанная, напр., Брюкнером: «od **bava*, *zabava*, a to od *być* (jak *stawa od styć*)» (Brückner 18). Иными словами, соотносимое на практике с **byti* каузативное **baviti* построено в действительности на имени **bava* подобно тому, как

*traviti (кауз. к *truti) построено на *trava, а *slaviti (:*slyti / *sluti) — на *slava. Выше мы приводим конкретные, живые продолжения праслав. *bava (см.), а также доводы в пользу древности последнего имени. Если праслав. *bava имеет близкие параллели в др.-инд. bhāvā- и др. (см. *bava), то параллелизм праслав. *baviti и др.-инд. bhāvayati, принимаемый практически всеми авторами, носит скорее иллюзорный характер, на что указывалось также в соотв. дополнении к русскому изданию словаря Фасмера, вслед за Куриловичем, кот. пишет об этом: «Вокализм ā, получивший в индо-иранском функцию древней ступени ḍ, нельзя отождествлять с балто-славянским вокализмом ā, германским ō, которые часто обретают ту же самую функцию. Неправильно делают вывод о непосредственном фонетическом родстве таких форм, как ст.-слав. бакити 'избавить, спасти' и др.-инд. bhāvayati 'рождает, производит', ст.-слав. слакити 'славить' и др.-инд. śrāvayati 'произносит', авест. srācayeiti 'возвещает', ст.-слав. плакити 'заставлять плыть' и др.-инд. plāvayati то же, ст.-слав. гравити 'гареж' и др.-инд. grāhayati (кауз.), ст.-слав. парити 'парить, летать' (герм. fōrjan 'вести') и др.-инд. pārāyati 'вести'» (J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, 325).

Траутман приводит в своем балто-слав. словаре праформу *bō-vejō как балто-слав. каузатив к гл. 'быть', но он не в состоянии назвать балт. соответствий (см. Trautmann BSW 41). Брюкнер с полным правом говорит об отсутствии соответствий слав. *baviti в лит. (см. Вгүкнер, там же). Балтийский не знает ни архаичного праслав. *bava, ни инновационного *baviti.

*bavqъka: русск. диал. баймка ж. р. 'прибаутка, побасенка, при-сказка' (Даль³ I, 138).

Производное с суфф. -ъka от основы старого, нейотированного прич. *bavqt- (см. *baviti, *bava).

*bavyъъ(jъ): болг. бавен прилаг. 'медленный' (БТР), также диал. бавен то же (М. Младенов БД III, 37), макед. бавен то же (И-С), чеш. bavňý прилаг. 'занимательный' (Jungmann I, 80).

Прилаг., производное с суфф. -ьн- от основы гл. *baviti (см.).

*bazaniti?: русск. диал. базанить 'говорить напыщенно, свысока; иногда употребляется в значении лести' (В. Шевляков. Местные слова города Тотмы (Вологодской губ.). — ЖСт. IX, 1899, 139), 'сильно кричать' (Васнецов 10—11), 'кричать, плакать с криком' (Мельниченко 27), 'стрекотать, перебивать чужую речь' (Богораз 24), 'хвастать' (Куликовский 3), 'реветь, кричать, горланить' (Подвысоцкий 3), базанить, базанить 'плакать, реветь', 'кричать, громко петь', 'буяннить, шуметь, стучать', 'громко лаять, мычать' (Сл. Среднего Урала 1, 30).

Бесспорно экспрессивный характер слова сказанся и на его значениях (из них преобладают 'сильно кричать', 'громко петь')

и под., отмеченные экспрессией) и на форме, чем объясняется условность нашей заглавной реконструкции. Конечная этимология не оставляет сомнений: основа **ba-*, родственная **bajati*, **basнь* (см.) и др. Конкретная словопроизводная связь несколько менее ясна: деноминатив от имени деятеля (ср. русск. диал. *базан* 'крикун', см. Фасмер I, 105) или экспрессивное фонетич. преобразование **bazniti*? — Ср. **bazliti*, **bazlo*.

**baziti*: русск. диал. *базитъ* 'громко кричать, плакать, ругаться' (Мельниченко 27).

Экспрессивное расширение (**ba-z-iti*) основы, представленной в **bajati* I, **bajiti*, **basнь* (см.).

**bazliti*: русск. диал. *базлитъ* 'реветь, кричать' (влад., Доп. к Опыту 4), 'врать' (Куликовский 144).

Производное на *-iti* от **bazlo* (см.). Ср. еще **bazaniti*, **baziti* (см. выше). В целом возраст этих экспрессивных образований проблематичен.

**bazlo*: русск. диал. *базло* 'крикун', 'горло, широкое горло' (Мельниченко 27), 'горло, глотка', 'крикун', 'врун, обманщик', 'злой человек', бранно о стариках (Филин 2, 50).

Это экспрессивное слово с невыясненной историей неоднократно относилось исследователями к праслав. лексике и даже дало повод к этимол. дискуссии, см. N. Jokl AfslPh XXVIII, 1906, 8 (для обоснования своего закона деназализации в праслав. языке неудачно этимологизирует как сложение приставки *ob-* и основы гл. *jeti*); J. Charpentier AfslPh XXIX, 1907, 9 (выступив с критикой упомянутого закона Йокля и в частности по этимологии слова *базло*, предложил не менее сомнительную этимологию из н.-е. **bhā(ṛ)ḡ(h)lom*, сблизив с лат. *fauх* 'насть, глотка, горло'); см. затем антикритику автора названного закона: N. Jokl AfslPh XXIX, 1907, 29. Разбором нашего слова занимался также Ильинский, кот. справедливо указал на то, что русск. *базло* стоит в одном ряду с многочисленными глаголами и прочими словами с корнем *баз-* 'кричать', ср. русск. *базанить*, *базлить*, *базланить*, *базан*, *базлан*, *базел* и др.; *баз-* есть расширение н.-е. **bha-* 'говорить' формантом *ḡ*, куда автор относит также греч. βάζω 'говорить, болтать' < **ḡazṛō* (Г. Ильинский РФВ LIX, 1908, 430—432). Далее см. Verneker I, 47; A. Brückner IF XXIII, 206—219 (цит. по: RS II, 1909, 232—233); особенно обстоятельно см. Фасмер I, 106.

**bazovъjъ*: н.-луж. *bazowy* 'бузинный' (Muka Sł. I, 21).

Производное с адъективным суфф. *-ov-* от **bazъ* (см.).

**bazuriti*: русск. диал. *базурить* 'жить обманом, плутовать' (пск., осташк., твер., Филин 2, 51). Топоров (Сб. в честь С. Б. Бернштейна 450 и сл.) гипотетически выделяет праслав. диал. **bazu-riti* или, скорее, **obazuriti*, заимств. из ир. **abi-zūr-/*aba-zūr-*, ср. авест. *zārah-* 'несправедливость', 'обман'. Там же привлекается слав. **baduriti*, о кот. иначе см. выше.

***bazъ**: н.-луж. *baz* м. р. 'бузина *Sambucus nigra*' (Мукa Сл. I, 21), русск. диал. *бас* м. р. 'бузина' (курск., Филин 2, 127). — Ср. сюда же, судя по вокализму, укр. диал. *базнік* 'сирень' (Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, 240), *базнік* м. р. 'собачья бузина *Sambucus ebulus* L.', 'сирень *Syringa vulgaris*' (Гринченко I, 20).

Обычно принято считать, что слав. языки сохранили и.-е. огласовку **bhauǵ-* (откуда праслав. **buzъ*, **buzina*, см.) и **bhuǵ-* (откуда — широко распространенное праслав. **bъzъ*, см.), тогда как об отражении в слав. главного варианта древнего и.-е. названия бука — **bhāǵ-* — или ничего не говорится или упоминается с сомнением. См. Berneker I, 111, s. v. *bъzъ*: «...**bhā(u)ǵ-* in: gr. *φηγός*, dor. *φᾶγός* 'Eiche'; lat. *fagus* 'Buche'; aisl. *bök*, ahd. *buohha* 'Buche'; got. *bōka* 'Buchstabe' (bei Caesar: *silva Bācenis*); (schwerlich in klr. *baznyk*; slk. *baza*?)». Между тем если словц. *baza*, действительно, скорее восходит к **bъza* (см. Berneker, там же, выше; ср. еще двусмысленные болг. диал. *базѣк* м. р. 'бузина *Sambucus ebulus*', см. Илчев БД I, 185; ср. далее болг. диал. *базанѣк*, *базанѣк*, см. Стойчев БД II, 126; *базѣвина* ж. р. 'Sambucus nigra', Илчев, там же), то производное укр. *базнік*, а также н.-луж. *baz* и особенно — русск. диал. *бас* 'бузина' (см. выше), не нашедшее пока доступа в этимол. словари, продолжают праслав. **bazъ*, кот. ценно для нас своим прямым соответствием вокализму и.-е. **bhāǵos*, единственной достоверной реконструкции и.-е. названия бука. См. Pokorny I, 107—108, кот. приводит греч., лат., галльск., герм. формы, точно указывающие на общее и.-е. **bhāǵos*, а реконструкцию вариантов **bhāug-*, **bhauǵ-*, **bhūǵ-* называет «крайне невероятной». Очевидно, в отношении праслав. **baz-*: **bъz-*: **buz-* отразились какие-то вторичные перестройки, однако это еще надлежащим образом не исследовано наукой. Из литер. см. Brückner 22 (автор обращает внимание на то, что польск. *bez*, диал. *bezd*, обозначает два совершенно разных кустарниковых растения — бузину и сирень. кот. объединяет такое свойство, как сильный запах, откуда мысль о происхождении от *bъdzieć* и родственных); Machek 31 (с полезным наблюдением о возможных табуистических мотивах изменчивости формы **bъzъ*, **buz-* и т. д., ср. суеверия, связанные с бузиной и чертом, у поляков), Moszyński. Pierwotny zasiąg 60; Фасмер I, 233 (: *бузинá*, там же указана предшествующая литер.).

***bazati**: словц. диал. *bazat'i* 'жаждать' (Matejčík. Východonovohrad. 122), русск. диал. *бажать* 'очень хотеть чего-нибудь, сильно желать' (Опыт 5), 'желать, иметь склонность, любить, ласкать' (Куликовский 2), 'искренно, сердечно любить', 'усиленно просить, ублажать' (Подвысоцкий 3), *бажать* 'пламенно желать чего' (Добровольский 20), ст.-укр. *бажати* 'хотеть' (1675 г., Тимченко I, 50), укр. *бажати* 'сильно желать, хотеть' (Гринченко I,

19), блр. *бажáць* 'сильно желать, просить' (Носов. 12), 'хотеть' (Расторгуев. Северск.-блр. 140).

Словообразовательный вариант, представляющий собой, по всей вероятности, *j*-овое расширение **bagati* (см.: там же и относительно этимологии; см. еще **bažiti*, ниже).

***bažina**: ст.-чеш. *bažina* ж. р. 'очень сырая местность' (1490 г., Ст.-чеш., Прага), чеш. *bažina* ж. р. 'сырая, болотистая местность', польск. *bażyna* ж. р. 'растение *Empetrum*' (Dorosz. I, 384).

Если перечисленные чеш. и польск. слова не представляют собой результат нередкого в этих языках смешения исконного *ž* и первоначального *ř*, т. е. *r* палатализованного (см. в этом случае **barina*, **bara*, выше), то, очевидно, мы имеем дело с суффиксальным производным на *-ina* от основы **bag-* (см. **bagno*, **bagnъ*, **bagy*).

***bažiti**: ст.-чеш. *bažiti* (конец XIII в.; ... *pověsti světských i škodných nebažiti*. Ст.-чеш., Прага), чеш. *bažiti* 'сильно желать', возможно, сюда же диал. *baščit* 'много и жадно есть' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 20), словц. *bažit'* 'очень хотеть, стремиться' (SSJ I, 77), русск. диал. *бажѣть* 'очень хотеть чего-нибудь, сильно желать' (Опыт 5; Васнецов 10), 'по поверью, с помощью колдовства насылать несчастья на других' (Сл. Среднего Урала I, 30), *ба-жѣть* 'ласкать, лелеять' (Картотека Печорского словаря), ст.-укр. *бажити* 'хотеть, желать, жаждать' (1758 г., Тимченко I, 50), укр. *бажѣти* 'жаждать, сильно желать' (Гринченко I, 19). — Сюда же ст.-польск. пример *cosz mu się zábáżyło* (Лексикон Кнанинского, 1641 г., см. A. Brückner AfslPh XI, 1888, 122).

Несмотря на то что следы основы **bag-*, первонач. каузатива к **bǣg-*, реальны в слав. (см. специально **bag(ъ)ръ* II, выше), не кажется вероятным стремление некоторых лингвистов отнести сюда также слав. **bažiti*. См. W. Osten-Sacken IF XXII, 312 и след., 340 (автор выдвинул объяснение **bažiti* как каузатива к ст.-слав. *бѣжати*); аналогично см. Z. Gołąb. The grammar of Slavic causatives (= «American contributions to the Sixth International congress of Slavists». Prague, 1968) 14. Наиболее распространено толкование праслав. **bažiti* из. и.-е. **bhōg-* 'жечь, жарить', см. Verneker I, 38; Фасмер I, 104—105; см. также подробно **bagati*, далее — **bagŋŋi*, **bag'i*. Предположение о метатезном происхождении (Machek 28, вслед за Петерссоном) проблематично.

***bažŋŋka**: русск. диал. *бажѣтка* общ. р. 'желанный, милая' (Даль³ I, 94), 'милый, любимец, желанный, голубчик (о ребенке)' (иск., тверск., Филли 2, 46).

Именное производное с суфф. *-ѣка* от основы старого прич. **bažŋŋ-* от **bažati* (см.). Ср. еще **bagŋŋъжъ* (см.).

***bebrěňъ**: др.-русск. *бѣбрѣнь* 'бобровый, *fibrinus*' (Слово о полку Игореве, Срезневский I, 47), ср. еще Иос. Флав. VII, 5, 4: въ рпзахъ *бѣбрѣнахъ* ἐν ἐσθῆσι σθηκῆς (Мещерский УЗ ЛГПИ 198, 1956, 5—6).

с другой стороны, сохранило древнюю *-u*-основу и географически представлено в слав. языках весьма широко. Последнего нельзя сказать о варианте **bьbrъ* (см.), хотя для него можно предполагать значительную древность, ср. реликтовый характер отражений балт. **bibrus* в др.-прусск. ономастике (*Bybir, Biber, Biver, Vibra*, см. Буга, там же), как, впрочем, и соответствия в ряде других и.-е. языков, ср. ниже герм., итал., кельт. примеры, кот. могут отражать как **bhebhru-*, так и **bhibhru-*.

Имеются все основания считать праслав. **bebrъ* более старой огласовкой сравнительно с **bobrъ*. Об этом ясно говорит, напр., то, что в польск. языке название животного в форме **bebrъ* неизвестно, тогда как последняя огласовка еще выступает в древнем польск. гидрониме *Viebrza* (см. А. Brückner KZ XLVIII, 1918, 213). О том же свидетельствуют и.-е. соответствия: лит. *bēbras, bebrūs* 'бобр', лтш. *bebrs*, др.-прусск. *bebrus*, др.-в.-нем. *bibar* 'бобр', др.-англ. *beofor*, корн. *befer*, лат. *fiber* 'бобр'. См. в основном уже А. Будилович. Первобытные славяне I (Киев, 1878), 192; Miklosich 8; Berneker I, 47; Vondrák. Vgl. slav. Gr. I, 498; Brugmann. KVGr. 152; R. Trautmann BSW 28—29; Walde — Hofm. I, 490—491; Specht. Der Ursprung 120; Kluge¹⁵ 75; Pokorný I, 136; Фасмер I, 141, 180—181; Fraenkel I, 38; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 150—151; P. Эккерт ВСЯ IV, 108—109. Давно убедительно показано, что **bebrъ* восходит к первонач. цветообозначению в редуцированной форме и.-е. **bhe-bhr-u-s*. Древнее знач. хорошо сохранено в др.-инд. *babhrú-* 'бурый, коричневый' (см. Mayrhofer II, 409).

***bebrъkъ:** в.-луж. *běbrk* м. р. 'маленький бобр, бобренок' (Pfuhl 10).

Производное с суфф. *-ъkъ* от основы *bebr-* (см. **bebrъ*) или точнее — с суфф. *-k-* от *-u*-основы *bebrъ-*, ср. др.-инд. *bábhruka-* м. р. 'ихневмон' от *babhru-*.

***bečati:** сербохорв. *béčati* 'мычать', 'кричать' (РСА I, 528), словен. *béčati* 'блэять (об овцах); кричать, хныкать' (Plet. I, 15), в.-луж. *blečeć*, н.-луж. *bjacas* 'мычать, блэять' (Muka Sł. I, 39), чеш. *bečeti* 'блэять', диал. *bečat* 'плакать' (Malina. Mistř. 9), *bečat* 'то же' (Bartoš. Slov. 14), *bečet* 'мекать, блэять, мычать' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 21), сюда же чеш. диал. *bečít* 'то же' (Hruška. Slov. chod. 12), словц. диал. *bečat* (Hobovštiak. Orav. 278), польск. *beczeć* 'блэять (об овце, козе)' (Dorosz. I, 390), русск. диал. *бецать* (новг., Филин 2, 285), ст.-укр. *бечати* 'блэять' (Тимченко I, 38); сюда же примыкает русск. диал. *бячать* 'блэять (об овце)' (Филин 3, 360).

Звукоподражат. глагол, фонетический вариант **bekati* (см.).

***bedra:** ст.-слав. *bedra* ж. р. *μῆρος*, femur 'бедро' (Psalt., SJS), сербск.-цслав. *bedra* ж. р. *μῆρος*, femur (Mikl.), сербохорв. *bědra* ж. р. 'бедро', словен. *bédra* ж. р. 'бедро' (Plet. I, 16), ст.-чеш. *bedra* ж. р. 'бедро, ляжка', 'пах', 'поножи' (Gebauer I, 33; Šimek 27), польск. диал. *b'edra* ж. р. 'бедро' (Olesch, S. Annaberg 9),

др.-русск. *бедра* 'верхняя часть лядвей' (Срезневский I, 47), русск. диал. *бедра́* ж. р. 'верхняя половина всей ноги; часть от таза до колена; лядвея, ляжка' (Даль³ I, 144).

Старый словообразовательно-морфол. вариант ж. р. к **bedro* (см.; там же подробно об этимологии). Легкость, с кот. варьируют **bedra* и **bedro* в разных слав. языках, наводит на мысль о первонач. адъективной природе образования.

***bedratъ(jь)**: словен. *bedrāt* прилаг. 'широкобедрый, с большими ляжками' (Plet. I, 16), в.-луж. *bjedraty* (Jakubaš), укр. *bedrátuij* 'широкобедрый, с развитыми бедрами' (Гринченко I, 36).

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от основы *bedr-* (см. **bedro*).

bedrenica**/bedrǫnica**: макед. *bedrenica* ж. р. 'бедренная кость' (Кон.), сербохорв. *bedrenica* ж. р. 'болезнь крупного рогатого скота, свиней, lumbago', 'бок чего-либо (кровати, ткацкого станка)' (РСА I, 377), 'бедреница *Pimpinella saxifraga*' (там же, I, 378), диал. *bedrǫnica* 'болезнь скота' (Елез. I), *bedrenica* 'кривая деревянная часть седла сзади' (Vuk. 380), словен. *bedrǫnica* ж. р. 'das Darmbein' (Plet. I, 16). — Ср. еще сербохорв. *bedrǫnica* ж. р. 'прострел, lumbago', 'бедреница *Pimpinella saxifraga*'.

Производное с суфф. *-ica* от основы прилаг. **bedren-*/**bedrǫn-* (см. **bedrǫnъjь*/**bedrenъjь*, ниже), по сути — субстантивация упомянутого прилагательного.

bedrenikъ**/bedrǫnikъ**: сербохорв. *bedrenik* м. р. 'растение *Pimpinella*' (РЈА I, 223), 'болезнь *Bacillus anthracis*', 'бедреница *Pimpinella saxifraga*' (РСА I, 377), словен. *bedrnik* м. р. 'бедреница *Pimpinella*' (Plet. I, 16), ст.-чеш. *bedrnik* м. р. то же (Gebauer I, 33; Ст.-чеш., Прага), также *vedrnik* (Ст.-чеш., Прага), чеш. *bedrnik* м. р. 'растение *Pimpinella*', словц. стар. *bedernik* м. р. 'растение *Pimpinella major*' (SSJ I, 78), диал. *bebrnik* то же (Kálal 19), ст.-польск. *biedrnik* 'бедреница' (Sł. stpol. I, 86), укр. диал. *bedrǫnik* м. р. '*Potentilla anserina* L., гусиная лапка' (Д. А. Бейлина. Материалы для Полесского ботанического словаря. «Лексика Полесья». М., 1968, 415).

Ю.-слав. свидетельства вызывают у исследователей сомнения. см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 262, где прямо указано на русск., чеш. или польск. происхождение словен. формы; правда, в отношении сербохорв. слова эти авторы не совсем точны, когда они утверждают, что примеры не встречаются раньше XIX в. и связаны с формированием естественно-научной терминологии в XIX в. Но сербохорв. *bedrnik* есть уже у Стулли, что практически фиксирует наличие его в языке XVIII в., задолго до систематической деятельности по формированию названной научной терминологии. См. еще А. Будилович. Первобытные славяне I (Киев, 1878), 72.

Острый запах и жгучий вкус растения оправдывали бы, с нашей точки зрения, этимологию, ранее игнорировавшуюся исследователями: производное от первоначально адъективного **bedrъ*,

образования с суфф. *-r-* (ср. **xytrь* и под.) от глагольной основы **bed-*, ср. **bodъ*, **bosti* (см.), а в отношении ступени вокализма — лит. *bedù*, *bèsti* 'колоть'. Только в этом и ни в каком другом смысле может пониматься опосредствованное родство с **bedra*, **bedro* 'бедро' (см.). Подробнее см. след. статью.

***bedrěньсь/*bedrěньсь:** сербохорв. *bědrinac*, род. п. *bědrinca* м. р. 'растение *Pimpinella*' (RJA I, 223), *bědrěнац*, *bědrěнац*, род. п. *-нца*, м. р. (РСА I, 347), словен. *bedrěnes*, род. п. *-нца*, м. р. 'растение *Pimpinella*' (Plet. I, 16), *bedrines*, род. п. *-нца*, м. р. (там же), польск. *biedrzeniec*, *wiedrzeniec* 'бедренец *Pimpinella*' (Warsz. I, 148), русск. *бедрєнєц* '*Pimpinella saxifraga*' (Даль³ I, 144), диал. *бедрѣнєц*, род. п. *-нца*, м. р. 'лекарственное стойное растение' (донск., Филин 2, 178), ст.-укр. *бедрєнєць*, *бедрєнєць* м. р. то же (Тимченко I, 65), укр. *бедрѣнєць*, род. п. *-нця*, м. р. 'растения *Pimpinella saxifraga*, *Peucedanum cervaria*' (Грипченко I, 37). — Сюда же производное от той же исходной формы слов. *bederenček* с тем же знач. (Káral 20).

Мы этимологизируем название лекарственного растения *Pimpinella saxifraga*, обладающего резким запахом и жгучим вкусом, как суффиксальное производное на *-en-ьсь/-en-ьсь* от более древнего *-r-*производного **bedrь*, функционально и структурно понимаемого нами как прилаг. от глагольной основы **bed-/*bod-*, ср. праслав. **bodъ*, **bosti* 'колоть' и родственные (см. еще близкое **bedrenikь/*bedrěnikь*). Этими броскими качествами бедренец давно обратил на себя внимание (в качестве некоторой семантики. аналогии здесь можно указать на лат. эпитет *saxifraga* 'ломающая камни', придаваемый обычно лат. названию бедренца и калькированный в русск. научной терминологии, ср. *бедрєнєц* к а м н е л о м к о в ы й). Родство названий бедренца, приведенных выше, а также в предыдущей ст., с названием бедра — **bedra*, **bedro* (см.) предполагалось уже давно и неоднократно (см. еще Miklosich 8; Holub—Korešný 67: *bedrník* < *bedro*. «Ввиду того, что корень его пах козлом, бедренец был древним колдовским зельем для возбуждения детородной силы (бедро —местилище плодородия)»; см. совершенно аналогично Machek. *Jména rostlin* 158; Machek 28; Bezlaž Etim. slovar, рукоп., Любляна). Однако существенное отличие нашего понимания связи с **bedro* 'бедро' состоит в том, что общим исходным словом всей семьи мы считаем не сложившееся уже **bedro* со знач. 'бедро', а прилаг. на *-r-***bedrь* с семантикой 'острый, колкий' и под., кот. положено в основу как названия бедра, так и названий растения и некоторых прочих апеллативов, испытав при этом субстантивацию в условиях различного суффиксального оформления. Описанное прилаг. **bedrь*, в реальности и четких связях которого с глагольной основой **bed-/*bod-* 'колоть' трудно сомневаться, мы не выделяем в виде самостоятельной словарной статьи единственно по той причине, что оно устанавливается нами путем

реконструкции второй ступени, не будучи нам дано в виде прямых продолжений в слав. языках. Недостатком предшествующих этимологизаций как **bedrǫnъsь*, **bedrǫnikъ*, так и **bedro* (см. ниже) был постулат изначальности знач. **bedro* 'бедро'.

Ввиду тонизирующих свойств растения высказывалось мнение о родстве его названия с праслав. **bъdrъ* (см.) (Brückner 25; Фасмер I, 142; Меркулова. Очерки по русск. народн. номенклатуре растений 66, с приведением названий другого близкого растения — русск. диал. *бадрянка*, *бадрѣнка*, *бадрѣвь*; эти названия могли испытать влияние вокализма русск. *бодрый* или вообще могли быть произведены от последнего слова, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 261). Однако первоначальная, этимологическая связь **bedrǫnъsь* с **bъdrъ* 'бодрый' очень мало вероятна по соображениям лингвистич. географии и историч. диалектологии, поскольку праслав. **bъdrъ* отсутствует и, по-видимому, отсутствовало всегда в зап.-слав. языках, будучи распространено на востоке и юге славянства. У нас нет также никаких оснований принимать вокализм **bъdr-* для нашего названия растения *Pimpinella saxifraga*, как раз хорошо известного как в зап.-слав., так и вост.-слав. языках. Предпринималась также попытка выявить в названии бедренца продолжение особого и.-е. **bhedr-* 'процветание, богатство' (H. G. Lunt. Old Church Slavonic *bedrǫno*. — «Language» 29, 1953, 129 и след., Меркулова, там же; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 262), но допускаемая иногда при этом связь **bhedr-* и **bъdrъ* едва ли приемлема, наконец, само отражение и.-е. **bhedr-* в слав. весьма проблематично (см. **bedrǫnъ* II), а привлечение сюда др.-инд. *bhadrá* 'счастливым, отрадный' (H. G. Lunt, там же; Sadnik — Aitzetmüller, там же) также не бесспорно (см. Mayrhofer II, 467—468).

Прочие этимологии см. Фасмер, там же; Sadnik—Aitzetmüller, там же. Рудницкий допускает даже заимствование из ср.-лат. **piperinella* (Rudnyckuj 1, 96).

***bedrica:** болг. *бедрица* ж. р. 'сбитый хлопок, раскатанный тонкой и длинной пряжкой для прядения' (Геров), сербохорв. *бедрица* ж. р. 'бедро', 'окорок', 'синяк, кровоподтек от удара на теле', 'растение *Pimpinella*', 'сорт яблок' (РСА I, 377), диал. *бедрице* мн. 'сорт яблок' (Vis 15), словен. *bédrica* ж. р. 'бедро' (Plet. I, 16).

Производное с суфф. *-ica* от древней адъективной основы **bed-r-* (: **bed-/bъd-* 'колоть, бить', см. **bodq*, **bosti*, ниже), лексикализованная субстантивация незасвидетельствованного прилаг. **bedrъ*. Семантика 'колоть, бить', реконструируемая для исходного **bedrъ*, легла в основу знач. 'бедро, окорок' (см. выше сербохорв., словен. примеры, а также специально — **bedro*), эта же семантика почти без изменения сохранена в сербохорв. знач. 'синяк, кровоподтек от удара на теле' (Разрядка наша. — О. Т.), к ней близко в сущности и болг. знач. 'сбитый хлопок'. Относительно знач. 'сорт яблок' см. **bedrika*, о знач.

‘растение *Pimpinella*’ см. подробно **bedrenьсь*/**bedrньсь* (выше). Более традиционные концепции с исходным **bedro* ‘бедро’ или и.-е. **bhedr-* ‘процветать’, как нам кажется, не в состоянии объяснить упомянутые выше семант. особенности слов.

**bedrika*: сербохорв. *бѣдрика* ж. р. ‘сорт сладких и твердых яблок’ (РСА I, 377), ‘яблоко средней величины’ (JŠ 11), словен. *bedrika* ж. р. ‘сорт яблок’ (Plet. I, 16).

Производное с суфф. *-ika* от древней основы прилагательного **bedr-*, в сущности — фонетич. вариант к **bedrica* (см.). Семант. развитие, возм., объясняется из значения этимологической первоосновы: ‘бить’ > ‘сбитый, плотный, твердый’. Неубедительно отнесение к и.-е. **bhedr-* ‘процветание’ (H. G. Lunt «Language» 29, 1953, 133).

**bedro*: болг. *бѣдрѣ* ср. р. ‘бедро’ (БТР), макед. *бѣдро* ср. р. ‘бедро’ (И-С), сербск.-цслав. *бѣдро* ср. р. *μῆρος*, femur (Mikl.), сербохорв. *бѣдро*, ср. р. ‘бедро, ляжка’, словен. *bédro* ср. р. ‘бедро’ (Plet. I, 16), чеш. *bedra* мн. ср. р. ‘поясница, чресла’, словц. *bedro* ср. р. ‘бедро, бедренная кость’ (SSJ I, 78), диал. *bedro* ср. р. ‘ребро’ (Matejčík. Východonovohrad. 123), в.-луж. *bjedro* ср. р. ‘ляжка’ (Pfuhl 19), н.-луж. стар. *b'edro* ср. р. ‘поясница, бедро’ (Muka Sł. I, 33), польск. *biodro* ср. р. ‘бедро’ (Dorosz. I, 525), русск. *бѣдрѣ* ср. р. ‘часть ноги человека или животного от таза до колена’, ст.-укр. *бѣдро* ‘верхняя часть ноги’ (Тимченко I, 65), укр. *бѣдрѣ* ср. р. ‘бедро’ (Гринченко I, 37), блр. *бѣдрѣ*.

Мы объясняем праслав. **bedro* как субстантивированное прилаг. **bedr-* (в форме ср. р.), производное с суфф. *-r-* от глагольной основы **bed-*/**bod-* ‘бить, колоть’ (см. **bodq*, **bosti*). Ср. **bedra* ж. р. (выше). Лексема **bedro* обозначает верхнюю часть ноги от таза до колена, бедренную кость, кстати сказать, — с а м у ю д л и н н у ю кость человека. Лексические инновации, экспрессивные по природе, отмечены здесь и для других языков. Характерно отсутствие общего и.-е. названия бедра, в отличие от нижней части ноги, ступни (и.-е. **pod-*). Образование праслав. **bedro* < **bed-*/**bod-* ‘бить, колоть’ полезно сравнить с нем. *Bein* ‘верхняя часть ноги, кость’, герм. **baina-* < и.-е. **bhei-* ‘бить’. Т. о., **bedro* — праслав. новообразование, и его поэтому не имеет смысла связывать с лат. *femen*, *femur*, как это предложил в свое время Петр (см. V. J. Petr ВВ XXI, 1896, 210, где неточно дается *fēmen*, *fēmur*, там же приводится сравнение с якобы родственным нем. *Bein*). См. подробно Walde—Hofm. I, 477, где лат. *femur*, род. п. *-inis*, ср. р. ‘бедро, ляжка’ признается в конечном счете неясным, старым исконным именем с основой на *-r/n-*, кот. не может продолжать праформу **bhedmen-*/**bhedr-* и тем самым не родственно слав. *bedro*; см., далее, Ernout—Meillet³ I, 399: *femur*. . . «Нет никакой возможности сблизить со ст.-слав. *бѣдрѣ* ‘бедро’, которое само изолировано». Этимологическое сближение *bedro*: *femur*, усовершенствованное

в деталях реконструкции Бернекером (см. Berneker I, 47—48) и признаваемое в общем им самим ненадежным, сохраняется современными этимол. словарями (см. Фасмер I, 143, там же названа старая литер.; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 264); Н. Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic 150. По изложенным выше соображениям целесообразно отказаться от этого сближения.

Прочие этимологии: к др.-инд. *badh-*, *bandh-* 'ligare, colligere' (С. Микучкий. Изв. ОРЯС IV, 1855, 409); из и.-е. **bhēdh-* 'гнуть', ср. др.-инд. *jīu-bādh-* 'преклонив колени', др.-исл. *knē-beð* (W. v. d. Osten-Sacken IF XXIII, 1908, 377—378); из и.-е. **bed-rom*, ср. арм. *port* 'пуп, середина' < и.-е. **bod-ro-* (Н. Petersson LU Ars I/XI, № 5, 1915, 171, цит. по: JФ III, 1922—1923, 216; Pokorný I, 96); Махек развивает оригинальную, но малоубедительную мысль о родстве слав. *bedro* со ср.-в.-нем. *zimere*, *zimb(e)re* ж. р. 'бедро, чресла' < герм. **temra-* < *demra-*, куда относит и лат. *fetur/-minis* на базе общего **d(h)emr/-men-*, с допущением метатез и т. п. (Machek 28—29); сближение с и.-е. догреч. *πέτρα* 'скала', *πέτρος* 'камень' < **bed-ros*, **bed-rā* см. V. Georgiev LB I, 1959, 84.

bedrunĭka**/bedrunica**/***bedrenĭka**/***bedronĭka**: чеш. *bedruňka* ж. р. 'божья коровка', диал. *bedrunka* то же (Bartoš. Slov. 14), *berunka* ж. р. то же (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 21), *verunka* ж. р. то же (Malina. Mistř. 136), словц. *bedrunka* (Kábal 20, 909), диал. *bobruna* ж. р., *bobrunka* 'божья коровка' (Buffa. Dlhá Lúka 134), польск. *biedronka*, *biedrzonka* ж. р. 'Coccinella', 'божья коровка' (Warsz. I, 148), укр. диал. *бобрўнка* ж. р. 'божья коровка Coccinella' (Гринченко I, 78), *боборўнка* то же (там же), *бобруниця* ж. р. то же (там же), *бобруна*, *бобрус'ка* 'божья коровка' (Карпатский диал. атлас 95), *бабруна* ж. р. то же (Гринченко I, 15), *бабруна* (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 63), *бабрун* м. р. 'божья коровка' (Гринченко I, 15); далее, сюда же инакоформленные *бабруська* ж. р. 'божья коровка Coccinella' (там же), *бедрак* м. р. 'личинка майского жука' (Гринченко I, 36), *б'здрик* м. р. 'божья коровка' (Гринченко I, 37; А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 10), *б'здрик* м. р. 'божья коровка Coccinella septempunctata' (Гринченко I, 40), *п'трик* м. р. 'божья коровка' (Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968, 88), блр. *бабруніца*, *бедарка*, *бедрык*, далее — диал. *вздрок*, *бэдрок*, *пэдрок*, *вздрок-пэдрок*, *бобрык*, *федрык* м. р., *подэрк* м. р., *федарка* м. р., *фэдорк* м. р., *хведарка* м. р., *пэтрык* м. р., *пэтрок* м. р. *пэтрык* м. р., *пэтрыс* м. р., *пэтро* м. р., *пэтро* м. р., *пэтро*, *пэтра-пайла* м. р., *тодор* м. р., *пэдорка-едорка* м. р., *пэтрык-вэдрык* м. р., *цэдрык-пэдрык* м. р. и др. 'божья коровка' (Л. Ф. Шаталава. Назва «божай кароўкі» (Coccinella septempunctata)

у беларускіх гаворках. — «З жыцця роднага слова». Мінск, 1968, 166 и след.).

Название божьей коровки, представленное в таком удивительном множестве вариантов в чеш., словц., польск., укр. и блр. языках, может быть возведено в основном к нескольким праслав. праформам *bedrun'ka, *bedrunica *bedren'ka, *bedron'ka, кот. имеют второстепенные суффиксальные отличия. Все эти названия — не что иное как субстантивация с помощью суффиксов -un'ka, -unica, -en'ka, -on'ka первоначальной основы прилагательного *bedrъ, -r-производного от глагольной основы *bed-/*bod- 'колоть' (см. *bodq, *bosti). Прилаг. *bedr- (восстанавливаемое нами косвенным путем, кроме данного названия насекомого, также на основе слов *bedra, *bedrenikъ/*bedr'nikъ, *bedrenьsь/*bedr'ньsь, *bedrica, *bedrika, *bedro, см. выше) характеризовалось наличием семантики, производной от глагольного знач. 'колоть, бить'. Применительно к случаю названия насекомого *Coccinella septempunctata* мы имеем право говорить о конкретной реализации значения 'наколотый', «punctatus», ср. такую броскую особенность божьей коровки как несколько точек на жестких надкрыльях, что отмечено и латинским научным термином *septempunctata* 'покрытая семью точками'. Отличия диалектных разновидностей названий, при всем их множестве, объясняются без особого труда. Это вторичные усечения с новой суффиксацией (*бедрак, бедрик, бездрик, бэдырк*), разнообразные ассимиляции и диссимиляции согласных (*бобрунка, бобору́нка; ведрунка, вэдырк*), наконец — отражение разных вторичных осмыслений в связи с именами людей и святых, напр. блр. *пэдорка, петра-паўла* (см. специально о последних Л. Ф. Шаталава, там же).

Признавая тот известный факт, что божья коровка окружена разными народными суевериями, мы, тем не менее, не видим необходимости объяснять перечисленные выше названия из проблематичного и.-е. *bhedr- 'процветание, счастье' (так см. Н. G. Lunt «Language» 29, 1953, 131—133; ср. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 262—263). Махек, считая происхождение слов неясным, указывает на близость лит. *petrėlė* 'божья коровка' (см. Machek 29, с опечаткой: Lid., вместо Lit.), но само лит. слово (кстати, пропущенное в словаре Френкеля) представляет собой лишь адаптацию, литуанизацию блр. *пэтрык* и под. (см. выше). Не кажется убедительным, далее, объяснение наших названий божьей коровки из первонач. словоупотребления *бедра* 'с пятнами на бедрах, с бедрами иного цвета', откуда — 'пестрая вообще' (так см. В. Т. Коломієць «Мовознавство» 1967, № 3, 49—52, с большим укр. диал. материалом и правильным возведением всех укр. форм к первонач. *bedrunka). См. еще Р. В. Кравчук ВЯ 1968, № 4, 124, где справедливо оспаривается близость укр. *бобру́н* и т. д. 'божья коровка' с *бобрати*, но,

с другой стороны, проводится необоснованная попытка отграничить варианты *бaбр-*, *бoбр-* от *бeдр-*, без сомнения связанные генетически (см. выше). Специально о варианте блр., укр. *бeдрик* см. Р. В. Кравчук «Беларуская лексікалогія і этымалогія» (Мінск, 1968) 85. Этимологию укр. *бeдрик*, *вeдрик* < *вeдро* 'ясная погода' см. Г. Ф. Шило. Названия божьей коровки в украинских говорах. — «Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Одесса, 4—7 июня 1969 г.)» М., 1969, 37.

***bedr̥ce**: болг. *бeдърцe* ум. ср. р. 'ляжечка' (Герв: *бeдърцe*), словен. *bédrcе* ср. р. ум. 'бедро, ляжка' (Plet. I, 16), русск. *бeрце*, *бeрцo* ср. р. 'голень' (Даль³ I, 207), диал. *бeрце* то же (Сл. Среднего Урала 43), *бeрце*, *бeрцo*, *бeрцo* ср. р. 'бедро', 'голень', 'кусок холста, служащий для обертывания голени ног' (Филин 2, 260).

Ум. производное с суфф. *-ьce* от **bedro* (см.). Собственно говоря, болг., словен. образования не вызывают сомнений, этимологическая проблема возникает только в связи с русск. формами. Кажется вполне приемлемым старое объяснение русск. *бeрце*, *бeрцo* < **bedr̥ce* упомянутого выше состава, с последующим упрощением группы согласных. Литературу см. Фасмер I, 159, собственные возражения которого не представляются существенными, равно как и разделяемое рядом авторов мнение о происхождении из **byrkъ*, невероятное фонетически, о чем см. справедливо Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 265 (: необычность прогрессивной палатализации в этих условиях в русск.). Сами Садник и Айцетмюллер считают наиболее подходящим объяснением *бeрцo* < **byrdьce*, куда действительно относятся укр. *бeрцe* 'мостик из одной или двух кладок', 'валек, к кот. крепится дышло', ст.-польск. *barca*, *bierco* 'валек при дышле', но, по нашему мнению, эта последняя лексика, продолжающая праслав. **byrdьce* (см.), не связана с *бeрцo* < **bedr̥ce*. Знач. 'свая для укрепления рыболовной снасти', диалектно представленное у русск. слова (см. Фасмер, там же), не представляет дополнительных трудностей, если вспомним о первонач. семантике основы **bedr-* (см. ряд предшествующих статей).

***bedr̥nъ(jь) I** / ***bedrenъjъ**: цслав. *bedr̥nъ* прилаг. м.р.об, femoris (Mikl.), болг. *бeдрен* 'бедренный' (БТР), макед. *бeдрен* прилаг. то же (Кон.), сербохорв. *бeдренj* 'бедренный' (РСА I, 377), словен. *bédrn* прилаг. 'бедренный' (Plet. I, 16), чеш. *bedernj* прилаг., словц. стар. *bedernj* прилаг. то же (SSJ I, 78), ст.-польск. *biedrny* 'бедренный, сохendicis, femoris' (1471 г., Sl. Stpol. I, 86), русск. *бeдрен(н)ый*, *бeдерный*, *бeдряный* (Даль³ I, 144).

Прилаг., производное с суфф. *-н-* от **bedro* (см.).

***bedr̥nъ II?**: ст.-слав. *bedr̥no* прилаг.: *bedr̥no* каздание *πλουσίαν τῆν ἀνταπόδοσιν* (Euch., SJS; Sad.: *bedr̥nъ* adj. reichlich).

Употребленное единственный раз ст.-слав. прилагательное (откуда — проблематичность реконструкции самостоятельной

праформы, см. выше), имевшее, судя по греч. эквиваленту, знач. 'богатый, обильный', можно проэтимологизировать, вслед за Лантом (см. Н. G. Lunt «Language» 29, 1953, 128—133), как родственное др.-инд. *bhadra-* 'благосостояние, процветание, богатство', которое далее связывается с гот. *batiza* 'лучший'. См. специально Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 261 (с указанием прежних, менее вероятных этимологий). Особенно близки в таком случае, конечно, слав. и др.-инд. формы, объединяемые также наличием общего суф. -r- и возводимые к общему и.-е. **bhed-r-*. Кажется, это единственная приемлемая слав. этимология, предлагаемая Лантом в упомянутой работе, поскольку его попытки аналогично истолковать названия божьей коровки и растения *Pimpinella saxifraga* с основой **bedr-* (см. выше) нами отвергаются.

**beka?*: болг. диал. *бѣка* ж. р. 'растения осока *Carex*, чистец *Stachys*' (Младенов БТР; Георгиев), сербохорв. диал. *бека* 'растение с мелкими мясистыми листиками и звездчатыми желтыми цветочками, стелющееся по скалам и каменным стенам, *Sedum sempervivum tectorum*' (черног., Ровинский 642), словен. *bѣка* ж. р. 'вид ивы *Salix viminalis*' (Plet. I, 16), укр. *бе́чка* 'Salix L.' (St. Makowiecki. Słownik botaniczny łaćnińsko—małoruski. Kraków, 1936, 322). — Далее, сюда же, возм., примыкают сербохорв. *bѣkva* ж. р. 'Salix vitellina L., *Salix viminalis* L.', а также *bekovica* (RJA I, 228), русск. *бековина* ж. р. 'растение *Horminum*' (Даль² I, 81, без помет относительно распространения).

Эта группа слов целиком пропущена Бернекером и авторами некоторых других этимол. словарей (напр., русск. *бековина* не упоминают ни Преобр., ни Фасмер). Мысль Георгиева о происхождении болг. слова от звукоподражания, обозначающего овцу (см. Георгиев БЕР I, 40), не очень убедительна и не учитывает близких форм в других слав. языках. Правда, нет полной уверенности в связи всех этих форм друг с другом, нельзя не считаться с различиями значений, наконец — с сомнительностью отдельных форм и в целом — с неясностью праслав. реконструкции, вытекающей отсюда. Основательному анализу подверг словен. и сербохорв. лексику Безлай, приводящий также производные словен. *bѣkovica*, *bѣkovina* и др. и указывающий на возможную связь с болг. названием. Безлай признает неясность происхождения слов, допуская вместе с тем заимствование из ср.-в.-нем. **weike*, **weikel*, соврем. нем. *Weichel*, как, впрочем, в равной степени — вслед за Скоком — и из роман. названия ивы, ср. фриульск. *vѣnc* 'Salix' (Bezlay. Etim.slovar, рукоп., Любляна).

Нетрудно заметить, что принадлежность сюда русск. формы означала бы ошибочность идеи об этих (сравнительно поздних) заимствованиях.

**bekati*: болг. диал. *бѣка* 'блеять' (Стойчев БД II, 128), сербохорв. *bѣkati* 'balbutire' (Белостенец, Ямбришич, Стулли, RJA I, 227),

словен. *bekāti* 'блеять, болтать' (Plet. I, 16), чеш. *bekati* 'блеять, невнятно бормотать', диал. *békat* 'рвякать' (Malina. Mistř. 10), русск. *бэкать* 'блеять; мямлить' (Даль³ I, 197—198; Филин 2, 206), укр. *бэка́ти* 'кричать по-козьи, по-овечьи, блеять', 'реветь (о детях)' (Гринченко I, 48). — Сюда же, далее, примыкает словен. *beketāti*, *begetāti* 'блеять' (Plet. I, 16), ст.-укр. *бегетати* 'блеять (об овцах)' (Тимченко I, 65), русск. диал. *бекетать* то же (Даль, там же).

Гл. звукоподражат. происхождения от междом., передающего крик (напр. овцы), см. Verneker I, 48; Фасмер I, 146.

***beknŋti**: макед. *бекне* 'заблеять' (И-С; Кон.), сербохорв. *бékнути* 'проблеять', словен. *békiniti* то же (Plet. I, 17), чеш. диал. *béknŋt* 'рвякнуть' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 21).

Перфективная глагольная форма на *-nŋti* от **bekati* (см.).

***bekotъ**: словен. *bekèt*, *bekòt* м. р. 'блеянье (о мелкой скотине)' (Plet. I, 16—17), чеш. *bekot* м. р. 'блеянье (овец), мычанье (телят); плач'.

Отглагольное имя, производное с суфф. *-otъ* от основы **bekati* (см.).

belbeniti**/belbeliti**: русск. диал. *белебэнить* 'безумолку молоть' (Даль³ I, 198), 'беспрестанно говорить пустяки, не умолкая болтать' (Филин 2, 208), *белебэлить* 'много говорить о пустяках' (Филин, там же), укр. *белебэнити* 'болтать, баять' (Гринченко I, 49).

Звукоподражательный гл. с редуцированной ономастической основой: **belbel-*, тесно связанной с вариантом **bolbol-*, с иной огласовкой, см. Фасмер I, 111, 147, о связи русск. *белебэнить* и *балаболить*. Основа **belbel-* диссимилировалась в **belben-*, но ср. лит. *blebėnti* 'болтать', очень напоминающее по своему звуковому составу русск. и укр. слова (см. Fraenkel I, 31, без упоминания русск., укр. форм).

belbenъ?/*belbelъ: укр. *бэбэбэнь*, род. п. *-бэня/-бня*, м. р. 'возвышенное и открытое место', 'глубокое место в воде' (Гринченко I, 49; Укр.-рос. словн. I, 55), диал. *бэбэбэнь* 'открытая или опустошенная местность без построек и растительности', 'очень холодный ветер' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960, 15), *бэлибэнь* 'незаросший, голый бугор, пустошь' (А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, 16), *бэлибін* 'глубина' (Г. Е. Дорій. Особливості говірки села Підгород Мукачівського округу. Дип. роб. Ужгород, 1953, 78).

Отчетливо звукоподражат. по своему происхождению именное образование, соотносимое с предшествующим гл. (см. **belbeniti*/**belbeliti*). См. Э. Балецкий «Studia Slavica» V, 1959, 183—184, кот. производил знач. 'глубокая вода', 'глубокое место в воде', от первонач. обозначения шума воды, а знач. 'возвышенное и открытое место' — от шума ветра.

***belbetati**: сербохорв. *blebětati* 'болтать', диал. *blebčhat* 'говорить невнятно' (Елез. I), словен. *blebetāti* 'болтать' (Plet. I, 33), чеш. *blebtati*, *blebotati* 'невнятно бормотать', словц. диал. *blebtat* (Kálal 28), русск. диал. *блѣбетать* 'лепетать, мямлить; болтать пустяки' (Даль³ I, 235).

Глагол, производный от не полностью редуцированной основы (**bel-be-*) с помощью интенсивирующего суфф. *-(e)tati*. При реконструируемой праформе **belbetati* русск. *блѣбетать* должно было бы продолжать некое **белебетать* с последующим выпадением гласного, понятным в этом экспрессивном слове, но ср. лит. *blebėti*, *blabėti* 'болтать', наряду с лит. *balbatūoti* 'ворчать' (см. Graenkel I, 31). В подобном образовании не имеет смысла предполагать обычный ход метатезы плавного или регулярную апофонию гласных, уместнее говорить о звукоподражании *b-l-b/b-r-b* с различной вокализацией (Skok. Etim. rječn., s. v. *blabositi* (I, 166); Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 166—167).

***bel'ati?** / ***běl'ati?**: чеш. *belhati* (*se*) 'прихрамывать, ковылять' (см. также Kott I, 56). — Бернекер приводит и словц. *belhať* 'хромать' (Berneker I, 48, без указания источника).

Это слово получило у некоторых этимологов праслав. реконструкцию **belǵati*, см. Berneker I, 48—49 (с замечанием: «Der Ansatz ist problematisch»); В. Џор «Živa Antika» V, 1955, 233—234 (: чеш. *belhati* < **belǵati*, ср. греч. βάλλαρες οἱ βλαῖοι). Реконструкция **belǵati* в данном случае попросту ошибочна, и элемент *h* в чеш. *belhati* так же вторичен, как и в чеш. *kulhati*. Подобно тому как синонимичное *kulhati* восходит к **kuł'ati* (Machek 246), *belhati* может продолжать **bel'ati*, ср. сюда же чеш. диал. *belat* 'качать, укачивать (ребенка)'. См. Machek 29, где также указано на рифмованный характер употребления чеш. *belhati* — *kulhati*. Автором высказывается (там же) интересная мысль о связи с чеш. *kolébati* 'качать, колыхать' < праслав. **kolēbati* (см.), кот. Махек анализирует как **ko-lēbati*, т. е. сложение основы *lēb-* с приставкой *ko-* (см. Machek 213). К сожалению, Махек очень краток («Viz i kolébati»), и отношения **kolēbati* и **bel'ati* (?) / **běl'ati* (?) еще нуждаются в изучении. Возм., наше темное слово — результат старой метатезы **lēb-* < **běl'-?*

***belnika**: болг. *блѣнѣка* 'белена' (Георгиев; Геров: *блѣнѣка* ж. р. 'растение Hyoscyamus niger, белена черная').

Производное с суфф. *-ika* от основы **beln-* (см. **belnъ*).

***belnovati**: болг. *бленувам* 'отравиться беленой' (Георгиев), 'предаваться мечтам, грезить' (БТР), 'мечтать' (Младенов БТР), макед. *бленува* 'мечтать' (Кон.; И-С), чеш. *blenovati* 'болтать' (Kott, I, 73).

Гл. на *-ovati*, производный от имени **belnъ* (см.).

***belnъ** / ***belena**: болг. *блян* м. р. 'греза, мечта (несбыточная)' (БТР), диал. *блен* то же (Младенов БТР), (Геров: *блѣнъ* м. р. 'мечты',

‘белена’), макед. *блен* м. р. (поэт.) ‘греза, мечта’ (И-С), сербохорв. *blen, blet* м. р. (редк.) ‘белена’ (RJA I, 435), сюда же *белена* ж. ‘дурак, болван’ (РСА I, 439), словен. *blēn* м. р. ‘белена *Hyoscyamus niger*’ (Plet. I, 34; отсюда производное *blencāti* ‘говорить во сне, бредить; болтать’, там же), ст.-чеш. *blēn* м. р. ‘белена’ (Gebauer I, 64), чеш. *blín* м. р. ‘белена’, (переносн.) ‘порочное вождение’, диал. *blim* м. р. ‘белена’ (Kott. Dod. k Bart. 4), словц. *blen* м. р. ‘белена *Hyoscyamus niger*’ (SSJ I, 102), ‘горечь’ (Kálal 28), диал. *belian* ‘белена’ (Kálal 21), польск. *blen* м. р., а также *bielun* ‘белена’ (Warsz. I, 165), др.-русск. *беленъ* ‘белена, *hyoscyamus*, ὀσζύχμος’ (Изб. 1073 г., Срезневский I, 68), русск. *беленá* ж. р. ‘ядовитое растение сем. пасленовых’, диал. *белен* м. р. ‘белена *Hyoscyamus niger*’ (ворон., ряз.), ‘растение *Capsella bursa pastoris*’ (олон., Филин 2, 209).

Две заглавные реконструкции отражают древнее наличие двух праслав. вариантов данного слова, причем менее распространенное **belena* столь же реально (ср. сербохорв. *белѐна*, словц. *belian*, русск. *белена*, сюда же примыкает польск. *bielun*, см. еще ниже), как и более распространенное **belnъ*, куда относятся остальные болг., макед., сербохорв., словен., чеш., словц. примеры, а также др.-русск. *беленъ*, русск. диал. *белен*. Следовательно, в отдельных частях слав. территории наблюдается сложное соотношение форм, как напр. в русск., где есть продолжения и праслав. **belnъ*, и **belena* (впрочем, так же должны быть охарактеризованы пары словц. *blen—belian*, польск. *bleń* (см. **belnъ/—bielun*). При этимологизации названия белены важно обратить внимание на древность знач. ‘мечты, грезы, бред, бредить, болтать’, ср. еще **belnovati* (выше). Здесь поучителен пример укр. *блѣкот* ‘белена’ (сюда же укр. *блекотá* ‘белена’, ‘цикута’, *блѣкит* ‘цикута, бешеница’), первоначально, конечно, — ‘невнятное бормотание’, ср. укр. *блекотáти*, *белькотáти* ‘невнятно говорить, бормотать’. Белена *Hyoscyamus* — очень ядовитое растение, сильное отравление ею вызывает галлюцинации и бред. Будучи известна с древности именно этим свойством, она, естественно, обозначалась с помощью слов, называющих бред, бессвязную речь, бормотанье. В одних языках это наблюдается очень наглядно (см. выше), в других затемнено ввиду древности обозначения, тем более что речь идет о названии, охватывающем ряд и.-е. языков. Праслав. **belnъ*, **belena* и **bylnъ* (см. ниже) родственно кельт. (галльск.) *belinuntia*, *belenuntia*, βελινουντία, βελένιον ‘белена’, кимр. *belá* ‘белена’, англос. *beolone*, др.-сакс. *bilene* ‘белена’, нем. диал. *bilme*, далее — др.-в.-нем. *bil(i)sa*, нем. *Bilsen-kraut* ‘белена *Hyoscyamus niger*’. Индоевропейцы предполагали связь названий белены с и.-е. **bhel-* ‘белый, светлый’. Ср. еще А. Pictet. *Les noms celtiques du soleil*. — KZ IV, 1855, 361—362, кот. сближает кельт. названия белены, растения, посвящаемого Аполлону, с галльск. именем бога — *Belenus*

и далее — с ирл. *béal, béol, bél* 'солнце', слав. *bělъ* 'белый', др.-инд. *bhal-*. См. далее Р. Kretschmer «Glotta» 14, 1925, 96 и след.; Kluge¹⁵ 79 (: «... к и.-е. **bhel-* 'беловатый': растение названо за свои серозеленые листья»); Pokorný I, 120; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 134 (авторы говорят о неделимой связи названия белены и слав. *bělъ* 'белый'). Ср. еще Фасмер I, 147. Между прочим, авторы ряда слав. этимол. словарей вовсе не считают эту связь самоочевидной. Еще Миклошич обращал внимание на возникающее при отравлении беленой головокружение, умственное расстройство (Miklosich 9). У Бернекера, возм., не случайно опущена та часть индоевропейских этимологий, где говорится о родстве с названием белого цвета (Berneker I, 48). Вполне определенно высказывается Брюкнер: «... *bielon, bielun* ничего не имеет общего с белым» (Brückner 25). Ничто не мешает нам при этимологизации праслав. названий белены обратить внимание на возможность родства этого названия (и близких герм. и кельт. названий растений) с глаголами 'говорить, болтать, кричать', объединяемыми вокруг особого и.-е. **bhel-* (см. Pokorný I, 123: *bhel-6*).

См. еще из литер.: V. J. Petr ВВ XXI, 1896, 209; ВВ XXV, 1899, 146 (относит к слав. слову лат. *filix, filix* 'папоротник', против этого см. Berneker, там же; Walde—Hofm. I, 497); Trautman BSW 30 (автор рассматривает форму *belena-/belenā* как балто-слав., фиктивность чего станет очевидной, если учесть отсутствие близких форм в балт., напр. в лит., см. Brückner, там же); Specht. Ursprung 140 (ставит вопрос о гетероклитичности отношений имен др.-в.-нем. *bili-sa*, кельт. *βελι-νοβντιαμ*: англос. *beolone* < **bhelu-nā*: слав. **bel-n-ъ*/ **bьl-n-ъ*); Machek 34—35 (относит слав., герм. и кельт. слова к «праевропейскому», см. еще Machek LP II, 1950, 158, но аблаут **bel-en-*: **bel-n-*: **bьl-n-* свидетельствует в пользу исконности этих слов, см. Sadnik—Aitzetmüller, там же; см. также Specht, выше). См. еще Shevelov. A prehistory of Slavic 405.

***belнь**: ст.-польск. *bleń* 'белена *Hyoscyamus niger* L.' (1460 г., Sl. stpol. I, 99).

Словообразовательно-морфологический вариант (сведениями о грамм. роде мы не располагаем) к **belnъ* (см.).

***berаць**: болг. *берач* м. р. 'тот, кто берет', 'собиратель' (Геров; БГР), макед. *берач* м. р. 'сборщик урожая' (И-С; Кон.), сербохорв. *berаć* м. р. 'сборщик урожая (винограда, кукурузы)' (вслед за Стулли и Вуком см. RJA I, 234), словен. *berаć* м. р. 'сборщик, собиратель' (Plet. I, 20).

Имя деятеля, производное с суфф. *-аць* от презентной основы гл. **berq*, **bьrati* (см.).

***berčina**: в.-луж. *brěčina* ж. р. '*Sorbus torminalis*' (Pfuhl 1058).

Производное с суфф. *-ina* от основы **berk-* (см. **berka*, **berkъ*, ниже).

*berdja: цслав. брѣжда прилаг. ἐγκύων, ἐγκύμων, praegnans, fetus (Mikl.), русск.-цслав. брѣжиши ἐγκύμων, gravidus (Срезневский I, 185—186), сербохорв. брѣжа 'беременная' (Караџић s. v.; Mić 171, 202), диал. breja 'стельная (о корове)' (Ka 261), словен. bréja прилаг. 'беременная (о животных)' (Plet. I, 54), чеш. březí прилаг. 'беременная (обычно — о дом. животных)' русск. диал. берѣжая 'жеребая' (Куликовский 4; Подвысоцкий 6), берѣжа 'кобыла жеребая' (Добровольский 26), укр. берѣжа (Желеховский). — Сюда же производное слов. brezivá прилаг. 'беременная (о самке четвероногого)' (SSJ I, 129—130).

Праслав. *berdja — типичный архаизм и реликт древней лексики. Это слово сохраняет древнее знач. своего корня *bher- — 'рожать, носить (во чреве)' (см. Мейе. Общеслав. язык 401), весьма показательным также реликтовое его употребление в части ю.-слав., зап.-слав. и вост.-слав. языков. Праслав. *berdja может продолжать (с акутовой долготой, учитывая русск. и сербохорв. акцентуацию) и.-е. *bheradiā или является слав. производным на -j- от и.-е. *bheradā, производного с суфф. -d- от упомянутого *bher-. Уже давно обратили внимание на родство слав. слова с синонимичным лат. *fordus, forda*, см. Miklosich 10; Berneker I, 49; М. Коген ИОРЯС XXIII, 1918, 19—20; F. Mezger «Language» 22, 1946, 197; A. Meillet MSL 12, 1902, 220 (: ср. др.-инд. *bhāritam*-, ст.-слав. брѣма, др.-инд. *bharitram*, греч. φαῖτρα); он же MSL 14, 1907, 378 (о родстве слав. *berq, bьrati*); G. K. Solta «Die Sprache» XII, 1966, 45 (: лат. *forda* — архаизм в сакральном языке); Фасмер I, 154; Трубачев. Дом. жив. 54 (там же — о влиянии русск. *жеребая* → *бережая*); Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования (Л., 1967) 119; Machek 48; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 282—283.

Недостаточно ясны детали развития лат. формы: из **foridos* (см. Walde—Hofm. I, 527, где предполагается влияние формы лат. *gravidus*, т. е. вторичный процесс) или из **bh̥rd-* / **bh̥rsd-* (ср. Ernout—Meillet³ I, 406). Не лишено сомнений и сравнение праслав. *berdja с лит. *bergždžia* прилаг. ж. р. 'яловая (о корове, телке)' по причине его семантических отличий и формальных особенностей (см. Berneker, там же; Sadnik—Aitzetmüller, там же; высказывалось даже мнение, что лит. слово произведено от -s-основы **bheros*, см. Fraenkel I, 39; ср. возможность лат. *forda* < и.-е. **bh̥rsdā*, см. выше). Однако думается, что можно, не прибегая к этим построениям, объяснить лит. *bergždžia* < **berdžia* < **berdja*, что же касается знач. 'еще не телвившаяся, яловая', его родство со знач. 'стельная, беременная', тем не менее, очевидно, а расхождение, видимо, здесь вторично. Лит. форма неправоммерно опущена в словарях Траутмана (см. Trautmann BSW 32: *berdiā-*) и Фасмера. Напротив, другая старая этимология — сближение праслав. *berdja и лит. *brėstu, brėndau, brėsti* 'зреть, наливаясь' (Berneker, там же, со ссылкой на И. Шмидта,

но ср. так уже С. Микуцкий Изв. ОРЯС V, 1856, 51; см. еще Фасмер, там же) — в формальном отношении не очень надежна, в связи с чем, очевидно, отдельные исследователи не считают целесообразным ее упоминать (см. отсутствие этих сближений в словарях Френкеля и Садник—Айцетмюллера).

*berĕja: русск. диал. *берĕя* 'женщина, собирающая ягоды для домашнего употребления или для продажи' (арх., Даль³ I, 308).

Имя деятеля ж. р., производное с суфф. *-ĕja* от презентной основы гл. **brati* (см.) — **berq* и т. д.

*bergatъ: словен. *bregat* прилаг. 'гористый' (Plet. I, 54), чеш. *břehatý* 'имеющий берега' (Kott I, 95).

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от **bergъ* (см.).

*bergovitъjъ: болг. *бреговитъ* 'холмистый' (Младенов БТР), (Геров: *брѣговитъ*, прилаг., 'утесистый, обрывистый, стремнистый'), макед. *бреговит* прилаг. 'холмистый, гористый' (И-С; Кон.), сербохорв. *bregovit* прилаг. 'clivus' (с XVI в., RJA I, 623), 'холмистый, возвышенный' (РСА II, 141), словен. *bregovit* прилаг. 'küstenreich', 'гористый' (Plet. I, 54), чеш. *břehovitý* 'имеющий берега' (Kott I, 95), словц. редк. *brehovitý* прилаг. 'холмистый' (SSJ I, 129).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-it-* от **bergъ* (см.).

*bergovъ(jъ): чеш. *břehový* прилаг. 'береговой', словц. *brehový* прилаг. то же (SSJ I, 129), в.-луж. *brjohowu* то же (Pfuhl. 48), польск. *brzegowy* 'береговой' (Dorosz. I, 690), словин. *břegovī* прилаг. то же (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *береговой* прилаг. 'относящийся к берегу', укр. *береговий* 'береговой' (Укр.-рос. словн. I, 56), блр. *берагавы* то же.

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от **bergъ* (см.). Характерно для зап.-слав. и вост.-слав. языков. Ср., впрочем, сербохорв. *Брѣгово* ср. р., название села на берегу р. Великий Тимок (РСА II, 141), болг. *Брегово*, местн. назв. близ Видина, первонач. прилаг., а также образования **bergovitъ* (см.), характерные гл. обр. для ю.-слав. языков, кот. косвенно свидетельствуют об общеслав. распространении адъективной формы на *-ov-* от **bergъ*. Сюда же ср. греч. Βεργουβίτσα, местн. название, из субстратного слав. **bergovica* от **bergov-*. Болг. *бреговий* 'береговой' заимствовано из русск., Георгиев БЕР II, 84.

*bergt'i: цслав. *brŕŕŕti, brŕŕgu mŕŕzŕiv, curae esse* (Mikl.), сербохорв. *brijĕći* 'беречь, хранить, соблюдать' (XIII—XVII вв., Даничич, RJA I, 64), др.-русск. *берегѣ, беречи* 'беречь' (Срезневский I, 69), русск. *беречь* 'охранять; сохранять, предохранять', диал. *беречь* 'угощать', 'ухаживать' (Говоры Прибалтики 28), ст.-укр. *берегти* (Тимченко I, 83), укр. *берегти* 'беречь, хранить' (Гринченко I, 51), блр. *берагчы* 'беречь'.

Слово, широко и активно сохраненное только в вост.-слав. языках, но в древности бесспорно употреблявшееся также и

в других частях слав. территории, о чем свидетельствует производное имя с *-o*-вокализмом **borgъ* (см.) для обозначения клады сена и т. п. как раз прежде всего в зап.-слав. языках. О древности образования гл. **bergъ*, **bergt'i* говорит такая морфологическая черта как сохранение и.-е. вокализма *-e-*, см. А. Meillet MSL 14, 1907, 384; Мейе. Общеслав. язык 174. Этимологическая ситуация охарактеризована достаточно всесторонне уже Миклошичем: «ср. гот. *baírgan*, др.-в.-нем. *bērgan*. Микуцкий приводит лит. *birginti*; *brėgъ* 'берег' как будто связано с *brėgъ* в знач. 'защищать'» (Miklosich 10). Хотя гот. *baírgan* 'прятать, хранить', др.-в.-нем. *bergan* то же принято возводить к и.-е. **bherǵh-*, форма на палатальный задненебный (см. Pokorny I, 145), слав. **bergъ*, **bergt'i* с его нарушением сатемного перехода так же, как и слав. **bergъ* (см.), современные лингвисты единогласно считают исконнородственным герм. лексике, а не заимствованным из последней. Основной аргумент — наличие оригинального слав. апофонического ряда **berg-/borg-/bǃrg-*, при второстепенности значения фонетич. показателя и.-е. **ǵh* > слав. з. См. Verneker I, 49; Trautmann BSW 34; Kluge¹⁵ 68; Pokorny, там же (сюда же, кроме герм., слав. и лит. слов, еще галлороман. (рето-иллир.) *bargā* 'крытая соломенная хижина' < **borgā*; там же, 141, вслед за Кречмером, высказана мысль о деноминативном образовании гл. **bherǵhō* 'прятать, скрывать' от имени **bherǵh-* 'гора, убежище'); Фасмер I, 153; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 274; Kiparsky. Die gemeinслав. Lehnwörter aus d. Germ. 59; Fraenkel I, 44 (s. v. *birginti* 'беречь, скупиться'). Попытки определить следы обеих упомянутых и.-е. основ в иллир. и пеласг. субстратах см. А. Mayer «Glotta» 24, 1936, 163 и след.; А. J. Van Windekens. Le pélasgique (Louvain, 1952) 131 и след.

Серьезного внимания заслуживает этимологическое сближение, забытое как славистами, так и балтистами и вместе с тем весьма перспективное именно в плане балтистики, особенно если вспомнить странную изолированность лит. *birginti* в лит. и лтш. словаре. Мы имеем в виду сближение русск. *берегу*, *беречь* и лит. *geĩbti* 'читать, почитать, уважать, ценить' (С. Микуцкий Изв. ОРЯС IV, 1855, 409), ср. далее — лтш. *gārbēt* 'хорошо обращаться, беречь', *gārbīt* 'беречь, падать'. Обращает на себя внимание практическое тождество знач. слав. **bergt'i* и этих балт. слов, кот. в таком случае могут быть объяснены из метатезы первоначальных лит. **bergti*, лтш. **bargīt* / **bargēt*, этимологически тождественных слав., герм. словам и лит. *birginti* (см. выше; иначе — и едва ли удачно — о лит. *geĩbti* см. Fraenkel I, 147—148: очевидны трудности, с кот. приходится бороться автору словаря, который справедливо сомневается в родстве лит. *geĩbti* и *gĩrti* 'хвалить'; созвучную лит. и лтш. лексику со знач. 'чистить, наряджать', приводимую у Френкеля, лучше объяснять из нем. *gerben* в близких знач., как предлагал уже Кипарский; др.-прусс.

лексика, связанная с русск. *жеребей* и др., должна быть также оставлена в стороне).

bergul'a*/bergulica*: сербохорв. *brèguļa* ж. р. 'вид ласточки: *Merops apiaster* L., *Hirundo apus* L.' (RJA I, 622), *брегүлиця* ж. р. 'стриж, береговая ласточка' (РСА II, 141), *брèгуља* ж. р. 'Alcedo ispida' (там же), словен. *bregūlja* ж. р. 'стриж' (Plet. I, 54), чеш. *břehule* ж. р. 'береговая ласточка, стриж *Cotyle riparia*', словц. *brehul'a* ж. р. 'стриж, береговая ласточка *Riparia riparia*' (SSJ I, 129), укр. диал. *берегүлиця* 'стриж *Cotyle riparia*; трясогузка *Motacilla alba*' (I. Верхратський. Знадоби, 202). — Ср. еще сербохорв. *брегүница* ж. р. 'стриж *Riparia riparia*' (РСА II, 141; RJA I, 622: с XVII в., впервые — в словаре Микали).

Производное с суфф. *-ul'a* и *-ul-ica* от **bergъ* (см.). Береговая ласточка и некоторые другие виды птиц были названы так за обыкновение селиться в мягких прибрежных обрывах рек и озер. Ср. сходные наименования — нем. *Uferschwalbe*, лат. (*hirundo*) *riparia*, собственно — 'береговая ласточка', хотя видеть в слав. названиях кальку с этих нем. и лат. слов, возм., необязательно.

**bergъ*: ст.-слав. бѣргъ м. р. *κρημνός, αἰγιατός, ὄχθη, χεῖλος*, litus, праесерв. праесіpitium, *ripa* 'берег' (SJS), болг. *бряг* м. р. 'берег', 'земное возвышение, обрыв' (БТР; Геров: *брѣг* м. р. 'обрыв, скат, стремнина, утес; берег реки или моря над водою'), диал. *брег* то же, макед. *брег* м. р. 'берег', 'холм; гора' (И-С), сербохорв. *брѹјег* м. р. 'холм', 'берег, межа, край', диал. *брѣг* (Елез. I), словен. *brëg* м. р. 'берег', 'склон горы', 'холм, невысокая гора' (Plet. I, 54), ст.-чеш. *břeh* м. р. 'холм, склон', 'берег', 'пристань' (Gebauer I, 100—101), чеш. *břeh* м. р. 'берег', 'край, межа', диал. *břech*, род. п. *-ha*, м. р. 'холм' (Malina. Mistř. 13), словц. *breh* м. р. 'берег', 'склон, откос, холм' (SSJ I, 129), в.-луж. *brjóh*, *bróh* м. р. 'берег; холм' (Pfuhl 47, 49), н.-луж. *bróg* 'берег; склон, бугор; вал, насыпь; куча, громада' (Muka Sł. I, 79), полаб. *brig* м. р. 'берег (реки)' (Polański—Sehnert 41), польск. *brzeg* м. р. 'берег, край' (Dorosz. I, 689), словин. *břëg* м. р. 'край, берег' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), др.-русск. *берегъ* 'ripa' (Пов. вр. л., Срезневский I, 69), русск. *бѣрег* м. р. 'край земли у водной поверхности', ст.-укр. *берегъ* м. р. 'берег', 'край', 'около' (Тимченко I, 83—84), укр. *берег* м. р. 'берег', 'край, кайма' (Гринченко I, 50), диал. *бѣрег* 'возвышенность, пригорок; гора, склон горы; склон оврага, долины; высокий отвесный берег, пропасть' (Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968, 216), *béreh* 'берег', 'возвышенность, гора, склон' (St. Hrabec. Nazwy geograficzne Nuciszczuzny. Kraków, 1950, 32), *бѣр'іг* 'берег', 'неурожайная земля', 'взгорье' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта, 74), *бѣрэг* 'кромка, продольный край ткани' (Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — «Лексика Полесья». М., 1968, 195), блр. *бѣраг* 'берег'.

Сравнение праслав. *bergъ с близкими герм. названиями горы — гот. *baīrgahei*, др.-в.-нем. *bērg* — было принято еще в слав. этимологии XIX в. (см. Miklosich 10). В дальнейшем, с включением в сравнение также классических сатемных соответствий вроде авест. *barəzō* 'высота, гора', арм. *barjr* 'высокий', оформилась точка зрения на слав. слово как на заимствование из герм., в противном случае ожидалось бы исконное праслав. *berzъ < и.-е. *bherǵh-. См. Verneker I, 50 (с литер.). Но уже тогда критика указала, что на одном лишь этом основании трудно счесть заимствованием слово, столь распространенное, своеобразное семантически (наиболее популярное слав. знач. 'берег' как раз неизвестно в герм.) и связанное с топографической лексикой. См. A. Meillet RS II, 1909, 69; A. Brückner. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh XLII, 1929, 127; Brückner 44; Trautmann BSW 30—31; Младенов ЕПР 47; Георгиев БЕР II, 85; Фасмер I, 153 («Учитывая нисходящую интонацию и знач., едва ли можно рассматривать это слово как заимств. из герм. . .»); Moszyński. Pierwotny zasiąg 157; Kluge¹⁵ 67; Machek 47 («Относится к случаям, где *ǵ отразилось как g, вместо надлежащего z, поэтому не нужно считать это слово заимствованным из германского»); Popović. Geschichte der serbokr. Spr. 545 (специально о древности знач. 'гора, холм' в сербохорв.); Sadnik—Aitzemüller. Vgl. Wb. 4, 272—273.

В связи с необходимостью осмыслить различие между сатемными продолжениями и.-е. *bherǵh-, с одной стороны, и праслав. *bergъ — с другой, выдвигались соображения относительно возможной экспрессивной веляризации и.-е. палатального заднеязычного, причина чего могла корениться в эмоциональности образа высокого, круглого, обрывистого. См. близко к идеям Махека — F. Liewehr. Über expressive Sprachmittel im Slavischen. — ZfS I, 1956, 21. Попытку объяснить праслав. *bergъ с его нерегулярной рефлексацией и.-е. *ǵh как заимствование из какого-то другого (не герм.) кентумного и.-е. языка см. Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus d. Germ. 101, 108 (автор даже считает возможным говорить об «ареале еще не разделившихся кентумных языков» как вероятном источнике подобных случаев). См. еще более определенно — Rokorny I, 140—141, где ст.-слав. бръгъ, сербохорв. брѷег, русск. берег характеризуется как слово скорее венет.-иллир., чем герм. происхождения. Ср. фрак. Βέργα, Βέρρη, якобы с доэтнической депалатализацией, как и в ст.-слав. бръгъ (D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, 51 и след.; там же, 85, приводится в этой связи фрак. Βρεγυε-δάβα, название укрепления; см. еще В. И. Георгиев. Исследования. . . 119; В. Симеонов LB VI, 1963, 91). Ср., далее, болг. Брегалнице, местн. назв. фрак. происхождения, как и гидроним Брегалница, — из *Bargal- (J. Zaimov LB VI, 1963, 82).

Из прочей литер.: V. J. Petr ВВ XXI, 1896, 208—209 (проблематичное сближение ст.-слав. *brǫgъ* и др. с лат. *frangere* 'ломать', *nau-frag-ium* 'корабле-крушение', греч. *φάραξ* 'расколота скала', др.-в.-нем. *brēhhan* 'ломать'; т. е. 'берег' < 'разлом'); E. Prokosch АJPh XXXII, 1911, 433 (пытается истолковать слав. и герм. слова как продолжения некоего и.-е. **berqó-* в духе закономерности, близкой к закону Вернера, которая якобы влияла на чередования слав. звонких и глухих); Т. В. Jones АJPh LXXV, 1954, 217; V. Polák RS 18, 1956, 30 (: слав. **bergъ* 'гора', ср. нем. *Berg* 'гора', гот. *baírgahei* 'гористая местность, горы', ирл. *bri* 'гора', кимр. *bre* 'гора, пригорок'); ср. еще E. Laroche BSL 58, 1963, 77—78, где к этому и.-е. лексическому гнезду отнесены еще лув. *parrai-* и хетт. *parku-* 'высокий'.

***bergyni**: др.-русск. *берегыни* (. . . а переже того клали требу упири^н ї берегина^н). Сб. Паис. XIV—XV вв., Сб. Соф. XIV—XV в. — Картотека СДР, *верегини* (Клали требу оупиремъ и *верегинямъ* — в др. списках, Срезневский I, 243), сюда же, возм., укр. *перегэня* ж. р. 'ряженая девушка, пугающая, ради шутки, подруг' (Гринченко III, 113).

Производное ж. р. с суфф. *-yni* от **bergъ* (см.). Др.-русск. контекст («. . . а до этого приносили жертву оборотням и б е р е г и н я м») и укр. знач. ('ряженая девушка, пугающая . . . подруг') в соединении с анализом структуры слова (см. выше) позволяют истолковать его знач. как 'береговая фея, русалка'. Будучи словообразовательно прозрачным, это слово обнаруживает вместе с тем затемненные варианты, причем, видимо, сказались табуистические запреты или раннее забвение языческого термина (ср. др.-русск. *верегини*, выше), а также влияние созвучного более темного др.-русск. *перегэня* 'непроходимая местность' < праслав. **pergyni* (см.) как в случае с укр. *перегэня* (см. выше). — Ср. (очень бегло) Sadnik—Aizetmüller. Vgl. Wb. 4, 271.

***berica**: словен. *berica* ж. р. 'собирательница, сборщица' (Plet. I, 20).

Производное с суфф. *-ica* от презентной основы *ber-* гл. **bьrati* (см.).

***beridlo**: сербохорв. *бѣрило* ср. р. 'кошолка или корзинка с закрывающимся верхом, для сбора крупных фруктов' (РСА I, 475), словен. *berilo* ср. р. 'зеленый корм, собранный для скота' (Plet. I, 20).

Производное с суфф. *-(i)dlo* от презентной основы *ber-* (см. **bьrati*). Словообразовательно-этимологическая параллель может быть указана в лат. *fericulum*, *prae-fericulum* 'поднос, блюдо' < и.-е. **bher-tlo-m* (Ernout—Meillet³ I, 402), тогда как слав. **beridlo* < **bher-ī-tlo-m* (не исключена вторичная тематизация от глагольного производного в слав., подобно тому как лат. *fericulum* < *fericulum*). Подробно об отношениях слав. производных

на *-dlo* и их и.-е. соответствий см. Трубачев «Этимология» (М., 1963) 37 и след.

*berixъ: словен. *bérix* м. р. 'собиратель, сборщик' (Plet. I, 20).

Производное имя деятеля с суф. *-ixъ* от презентной основы *ber-* (см. **bьrati*). Ср. **ženixъ* (см.).

*berka: словен. *bréka* м. р. 'растения *Sorbus* sp., *Sorbus aria*' (Plet. I, 54), н.-луж. (диал. редк.) *bréka* ж. р. 'боярышник кленолистный *Sorbus torminalis*' (Muka Sł. I, 76), русск. *берёка* ж. р. 'Sorbus torminalis', укр. *берёка* ж. р. 'растение *Rugos torminalis*' (Грипченко I, 52).

Это название разновидности рябины до сих пор не получило убедительной этимологии (перечень существующих объяснений см. ниже). Типологически наиболее вероятно было бы членить слово как **ber-k-a*, образование с *-k-* суффиксальным, видимо, оформившееся, как и другие такие производные, уже в собственно слав. период. Возм., от основы **berq*, **bьrati* (см.), ср. эпитет наиболее распространенной рябины обыкновенной — лат. (*Sorbus*) *a u s i r a g i a*, буквально 'берущая, ловящая птиц' (птиц привлекают ее ягоды). Видеть в праслав. **ber-k-* (производные от этой основы см. в след. статьях) продолжение и.-е. **bher-* 'блестеть' с *-k-* расширением, т. е. некий аналог к названию березы, как это делают Садник и Айтцетмюллер (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 149; Мошинский, на кот. они ссылаются, видит в праслав. **berka*, **berkъ* вообще заимствование из герм. **berkō* 'береза', см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 54—55), затруднительно ввиду отсутствия подтверждений; реально можно назвать лишь некоторые далекие семантически расширения и.-е. **bher-* с *-k-* палатальным (см. Pokorný I, 141—142). Справедливо сомневаются в сближении Бернекером нашего слова с лит. *brinkti* 'набухать' (Berneker I, 50). См. Фасмер I, 154—155, где также упомянуто другое спорное сравнение — с чеш. *břesk* 'терпкий вкус'. Не поддается контролю «праевропейская» этимология Махека, сблизившего слав. **berk-* и герм. **spero-* 'Sorbus' (V. Machek LP II, 1950, 156; он же Jména rostlin 115).

*berkovъsъ: словен. *brékovec*, род. п. *-vca*, м. р. 'берека *Sorbus torminalis*; *Sorbus aria*' (Plet. I, 54), в.-луж. *brékowc* м. р. 'тутовое дерево' (Pfuhl 45).

Суффиксальное производное на *-ovъsъ* от **berka* или **berkъ* (см.).

*berkъ: сербохорв. *brék* 'Sorbus torminalis' (PCA II, 144), словен. *brék* м. р. 'вид рябины *Sorbus torminalis*, берека' (Plet. I, 54), чеш. *břek* м. р. 'растение *Pirus torminalis*', диал. *břak* 'лесное дерево *Pirus*' (Bartoš. Slov. 23), *břak* м. р. 'вид рябины *Sorbus torminalis*, берека' (Gregor. Slov. slavkov.-bučov. 29), словц. *brek* 'Pirus torminalis', 'клен, явор' (Kálal 39), н.-луж. *břok* 'боярышник кленолистный *Sorbus torminalis*' (Muka Sł. I, 80), польск. *brzek* м. р. 'вид рябины' (Dorosz. I, 692).

Морфол. вариант (м. р.) к **berka* (см.), ж. р. Польск. форма содержит вторичную назализацию; см. Вгйскнер 44.

***berkyni:** болг. *брѣкина*, *брѣкиня* 'вид рябины *Pirus torminalis*' (Георгиев; Геров: *брѣкина* ж. р. 'рябина *Sorbus ^{caucasiensis} aucuparia*'), диал. *брѣкина* ж. р. '*Pirus (Sorbus) aria*' (Илчев БД 1, 186), *бр'ѣкина* ж. р. 'лесное дерево *Sorbus domestica* и его плод' (Горов БД 1, 69), макед. *брекина* ж. р. '*Sorbus torminalis*' (Кон.), сербохорв. *брѣкиња* ж. р. 'растение *Sorbus torminalis* L.', '*Sorbus aria*' (РСА II, 145), 'плод, ягода этого растения', диал. *брѣкиња* 'красные ягоды лесного дерева определенного вида; само дерево' (Елез. I), словен. *brekinja* ж. '*Sorbus* sp., *Sorbus aria*' (Plet. 1, 54), ст.-чеш. *břekyně* ж. р. '*acerina*' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *břekyně* ж. р. 'ягода растения *Pirus torminalis*', слов. *brekyňa* ж. р. 'вид рябины, берека *Sorbus torminalis* (SSJ 1, 129).

Производное с суфф. *-yni* от основы **berk-* (см. **berka*, **berka*). Зап.-укр. диал. *brakyňa* представляет собой, по сути, заимствование из польск., т. к. отражает проявившуюся в последнем вторичную назализацию. См. Moszyński. Pierwotny zasiąg 54.

***berma:** сербохорв. диал. *брѣма* ж. р. 'деревянный сосуд для воды' (Караџић s. v.; Vis 41).

Вполне возм., что мы имеем перед собой гипокористическое образование от сербохорв. *bremenica* (так см. RJA 1, 623), но не исключено, что эта форма — результат более раннего процесса. В таком случае **berma* относится к **bermъ* (н. е. **bhermъ*), как праслав. **zima* — к н. е. **zheimъ*.

***bermenatъ (jъ):** сербохорв. *брѣменат* 'беременный' (РСА II, 147), словен. *bremenit* прилаг. 'тяжелый, тяжкий', 'беременный' (Plet. 1, 55), чеш. *břemenatý* 'отягощенный, тяжело нагруженный' (Kott 1, 95).

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от основы **bermen-* (см. **bermъ*).

***bermenitъ (jъ):** сербохорв. *брѣменит*, *-a*, прилаг. 'беременная' (РСА II, 148), словен. *bremenit* прилаг. 'тяжелый (напр., о колесе)', 'беременный, -ая' (Plet. 1, 55), чеш. *břemenitý* 'отягощенный, обремененный' (Jungmann 1, 180).

Прилаг., производное с суфф. *-it-* от основы **bermen-* (см. **bermъ*).

***berme(no)noša:** сербохорв. диал. *брѣменоша* ж. р. 'носилищик, переносчик тяжестей'.

Сложение двух именных основ: **bermen-* (см. **bermъ*) и **noša* (см.).

***bermenъje:** сербохорв. *брѣмење* ср. р. собир. 'тяжесть, груз' (РСА II, 148), чеш. *břemení* ср. р. 'ноша, скарб' (Kott, 1, 95)

Собир. производное с суфф. *-ъje* от основы **bermen-* (см. **bermъ*)

***bermenъь (jъ):** ст.-слав. *брѣменъь*, *ьи* прилаг. *onegalus* 'обремененный' (Supr., SJS), болг. *брѣменна* прилаг. 'беременная' (БТР Младенов БТР), макед. *бремен* 'чреватый', *бремена* прилаг. ж. р.

‘беременная’ (И-С), сербохорв. *брѣмен*, -а ‘беременная’ (РСА II, 147), словен. диал. *bretēn*, ж. р. *bremena* ‘беременная’ (Plet. II. Dodatki II), чеш. редк. *břetenný* прилаг. ‘отягощенный, тяжелый’, словц. *bremenný* (SSJ VI, 16), польск. *brzemienny* ‘грузочный, отягощенный’, *brzemienna* ж. р. ‘беременная’ (Warsz. I, 248; Dogosz. I, 690), др.-русск. *береманьнии* ‘беременная, носящая в чреве младенца’ (1497 г., Срезневский III. Доп. 12’), русск. *берѣменная* ‘вынашивающая в себе зародившегося младенца (о женщине)’, ст.-укр. *беременная* прилаг. ‘беременная’, *беремѣнна* то же (Тимченко I, 84).

Прилаг., производное с суфф. -ѣн- от основы *bermen- (см. *berme).

*bermen'nica: сербохорв. *брѣменица* ж. р. ‘боченок, приспособленный для переноски и перевозки’.

Производное с суфф. -ѣн-ica от основы *bermen- (см. *berme) или, возм., субстантивация прилаг. *bermenъ (см.) с помощью суфф. -ica.

*berme, род. п. -mene: ст.-слав. брѣма, род. п. -ене, ср. р. φορτίον, γόμος, onus, sarcina ‘груз, бремя’ (SJS), болг. брѣме ср. р. ‘груз’, ‘забота, бремя’ (БТР), ‘ноша; груз, тюк’ (Младенов БТР), ‘ноша; охапка (сена)’ (М. Младенов БД III, 42), макед. брѣме ср. р. ‘ноша, груз’, ‘вязанка, охапка’ (И-С), сербохорв. брѣме, род. п. -мена ср. р. ‘тяжесть, груз’, ‘беременная женщина’, диал. брѣме ‘мера веса’ (Миџ 380), брѣме, брѣме ‘мера веса’, ‘ноша’ (Влајицац II, 168—171, 172), сюда же производное диал. brince (Sus 153), словен. брѣме, род. п. -тѣна, ср. р. ‘тяжесть, ноша; тюк, связка’, ‘плод во чреве’, ‘бремя’ (Plet. I, 54—55), ст.-чеш. брѣмѣ ср. р. ‘тяжесть, ноша’, брѣмено ср. р. (Ст.-чеш., Прага), чеш. брѣмѣ ср., брѣмено ср. р. ‘тяжелая ноша’, ‘бремя’, сюда же производное, ум. чеш. диал. брѣмишко ср. р. ‘узел, котомка’ (Hruška. Slov. chod. 14), словц. bremä ‘тяжесть’ (Káral 39), bremeno ср. р. то же (SSJ I, 129), в.-луж. брѣмѣ, род. п. -тѣна, ср. р. ‘тяжелая ноша’ (Pfuhl 45), н.-луж. брѣме, род. п. -тѣна, ср. р. ‘бремя, тяжесть, груз; ярмо; вязанка’, ‘мера веса’ (Мука Sł. I, 76), польск. brzemie, род. п. -mienia, ср. р. ‘тяжесть, ноша’ (Dogosz. I, 690), др.-русск. берѣма ‘связка, охапка, тяжесть; тюк’ (Срезневский I, 70; III. Доп. 12’), русск. берѣмя, род. п. -мени, ср. р. ‘большая охапка, вязанка’, ‘ноша, охапка’ (Подвысоцкий 6), ‘всякая тяжесть, ноша’ (Мельниченко 31), ‘охапка’ (Куликовский 4), диал. берѣмье ср. р. ‘вязанка дров’ (Филин 2, 254), берѣмо ср. р. = берѣмя; ‘сено, сбитое граблями для подачи на воз или связанное в вязанку’ (Филин, там же), берѣма ‘охапка’, ‘тяжесть, обременение’ (Добровольский 26), ст.-укр. берѣмя ‘тяжесть’ ‘охапка’ (XVI в. Тимченко I, 84), укр. берѣмя ‘бремя’ (Пискунов 16), диал. берѣмено ‘наполненный чем-либо мешок, перевязанный посередине для удобного ношения’ (Т. П. Довбак. Словотвір іменних частин мови в говірці

с. Королево Виноградівського району. Дип. роб. Ужгород, 1957, 85), *бирі́мн'а* 'неполный мешок зерна' (В. В. Бабинець. Говірка с. Лавки Мукачівського району. Дип. роб. Ужгород, 1954, 143), ст.-блр. *беремя* (повозовое) 'обязанность доставки подвод, подво ы' (Гоґбач. 39), блр. *бярэмя* 'охапка (дров)'

Праслав. **berme* представляет собой имя с основой на согласный (**bermen-*), соотносительное с гл. **berǫ*, **bьrati* (см.), но восходящее еще к и.-е. **bherəmy* или **bherəmen*, о чем говорит сербохорв. и русск. ударение (см. выше), отражающее актуовую интонацию дифтонгического сочетания гласного с плавным, вызванную здесь заменительным удлинением гласного после падения *ə*; об и.-е. древности говорит и отражение производным **berme* древнего значения 'нести → ноша', присущего и.-е. **bher-* и видоизмененного в слав. **berǫ*, **bьrati* 'братъ'. Ввиду древней двухсложной структуры корня (**bherə-*) наиболее точным соответствием праслав. **berme* считается др.-инд. *bhārīman-* 'ношение', а не *bhārma*, греч. *φέρμα* ср. р. 'ноша, плод во чреве' (впрочем, в *bhārma* следует учитывать утрату *ə* перед суфф.). См. А. Meillet MSL 12, 1902, 220; Мейе. Общеслав. язык 130; Brugmann. KVGr. 347; Berneker I, 50; R. Gauthiot BSL 16, 1910, CLX; P. Persson. Beiträge zur idg. Wortforschung 2 (Uppsala—Leipzig, 1912), 642; Hofmann 395; Pokorny I, 128; Vaillant. Gramm. comparée I, 239; Фасмер I, 155; Mauryhofer II, 481 (специально указывает на фиктивность авест. *barəman-*, иногда фигурирующего в литер.); см. еще Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования 119—158 (о суффиксальных чередованиях); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 282.

Праслав. **berme* сохраняет глагольный вокализм *-e-* (см. А. Meillet. MSL 14, 1907, 378), что в общем присуще именным производным на *-men-*. Относительно дальнейших *-t-* расширений п.-е. **bhermy* вроде греч. *φέρμα* (основа косв. пп. *φέρματ-*) см. P. Kretschmer «Glotta» 13, 1924, 264 (автор сопоставляет мнения Мейе и Трубецкого на этот счет).

***bermišče**: ст.-укр. *беремище* 'тяжесть' (Гимченко I, 84).

Производное с суфф. *-išče* от основы **berm-* (см. выше **berma*, **berme*). Возраст образования неясен.

***bermo**: блр. *берэмо* ср. р. 'поша в обхват руками' (Носов. 25).

Морфолого-словообразовательный вариант ср. р. к **berma* ж. р. (см.; подробно об этимологии см. **berme*). Древность образования неясна. Возм., вторично преобразовано из **berme* (см. эту статью, в частности — соответствующие русск. диал. примеры в обзоре форм).

***bersta**: чеш. *břesta* ж. р. 'верхний слой березовой коры' (Kott I, 95), польск. *brzesta*, *brzosta* ж. р. 'кора вяза' (Warsz. I, 224), русск. *берёста* ж. р. 'верхний слой березовой коры, идущий на выгонку дегтя, выделку лаптей, корзинок и п.', 'верхний, свет-

лый слой березовой коры' Даль³ I, 205), диал. *бяреста* 'березовая кора' (Добровольский 26), блр. *бярбста* 'береста'.

Праслав. **bersta* (точнее — **berzta*) представляет собой форму, близко родственную праслав. **berza* (см.), и, как и последняя, восходит к и.-е. периоду: **berzta* < **bherəǵtā*, -t- производное от и.-е. основы **bherəǵ-* 'светлый, белый', также в качестве названий березы. Праслав. слово непосредственно соответствует прежде всего герм. лексике: гот. *bairhts* 'светлый, ясный', др.-в.-нем. *beraht* 'блестящий', англос. *beorht* то же, англ. *bright* 'яркий, светлый, блестящий'. См. Verneker I, 52; Pokorny I, 139; Фасмер I, 156; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 147 (о первонач. адъективном характере образования). См. еще специально **berstъ* (ниже).

***berstěňъ (jъ)**: сербохорв. стар. *bresten* прилаг. 'ulmeus, вязовый' (XI в., в ит. и лат. текстах, RJA I, 629), также *brijestan*, *brijesan* прилаг. то же (только в словарях Беллы и Стулли, там же, 649), польск. диал. *brześciany* 'берестовый, вязовый' (Warsz. I, 218), русск. *берѣстяный*, *берестяной* 'берестовый', укр. *берестяний* 'берестовый, берестяной' (Укр.-рос. словн. I, 57), блр. *берасцяны* то же.

Прилаг., производное с суфф. -*ěn-* от основы **berst-* и соотносимое в одних случаях ('вязовый') с **berstъ* (см.), в других ('берестяной, из бересты') — с **bersta* (см.).

***berstika**: словен. *brestika* ж. р. 'вид вяза', 'ива', 'название гриба' (Plet. I, 56).

Производное с суфф. -*ika* от **berstъ* (см.).

***berstikъ**: сербохорв. стар. редк. *brěstik* м. р. 'ulmarium, вязовая роца' (Белла, Белостенец, Стулли, см. RJA I, 629; PCA II, 151).

Производное с суфф. -*ikъ* от названия дерева **berstъ* (см.). Не исключено послепраславянское образование.

***berstina**: сербохорв. *Brěstine* ж. мн., местн. назв. в Сербии (RJA I, 629), чеш. *břestina* ж. р. 'вязовая роца' (Kott I, 95), словц. *breština* ж. р. то же (SSJ I, 129), русск. диал. *берестина* ж. р. 'береста' (Филин 2, 256).

Собир. производное с суфф. -*ina* от названия дерева (см. **berstъ*) или от названия березовой коры, как в случае с русск. словом. Древность проблематична.

***bersto**: др.-русск. *бересто* 'березовая кора' (Кир. Тур., Срезневский I, 70; гр. берест. № 27, XIV в., Картотека СДР), русск. диал. *берѣсто* 'береста' (Васнецов 15), *берестб* ср. р. 'береста' (Деулинский словарь 53), *бѣрѣстб* ср. р. 'береста', 'письмо, бумага' (Филин 2, 257).

Словообразовательно-морфологический вариант ср. р. к форме ж. р. **bersta* (см.). Наличие этимологически тождественных форм всех трех родов **bersta* — **bersto* — **berstъ* (см.) представляется ясным отражением первонач. адъективного характера данного образования.

*berstovъ(жъ): цслав. брѣстоѡкъ прилаг. ulmi (Mikl.), болг. брястове прилаг. 'вязовый' (Младенов БТР; БТР; Геров: брѣстовый), сербохорв. брѣстов, диал. брѣстов то же, словен. bréstov прилаг. 'вязовый' (Plet. I, 56), чеш. břestový прилаг. 'вязовый' (Jungmann I, 181), словц. brestový то же (SSJ I, 129), польск. brzostowy прилаг. 'вязовый' (Warsz. I, 224), сюда же др.-русск. Берестовъ местн. название (Усп. сб. XII в.; Картотека СДР), русск. берестовый (Даль³ I, 205: берестовые оглобли), укр. берестовий (Гринченко I, 52).

Прилаг., производное с суфф. -ov- от названия дерева *berstъ (см.).

*berstъ: цслав. брѣста м. р. ulmus (Mikl.), болг. бряст м. р. 'берест, вяз Ulmus' (БТР), брест то же (Младенов БТР), диал. брес м. р. (М. Младенов БД III, 42), макед. брест м. р. 'вяз' (И-С), сербохорв. брѣст, диал. брѣјест м. р. 'вяз Ulmus campestris', брѣст то же, сюда же (в венг. графике) Briszt, соврем. сербск. Brés(t), местн. назв. в Воеводине (Popović. Geschichte der serbokr. Spr. 389), словен. brést м. р. то же (Plet. I, 55), чеш. břest м. р. 'вид вяза Ulmus suberosa', диал. břest 'бук' (Kott. Dod. k Bart. 6), словц. brest м. р. 'вяз Ulmus campestris' (SSJ I, 129), польск. brzost м. р. 'вид вяза Ulmus montana' (Dorosz. I, 694), русск. берест м. р. 'дерево Ulmus campestris' (Даль³ I, 205), диал. берѣст м. р. 'береста' (перм., Филин 2, 255), ст.-укр. берестъ 'вяз Ulmus campestris' (Тимченко I, 85), укр. берест м. р. то же (Гринченко I, 52), а также 'верхняя кора березы, годная для гонки дегтя' (там же; см. еще А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология» М., 1966, 10), диал. берест м. р. 'берестяной поплавок в сетевых рыболовных снастях' (Кривицкий. Из словаря полесских рыболовов. «Полесье» 166), блр. бѣраст 'берест'.

Внимательный учет значений продолжений праслав. *berstъ (ср. особенно русск. диал. берѣст 'береста', укр. берест 'верхняя кора березы' и т. п., см. выше) делает очевидной связь, вернее — тождество этимологии *berstъ и *bersta (см.). Этому не противоречит, впрочем, и охвативший большинство слав. языков инновационный семантический процесс переноса на разные виды вяза, поскольку вяз — это дерево, кора которого напоминает кору березы. Праслав. *berstъ, как и *bersta, восходит к и.-е. *bherst- 'светлый, яркий', кот. выступает как прилаг. Для *berstъ действительна та же акцентологическая характеристика, что и для *bersta, ср. ударение сербохорв. брѣјест. Т. о., первоначально мы можем говорить не о словообразовательных, а о чисто морфол. отношениях между *berstъ и *bersta, кот. продолжают и.-е. прилагательные м. и ж. р. Акцентологич. противопоставление русск. берест, укр. берест, блр. бѣраст, с одной стороны, и русск. берѣста и т. д. — с другой, развилось вторично. Ср. Sadnik—

Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 148 (авторы, правда, трактуют название вяза как производное).

Из литер. см. еще Miklosich 11 (кот. указывает, что болг. *бръст* 'вяз' встречается также в знач. 'береза' и приводит еще производное *бресталък* 'березняк, березовая роща', но ни о том, ни о другом не упоминает Георгиев БЕР, где обычно скрупулезно собраны все производные); Verneker I, 52; Фасмер I, 156; Moszyński JP XXXII, 1952, 195; XXXIII, 1953, 354; XXXV, 1955, 123 и след.; Moszyński. Pierwotny zasiąg 32—33 (этимологизирует *berstь из *berd-to- от расширенного и.-е. *bher- 'резать, расщеплять', 'торчать', что якобы соответствует структуре коры самого дерева); F. Sławski JP XXXIII, 1953, 399 (оспаривает описанную этимологию Мошинского ввиду отсутствия следов расширенного *ber-d- в слав.); Machek. Jména rostlin 129—130; Machek 47 (автор сомневается в этимологии от и.-е. *bherǵ- 'сиять' и выдвигает оригинальную этимологию, по которой как *berstь 'вяз', так и *berza 'береза' родственны нем. *Borke* 'кора', якобы по причине особого корообразования, отличающего оба эти дерева, но см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 147). См. еще Brückner 45.

*berstь: русск. диал. *бѣресть* ж. р. 'дерево *Ulmus campestris*' (курск., Доп. к Опыту 8), 'народное название береста-карагача *Ulmus campestris*' (курск., Филин 2, 257).

Словообразовательно-морфол. вариант к *berstь (см.). Древность выделения сомнительна.

*berstьje: болг. *брѣстѣ* ср. р. собир. (Младенов БТР), сербохорв. *брѣшће* ср. р. собир. (РСА II, 154), *брѣјешће* ср. р. собир. 'вязы', словен. *br̃stje* ср. р. 'вязовый лес' (Plet. I, 56), сюда же др.-русск. *Берестие*, *Берестье*, город на Волыни (Срезневский I, 70).

Собир. производное с суфф. -ьje от *berstь (см.).

*berь: словен. *bēr*, род. п. -i, ж. р. 'сбор' [Plet. I, 20: = *bera*: *te-lovnik je najprva pomladnja ber* (čebelam)].

Производное от презентной основы *ber-* глагола *bьrati (см.). Древность образования скорее сомнительна.

*berьba: болг. *берба́* ж. р. 'сбор, уборка: время уборки (плодов)' (Младенов БТР, Геров), макед. *берба* ж. р. 'сбор урожая; время сбора урожая' (И-С), сербохорв. диал. *бѣрба* ж. р. 'сбор винограда', словен. *bērba* ж. р. то же (Plet. I, 20).

Отглагол. именное производное с суфф. -ьba от презентной основы *ber-* (см. *bьrati). Не исключено новообразование, ограниченное ю.-слав. языками, причина которого, возм., коренится в сдвигах значения более старых образований вроде *borь, *sьborь (см.).

*berьса: чеш. *berse* м. р. 'тот, кто берет' (Kott I, 57).

Имя деятеля, производное с помощью суфф. -ьsa от презентной основы *ber-* глагола *bьrati (см.). Ср. еще след.

***бергьсь**: словен. *beres*, род. п. *-rsa*, м. р. 'собираатель, сборщик' (Plet. I, 20), ст.-чеш. *beres* 'сборщик налогов' (Brandl 6), чеш. *beres*, род. п. *-rse* м. р. 'сборщик налогов' (Kott I, 58).

Отглагол. имя деятеля, производное с суфф. *-ьсь* от презентной основы *ber-* (см. **ьрати*). Ср. **бергьса*, выше.

***берька/*berika**: русск. диал. *берька*, *берика* ж. р. 'березовый и кленовый сок' (Псковский областной словарь 1, 185), *берика* ж. р. 'березовый сок, собираемый весной и идущий на приготовление кваса' (великол., пск., Филин 2, 259), блр. диал. *берка* ж. р. 'березовый сок' (Каспярович 38).

Слово, не учтенное этимол. словарями. Упомянув чисто внешнее созвучие с чеш. *břečka* 'березовый сок' и родственными (кот. Махек возводит к гипотетическому деминутиву от названия березы — **ber(zi)čka*, см. Machek 47; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 147; см. иначе об этой лексике под **брěčka*, ниже), мы видим единственную возможность использовать вост.-слав. слово, предположительно относимое нами к праслав. состоянию, определив его как отглагольное имя, производное с суффиксами *-ька/-ика* (см. варианты выше) от основы наст. времени *ber-* (см. **ьрати*).

***бергьна**: словен. *běrnja* ж. р. 'сбор (средств), собрание' (Plet. I, 20), также название меры (Štrekelj. Slov. 5—6), ст.-чеш. *berna* ж. р. 'сборы в пользу короля' (1404 г., Ст.-чеш., Прага), *berně* ж. р. 'королевская подать' (Gebauer I, 41; Ст.-чеш., Прага).

Производное с суфф. *-ьна* от основы *-ber-* (см. **ьрати*, **бергь*), возм., первоначально адъективного происхождения. См. след.

***бергьнъжь**: ст.-чеш. *berný* прилаг. 'принятый, имеющий хождение (о деньгах)' (Gebauer I, 42), чеш. *berný* прилаг. то же, словц. *berný* прилаг. то же (SSJ I, 81), польск. *bierny* 'жадный', 'заманчивый', 'емкий', 'пассивный' (Warsz. I, 152).

Прилаг., производное с суфф. *-ьн-* от глагольной основы *ber-* (см. **ьрати*, презент **бергь*).

***berza**: цслав. *brъza* ж. р. *betula* (Mikl.), болг. *бреза* ж. р. 'береза *Betula alba*' (БТР), диал. *беръза* 'береза *Betula alba*' (Младенов БТР), макед. *бреза* ж. р. 'береза' (И-С), сербохорв. *брěза* ж. р. 'береза *Betula alba* L.', словен. *brěza* ж. р. 'береза' (Plet. I, 56), чеш. *bříza* ж. р. 'береза', словц. *breza* ж. р. 'береза *Betula*' (SSJ I, 129), в.-луж. *brěza* ж. р. 'береза *Betula alba*' (Pfuhl 45), н.-луж. *brъza* ж. р. 'береза' (Muka Sł. I, 74—75), полаб. *brezã* ж. р. 'береза' (Polański—Sehnert 41), польск. *brzoza* ж. р. 'береза' (Dorosz. I, 694) словин. *brěza* ж. р. 'береза' (Lorentz Slov. vinz. Wb. I, 79), русск. *берёза* ж. р. 'лиственное дерево из группы сережчатых, большею частью с белой корою и сердцевидными листьями *Betula*', ст.-укр. *береза* ж. р. 'дерево *Betula alba*' (Тимченко I, 84), укр. *берёза* ж. р. 'береза' (Гринченко I, 51), блр. *бярэза* 'береза'.

Название дерева березы представляет собой классический случай в древней ботанической лексике, когда, во-первых, все славянские формы, обладающие одним и тем же значением 'Betula alba', восходят к праслав. *berza, не поддающемуся этимологическому анализу на слав. почве; во-вторых, реконструированное праслав. *berza восходит к и.-е. *bherǵos, *bherǵā, кот., в свою очередь, весьма распространено в и.-е. языках и обозначает различные разновидности Betulaceae, практически — за одним исключением, о котором см. далее. Т. о., название березы обнаруживает исключительную древность, но оно же характеризуется и редкой ясностью этимологии, поскольку бесспорно произведено от и.-е. основы со знач. 'блеск, свет, белый цвет'. См. об этом Moszyński. Pierwotny zasiąg 27. Этимол. анализ и.-е. форм см. специально Pokorný I, 139. Круг родственных соответствий праслав. *berza давно и в целом вполне достоверно установлен. См. Miklosich 11, где уже дан перечень балт., осет., др.-инд., герм. соответствий слав. слову. См. еще Будилович. Первобытные славяне 131. В числе родственных форм авторы единогласно называют лит. béržas, др.-в.-нем. birihha, др.-англ. beorc 'береза', др.-инд. bhūrjā- 'вид березы', см. напр. Verneker I, 52. Несмотря на более или менее решительно выраженный скепсис отдельных ученых, сюда же принадлежит лат. frāxinus 'ясень'. Так, совершенно неправы Эрну—Мейе, кот. видят здесь неясность в форме и в семантике (Ernout—Meillet³ I, 449), или Станг, выступающий по тем же мотивам против этого старого сближения (Chr. S. Stang. WdS I, 1956, 352). Сравнение *berza и frāxinus см. Verneker, там же; М. Коген ИОРЯС XXIII, 1918, 19; Walde—Hofm. I, 544 (: «исчезновение древнего знач. и перенос на ясень в Италии объясняется тем, что береза не обитает в естественном состоянии на Юге Европы»); Pokorný, там же; Фасмер I, 154; Младенов ЕИР 47; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 146. Вполне поддаваясь семантическому обоснованию (см. выше), сближение с лат. frāxinus закономерно объясняется и фонетически. При этом др.-инд. bhūrjā- так относится к лат. frāxinus, как др.-инд. pūrjā- — к лат. plenus, др.-ирл. lān или как др.-инд. ūrnā — к лат. lāna. Как известно, эти соответствия толкуются как отражение и.-е. долгого слогового главного (\bar{l} , \bar{r}). См. Brugmann KVGt. 132. Поэтому в случае с названиями березы мы имеем, кроме и.-е. *bherǵ-, откуда герм., балт. и слав. формы (и.-е. -erǵ- отразилось как сочетание -er- под акутовым ударением в балтийском и славянском, тогда как для герм., напр., др.-в.-нем. birihha, здесь предполагают сохранение следа ə, см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm I, 300; Мейе. Общеслав. яз. 56; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 143), также и.-е. *bhǵ-, откуда упомянутое др.-инд. название и лат. frāxinus (первонач. адъективная производная форма *bhǵsenos). См. специально O. Szemerényi «Glotta» 38, 1960, 225; ср. P. Persson. Beiträge zur idg. Wortforschung 2

(Uppsala—Leipzig, 1912), 753. Дополнительные сведения об индо-ир. формах см. Mayrhofer II, 514—515; Абаев I, 253 (: осет. *bærz* / *bærzæ* 'береза', ср. тадж. *burz* 'арча', памирские формы *furz* 'береза', *barež*, *bəruj* 'береза'). Сюда же примыкает в акцентологич. отношении лит. *biržė* (подробно о балт. формах см. Fraenkel I, 40).

Не менее существенна морфол. проблематика этимологии и.-е. названия березы. Индоевропейцы обычно считают исходной основу на -o- ж. р. См. A. Meillet. Le genre féminin des noms d'arbres et les thèmes en -o-. — MSL 14, 1906—1908, 478; Мейе. Общеслав. язык 277. Более того, существует еще мнение о наличии здесь в древности консонантной основы им. п. **bhērāg-s*, род. п. **bhērāg-ō-s* (см. Pokorný, там же; специально см. еще Specht. Ursprung 57). Однако едва ли целесообразно игнорировать практически равную древность как и.-е. **bherāgōs* (откуда др.-инд., лит. формы, но также и праслав. диал. **berzъ!* — см. специально ниже), так и и.-е. **bherāgā* (откуда праслав. **berza*, герм. **berkō*, а также лтш. диал. *bērza*). Принимая во внимание этимологию ('светлый, белый'), мы видим в этом слове первоначальное прилаг. След этого древнего употребления сохранился в архаическом болг. диал. *брыз* прилаг. 'в белых пятнах (о буйволе)', сербохорв. *брéза* сущ. ж. р. — о дом. животных, у кот. шкура белая с красными пятнами (РСА II, 143). См. Георгиев БЕР I, 76; II, 85. Об укр. диал. отражениях этого употребления см. О. С. Мельничук «Мовознавство» 1967, № 2, 21.

Из обширной литер. о названии березы см. H. Hirt IF X, 1899, 53; C. Lottner KZ VII, 1858, 23; A. Meillet BSL 24, 1924, 133; он же BSL 14, 1906, CLIII; Trautmann BSW 32; E. H. Sturtevant «Language» III, 1927, 119; Machek 49; Kluge¹⁵ 80; J. Otretski «Die Sprache» 9, 1963, 161; W. Merlingen «Kratylos» VI, 1961, 173; A. J. Van Windekens. Etudes pélasgiques (: проблема пеласг. βέρζα 'выделанная кожа, бурдюк'); D. Detschev. Die thrakischen Sprachreste 52, 54 (: фрак. Βέρζα, *Bersoria*, местн. названия); В. И. Георгиев. Исследования . . . 119 (: реконструкция фрак. **bersa*- 'береза'); G. Bonfante «Studi baltici» I, 1931, 87.

Вполне возможно, что сюда не относится русск. *берёзка* 'Polypodium convolvulus', укр. *берёзка* 'Convolvulus sepium, Convolvulus arvensis', блр. *бярóзка* 'Convolvulus arvensis', вопреки Садник—Айцетмюллеру (см. Sadnik—Aitzetmüller, там же). Здесь есть основание предполагать затемнение иной, более старой этимологической связи, о кот. см. О. С. Мельничук «Мовознавство» 1967, № 2, 21 (: из праслав. **berlo*) и Р. В. Кравчук «Беларуская лексікалогія і этымалогія» (Мінск, 1968) 85 (где названия вьюнка производятся из **ob-verz- / verz-* 'обвя-зать').

*berzavъjъ?: чеш. диал. *březavá* (*kráva*) 'корова, у которой спина и живот белые, а остальное — красное или черное' (Bartoš. Slov. 26),

слвц. диал. *brezavý* прилаг. 'белопестрый (напр. о волах, о корове)' (SSJ I, 129). — Сюда же сербохорв. *brězava* ж. 'пеструха (о корове)' (РСА II, 143).

Производное адъективного характера, образованное с помощью суфф. *-av-* от основы **berz-* (см. подробно **berza*, там же — об адъективной природе этого образования и ее следах, прежде всего — в ю.-слав.). Древность скорее проблематична.

***berzdьna**: болг. *brezná* ж. р. 'борозда', 'проход в винограднике', 'след' (Младенов БТР), диал. *brěznъ* ж. р. 'борозда' (с. Каспичан, Коларовградско. Дип. раб., Архив Софийск. ун-та), польск. диал. *brzozna* 'борозда' (Warsz. I, 221).

Производное с суфф. *-ьna* от основы **berzd-*, родственной праслав. **borzda* (см.). Ср. аналогичное производное **borzdьna* (см. ниже).

***berzica**: болг. *breziца* 'береза' (Геров), диал. *breziца* 'растение метлица' (Младенов БТР), сербохорв. *brěziца* ж. р., ум. от *breza* 'береза', также в качестве названия пестрых животных (РСА II, 144), словен. *brézica* ж. р. ум. 'березка' (Plet. I, 57), н.-луж. *brázycsa* 'береза; березовый прут, березка' (Мука Sł. I, 75), русск. диал. *берэзица* ж. р. 'березовый сок' (каз., Доп. к Опыту 8). — Сюда же сербохорв. *Brězice* ж. мн., название села в Хорватии, местности — в Сербии (RJA I, 634).

Производное с суфф. *-ica* от **berza* (см.).

***berzika**: сербохорв. *brězina* ж. р. 'береза' (РСА II, 143).

Производное с суфф. *-ika* от **berza* (см.). Ср **berzica* с этимологически тождественным формантом. См. еще образование м. р. **berzikъ* (ниже).

***berzikъ**: сербохорв. *brěziк* м. р. 'березовый лес' (Караџић; РСА II, 143), сюда же *Brezici*, род. п. *Brezikâ* м. р. мн., название двух сел в Боснии.

Производное (собр.), образование с суфф. *-ikъ* от **berza* (см.).

***berzina**: сербохорв. *brězina* ж. р., увелич. от *breza* 'береза', 'древесина березы' (РСА I, 634; II, 144), ст.-чеш. *březina* ж. р. 'березовый лес' (1384 г., Gebauer I, 102; Ст.-чеш., Прага), чеш. *březina* 'группа берез', диал. *březina* 'береза' (Hruška. Slov. chod. 15), слвц. *brezina* ж. р. 'березовая роща' (SSJ I, 129), в.-луж. *brězyna* ж. р. 'березовые заросли' (Pfuhl 46), н.-луж. *brázyna* 'березняк' (Мука Sł. I, 75), сюда же полаб. словосочетание *po brizainã* местн. п. ед. ч. ж. р. 'в березняке' (Polański—Sehnert 41), польск. *brzezina* ж. р. 'березовый лес', 'древесина березы, срезанные березовые ветви'; 'береза' (сингуляртивно) (Dorosz. I, 694), словин. *březgānã* ж. р. 'березовый лес' (Lorentz Slovinc. Wb. I, 80), *březěna* ж. р. 'березовый лес', 'древесина березы, срезанные ветки березы' (Suchta I, 78), русск. *берэзина* ж. р. 'береза, одно дерево; березовая палка, березовый прут' (Даль³ I, 203; Фи-

лин 2, 251), укр. *березина* ж. р. 'березовое дерево', 'березовая ветка, розга', 'березовый лес' (Гринченко I, 51), диал. *березина* 'березняк', 'ветки березы' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 74), блр. *барзіна* ж. р. 'одно березовое дерево' (Шатэрнік 40).

Производное с суфф. *-ina* от *berza (см.), выступающее в слав. языках в различных функциях (увеличительность, собирательность, уменьшительность). Очевидна близость к равнооформленному прилаг. *berzinъ (см. след.). Древность оформления основы *berz- формантом *-in-* может быть значительной. Ср. напр. родственное лат. *fraxinus* 'ясень' < *bh₁ǵ-s-enos (см. далее под *berza) и особенно лит. *beržynas* м. р. 'березняк', где этимологически тождественный формант имеет собир. значение. Поскольку речь идет о лексике, широко используемой в местных и водных названиях, см. обстоятельные исследования на эту тему: J. Prinz. Slavisch-baltische Entsprechungen bei den von *berž- 'Birke' abgeleiteten slavischen und baltischen Orts- und Gewässernamen. — BNF 15, 1964, 247 и след; он же. Der Reflex des baltischen Substrats in von *berž- 'Birke' abgeleiteten russischen Orts- und Gewässernamen. — Там же, 261 и след.

*berzinъ(jь): сербохорв. *брѣзин* 'березовый' (РСА II, 144), н.-луж. *br̩azynu* 'березовый' (Мука Sł. I, 75).

Прилаг., производное с суфф. *-inъ* от *berza (см.). Ср. предыд. статью.

*berzovica: сербохорв. *брѣзовица* ж. р. 'березовая палка', 'вид ядовитого гриба *Lactarius torminosus*' (РСА II, 144), словен. *br̩ezovica* ж. р. 'березовый сок' (Plet. I, 58), чеш. диал. *br̩ezovice* ж. р. 'Birkenwasser' (Kott I, 96), словц. диал. *brezovica* ж. р. 'березовая палка, дубинка' (SSJ I, 130), русск. диал. *брѣзовица* 'нацеживаемый весной березовый сок, который, перебродив, образует сладковатый напиток' (Даль³ I, 203).

Производное с суфф. *-ica* от прилаг. *berzovъ(jь) (см. ниже).

*berzovikъ: сербохорв. *брѣзовик* м. р. 'березовый лес' (РСА II, 144), русск. диал. 'березовик м. р. 'гриб *Boletus scaber et luteus*', 'птица вальдшнеп' (Даль³ I, 203), 'березовый лес, березовая роца', 'березовый сок', 'гриб опенок', 'майский жук', 'вальдшнеп, водящийся в березовых лесах' (Филин 2, 252), блр. *барбзавік* 'березовый сок'.

Производное с суфф. *-ikъ* от основы прилаг. *berzov- (см. *berzovъjь, ниже).

*berzovina: сербохорв. *брѣзовина* ж. р. 'древесина березы', словен. *br̩ezovina* ж. р. 'березовая древесина', 'березовый лес' (Plet. I, 58), чеш. *br̩ezovina* ж. р. 'березовая роца'.

Производное (собир.) с суфф. *-ina* от основы прилаг. *berzov- (см. *berzovъjь, ниже).

*berzovъ(jь): болг. *брѣзов* прилаг. 'березовый' (Геров: *брѣзовий*), *брѣзов*, -а, -о, прилаг. 'березовый' (РБЕ), сербохорв. *br̩ezov* прилаг.

‘березовый’ (с XIV в., RJA I, 636), словен. *brézov* прилаг. ‘березовый’ (Plet. I, 58), чеш. *březový, břízový* прилаг. ‘березовый’, словц. *brezový* (SSJ I, 58), в.-луж. *brězowu* ‘березовый’ (Pfuhl 46), н.-луж. *břazowu* ‘березовый’ (MuKa Sł. I, 75), польск. *brzozowy* прилаг. ‘березовый’ (Dorosz. I, 695), словин. *březôvî* прилаг. ‘березовый’ (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *берёзовый* прилаг., укр. *березовий* ‘березовый’ (Укр.-рос. словн., I, 56), блр. *бярэзавы* ‘березовый’.

Прилаг. продуктивного типа, производное с суффикса *-ov-* от **berza* (см.). Несмотря на то, что базой деривации была в данном случае основа на *-ā*, прилаг. **berzovъ* можно считать достаточно древним и праслав. образованием. Между прочим, мнение о том, что мы имеем дело с вторичными слав. инновациями всякий раз, когда речь идет о функционировании адъективного форманта *-ov-* вне зависимости от именных *-u-* основ, в частности — в примере с деривацией **berza* → **berzovъ* (см. J. Prinz BNF 15, 1964, 256 и след.), уже давно не является единственно возможным. Достаточно указать на фраз. *Berzovia* (местн. название на юго-западе Дакии, толкуемое как ‘березовый (ручей)’, см. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste 54, с литер.), а также на полные и.-е. соответствия праслав. **asenevъjъ* (см.), **grabovъjъ* (см.), тоже прилагательным на *-ov-* от основ не на *-u-*, чтобы признать возможность пересмотра относительной хронологии, обычно принимаемой для этой категории, в смысле (во-первых) принятия большей древности ряда производных на *-ov-* и причем — не только от названий деревьев — и (во-вторых) допущения достаточно раннего времени образования некоторых форм на *-ov-* от основ не на *-u-*. В связи с этим полезно упомянуть о замечательных своей широтой взглядах на образования, близкие слав. *-ov-* прилагательным, у Бругмана, кот. писал: «Я полагаю, что мы имеем дело здесь (в именах на *-εός*. — O. T.) с тем же самым *-εσο-*, которое выступает как вторичный суффикс в прилагательных греческого на *-αλέ[F]ος*, напр. *πιάλεος* (от *πιάλος*), в славянском, напр. ст.-слав. *адамокъ* ‘принадлежащий Адаму’... *гласокъ* ‘слоновый’ и т. д. (Miklosich. Vergl. Gramm. 2, 229 и след.), в древнерусском — расширенное с помощью *-ina-* (ср. ст.-слав. *гласоканъ* и т. п.), напр. им. п. ед. ч. *smonenawins*,... и в латинском, напр. *annuo-s* (от *annu-s*), *cernuo-s* и т. п. Это *-εσο-*, расширенное с помощью *-io-*, играет видную роль также в образовании имен в итальянском, напр. умбр. *Fisouie, Grabouie*, лат. *Salluvius, Pacuvius*... *-εσο-* как будто состоит из *-εσο-*, где *-e-* — гласный именной основы» (K. Brugmann. Die Herkunft der griech. Substantiva auf *-εός*, род. п. *-ῆ[F]ος*. — IF IX, 1898, 373—374).

***berzovъсь**: словен. *brězovec*, род. п. *-vca* м. р. ‘ствол березы’, ‘растение Tormentilla’ (Plet. I, 58), чеш. редк., диал. *březovec*, род. п. *-vce* м. р. ‘березовый прут’, словц. *brezovec*, род. п. *-vca* м. р. то же

(SSJ I, 130), сюда же др.-русск. *Березовъць*, название города (Срезневский I, 70).

Производное с суфф. *-ць* от основы прилаг. **berzovъ* (см.).

**berzovъje*: сербохорв. *brězovlje* ср. р. собир. 'березы, березовая поросль' (РСА II, 144), словен. *brézovje* ср. р. то же (Plet. I, 58), чеш. *břízoví* ср. р. 'березовые ветки', русск. диал. (волог.) *березовьё* ср. р. собир. 'березовые дрова' (Филин 2, 254).

Производное (собир.) с суфф. *-ъje* от основы прилаг. **berzovъ* (см.).

**berzozolъ*: др. русск. *березозоль* 'месяц апрель' (Четвероев. 1144 г., Срезневский I, 70), русск. (стар.) *березозол*, *березозоль* 'месяц март или апрель' (Даль³ I, 204), укр. *березозіл*, род. п. *-збла*, *березозіль*, род. п. *-збля*, м. р. 'месяц март' (Гринченко I, 52).

Сложение **berzo-zolъ* именных основ **berz-* (см. **berza*) и **zol-*, родственного **zelenъ* (см.). См. Фасмер I, 154; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 144.

**berzujъ*: русск. *Березуй*, название пустоши (XVII в., Псковский областной словарь 1, 179).

Формально может анализироваться как **berz-u-jъ*, производное с соответствующей суффиксацией от имени **berza* (см.), но если равнооформленное **volujъ* (см.) четко характеризуется как *-j*-овое производное от основы косв. п. **volu* (см. **volъ*), то во всем лексическом гнезде **berza* нет никаких признаков наличия основы на *-u-*, почему не может быть принято однозначное отнесение Фасмером русского топонима *Березуй* к *-u-* основам, расширенным с помощью суфф. *-jo-* (см. M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941, 15). Критику этого мнения Фасмера, причислявшего русск. *Березуй* к древнеславянским образованиям такого типа, см. J. Prinz BNF 15, 1964, 268—269. Последний ученый склонен на основании географического распространения формы *Березуй* и ее производных (бывш. Тверская, Могилевская губернии, ср. еще и наш пример из псковских материалов) выдвигать идею балт. субстратного происхождения и объяснять русск. *Березуй* из балт. **Beržoj-*.

**berzъ*: сербохорв. диал. *brěz* м. р. 'береза' (РСА II, 143), словен. *brěz* м. р. 'береза' (Plet. I, 56).

Праслав. диал. **berzъ* в функции названия березы представляет собой древний словообразовательно-морфологический вариант, восходящий к и.-е. форме м. р. **bherǵō-*, наряду с праслав. **berza* (см.) — из и.-е. **bherǵā* ж. р. Выше (см. под **berza*) уже говорилось о вероятном первоначально адъективном значении этих форм названия березы. К тому, что сказано в статье **berza* о реликтах адъективного употребления **berz-*, гл. обр. в качестве названий пестрых животных (болг., сербохорв. примеры), ср. еще др.-русск. *Березуи*, название города в Чернигов. княже-

нии (*Святославъ поиде къ Березому*. Ип. л., Срезневский I, 70).

*berzъka: чеш. *břízka* ж. р. ум. 'березка', слвц. *briezka* ж. р. ум. то же (SSJ I, 129), н.-луж. *brjazka*, польск. *brzózka* ж. р. ум. 'березка', 'березовая кора' (Warsz. I, 221), словин. *břđuskă* ж. р. 'береза' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *берёзка* ж. р. ум. 'молодая береза, также вид — береза малорослая *Betula humilis*' (Даль ³ I, 203), укр. *берёзка* '*Betula humilis* Schrank' (Гринченко I, 51), *берізка* (Гринченко I, 52), блр. *бярбэка*.

Деминутив регулярного вида, производный с суфф. *-ъka* от *berza (см.). Ср. более распространенный на юге и юго-западе слав. территории деминутив *berzica (см.).

*berzъje: сербохорв. *brězje*, *brěжђе* ср. р. собир. 'березы, березовый лес' (РСА II, 144, 142), словен. *brězje* ср. р. 'березовый лес' (Plet. I, 57), чеш. *břízí* ср. р. 'березовая поросль, ветки березы', диал. *březi* ср. р. 'березовый лес' (Bartoš. Slov. 26), 'березовые ветки', 'молодая поросль' (Hruška. Slov. chod. 15), сюда же ст.-чеш. *Březie* ср. р. местн. название (Ст.-чеш., Прага), слвц. *brezie* ср. р. 'березовая роца' (SSJ I, 129), русск. диал. *берёзье*, *березьё*, ср. р. собир. 'березовый лес' (яросл., смол., ленингр., Филин 2, 254).

Собир. производное с суфф. *-ъje* от *berza (см.).

*berzъjъ: чеш. (редк.) *břízí* прилаг. 'березовый', диал. *březí (kráva)* 'пестрая, белая с красным или черным (о корове)' (Bartoš. Slov. 26).

Производное с суфф. *-ъjъ* притяжательное прилаг. от *berza (см.).

*berzъnikъ: сербохорв. *Brěznik* м. р., название ряда населенных пунктов в Хорватии, Боснии (RJA I, 635), словен. *brěznik* м. р. 'месяц март' (Plet. I, 58), др.-русск. *березникъ* (*А норыи съ березникомъ межа*. — Отводн. кн. Кемск. п. 1462 г., Срезневский I, 70), русск. *берёзник* м. р. 'чистый березовый лес, роца; березовый хворост; гриб' (Даль ³ I, 203), укр. *березнік* м. р. 'березовый лес, роца' (Гринченко I, 51).

Производное с суфф. *-ъnikъ* от имени *berza (см.).

*berzъno: ст.-чеш. *Březno* ср. р., местн. название (Ст.-чеш., Прага), чеш. *Březno*, слвц. *Brezno*, польск. *Brzeźno*, ряд местн. названий (цит. по: Н. Vorek, J. Prinz, см. ниже), др.-русск. *Березьно*, поток близ Новгорода (Грам. кн. Всев. Юр. м. до 1136 г., Срезневский I, 70), русск. *Березно*, топоним («Russisches geographisches Namenbuch» 1, 360).

Огромный соответствующий материал по зап.-слав. языкам находим в кн.: Н. Vorek. *Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ъn-* (Wrocław, 1968) 20—21. Отчетливо адъективный характер этих примеров (ср. наличие вариантов типа чеш. *Březná*, польск. *Brzezna* и т. д.) говорит о том, что первоначально это были прилагательные, производные с суфф. *-ъn-* от имени *berza (см.). Но если, напр., в балтийском соответ-

ствующее прилаг. действительно зафиксировано (ср. лит. *beržinis* 'березовый'), то слав. языки не знают прилаг. **beržnъ* 'березовый', и это придает особую ценность названным выше топонимическим данным. См. специально J. Prinz BNF 15, 1964, 252—253, где указывается, что, в отличие от слав. аппеллативной лексики, слав. топонимия в достаточном количестве знает это образование, в чем автор видит основание для реконструкции общего балто-слав. **beržin-* адъективного характера и высказывает мысль о том, что еще в дописьменный период этот тип прилагательного от названия березы был вытеснен в слав. языках типом на *-ov-*, хотя конкретные исследования по топонимии (см. прежде всего Н. Bogek, выше), говорят о преимущественно локальном, зап.-слав. ареале соответствующего топонима. Что касается мнения о вторичности **berzovъ* (см.), здесь также далеко не все ясно и возможна прямо противоположная точка зрения.

beržnъ*/beržnъ*: ст.-слав. *brъzъnъ* 'апрель, aprilis' (SJS), болг. *брѣзен* м. р. 'месяц апрель; месяц март' (Младенов БТР), сербохорв. диал. *брѣзан* м. р., название домашних животных белопестрой масти (РСА II, 143), словен. *brézen*, род. п. *-zna* м. р. 'месяц март; апрель', 'течка (у кошек)', '(детские) шалости' (Plet. I, 57), чеш. *březen*, род. п. *-zna* м. р. 'март', укр. *бѣрезень*, род. п. *-зня* м. р. 'март' (Гринченко I, 51).

Производное с суфф. *-ъn-* (первоначально адъективное? — Ср. **beržno*, а также значение сербохорв. примера, см. выше) от **berza* (см.).

**beržan(in)ъ*: словен. *brežan* м. р. 'прибрежный житель' (Plet. I, 60), чеш. *břežanín* м. р. 'прибрежный житель' (Jungmann I, 182), др.-русск. *бережане* 'жители берега' (Срезневский I, 69), русск. диал. *бережәне*, *бережана* мн. 'жители побережья' (арх., вят., пск., беломор., Филин 2, 247), укр. *бережан* м. р. 'прибрежный житель' (Гринченко I, 51).

Производное с суфф. *-ъn(in)ъ* от **bergъ* (см.).

**beržina*: болг. *брежинá* ж. р. 'холмистое место' (Геров — Панчев), 'крутизна' (диал., Георгиев), сербохорв. *brèžina* ж. р., увеличит, от *brijeg* 'берег; холм' (RJA I, 639; РСА II, 142), словен. *brežina* ж. р. 'берег; насыпь; побережье', 'склон, обрыв', 'возвышенность', 'горное сено' (Plet. I, 60), словц. *brežina* ж. р. редк. 'склон; холм' (SSJ I, 130), русск. диал. *бережинá* ж. р. 'отмель, идущая от берега в море', 'прибрежный луг, пожня', 'трава, растущая на морском берегу', 'редкий лес вдоль берега реки', 'теплая вода', 'парное молоко' (с.-в.-р., Филин 2, 248), укр. *бережинá* ж. р. 'прибрежье, побережье', *бережинá* 'береговая трава, береговое сено' (Гринченко I, 51; Укр.-рос. словн. I, 56).

Производное с суфф. *-ina* от **bergъ* (см.).

**beržistъje*: др.-русск. *бережистьи* 'крутоберегий, ripis abruptis munitus' (Ипат. летоп. под 1180 г., Срезневский I, 69), русск.

диал. *бережистый, берѣжистый* 'с высокими крутыми берегами' (орл., курск., новг., твер., вят., пск., урал.), 'пролегающий в углублении, как бы между двумя берегами' (влад.) (Филин 2, 248; Даль³ I, 201: *берѣжистая речка* 'высокоберегая, крутоберегая'), укр. *бережистий* 'с высокими берегами' (Гринченко I, 51).

Прилаг., производное с суфф. *-ist-* от **bergъ* (см.).

beržьсь: сербохорв. стар. *brijèžac*, род. п. *briješca* м. р., ум. от *brijeg* 'холм; берег' (с XVI в., а также в словарях Вольтиджи. Стулли, см. RJA I, 649), словен. *brèžec*, род. п. *-žca* м. р., ум. от *breg* (Plet. I, 60), др.-русск. *бережьць* 'бережок, название местности по стар. пути из Суздаля в Нижний Новгород' (Срезневский I, 69).

Ум. производное с суфф. *-сь* от **bergъ* (см.).

***beržьје:** болг. *брѣжье, брежье* ср. собир., употр. как мн. ч. от *бряг* 'берег' (Младенов БТР), сербохорв. *брѣже* ср. р. собир. от *брег* (РСА II, 142), др.-русск. *бережие* 'побережье, ога' (Пикон. летоп. под 1365 г., Срезневский I, 69).

Собир. производное с суфф. *-је* от **bergъ* (см.).

***beržькъ:** словен. *brèžek*, род. п. *-žka* м. р., ум. от *breg* 'холмик' (Plet. I, 60), сербохорв. *брѣжак, бријѣжак*, род. п. *-шка* м. р., ум. от *брег, бријег* (с XVI в., также в словаре Стулли, см. RJA I, 649; РСА II, 142), ст.-чеш. *břiežek* м. р. 'холм, склон' (Šimek 31), словц. *briežok*, род. *-žka, -žku* м. р., ум. к *breh*, а также 'склон, холм' (SSJ I, 129), в.-луж. *brjóžk*, н.-луж. *brjožk*, польск. *brzeżek*, русск. *бережѡк*, диал. *бережѡк*, род. п. *-жка* м. р. 'край рюмки' (орл., Филин 2, 250), укр. *бережѡк*, род. п. *-жка* м. р., ум. от *берег* (Гринченко I, 51), блр. *беражѡк*.

Ум. производное с суфф. *-къ* от **bergъ* (см.). Ср. **beržьсь*, выше.

***beržьпъ(жъ) I:** ст.-слав. *брѣжъпъ, -ѣпъ*, прилаг., тоб *жѣрѣвоѡ, граесирѣи* 'береговой' (Supr., SJS), болг. *брѣжен* прилаг. (Младенов БТР), сербохорв. *брѣжнѣ, бријѣжнѣ* 'береговой, прибрежный', 'гористый' (РСА II, 142), словен. *brèžen* (см. Vadjuga 31), чеш. (стар.) *břežní* прилаг. 'береговой', словц. *břežný* прилаг. редк. 'береговой' (SSJ I, 130), польск. *brzeźny* прилаг. то же (Dorosz. I, 691), др.-русск. *бережьньши* (Срезневский I, 69), русск. диал. *бережнѡй* 'береговой' (Подвысоцкий 6), *бережнѡй, бѣрежньий* 'расположенный на берегу, береговой, прибрежный' (енис., том., арх., пск., волог., Филин 2, 250), укр. *берѣжньий* 'прибрежный' (Гринченко I, 51).

Прилаг., производное с суфф. *-пъ-* от имени **bergъ* (см.).

***beržьпъжъ II:** русск. *бѣрежньий* 'осторожный, осмотрительный' (Даль³ I, 202), *бережнѡй, бѣрежньий* 'бережливый, нерасточительный', 'тщательно охраняемый, оберегаемый', 'осторожный, боязливый' (Филин 2, 250), ст.-укр. *берѣжньий* то же (Тимченко I, 84), укр. *берѣжньий* 'осторожный' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови, 53).

Прилаг., образованное с суфф. -ън-, соотносительное с гл. *bergt'i (см.). Возраст образования неясен.

*besěda: ст.-слав. бесѣда ж. р. λόγος, ῥῆμα, ὁμιλία, verbum, sermo 'слово, речь, разговор' (SJS), болг. бесѣда ж. р. 'беседа' (БТР), макед. беседа ж. р. то же (И-С), сербохорв. бѣседа ж. р., диал. бѣсида, бѣсједa 'речь', 'беседа', besěda 'разговор' (Sus 152), besěda 'речь' (Ka 388), словен. besěda ж. р. '(отдельное) слово', 'речь', 'разговор', 'язык', 'беседа' (Plet. I, 21), ст.-чеш. beseda ж. р. 'развлечение', 'рассказ', 'приятное общение с друзьями', 'пир', 'садовая беседка' (Ст.-чеш., Прага), чеш. beseda ж. р. 'беседа, общественное развлечение', словц. beseda ж. р. 'дружеский разговор, беседа' (SSJ I, 82), в.-луж. bjesada ж. р. 'беседа, общество, компания' (Pfuhl 20), польск. biesiada ж. р. 'пир' (Dorosz. I, 514), др.-русск. бесѣда 'седалище, место сиденья', 'разговор в собрании', 'разговор с кем-нибудь', 'речь, слово, слова', 'речь, язык' (Срезневский I, 83—84), русск. бесѣда ж. р. 'разговор, преимущественно деловой или задушевный', 'собрание, общество людей' (обл.) 'скамейка', диал. бесѣда 'деревенская вечеринка, посиделка' (Куликовский 4), 'вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения', 'пирушка', 'договор между родителями жениха и невесты о браке, сговор', 'свадьба; все участники свадьбы', 'группа пожилых крестьян, собравшихся посидеть, поговорить на завалинке перед избой или на траве', 'сидение в гостях без приглашения', 'толпа, компания', 'прием', 'сиденья для ямщика в телеге', 'место для сидения', 'постройка в виде галереи, со столом и скамейками', 'общественная изба для крестьянской работы' (Филин 2, 261—263), ст.-укр. бесѣда, бесѣда ж. р. 'разговор', 'компанейское веселье, с угощением' (Тимченко I, 85, 87—88), укр. бѣсида ж. р. 'разговор, беседа, речь', 'пир, пирушка', 'общество гостей' (Гринченко I, 53), диал. бѣс'ида 'разговор' (Чучка 309).

Это слово по-прежнему может считаться спорным по происхождению, хотя в ходе этимол. дискуссий некоторые моменты выяснились достаточно определенно. Так, напр., уже анализ значений, сопоставление живых значений со значением древних свидетельств показывает несомненную древность семантич. признака 'сидеть' у слав. слова. Ср. др.-русск. бесѣда 'седалище, место сиденья', русск. обл. бесѣда 'скамейка'. Связь праслав. *besěda: *sědēti (см.) принимается большинством современных исследователей. Но при этом они, как правило, производят *besěda из *bez-seda, т. е. сложения с предлогом-приставкой *bez (см.), предполагая в данном случае для *bez знач. 'вне, снаружи' как якобы более древнее знач. этого служебного слова. См. прежде всего Berneker I, 52; Преобр. I, 25; L. Wanstrat. Zur Bedeutungsentwicklung von slav. besěda. — ZfslPh XIV, 1937, 101—103; Фасмер I, 160; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 291. Ванстрат, в частности, называет как семантич. параллель др.-исл. úliseta

‘сидение снаружи в ночное время с целью гадания и прорицания’ (см. L. Wanstrat, там же). Авторы указывают также на знач. др.-инд. *bahih* ‘снаружи, вне’, родственного слав. *bez*, но, если принимать этимологию **besěda* < **bez-sěda*, то придется признать данное слово слав. новообразованием без и.-е. соответствий, а одна эта констатация обязывает оперировать только известными слав. значениями *bez*, не прибегая к дославянским, что было бы более уместно при анализе дославянского слова-архаизма. Все примеры *bez-* и сложений с ним в слав. языках обнаруживают знач. ‘без, не-’ и не знают значений, сколько-нибудь близких к др.-инд. слову. Только знач. ‘без’ знает и родственное балт. *be-*.

Мы считаем, что праслав. **besěda* первоначально означало ‘сидение’ (без оттенка ‘снаружи’, не вытекающего из реальных значений и ad hoc примышленного исследователями, начиная с Бернекера, принимающими реконструкцию **bez-sěda*), откуда затем и ‘место сидения’ и ‘совместное сидение, общение’, ‘разговор’ и т. д. Ср. отчасти тот же путь, проделанный русским словом *посиделки*. В связи со сказанным мы сближаем, вслед за Розвадовским (J. Rozwadowski RS 2, 1909, 104 и след.) слав. **besěda* и др.-инд. *bhasāt* (*bhasād-*) ж. р. ‘задница’ < ‘сидение’. Иначе — и неубедительно — см. о др.-инд. слове Mayrhofer II, 489. Это сближение позволяет взглянуть на слав. слово как на реликтовое образование, со стороны семантической — древнее имя действия с последующей конкретизацией значения, со стороны формальной — архаическое и функционально не вполне ясное префигирование и.-е. корня **sed-* ‘сидеть’. Ср. более старые попытки членить **besěda* как **be-sěda*, причем это *be-* сравнивалось с лит. дуративным глагольным префиксом *be-* (А. Погодин РФВ XXXIX, 1898, 3; Berneker, там же). Действительно, охарактеризованное выше слав. **besěda* можно сравнить прежде всего с лит. *besėdėti*: *aš besėdžiu* ‘я все сижу’, с этим префиксом. Эти отношения заслуживают дальнейшего изучения, тем более что вопрос о слав. соответствиях дуративному лит. *be-* продолжает подниматься в славистике. Ср. В. Čop SR XII, 1959—1960, 171—172, где начальное *be-* в слав. **besěda* связывается с хетт. глагольным предл. *pi-e* (*pē|bē*).

Прочая литер.: Г. Ильинский РФВ LXII, 1909, 237—239 (: **besěda* < **bes-ěda*, т. е. суффиксальное производное от корня **bes-* ‘говорить’, якобы родственного **bajati*, см. сходно Brückner 27); Sławski I, 22 (считает неясным); ср. E. Stankiewicz «Word» 11, 1955 (=«Slavic Word» N 4), 628; Machek 30 (принимает этимологию Бернекера, см. выше); Георгиев БЕР I, 44; Bezlaj. Etim. slovar. Poskusni smežek 8—9; он же JiS 1959/1960, 5, 142; J. Otrębski «Die Sprache» XII, 1966, 20 (: последняя по времени попытка анализировать **besěda* < **bes-ěda*, причем, однако, корень **bes-* возводится к и.-е. **sebh-*, основе местоименного про-

исхождения, откуда др.-инд. *sabhā* ж. р. 'собрание, община, судилище', первоначальное знач. как слав., так и др.-инд. слов, по мнению автора, — 'свои, члены того же рода, родня', ср. сюда же герм. **sebjō* ж. р., гот. *sibja* 'родство, родня'; **besěda* — собир. производное на *-ě-da*, ср. слав. **gavědъ*, польск. *gawiedź* 'чернь, сброд').

***besěditi**: болг. диал. *besěda* 'обсуждать, авторитетно разговаривать с кем-нибудь' (с. Момина Клисурса, Пазарджишко. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), сербохорв. *běsedumu*, диал. *běsitudumu*, *běsjudumu* 'говорить, держать речь', словен. *besěditi* 'говорить (речь)' (Plet. I, 24), чеш. *besediti* 'разговаривать' (Kott I, 59).

Отыменный глагол на *-iti*, производный от **besěda* (см.).

***besědovati**: ст.-слав. кѣтѣдѡвати бѣлѣиѣν, λαλεῖν, διαλέγειν, προσαγορεύειν 'разговаривать, говорить с кем, к кому' (SJS), болг. *besědvam* 'беседовать, вести непринужденный разговор' (БТР), сербохорв. *běsedovati* 'говорить' (РСА I, 484), словен. *besedovati* 'говорить, читать нравоучения, держать речь' (Plet. I, 22), чеш. *besedovati* 'совместно развлекаться, беседовать', словц. *besedovat'* то же (SSJ I, 82), в.-луж. *bjesadować* 'развлекаться, беседовать' (Jakubaš), польск. *biesadować* 'пировать', 'вкусать удовольствие', (охотн., промысл.) 'жировать (о диких животных)' (Warsz. I, 153), русск. *besědovati* 'вести с кем-либо деловой или задушевный разговор', диал. 'принимать участие в посиделках, беседе', 'сидеть, быть в гостях', 'проводить время без работы', 'пировать' (Филин 2, 265), ст.-укр. *bescědovati* 'разговаривать' (Тимченко I, 88), укр. *besciduvati* 'говорить, производить', 'беседовать, разговаривать' (Гринченко I, 53), диал. *bešiduváty* 'говорить' (me gusnáce, *bešidujéme* po gusku; с. Комлошка, Венгрия).

Производный гл. с суфф. *-ovati* (см. **besěda*, выше).

***besědunъ**: словен. *besedún* м. р. 'болтун' (Plet. I, 22).

Имя деятеля, производное с помощью суфф. *-unъ* от гл. **besědovati* (см.). Возможно позднее местное образование.

***besědъ** / ***besědъ**: сербохорв. диал. *běsjed*, род. п. *-a* м. р., *běsjed*, род. п. *-u*, ж. р. 'беседа' (РСА I, 485).

Морфол. вариант (*-o*-основа м. р. и основа на *-i*- ж. р.) к общеслав. типу **besěda* (см.). Древность проблематична, хотя, с другой стороны, принимая во внимание возможную архаичность основы праслав. **besěda*, а также, напр., отчетливо консонантный характер основы соответствующего др.-инд. *bhasāt* / *bhasād-* (см. подробнее **besěda*), можно думать и здесь об отражении древней именной основы на согласный. Фасмер сравнивал с апеллативом русск. *besceda* название реки *Bescedъ*, в Верхнем Поднепровье (см. М. Vasmer «Oxford Slavonic papers» VI, 1955/1956, 53), но, как нетрудно заметить, морфологически более точным будет сравнение гидронима *Bescedъ* с малоизвестным апеллативом **besědъ* (см. выше).

- ***besědъka**: ст.-чеш. *besiedka* ж. р. 'беседка' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *besídka* ж. р. 'общественное развлечение, беседа', 'беседка (садовая)', 'крыльцо', словц. *besiedka* ж. р. 'беседка, веранда', 'беседа, разговор' (SSJ I, 82), русск. диал. *besědka* ж. р. 'доска, на которой сидят у ворот, в сенях, в лодке и т. п.' (Доп. к Опыту 9), 'козлы, сиденье кучера на телеге' (Подвысоцкий 6), 'скамья, сидение в лодке, козлы для ямщика' (Куликовский 4), укр. *besědka* ж. р. 'лавка для гребцов в большой днепровской лодке, называемой дуб' (Гринченко I, 53).
- ***besědъlivъ**: сербохорв. *besědъliv* 'разговорчивый' (РСА I, 483), словен. *besedljiv* прилаг. 'говорливый, болтливый', 'бранчливый, вздорный' (Plet. I, 21), укр. диал. *besědъlivий* 'разговорчивый, словоохотливый' (Желех., Гринченко I, 53).
- Прилаг., производное с суфф. *-livъ* от гл. **besěditi* (см.).

В 1-м выпуске 466 словарных статей.